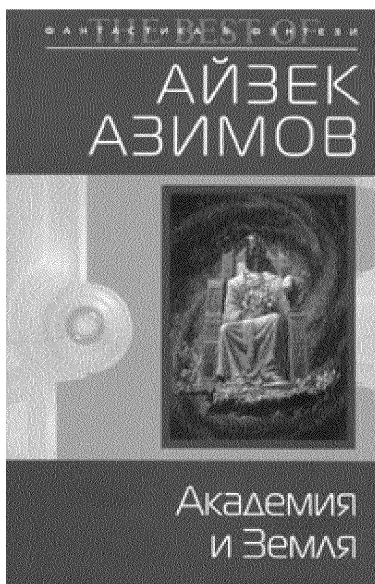

Айзек Азимов Академия и Земля

Академия [Основание] – 7

«Академия и Земля»: Эксмо; 2006

ISBN 5-699-16781-1

Оригинал: Isaac Asimov, "Foundation and Earth"

Перевод: Надежда А. Сосновская

Аннотация

«Край Академии» и «Академия и Земля» – последние (по хронологии «истории будущего») романы из незавершенной эпопеи американского фантаста Айзека Азимова. План Хари Селдона по воссозданию Галактической Империи поразительно точен. Опальный советник Первого основания Тревиз начинает поиски таинственной корректирующей силы. Вначале он выходит на тщательно законспирированную и телепатически мощную организацию ученых. Но вскоре сталкивается с куда более могущественной ментальной силой в виде планетарного сверхорганизма, целью которого вовсе не является Галактическая Империя. Но и этот суперорганизм стимулируется еще одним источником ментальных воздействий.

Айзек Азимов Академия и Земля

Памяти Джуды-Ланн дель Рей (1943–1986) – гиганта мысли и духа

История «Академии»

7 августа 1941 года, когда мне исполнился двадцать один год, я заканчивал химфак Колумбийского университета и уже три года профессионально писал научную фантастику. Я торопился встретиться с Джоном Кэмбеллом, редактором «Astounding», которому к тому времени уже продал пять рассказов. Я спешил поведать ему о новой идее, которая у меня появилась.

Она состояла в том, чтобы написать историю будущего; рассказать о падении Галактической Империи. Мой энтузиазм, должно быть, оказался настолько захватывающим,

что Кэмпбелл пришел в такое же возбуждение, как и я. Он уже не соглашался, чтобы я написал только один рассказ. Он хотел заполучить целую серию, в которой прослеживалась бы вся тысячелетняя история беспорядков в промежутке между падением Первой Галактической Империи и подъемом Второй. Все это должно быть освещено с позиций науки «психоистория», которую мы с Кэмпбеллом совместно и придумали.

Первый рассказ появился в майском 1942 г., а второй – в июньском выпуске «Astounding». Они сразу же стали популярными, и Кэмпбелл объявил, что до конца десятилетия я должен написать еще шесть рассказов. Эти рассказы, впрочем, становились все длиннее. В первом было только двадцать тысяч слов. Два из последних трех были уже длиной по пятьдесят тысяч слов каждый.

К тому времени десятилетие кончилось, я все больше уставал от этой серии, вскоре забросил ее и перешел к другим вещам. Однако как раз тогда разные издательства начали выпускать научно-фантастические произведения в твердых обложках. Одним из таких издательств была небольшая фирма Gnome Press, которая опубликовала мою серию «Академия» в трех томах: «Академия» (1951); «Академия и Империя» (1952) и «Вторая Академия» (1953). Они получили известность как «Трилогия об Академии».

Книги расходились с большим трудом, поскольку у Gnome Press не было денег, чтобы рекламировать и продвигать их на рынке. Я же не получил ни сообщения об их выпуске, ни гонорара.

В начале 1961 года мой тогдашний редактор в Doubleday, Тимоти Селдес, оповестил меня, что получил прошение от иностранного издателя позволить ему переиздать книги об Академии. Поскольку права на них не принадлежали Doubleday, он передал эту просьбу мне. Я пожал плечами.

– Это не интересно, Тим. Ведь никто даже не подумал выплатить гонорар за эти книги.

Селдес ужаснулся и тотчас же вступил в переговоры с Gnome Press (которая была к тому времени уже умирающей фирмой) о приобретении прав на издание моих сочинений, и в августе того же года книги (вместе с «Я, робот») стали собственностью Doubleday. Doubleday издала трилогию под одной обложкой и распространила через клубы любителей фантастики.

Начиная с этого момента популярность серии «Академия» пошла вверх, и по мой счет стали поступать солидные гонорары.

В 1966, на Всемирной Конвенции, проходившей в Кливленде, фэны голосовали по категории «Лучшая Серия Всех Времен». Тогда, первый и последний раз, эта категория была включена в номинационные списки премии Хьюго. И «Трилогия об Академии» была ее удостоена.

Фэны все настойчивее просили меня продолжить серию. Я вежливо отказывался. Но все же меня очаровывало то, что, когда эта серия начиналась, люди, еще не родившиеся на свет, когда эта серия начиналась, впоследствии увлеклись ею.

Doubleday, однако, восприняла все требования гораздо серьезней, чем я. Они потворствовали мне двадцать лет, но, поскольку требования становились все настойчивей и многочисленней, их терпение лопнуло. В 1981 они сказали, что я просто обязан написать еще одну повесть об Академии, и, чтобы подсластить пилюлю, предложили мне договор с авансом, в десять раз превышающим обычный.

Я согласился нехотя. Ведь прошло тридцать два года с тех пор, как я написал последний рассказ об Академии, а теперь меня попросили сочинить что-нибудь длиной на 140 000 слов, в два раза объемнее любого из более ранних томов и почти в три раза – отдельных рассказов этой серии. Я перечитал трилогию и погрузился в работу. «Край Академии» был издан в октябре 1982, а затем случилась очень странная вещь: книга сразу же появилась в списке бестселлеров нью-йоркской Times. Она оставалась там двадцать пять недель, к моему полнейшему изумлению.

Doubleday тотчас же заказала мне дополнительные вещи, и я написал две, ставшие частью другой серии – The Robot Novel s. А затем пришло время вновь вернуться к «Академии».

Итак, я написал «Академия и Земля», которая начинается в тот самый момент, когда

кончается «Край Академии». Вы можете освежить свою память, заглянув в нее, но это не обязательно. «Академия и Земля» – самостоятельное произведение. Надеюсь, оно вам понравится.

Айзек Азимов
Нью-Йорк Сити, 1986

Часть первая Гея

Глава первая Поиск начинается

1

– Почему я сделал это? – думал Голан Тревайз.

Вопрос был не нов. Со времени своего появления на Гее он часто спрашивал себя об этом. Он мог проснуться среди ночи от того, что в висках бился крохотным молоточком неотвязный вопрос: «Почему я сделал это? Почему я сделал это?»

Сейчас, впрочем, впервые, он ухитрился спросить об этом Дома, Старейшину Геи. Дому было прекрасно известно о мучениях Тревайза, поскольку ткань сознания Советника была перед ним, как на ладони. Но Дом ничего не предпринимал. Гея никоим образом не должна была даже касаться сознания Тревайза, и для Дома лучшим способом не поддаться соблазну было игнорировать то, что он ощущал.

– Сделал что, Трев? – спросил Дом. Ему было трудно называть Тревайза полным именем, впрочем, тот уже успел привыкнуть к манере геянцев.

– Принял решение, выбрав Гею в качестве будущего.

– Ты оказался прав, сделав это, – сказал Дом садясь. Его старые, мудрые, глубоко посаженные глаза глядели исподлобья на стоявшего перед ним гражданина Академии.

– Это ты говоришь, что я прав, – проговорил Тревайз нетерпеливо.

– Я/мы/Гея знаем, что это так. В этом твоя ценность для нас. Ты обладаешь способностью принимать правильные решения, не имея на то полных сведений. Ты выбрал Гею! Ты отверг анархию Галактической Империи, построенной на технологии Первой Академии, и анархию Галактической Империи, построенной на ментальности Второй Академии. Ты решил, что ни та, ни другая не смогут долго просуществовать. Поэтому ты выбрал Гею.

– Да, – сказал Тревайз. – Верно! Я выбрал Гею, сверхорганизм, целую планету со всеобщим сознанием и личностью, где любой вынужден говорить «я/мы/Гея», изобретая местоимение для невыразимого. – Он беспрестанно ходил взад-вперед. – И в конце концов, она когда-нибудь сможет стать Галаксией, сверх-сверхорганизмом, охватывающим все скопления Млечного Пути.

Он остановился и резко повернулся к Дому.

– Я так же, как и вы, чувствую, что я прав, но вы *хотите* появления Галаксии и поэтому удовлетворены решением. Что-то во мне, однако, не *желает* этого, и по этой причине я не могу так легко принять свою правоту. Я хочу знать, *почему* я принял это решение. Я хочу убедиться, что я прав, и успокоиться. Мне мало чувствовать, что я прав. Как я могу *узнать*, что я прав? Что, какое мое свойство делает меня правым?

– Я/мы/Гея не знаем, каким образом ты приходишь к правильному решению. Но разве это так важно теперь, когда решение принято?

– Ты говоришь за всю планету, не правда ли? За общее сознание каждой капли росы, каждого камешка, даже жидкого ядра?

– Да, и это же может сказать любая часть планеты, в которой достаточно велика доля всеобщего сознания.

– И все это всеобщее сознание удовлетворено, используя меня как черный ящик? Черный ящик работает, а что внутри – неважно? Это мне не подходит. Я не желаю быть черным ящиком. Я хочу знать, что внутри. Я желаю знать, как и почему я выбрал Гею и Галаксию в качестве будущего, чтобы я мог быть спокойным.

– Но почему ты так сомневаешься в своем решении, почему оно так гложет тебя?

Тревайз глубоко вздохнул и медленно, глубоким и сильным голосом проговорил:

– Потому, что я не желаю быть частью сверхорганизма. Я не желаю быть никчемной частичкой, которую можно в любой момент уничтожить, если сверхорганизм сочтет это благом для целого.

Дом задумчиво посмотрел на Тревайза.

– Может быть, ты хочешь изменить свое решение, Трев? Это возможно, ты это знаешь.

– Я хотел бы изменить решение, но я не могу сделать этого только потому, что оно меня беспокоит. Чтобы изменить его, я должен *знать*, верно ли прежнее решение. Мало просто *чувствовать*, что оно правильное.

– Если ты чувствуешь, что ты прав, значит, ты прав. Опять этот тихий, ровный голос, который так не вязался с состоянием Тревайза и так злил его.

Тогда полупрошептом, пытаясь вырваться из неразрешимых колебаний между чувствами и знанием, Тревайз сказал:

– Я должен найти Землю.

– Потому что это как-то связано с твоей страстной потребностью знать?

– Потому что это другая проблема, над которой я ломаю голову и чувствую, что между ними есть связь. Разве я не черный ящик? Я чувствую, что связь есть. Неужели этого недостаточно для того, чтобы заставить вас принять это как факт?

– Возможно, – довольно равнодушно ответил Дом.

– Вот уже тысячи лет, наверное, двадцать тысячелетий люди Галактики думают о себе как о выходцах с Земли. Как это стало возможным, что все забыли планету, откуда мы родом?

– Двадцать тысяч лет – время гораздо большее, чем ты себе представляешь. Мы многого не знаем о ранней истории Империи. В основном – легенды, которые почти наверняка вымышлены, но мы повторяем их и даже верим в них из-за отсутствия чего-либо более надежного. А Земля древнее, чем Империя.

– Но наверняка существуют какие-нибудь записи. Мой друг Пелорат собирает мифы и легенды о раннем периоде Земли, все, что можно наскрести из любых источников. Это его профессия и, что более важно, хобби. Но только и есть мифы да легенды. Нет достоверных записей, нет документов.

– Документов сроком в двадцать тысяч лет? Вещи разрушаются, гибнут из-за небрежности или во время войн.

– Но должны быть записи записей, копии, копии копий, копии копий копий, материалы, которые много моложе двадцати тысячелетий. Они изъяты. Галактическая Библиотека на Тренторе должна была иметь документы о Земле. На эти документы ссылаются в известных исторических записях, но документов этих в Галактической Библиотеке нет. Ссылки есть, выдержки отсутствуют.

– Не забывай, Трентор был разграблен несколько столетий назад.

– Библиотека осталась нетронутой. Она охранялась адептами Второй Академии. И именно эти люди недавно обнаружили, что материалов о Земле больше нет. Они были намеренно изъяты, и притом – совсем недавно. Почему? – Тревайз прекратил расхаживать и пристально посмотрел на Дома. – Если я найду Землю, я смогу обнаружить, что скрывают...

– Скрывают?

– Скрывают или скрывали. У меня есть предчувствие, что, как только я это обнаружу, смогу узнать, почему предпочел Гею и Галаксию нашей индивидуальности. Тогда, надеюсь, смогу узнать, а не чувствовать, что прав. Ну, а если я прав, – он безнадежно пожал плечами, – пусть так и будет.

– Если ты чувствуешь, что это так, – сказал Дом, – и если ты чувствуешь, что ты должен искать Землю, тогда, конечно, мы поможем тебе в меру наших сил. Эта помощь, однако,

ограничена. Например, я/мы/Гея действительно не знаем, где среди необъятной россыпи миров, галактик может находиться Земля.

– Все равно, – упрямо сказал Тревайз, – я должен искать. Пусть звезд в Галактике столько, сколько пыли под ногами, пусть я буду искать один – все равно.

2

Тревайза окружала укрощенная природа Геи. Температура, как всегда, была приятной, дул свежий, но не холодный ветерок. Облака плыли по небу, время от времени закрывая солнце, и, без сомнения, если уровень влажности где-то значительно падал, через какое-то время там обязательно должен был пролиться дождь.

Деревья росли ровными группами, подобно садам, и, несомненно, так было по всей планете. Суша и море были полны растительной и животной жизни в надлежащих количествах и в надлежащем разнообразии, чтобы обеспечить нужный экологический баланс, то и другое росло и уменьшалось в численности, медленно колеблясь относительно некоего оптимума, – впрочем, как и численность человеческих существ.

Из всего, открывавшегося взору Тревайза, только одно нарушало общую гармонию – его корабль «Далекая звезда».

Корабль был заботливо и умело вычищен, прибран кем-то из геянцев, снабжен запасами еды и питья, его оборудование – обновлено, механические устройства проверены и перепроверены. Тревайз сам тщательно осмотрел и опробовал корабельный компьютер.

В топливе корабль не нуждался – это было одно из новейших гравитационных судов Академии, использовавших, энергию всеобщего гравитационного поля Галактики. Ее хватило бы для питания всех флотов человечества на все время их существования без заметного уменьшения интенсивности поля.

Три месяца назад Тревайз был Советником Терминуса. Другими словами, он являлся представителем законодательной власти Академии и, *ex officio*, одним из больших шишек в Галактике. Неужели это было всего три месяца назад?! Казалось, что прошла половина его тридцатидвухлетней жизни с тех пор, когда его единственной заботой было – безупречен ли в своей истине великий План Селдона; было ли заранее предусмотрено плавное возвышение Основания от маленького поселения до Галактического величия.

Впрочем, в некотором смысле, никаких перемен не произошло. Он все еще был Советником. Его статус и его привилегии остались неизменными, за исключением того, что он не предполагал когда-либо вернуться на Терминус для подтверждения этого статуса и этих привилегий. Большой беспорядок Академии привлекал его теперь не больше, чем уют и упорядоченность Геи. Он нигде не ощущал себя как дома, всюду был сиротой.

Тревайз стиснул зубы и в ярости запустил пятерню в свою черную шевелюру. Прежде чем понапрасну оплакивать судьбу, он должен найти Землю. Если он останется жив, потом можно будет сесть и всласть поплакать. К той поре для этого может появиться более веская причина.

Голан взял себя в руки и холодно, трезво вспомнил, как все произошло.

Три месяца назад он и Дженов Пелорат, талантливый, но наивный ученый, покинули Терминус. Пелорат, влекомый энтузиазмом антиквара отыскать давно потерянную Землю, и Тревайз, искавший нечто совсем иное, использовавший цель Пелората как прикрытия для того, что считал своей реальной целью. Они не нашли Землю, но нашли Гею, а затем Тревайза вынудили вынести решение, от которого зависела судьба Галактики.

Но произошел неожиданный поворот, и теперь Тревайз тоже искал Землю.

А еще Пелорат нашел то, что и не думал найти. Он нашел Блисс – черноволосую, темноглазую юную женщину, которая была Геей так же, как и Дом – словно песчинки или листья травы. Пелорат, с необычным для своих преклонных лет пылом, влюбился в женщину почти вдвое моложе его, и эта юная женщина, как ни странно, не возражала против их союза.

Словом, как бы то ни было, Пелорат действительно был счастлив, и Голан смирился: каждый может найти счастье по своему вкусу. Это явилось проявлением индивидуальности, той индивидуальности, которую Тревайз своим выбором упразднил (со временем) во всей

Галактике.

Боль вернулась. Решение, которое он вынес, которое он обязан был вынести, продолжало преследовать его все время и не давало...

– Голан!

Голос вторгся в мысли Тревайза, и он взглянул в направлении солнца, слепящего глаза.

– А, Дженов, – сказал он радостно. Тем более радостно, что не желал расспросов Пелората о причинах его печали. Он даже решил пошутить: – Я вижу, ты ухитрился оторваться от блаженства?

Пелорат кивнул, Нежный бриз шевелил его шелковистые седые волосы, а вытянутое лицо было необыкновенно серьезно.

– Да, дружок, она сама предложила, чтобы я увиделся с тобой и кое-что обсудил. Не то чтобы я не хотел увидеть тебя лично, конечно, но она, похоже, соображает быстрее, чем я.

Тревайз улыбнулся.

– Все верно, Дженов. Ты пришел сказать «Прощай!» Я понимаю.

– Ну, нет, не совсем так. Наоборот, Голан, когда мы покинули Терминус, я настаивал на поисках Земли. Я посвятил этому почти всю свою разумную жизнь.

– И я продолжу поиски. Это дело теперь стало моим.

– Да, но оно и мое тоже, все еще мое.

– Но... – Тревайз развел руки в стороны, словно пытаясь охватить весь окружавший их мир.

– Я хочу полететь с тобой, – сказал Пелорат голосом, внезапно охрипшим от волнения.

Тревайз удивился:

– Ты не можешь этого хотеть, Дженов. Теперь у тебя есть Гея.

– Когда-нибудь я вернусь на Гею, но я не могу позволить тебе улететь одному.

– Почему? Я о себе сам сумею позаботиться.

– Не обижайся, Голан, но твоих знаний недостаточно. Это я знаю мифы и легенды и смогу помочь тебе.

– И ты сможешь покинуть Блосс? Прямо сейчас?

Щеки Пелората покрылись румянцем.

– Я совсем не хочу делать этого, дружок, но она оказала...

Тревайз нахмурился.

– Так она все-таки пытается управлять тобой? Она обещала мне...

– Нет, ты не понял. Пожалуйста, выслушай меня, Голан. Всегда ты так – не дослушаешь до конца... Мне трудно сказать коротко, но...

– Хорошо, – сказал Тревайз мягко, – предположим, ты расскажешь мне все, что у Блосс на уме, и так, как сам того желаешь, а я обещаю потерпеть.

– Спасибо, но долго терпеть тебе не придется, Блосс тоже хочет полететь с нами.

– Блосс? С нами? – воскликнул Голан. – Нет, я сейчас взорвусь. Скажи мне, Дженов, почему Блосс вздумалось путешествовать? Я просто так спрашиваю.

– Она не сказала. Об этом она хочет поговорить с тобой.

– Тогда почему ее здесь нет?

– Я думаю – нет, не я думаю – ей кажется, что ты не особенно ее любишь, Голан, и она очень волнуется, когда видит тебя. Лучшее, что я мог сделать, дружок, это уверить Блосс, что ты против нее ничего не имеешь. Не могу поверить, что к ней можно относиться иначе... иначе, чем с уважением. Словом, она попросила меня обговорить, так сказать, с тобой эту тему. Могу я передать, что ты не прочь увидеться с ней, Голан?

– Конечно. Я встречаюсь с ней прямо сейчас.

И ты обещаешь вести себя разумно? Понимаешь, дружок, ее это очень волнует. Блосс говорит, что дело жизненно важно и она должна лететь с тобой.

– Но она не сказала тебе, почему, верно?

– Нет, но если она считает, что должна отправиться, значит, так считает Гея.

– А это значит, что я не могу отказать. Не правда ли, Дженов?

– Наверное, не можешь, Голан.

3

Впервые за время своей краткой остановки на Гее Тревайз входил в дом Блисс, который служил сейчас жилищем и Пелорату.

Тревайз быстро огляделся. В жилищах на Гее все отражало стремление к простоте. При полном отсутствии каких-либо перепадов погоды, при неизменно мягком климате, когда даже континентальные плиты скользили плавно, если они были вынуждены скользить, не было нужды строить дома, предназначенные для надежной защиты или для поддержания комфортабельной обстановки внутри некомфортабельной внешней среды. Вся планета была домом, удобным для своих обитателей.

Дом Блисс внутри этого планетарного жилища был невелик: окна – скорее жалюзи, чем стекло, обстановка простая и изящно-утилитарная. На стене висели голо графические портреты; один из них – Пелората, выглядевшего весьма озадаченным и смущенным. Губы Тревайза дрогнули, но он сдержался и небрежно потерял шарф, повязанный вокруг пояса.

Блисс наблюдала за ним. Она против обыкновения не улыбалась. Даже была необычайно серьезна, ее прекрасные темные глаза широко раскрылись, волосы мягкой черной волной ниспадали на плечи. Только яркие пухлые губы горели на ее бледном лице.

– Спасибо, что пришел ко мне, Трев.

– Дженев очень просил, Блиссенобиарелла.

Блисс коротко улыбнулась.

– Хорошо сказано. Если ты будешь называть меня просто Блисс, я попытаюсь произносить твоё имя полностью, Тревайз. – На втором слоге она едва заметно запнулась.

Тревайз торжественно поднял правую руку.

– Это было бы неплохо. Я не против геянского обычая пользоваться односложными именами, так что если тебе случится время от времени сбиться и назвать меня Тревом, я не обижусь. Однако мне будет приятнее, если ты попытаешься говорить «Тревайз» так часто, как только сможешь, а я буду стараться называть тебя «Блисс».

Тревайз изучал ее, как всегда при встрече с ней. С виду – юная женщина чуть старше двадцати. Но ей, как части Геи, было много тысяч лет. Это не проявлялось внешне, но становилось заметным по тому, как она иногда говорила, и по атмосфере, неизбежно окружавшей ее. Хотел ли он подобного для всех живущих? Нет! Наверняка, нет, хотя...

Блисс прервала его размышления:

– Давай поговорим о деле. Ты настаиваешь на своем желании найти Землю...

– Я говорил с Домом, – сказал Тревайз. Он решил не уступать Гее без борьбы за собственное мнение.

– Да, но, говоря с Домом, ты говорил с Геей и с каждой ее частью, например, со мной.

– Ты слышала меня, когда я говорил с Домом?

– Нет, я не слышала, но тем не менее, если я сосредоточусь, то смогу вспомнить, что ты сказал. Пожалуйста, поверь мне на слово. Так вот. Ты стремишься найти Землю и уверяешь, что это очень важно. Я не вижу, почему, но у тебя – дар правоты, и потому я/мы/Гея должны согласиться с тобой. Если этот поиск – решающий момент для того выбора, что ты сделал, он такой же решающий и для Геи. Значит, Гея должна отправиться с тобой хотя бы для того, чтобы попытаться защитить тебя.

– Когда ты говоришь, что Гея должна отправиться со мной, ты подразумеваешь себя. Верно?

– Я Гея, – просто сказала Блисс.

– Здесь все и вся – Гея. Почему именно ты? Почему не какая-нибудь другая частичка Геи?

– Потому что Пел хочет сопровождать тебя, а, полетев с тобой, он не будет счастлив с любой другой частью Геи, кроме меня.

Пелорат, дотоле тихо, как мышка, сидевший в кресле в другом углу, спиной к своему портрету, негромко проговорил:

– Это правда, Голан. Блисс – моя часть Геи.

Блисс просияла, но тут же стала серьезной.

– Мне это льстит, но на самом деле все гораздо сложнее.

– Ну что ж, посмотрим. – Тревайз закинул руки за голову и навалился спиной на спинку стула. Тонкие ножки жалобно скрипнули, и Голан понял, что стул недостаточно крепок для такого с ним обращения, и, качнувшись вперед, опустил его на все четыре ножки. – А ты сможешь остаться частью Геи, покинув ее?

– Мне не обязательно все время быть ею. Я могу отделиться, например, если мне грозит серьезная опасность, и тогда беда не будет грозить всей Гее, или если для этого есть другая важная причина. Однако такое возможно только при особых обстоятельствах. В общем, я останусь частью Геи.

– Даже в случае «прыжка» через гиперпространство?

– Да, хотя это несколько сложнее.

– Все равно как-то неприятно.

– Почему?

Тревайз наморщил нос, словно от неприятного запаха.

– Ведь получается, что все, сказанное и сделанное на моем корабле, все, что увидишь и услышишь ты, может быть увидено и услышано Геей.

– Я Гея, так что все, что я вижу, слышу, чувствую, увидит, услышит и почувствует Гея.

– Верно. Даже эта стена, – с издевкой сказал Тревайз, указав на стену.

Блисс взглянула на стену и пожала плечами.

– Да, и стена тоже. Она наделена бесконечно малым сознанием, так что чувствует и понимает ничтожно мало. Но я так разумею, в стене происходят какие-то сдвиги атомов в ответ, к примеру, на все сказанное сейчас нами, и это позволяет ей с большей пользой влиться в Гею, принося благо всему в целом.

– Ну, а если я хочу уединиться? Если я не хочу, чтобы стена следила за тем, что я говорю или делаю?

Блисс, похоже, рассердилась, и Пелорат вмешался в разговор.

– Знаешь, Голан, я не хотел встречать, ведь я, конечно, не слишком много знаю о Гее. Однако я провел больше времени с Блисс и тоже был отчасти озабочен тем, о чем вы сейчас говорили. Если ты идешь сквозь толпу на Терминусе, ты видишь и слышишь очень много всякого-разного и потом можешь кое-что из этого вспомнить. Ты можешь даже при определенном напряжении сознания все восстановить, но, как правило, тебе до этого просто нет никакого дела. Ты пропускаешь многое мимо ушей и глаз, даже если наблюдаешь какую-нибудь забавную эмоциональную сцену, и все равно, если это не особенно заботит тебя, ты проходишь мимо и вскоре обо всем забываешь. То же самое, должно быть, происходит на Гее. Даже если все здесь точно знают, чем ты занят, это не означает, что Гея все время следит за тобой. Верно, Блисс, дорогая?

– Я никогда не думала об этом вот так, Пел, но в том, что ты сказал, что-то есть. Однако это уединение, о котором говорил Трев, то есть Тревайз, – нечто, что мы совсем не ценим. Впрочем, не только это. Не желать быть частью, чтобы твой голос не был слышен, твои дела не были кому-то известны, а мысли не ощутимы... – Блисс энергично тряхнула головой. – Я сказала, что мы можем заблокировать себя при опасности, но кто же захочет жить так хоть час?

– Я, – сказал Тревайз. – Именно поэтому я должен найти Землю – отыскать главную причину, если таковая есть, которая привела меня к выбору этой ужасной судьбы для человечества.

– Эта судьба не ужасна, но не будем спорить. Я должна лететь с тобой не как надсмотрщик, но как друг и помощник.

Тревайз угрюмо буркнул:

– Гея помогла бы мне гораздо больше, указав, где находится Земля.

Блисс медленно покачала головой.

– Гея этого не знает. Дом уже сказал тебе.

– Я ему не совсем поверил. И потом, у вас должны быть хоть какие-то записи. Почему мне до сих пор не позволили на них взглянуть? Даже если Гея и вправду не знает, где Земля, может

быть, я смогу о чем-нибудь догадаться, посмотрев эти записи. Я знаю Галактику прекрасно и, несомненно, лучше, чем ее знает Гея. Я способен понять такие туманные намеки в ваших записях, какие Гея, возможно, не совсем понимает.

– Но что это за записи, о которых ты говоришь, Тревайз?

– Какие угодно! Книги, фильмы, магнитозаписи, голографии, артефакты – все, что у вас есть. Но все время, пока я здесь, я ничего похожего не видел. А ты, Джеков?

– Нет, – ответил Пелорат, немного помедлив, – но я, честно говоря, и не искал.

– А я искал. По-своему, исподволь, – сказал Тревайз, – но ничего не нашел. Ничего! Я могу только предполагать, что все это спрятали от меня. Почему, я спрашиваю? Можешь сказать?

Блисс удивленно нахмурилась:

– Почему ты не спросил об этом раньше? Я/мы/Гея ничего не скрываем, и мы не лжем. Изолят¹ может солгать. Он отделен, одинок и боится, *потому что* он одинок. А Гея – планетарный организм величайшей ментальной силы и не ведает страха. Для Геи солгать, сказать неправду просто невыносимо.

Тревайз фыркнул:

– Тогда почему меня заботливо держали подальше от любых документов? По какой причине?

– По единственной. – Она вытянула перед собой пустые ладони. – У нас нет никаких записей.

4

Пелорат опомнился первым. Вид у него, как ни странно, был гораздо менее удивленным, чем у Тревайза.

– Дорогая, – сказал он мягко, – но это просто невероятно. Вы не можете построить нормальную цивилизацию, не фиксируя каким-либо образом необходимой информации.

Блисс подняла брови:

– Это понятно. Я хотела сказать, что мы не имеем таких записей, о которых говорил Трев... Тревайз, и других, о которых он не упомянул. Я/мы/Гея не имеем летописей, печатной информации, фильмов, компьютерных банков данных – ничего такого у нас нет, даже на скальных надписей. Вот что я хотела сказать. А так как у нас всего этого нет, Тревайз, естественно, ничего и не нашел.

Тревайз не выдержал:

– Что же тогда у вас есть?

Блисс старательно, словно говорила с ребенком, произнесла:

– У меня/нас/Геи есть память. Я *помню*.

– Что ты помнишь?

– Все.

– Все справочные данные?

– Да.

– Но с каких пор? На сколько лет вглубь?

– На сколько угодно.

– И можешь выдать мне исторические, биографические, научные, географические данные? Каждую местную сплетню?

– Все.

– Все в этой маленькой головке? – Тревайз, сардонически улыбнувшись, показал на высокий лоб Блисс.

– Нет, – сказала она. – Память Геи не ограничивается содержимым моего мозга. Пойми, – на мгновение она стала церемонной и даже несколько суровой, словно перестала быть только

¹ Изолят – так геянци называют людей, не входящих в сообщество Ген. – Примеч. пер.

Блисс и превратилась в совокупность множества других индивидуальностей, — когда-то, в доисторические времена, человеческие существа были настолько примитивны, что хотя они и могли вспомнить прошлые события, но еще не умели говорить. Речь была изобретена и предназначена для того, чтобы выражать воспоминания и передавать их от человека человеку. Письменность, вероятно, изобрели для того, чтобы записывать воспоминания и передавать их сквозь века, от поколения к поколению. Все технические достижения впоследствии служили для создания больших возможностей для передачи и хранения воспоминаний и более легкого извлечения необходимых данных. Однако, как только для формирования Геи объединилась группа индивидуальностей, все это стало излишним. Мы можем вернуться к памяти, базисная система сохранения данных которой все еще строится. Понимаешь?

— Ты имеешь в виду, что общая сумма сознаний на Гее может запомнить гораздо больше данных, чем отдельный мозг?

— Конечно.

— Но если все знания Геи распространены по всей планетарной памяти, что полезного это дает тебе как индивидуальной части Геи?

— Все, что я пожелаю. Все, что бы я ни захотела узнать, находится где-нибудь в чем-нибудь личном сознании, а может быть, во многих из них. Если это что-то обиходное, такое, как, например, значение слова «стул», — такое знает и помнит каждый. Но даже если это что-то эзотерическое, что находится в одной-единственной маленькой частице сознания Геи, я могу вызвать это, если необходимо, хотя такой вызов может занять несколько больше времени, чем вспоминать что-либо более обыденное. Пойми, Тревайз, если ты хочешь узнать что-нибудь, чего не знаешь сам, ты смотришь какие-нибудь нужные книгофильмы или пользуешься компьютерным банком данных. Я же обследую всеобщий разум Геи.

— А вдруг информация хлынет бурным потоком, затопит твой мозг и сорвет в нем все краны?

— Зачем ты так шутишь, Тревайз?

— Правда, Голан, не надо грубить, — сказал Пелорат.

Тревайз перевел свой взгляд с Пелората на Блисс и наконец с видимым усилием заставил себя расслабиться.

— Извините. На меня давит груз ответственности, которой я не хотел и от которой не знаю, как освободиться. Наверное, и вправду, вышло грубовато. Блисс, но я действительно хочу знать. Как ты пробираешься сквозь содержимое сознаний других, без того чтобы хранить все это в своем собственном мозгу, не подвергая его перегрузке?

— Я знаю, Тревайз, не больше, чем ты детали работы, например, своего мозга. Я полагаю, тебе известно расстояние от твоего солнца до ближайшей звезды, но ты же не держишь это постоянно в сознании. Ты хранишь это где-то и можешь вызвать число в любой момент, как только возникнет нужда. Представь мозг Геи как огромный банк данных, откуда я могу вызвать это число, но у меня нет необходимости вспоминать сознательно о любой повседневной вещи. Как только мне будет необходим какой-либо факт или воспоминание, я просто могу позволить ему всплыть из памяти. Точно так же я могу, соответственно, вернуть все назад, так сказать, на то место, откуда было взято.

— Как много людей на Гее, Блисс? Сколько человеческих существ?

— Около миллиарда. Назвать точное число на данный момент?

Тревайз успокаивающе улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, что ты можешь, если пожелаешь, вызвать точное число, но меня вполне удовлетворит приближенное.

— На самом деле, — сказала Блисс, — население Геи устойчиво и колеблется относительно обычного уровня, который слегка превышает миллиард. Я могу определить, на сколько это количество превышает средний уровень или не достигает его, расширяя сферу моего сознания и, скажем, ощущая его границы. Я не смогу объяснить это лучше, чем только что попыталась, того, кто никогда ничего подобного не проделывал.

— Сдается мне, однако, что миллиарда разумов — а ведь среди них есть и детские — все равно маловато для удержания в памяти всех данных, необходимых сложному сообществу.

– Но человеческие существа – не единственные живые организмы на Гее, Трев.

– Ты имеешь в виду, что животные тоже запоминают?

– Нечеловеческие сознания не могут хранить информацию такого же объема, как человеческие; кроме того, большое место во всех сознаниях – как человеческих, так и нет, должно быть отдано под личные воспоминания. Они, правда, имеют значение лишь для отдельной компоненты планетарного сознания, таящей их в себе. Однако и в сознании животных, и в сознании растительности, и в сознании минералов содержится большой объем информации.

– Минералы? Что – скалы и горные хребты?

– Да, а еще океаны и атмосфера. Все это – тоже Гея.

– Но что может знать и хранить неживая материя?

– Очень многое. Интенсивность хранимой ею информации невысока, но объем так велик, что подавляющее большинство общей памяти Геи находится именно в неживой материи, и больше всего – в горах и скалах. Нужно несколько больше времени, чтобы извлечь информацию из скал, и этим занимаются не слишком часто.

– А что происходит, когда умирает кто-нибудь, чье сознание хранит сведения, имеющие всеобщее значение?

– Эти сведения не исчезают. Они постепенно выделяются, когда мозг распадается после смерти, но со временем их впитывают другие частицы Геи. И как только вместе с рождением ребенка появляется новый мозг, он не только копит собственные воспоминания и мысли, но добавляет к ним знания из других источников. То, что ты называешь «образованием», со мной/нами/Геей происходит совершенно автоматически.

– Ей-богу, Голан, – сказал Пелорат, – мне кажется, что весь живой мир – это просто великолепно. Здесь многое достойно примера.

Тревайз искоса взглянул на приятеля.

– Безусловно, Дженов, но я не в восторге. Планета такая большая, где столько всего самого разного, представляет собой единый мозг. Единый! Каждый нарождающийся мозг вливается в целое. Где возможность для протеста, для несогласия? Когда думаешь об истории человечества, то можешь представить человека, чьи взгляды не разделяло большинство и, может быть, осуждало общество, но который в конце концов победил и изменил мир. Что бы мог поделывать такой бунтарь здесь, на Гее?

– У нас есть внутренние конфликты, – сказала Блосс. – Не всякое мнение Геи обязательно безоговорочно принимается всеми.

– Наверняка конфликты сведены к минимуму, – сказал Тревайз. – Вы не можете себе позволить много сбоев внутри единого организма, иначе он не сможет нормально функционировать. Если прогресс и развитие и не остановятся, они, как минимум, должны замедлиться. Так что же, рискнуть? Взять вас за эталон и проделать такое со всей Галактикой? Со всем человечеством?

– Ты оспариваешь сейчас свое собственное решение? – бесстрастно спросила Блосс. – Ты передумал и теперь считаешь, что Гея – нежелательное будущее для человечества?

Тревайз поджал губы и на некоторое время умолк.

– Когда-нибудь, – наконец медленно сказал он, – это мне, может быть, и понравится, но – не теперь. Я принял свое решение на какой-то основе, какой-то подсознательной основе и до тех пор, пока не выясню, что это за основа, не смогу сказать, останусь при своем мнении или нет. А теперь давай вернемся к разговору о Земле.

– Где, как ты предчувствуешь, ты сможешь узнать правду? Так, Тревайз?

– Я предчувствую именно это. Впрочем, Дом говорит, что Гея и в самом деле не знает, где находится Земля. И ты согласна с ним, полагаю.

– Конечно, я согласна с ним. Я не меньше Гея, чем он.

– И ты утаиваешь знания от меня? Сознательно, я хочу сказать.

– Конечно, нет. Даже если бы Гея могла лгать, она не смогла бы солгать тебе. Прежде всего мы зависим от твоих решений, и нам необходимо, чтобы они были верны. Следовательно, в их основе должна лежать правда.

– В таком случае попробуем использовать твою всемирную память. Оглянись назад. Насколько глубоко ты можешь оглянуться?

Наступила пауза. Блисс не мигая, точно погрузившись в транс, глядела на Тревайза. Затем сказала:

– Пятнадцать тысяч лет.

– Почему ты не сразу ответила?

– Это требует времени. Древние воспоминания – самые древние – почти все лежат в недрах гор, и, чтобы вызволить их оттуда, нужно время.

– Значит, пятнадцать тысяч лет назад? Это время, когда была основана Гея?

– Нет, согласно нашим сведениям, это произошло примерно на три тысячи лет раньше.

– Почему ты не уверена? Ты – или Гея – не можешь вспомнить?

– Это было прежде, чем Гея развилась до стадии, когда память стала глобальным явлением.

– Тогда выходит, что, прежде чем вы смогли опираться на коллективную память, Гея должна была вести записи, Блисс. Записи в обычном смысле этого слова – летописи, магнитозаписи, фильмы и тому подобное.

– Наверное, так оно и было, но они вряд ли смогли сохраниться, учитывая, сколько времени прошло.

– Они могли быть скопированы или, еще лучше, переведены в глобальную память, как только она развилась.

Блисс замерла. На этот раз пауза длилась дольше.

– Я не нахожу следов тех ранних записей, о которых ты говоришь.

– Почему?

– Не знаю, Тревайз. Может быть, они оказались не особо важными. Мне кажется, что в то время, когда стало ясно, что ранние записи пришли в негодность, устарели, Гея сочла, что они больше не нужны.

– Ты не знаешь этого. Ты предполагаешь, тебе кажется, но ты не знаешь этого наверняка. Гея не знает этого.

– Должно быть, так, – потупилась Блисс.

– Должно быть? Я не часть Геи, и, следовательно, мне нет нужды думать так, как думает Гея, – вот тебе пример того, как важно уметь мыслить независимо. Я, как изолят, думаю совсем о другом.

– О чем же?

– Во-первых, есть нечто, в чем я уверен. Существующие цивилизации не стремятся уничтожать все свои ранние записи. Вместо того, чтобы объявлять их устаревшими и ненужными, они относятся к ним с явной ревностью, стараются любой ценой сохранить их. Если геянские предглобальные записи были уничтожены, Блисс, вряд ли такое уничтожение было добровольным.

– Как же тогда можно объяснить все это?

– В Библиотеке на Тренторе все сведения о Земле были уничтожены кем-то или какой-то иной силой, не самими ли адептами Второй Академии. Возможно, следовательно, что на Гее все сведения о Земле были удалены кем-то или чем-то другим, а не самой Геей.

– Как ты можешь утверждать, что в ранних записях упоминалась Земля?

– Судя по твоим словам, Гея была основана, по крайней мере, восемнадцать тысяч лет назад. Стало быть, в период перед созданием Галактической Империи, в период, когда колонистами заселялась Галактика. А первоисточником колонистов была Земля. Спроси у Пелората.

Пелорат, ошеломленный внезапной апелляцией к нему, взволнованно откашлялся.

– Так в легендах, моя дорогая. Я воспринимаю их серьезно и думаю, как и Голан Тревайз, что род человеческий был первоначально ограничен одной планетой, и этой планетой была Земля. Самые первые колонисты пришли с Земли.

– Следовательно, если Гея, – сказал Тревайз, – была основана в раннюю эру межпространственных путешествий, весьма вероятно, что колонизирована она была землянами

или, возможно, уроженцами достаточно недавно заселенного мира, который незадолго до этого был колонизирован землянами. А значит, записи времен основания Геи и первых нескольких тысячелетий явно должны были упоминать Землю и землян. Эти записи пропали. *Что-то*, очевидно, есть в том, что Земля не упоминается нигде в архивах Галактики. И если так, у этого должна быть причина.

Блисс раздраженно проговорила:

– Это всего лишь предположения, Тревайз. У тебя нет доказательств.

– Но разве Гея не утверждает, что я обладаю удивительным даром приходить к правильным выводам, располагая неполными данными. В таком случае, если я в чем-нибудь твердо убежден, не говори, что у меня нет доказательств. – Блисс промолчала. Тревайз продолжал: – Тем больше причин для поиска Земли. Я настаиваю на отлете, как только «Далекая звезда» будет готова. Ну как? Полетите со мной?

– Да, – сразу сказала Блисс.

– Да, – сказал Пелорат.

Глава вторая На Компореллоне

5

Моросил мелкий дождь. Тревайз взглянул вверх, на низкое серовато-белое небо.

На нем была особая шляпа, для дождливой погоды. Капли отлетали от нее в разные стороны. Пелорат, стоящий чуть поодаль, был без шляпы.

– Зачем ты мокнешь, Дженов? – спросил Тревайз.

– Это ничего, дружок, – ответил Пелорат по обыкновению. – Дождь тихий и теплый. Да и ветра нет. И потом, как говорили – «в Анакреоне веди себя, как анакреонцы». – Он указал в сторону геянцев, молчаливо стоящих неподалеку от корабля. Те даже не шелохнулись, хотя были под дождем без головных уборов. Молчаливые, неподвижные – ни дать ни взять – рощица геянских деревьев.

– Наверное, – сказал Тревайз, – они не боятся дождя, потому что вес остальное на Гее тоже мокнет. Деревья, трава, почва – все, включая геянцев.

– Что же, по-моему, очень разумно, – заметил Пелорат. – Скоро выглянет солнце, и все быстро высохнет. Одежда не помнется и не сядет, здесь нельзя замерзнуть, а поскольку здесь совершенно нет никаких болезнетворных микробов, никто не подхватит насморк, грипп или пневмонию. Зачем же горевать, если немного промокнешь?

Тревайз был согласен – все логично, но не желал сдаваться.

– И все-таки, зачем надо было устраивать дождь в день нашего отлета? Ведь дождь здесь управляем. На Гее не пойдет дождь, если она этого не пожелает. Она словно бы афиширует презрение к нам.

– Может быть, совсем наоборот? Может быть, и Гея скорбно оплакивает наш отлет?

– Она – может быть, но я – нет.

– Знаешь, – продолжал Пелорат, – на самом деле все, наверное, гораздо проще: почва здесь нуждается в увлажнении, и это – гораздо более важно, чем твое желание видеть ясное небо и солнце.

Тревайз улыбнулся.

– Похоже, тебе в самом деле нравится этот мир. Помимо Блисс, я хочу сказать.

– Да, – сказал Пелорат, словно обороняясь, – Я всегда жил тихой, упорядоченной жизнью и, думаю, смог бы прижиться здесь, где целый мир трудится над поддержанием покоя и порядка. Понимаешь, Голан, ведь когда мы строим дом – ну, или корабль, – мы пытаемся создать для себя самое лучшее убежище. Мы снабжаем его всем, в чем нуждаемся, мы обустроиваем его так, чтобы можно было регулировать температуру, качество воздуха, освещение и так далее, и Гея – всего лишь расширение этого стремления к комфорту и

безопасности до размеров планеты. Что в этом плохого?

– Что в этом плохого? – переспросил Тревайз. – То, что мой дом или мой корабль построен так, чтобы они подходили мне, а не я им. Если бы я был частью Геи, то, как бы идеально ни старалась планета устраивать меня, меня бы все равно бесило то, что я должен устраивать ее.

Пелорат поморщился:

– Послушай, но ведь можно сказать, что любое общество формирует свое население в угоду себе. Развиваются устои, присущие данному обществу, и каждый индивидуум становится рабом общественного устройства.

– Ну, знаешь, в тех обществах, которые мне известны, кто-нибудь может, например, взять и взбунтоваться. Встречаются люди эксцентричные, даже преступники.

– Ты что хочешь, чтобы они были – чудаки и преступники?

– Почему бы и нет? Мы же с тобой – чудаки. Уж, конечно, мы не типичные представители населения Терминуса. Что до преступников, то все дело в определении. Но если преступники – цена, которую мы должны платить за существование бунтарей, еретиков и гениев, я готов платить. Я *требую*, чтобы эта цена была заплачена.

– Неужели, кроме преступников, за это нечем заплатить? Разве нельзя иметь гениев, не имея преступников?

– Найти гениев и святых можно лишь среди людей не совсем нормальных, а я не вижу, каким образом отклонения от нормы могут быть только в одну сторону. Должна быть симметрия. В общем, как бы то ни было, мне нужна более веская причина для решения избрать Гею в качестве модели будущего для человечества, чем всепланетный проект комфортабельного дома.

– Ах, дружок, я вовсе не пытался убеждать тебя в правильности твоего решения. Я просто смотрел и ду...

Он не договорил. К ним спешила Блисс, ее темные волосы вымокли, платье прилипло к груди и широким бедрам. Блисс кивнула на ходу.

– Простите за опоздание, – сказала она, переведя дух. – Прощание с Домом затянулось. Нужно было кое-что уточнить.

– Неужели! – удивился Тревайз, – Ведь ты знаешь все, что знает он.

– Иногда мы расходимся в интерпретации. Мы не одинаковы, и мы об этом уже говорили. Взгляните, – сказала она несколько резковато, – у вас две руки. Каждая из них – часть вас, и они кажутся одинаковыми, но одна является зеркальным отображением другой. При этом вы не пользуетесь ими совершенно одинаково, не правда ли? Есть вещи, которые чаще делаешь своей правой рукой, а другие – левой. Различия в интерпретации, так сказать.

– Положила на лопатки! – довольно крикнул Пелорат.

Тревайз кивнул:

– Эффектная аналогия, только вряд ли подходит к случаю. Ну да ладно. Не пора ли на корабль? *Дождь* идет все-таки.

– Да, да. Все наши ушли оттуда. Корабль в отличном состоянии. – Затем, с внезапным любопытством взглянув на Тревайза, Блисс заметила: – А ты совсем сухой. Капли на тебя не попадают.

– Угу, – буркнул Тревайз, – мокнуть неохота.

– Но разве не прекрасно иногда вымокнуть до нитки?

– Неплохо. Но, на мой вкус, не под дождем.

Блисс пожала плечами:

– Ну, дело твое. Багаж погружен, так что давайте войдем.

Все трое пошли к кораблю. Дождь утихал, но трава была совсем мокрой. Тревайз поймал себя на том, что боязливо ступает по ней, а Блисс сбросила тапочки, взяла их в руку и шлепала босиком.

– Восхитительное ощущение! – сказала она, поймав обращенный на ее ноги взгляд Тревайза.

– Не спорю, – сказал он рассеянно и тут же сердито поинтересовался: – А зачем тут

собрались эти?

– Они будут записывать это событие, – ответила Блисс, – Гея находит его знаменательным. Ты для нас – очень важная фигура, Тревайз. Пойми, что, если ты изменишь свое мнение в результате этого путешествия и примешь решение против нас, мы никогда не превратимся в Галаксию и даже не останемся Геей.

– Следовательно, я олицетворяю собой жизнь и смерть Геи, целого мира.

– Мы думаем, что это именно так.

Тревайз внезапно остановился и снял шляпу. На небе появились голубые просветы. Он сказал:

– Но у вас уже есть мое слово в вашу пользу. Если вы убьете меня, я никогда не смогу изменить его.

– Голан, – обескураженно пробормотал Пелорат – что ты говоришь?

– Типичное мышление изолята, – холодно отозвалась Блисс. – Ты должен понять, Тревайз, что нас интересуешь не ты лично и не твое слово, а истина, действительное положение дел. Ты нужен только как проводник к истине, и твой голос – ее знак. Вот то, чего мы хотим от тебя, и, если мы убьем тебя, чтобы ты не смог изменить свое решение, мы просто скроем истину от самих себя.

– Если я скажу, что истина – это не Гея, вы с радостью согласитесь умереть?

– Не очень радостно, пожалуй, но хотелось бы именно так держаться под конец.

– Если что-нибудь и должно убедить меня в том, – покачал головой Тревайз, – что Гея ужасна и *должна* умереть, так это то самое, что ты только что сказала.

Затем, посмотрев в сторону бесстрастно наблюдавших, а может быть, и слушавших геянцеv, он сердито спросил:

– Почему они так стоят? И почему их так много? Если один из них посмотрит на это событие и сохранит все в своей памяти, не будет ли этого достаточно? Разве воспоминание об отлете не сможет храниться в миллионах мест, если вы этого захотите?

– Каждый из тех, кто наблюдает это, воспринимает все по-своему, сохранит память об этом в своем сознании, не похожем на другие. Когда все наблюдения изучат, станет очевидным, что происшедшее может быть лучше понято из синтеза всех наблюдений, чем из любого, взятого отдельно.

– Целое – больше, чем сумма его частей, иначе говоря.

– Точно. Ты уловил смысл основного принципа существования Геи. Ты, как многоклеточный организм, состоишь примерно из пятидесяти триллионов клеток, но как личность более важен, чем эти пятьдесят триллионов в сумме их собственных значений. Наверняка ты не станешь с этим спорить.

– Да, – сказал Тревайз, – с этим я согласен.

Он поднялся по трапу и у самого люка резко обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Гею. Короткий дождь принес свежесть и благоухание. Перед Тревайзом лежал зеленый, тихий, мирный, цветущий мир, безмятежный сад посреди мятежной, измученной Галактики.

Но Тревайз всей душой надеялся, что никогда не увидит его вновь.

6

Когда люк шлюза захлопнулся позади них, Тревайзу показалось, словно он проснулся не то чтобы после кошмара, но после чего-то настолько ненормального, что ему было тяжело дышать.

Он не забывал, что элемент этой ненормальности все еще находился рядом с ним в лице Блисс. Пока она тут, Гея рядом. А еще он знал, что ее присутствие – не мелочь. Черный ящик заработал снова, и Тревайз горячо надеялся, что не купится на суждения этого ящика.

Он осмотрел судно и не нашел, к чему придраться. Оно принадлежало только ему с тех пор, как Мэр Академии Харла Бранно засунула его в этот корабль и отправила в межзвездную ссылку – громоотвод для себя, приманку для тех, кого считала врагами Академии. Ее задание выполнено, но корабль остался у него, и он не собирался его возвращать.

Корабль принадлежал ему не больше нескольких месяцев, но уже стал его домом, и теперь он с трудом мог вспомнить, какой же у него был дом на Терминусе.

Терминус! Далекая столица Академии, призванная, согласно Плану Селдона, основать новую, величайшую Империю через пять столетий – согласно Плану, который Тревайз пустил под откос. Своим личным решением он превращал Академию в ничто и взамен открывал новый путь развития общества, новую схему жизни, самую жуткую революцию из всех, что происходили со времен начала развития разумной жизни.

И вот он отправился в новое путешествие – для того, чтобы доказать самому себе, что сделал правильный выбор.

Тревайз прогнал мрачные мысли и поспешил в рубку. Компьютер еще находился на своем месте. Компьютер сверкал, искрился. Да, собственно, сверкало все. Здесь провели очень тщательную уборку. Все системы работали безукоризненно и, казалось, более легко, чем прежде. Вентиляционная система функционировала беззвучно, и Тревайз недоверчиво приложил руку к вентилятору, чтобы почувствовать поток воздуха.

Пучок света зазывно притягивал. Тревайз коснулся его, и свет разлился по поверхности пульта, очертив контуры ладоней. Голан судорожно вздохнул. Надо же – он, оказывается, от волнения задержал дыхание. Геянцы ничего не знали о технике Академии и могли запросто повредить компьютер безо всякого злого умысла. Правда, на вид все было, как обычно.

Тревайз на мгновение замер. Он узнает, почти наверняка, если что-нибудь будет не так; однако если окажется, что так оно и есть, что он сможет поделаться? Для ремонта нужно будет вернуться на Терминус, но, если он это сделает, Мэр Бранно его оттуда точно не выпустит. А если он не вернется...

Он почувствовал, как колотится сердце. Нет, хватит ждать.

Тревайз вытянул руки и совместил их с контурами на пульте. И тут же возникла иллюзия, что их сжала другая пара рук. Интенсивность его чувств возросла – теперь он мог видеть Гею со всех сторон – зеленую планету, еще не высохшую после дождя, глядящих в небо геянцев. Когда он посмотрел вверх, он увидел небо в густых облаках. По его мысленному приказу небо приблизилось, облака исчезли и возникла ясная синева и круг геянского солнца.

Еще одно мысленное усилие – и синева исчезла. Тревайз увидел звезды.

Но вот исчезли и они, и Тревайз увидел Галактику, подобную сжатой спирали. Голан проверил компьютерное изображение, меняя его ориентацию, манипулируя в зависимости от времени, заставлял Галактику вращаться сперва в одном направлении, затем – в другом. Он нашел солнце Сейшелла, ближайшую к Гее звезду; потом – солнце Терминуса, потом Трентора. Он путешествовал от звезды к звезде, по карте Галактики, скрытой внутри компьютера.

Потом он отнял руки от пульта и вернулся в реальный мир – и обнаружил, что простоял все это время, полусогнувшись над компьютером. Мышцы у него одеревенели, и ему пришлось потянуться перед тем, как сесть.

Тревайз смотрел на компьютер с чувством искреннего облегчения. Он работал исправно. Нет, чувство Тревайза называлось иначе – его можно было назвать любовью. Ведь в то время, когда он клал руки на контуры ладоней (он пытался отбросить мысль о том, что представляет, будто это женские руки), они становились одним целым, и его воля направлялась, контролировалась, испытывалась и превращалась в часть чего-то большего. Тревайз с неожиданным беспокойством подумал, что он и компьютер, наверное, чувствовали (в ничтожно малой степени) то объединение, что чувствовала гораздо сильнее Гея.

Он сердито тряхнул головой. Нет! В случае с компьютером он, Тревайз, владел ситуацией целиком и полностью. Компьютер был просто покорным, послушным созданием.

Он встал и прошел коротким коридором в салон. Здесь хранилось достаточное количество самой разнообразной нищи и соответствующие устройства для замораживания и быстрого разогрева.

Открыв дверь в свою комнату, Тревайз уже заметил, что библиофильмы стояли на своих местах, и он был почти уверен – нет, всецело уверен, что личная библиотека Пелората образцово сохранена. Однако, для верности, об этом нужно спросить у него самого.

Пелорат! Тревайз кое-что вспомнил и зашел в каюту Пелората.

– А здесь хватит места для Блисс, Дженов?

– О да, вполне.

– Можно было бы устроить спальню для нее в общей каюте.

Блисс, широко раскрыв глаза, снизу вверх взглянула на Тревайза.

– Мне не нужна отдельная спальня. Мне и тут будет очень хорошо с Пелом. Впрочем, я надеюсь, что смогу при необходимости пользоваться другими помещениями. Спортивным залом, например.

– Конечно. Любым помещением, кроме моей каюты.

– Хорошо. Так и я предложила бы расположиться, если бы это зависело от меня. Ну, а ты к нам неходи без стука.

– Естественно, – сказал Тревайз, опустил взгляд и понял, что стоит на пороге. Он сделал полшага назад и мрачно буркнул: – Тут не номер для новобранцев, Блисс.

– Да уж. Тут тесновато, хотя Гея вполтину расширила эту каюту.

Тревайз, стараясь сдержать улыбку, проговорил:

– Вам придется не ссориться.

– А мы и не ссоримся, – сказал Пелорат, которому явно неловко было от темы разговора, – но, правда, дружочек, покинул бы ты нас, мы уж как-нибудь устроимся.

– Устраивайтесь, – медленно проговорил Тревайз. – Но уясните, что здесь не место для медового месяца. Я не возражаю против всего того, что вы будете делать по взаимному согласию, но вы должны понять, что уединиться здесь невозможно. Я надеюсь, это понятно, Блисс.

– Здесь есть двери, – сказала Блисс, – и я полагаю, ты не будешь тревожить нас, когда они будут закрыты, – само собой, за исключением случаев реальной опасности.

– Не буду. Однако здесь нет звукоизоляции.

– Ты хочешь сказать, Тревайз, что сможешь ясно услышать любой наш разговор и любые звуки, которые мы можем производить в порыве страсти?

– Да, именно это я хочу сказать. Принимая это во внимание, я ожидаю, что вы постараетесь вести себя потише. Может, вам это не по душе, но я прошу прощения – такова ситуация.

Пелорат откашлялся и негромко проговорил:

– Действительно, Голан, это проблема, с которой я уже столкнулся. Понимаешь, ведь любое ощущение, которое испытывает Блисс, когда она вместе со мной, охватывает всю Гею.

– Я думал об этом, Дженов, – сказал Тревайз, с трудом скрывая отвращение, – мне не хотелось говорить об этом, но, видишь, ты сам сказал.

– Да, дружочек.

– Не делайте из этого проблемы, Тревайз, – вмешалась Блисс. – В любое мгновение на Гее тысячи людей занимаются сексом; миллионы едят, пьют, занимаются чем угодно. Это вносит вклад во всеобщую ауру удовольствия, которое чувствует Гея, каждая ее частица. Низшие животные, растения – все испытывают свои маленькие радости, вливающиеся во всеобщую радость, которую Гея чувствует всегда, всеми своими частицами, и этого нельзя ощутить в другом мире.

– У нас свои собственные радости, – ответил Тревайз, – которые мы вольны делить с другими, следуя моде, или утаить, если не хотим огласки.

– Если бы ты мог чувствовать так, как мы, то понял бы, как обделены в этом отношении вы, изоляты.

– Откуда тебе знать, что и как мы чувствуем?

– Я не знаю, что чувствуешь ты, но резонно предположить, что мир всеобщей радости наверняка более изощрен, чем мир радости одного человека.

– Возможно, но пусть мои радости и скудны, я предпочитаю довольствоваться ими, оставаясь самим собой, а не кровным братом холодного булыжника.

– Не издевайся, – сказала Блисс. – Ты же ценишь каждый атом в своих косточках и не желаешь, чтобы хоть один из них повредился, хотя в них не больше сознания, чем в таком же точно атоме камня.

– Это, в общем, верно, – неохотно согласился Тревайз, – но мы ушли от темы разговора. Мне нет дела до того, что вся Гея делит твою радость, Блосс, но я не желаю разделять ее. Мы будем жить здесь в соседних каютах, и я не желаю, чтобы меня вынуждали участвовать в ваших забавах даже косвенно.

– Это спор ни о чем, дружок, – сказал Пелорат. – Я не менее тебя озабочен нарушением твоей уединенности. Как и моей, впрочем. Блосс и я будем сдерживаться, не правда ли, Блосс?

– Все будет, как ты пожелаешь, Пел.

– В конце концов, – сказал Пелорат, – мы проведем гораздо больше времени на планетах, чем в космосе, а на планетах препятствий для уединения...

– Мне до лампочки, чем вы будете заниматься на планетах, – оборвал его Тревайз, – но на этом корабле я главный.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился Пелорат.

– Ну, раз мы это утрясли, пора трогаться.

– Но подожди. – Пелорат схватил Тревайза за рукав. – Трогаться. Куда? Где находится Земля, не знаем ни ты, ни я, ни Блосс, не знает и твой компьютер. Ведь ты давно говорил мне, что в нем отсутствует всякая информация о Земле. Что ты намерен предпринять? Ты же не можешь дрейфовать наугад по всему космосу, дружок.

Тревайз на это только улыбнулся. Впервые с тех пор, как он попал в объятия Геи, он чувствовал себя хозяином своей судьбы.

– Уверю тебя, – сказал он, – что дрейф не входит в мои намерения, Дженов. Я точно знаю, куда направляюсь.

7

Не дождавшись ответа на свой робкий стук в дверь, Пелорат тихонько вошел в рубку. Тревайз был поглощен внимательным изучением звездного пространства.

– Голан, – окликнул его Пелорат и остановился в ожидании.

Тревайз обернулся.

– Дженов! Присаживайся. А где Блосс?

– Спит. Мы уже в космосе, как я погляжу.

– Ты прав, – кивнул Тревайз.

Он не был удивлен неведением друга. В этих новых гравитационных кораблях просто невозможно было заметить взлет. Никаких побочных явлений – ни перегрузок, ни шума, ни вибрации.

Обладая способностью отталкиваться от внешних гравитационных полей с какой угодно, вплоть до полной, интенсивностью, «Далекая звезда» поднималась с поверхности планеты, как бы скользя по некоему космическому морю. И пока она это проделывала, действие гравитации внутри корабля, как это ни парадоксально, оставалось нормальным. Конечно, пока корабль находился в атмосфере, не было нужды в ускорении, так что вой и вибрация быстро рассеяемого воздуха отсутствовали. Но, как только атмосфера оставалась позади, можно было начинать разгон, и притом довольно быстрый, не тревожа пассажиров.

Это было исключительно удобно, и Тревайз не видел, как еще можно усовершенствовать способ передвижения, если только люди не найдут возможности махнуть сквозь гиперпространство совсем без корабля, наплевав на любые, даже самые сложные гравитационные поля. Сейчас же «Далекой звезде» нужно было удирать от Геи в течение нескольких дней, пока интенсивность гравитационного поля не ослабнет и можно будет совершить Прыжок.

– Голан, дружок, – сказал Пелорат, – могу я минуту-другую поговорить с тобой? Ты не слишком занят?

– Я совсем не занят. Компьютер делает все сам, после того как я его соответственно проинструктирую. А временами кажется, что он предугадывает мои инструкции и выполняет их прежде, чем я сформулирую приказ. – Тревайз любовно провел ладонью по поверхности пульта управления.

– Мы очень подружились, Голан, за то короткое время, что знаем друг друга, хотя, должен признать, я с трудом верю, что прошло так мало времени. Так много всего случилось. Это так удивительно... Когда я думаю об этом, то получается, что половина всех событий, которые я пережил за свою жизнь, произошла в последние несколько месяцев. Или это только кажется. Я готов сказать...

Тревайз протестующе поднял руку.

– Дженов, ты отвлекаешься. Ты начал с того, что мы с тобой быстро сдружились. Да, это так, и мы все еще друзья. Однако ты знаешь Блосс совсем недавно и с ней еще крепче подружился.

– Тут другое дело, – сказал Пелорат, смущенно кашлянув.

– Конечно. И что же следует из нашей недолгой, но крепкой и выстраданной дружбы?

– Если, дружочек, мы все еще друзья, как ты только что сказал, то я хотел бы поговорить о Блосс, которая, как ты верно отметил, особенно дорога мне.

– Я понимаю. И что из этого?

– Я знаю, Голан, ты не любишь Блосс, но ради меня, я хотел бы...

Тревайз взмахнул рукой.

– Минутку, Дженов. Я не в восторге от Блосс, но я не ненавижу ее. Ей-богу, у меня нет к ней враждебного чувства. Она привлекательная молодая женщина, и, даже если бы она такой не была, я готов был бы считать ее таковой ради тебя. Я не люблю Гею.

– Но Блосс – это и есть Гея.

– Знаю, Дженов. Именно это так осложняет дело. Пока я думаю о Блосс как о человеке – нет проблем. Как только я вижу в ней Гею – они появляются.

– Но ты не дал Гее ни единого шанса, Голан. Послушай, дружочек, позволь мне признаться кое в чем. Когда Блосс и я занимались любовью, она порой позволяла мне подключиться к ее сознанию на минуту-другую. Не дольше, так как считает меня слишком старым, чтобы адаптироваться к этому. Ах, не ухмыляйся Голан, ты, должно быть, тоже слишком стар для такого. Если изолят, такой, как ты и я, станет частью Гей более чем на минуту или две, наш мозг может быть поврежден, а если это продолжится пять-десять минут, то приведет к необратимым изменениям. Если бы ты только мог испытать это, Голан!

– Что? Необратимое повреждение мозга? Нет уж, спасибо.

– Голан, ты нарочно не хочешь понять меня. Я имел в виду только тот краткий миг единения. Ты даже не представляешь, что теряешь. Это неопишимо. Блосс говорит, что это ощущение радости. Это все равно что говорить о радости, когда наконец выпьешь глоток воды после того, как чуть не умер от жажды. Я не могу даже придумать сравнения. Ты разделяешь все радости, которые миллиард человек испытывают по отдельности. Это не постоянная радость – будь это так, ты бы быстро перестал чувствовать ее. Это пульсирует... мерцает... такой дивный пульсирующий ритм, который не позволяет оторваться. Это большая – нет, не большая – *лучшая* радость, чем я когда-либо мог ощущать сам по себе. Мне хотелось плакать, когда она закрывала передо мной двери...

Тревайз покачал головой.

– Ты потрясающе красноречив, мой друг, но это звучит очень похоже на то описание состояния псевдоиндорфинной зависимости или действия других наркотиков, которые дарят краткую радость, за которую приходится потом платить непрекращающимся кошмаром. Это не для меня! Я не собираюсь продавать свою индивидуальность за короткие вспышки радости.

– Я пока свою индивидуальность не потерял, Голан.

– Но надолго ли ты сохранишь ее, если будешь продолжать в том же духе, Дженов? Ты будешь желать еще и еще этого дурмана – до тех пор, пока в конце концов твой мозг не разрушится. Дженов, ты не должен позволять Блосс проделывать такое с тобой. Наверное, лучше мне самому поговорить с ней об этом.

– Нет! Не надо! У тебя не хватит душевного такта, ты же знаешь, а я... я не хочу ее обидеть. Уверяю тебя, она сильнее беспокоится обо мне, чем ты можешь себе вообразить. Ее гораздо сильнее пугает возможность повреждения моего мозга, чем меня, не сомневайся.

– Ну, тогда, Дженов, я бы посоветовал тебе больше не ставить экспериментов. Ты прожил

пятьдесят два года, зная другие способы испытывать удовольствие и радость, и твой мозг привык к ним. Не поддайся новому, экзотическому пороку. За это придется расплачиваться, если не сейчас, то потом.

– Но, Голан, – сказал Пелорат тихо, глядя себе под ноги. – Можно на это и так посмотреть. А представь, если бы ты был одноклеточным существом...

– Я понимаю, к чему ты клонишь, Дженов. Забудь это. Блосс и я уже апеллировали к этой аналогии.

– Да, но ты подумай все-таки. Допустим, мы вообразили одноклеточный организм с человеческим уровнем сознания и способностью мыслить. А теперь представь, что ему выпала возможность стать многоклеточным организмом. Не будет ли одноклеточное оплакивать потерю своей индивидуальности и горячо протестовать от мысли о предстоящем насильственном режиме работы клеток во всем организме? И будет ли оно право? Может ли отдельная клетка даже вообразить, какова мощь человеческого мозга?

Тревайз резко тряхнул головой.

– Нет, Дженов, это порочная аналогия. Одноклеточный организм не может обладать сознанием и всякой способностью мыслить, а если может, то способность эта так бесконечно мала, что ее возможно приравнять к нулю. Для таких существ утрата индивидуальности – это утрата того, чего у них, в сущности, никогда и не было. У человека, однако, есть и должна быть способность мыслить. Он на самом деле обладает сознанием и если теряет его, то теряет свой независимый разум. Так что аналогия – на двоичку.

На некоторое время воцарилось молчание, почти гнетущая тишина, и наконец Пелорат, пытаясь сменить тему разговора, спросил:

– А зачем ты смотришь на экран?

– Привычка, – ответил Тревайз, кисло улыбнувшись, – Компьютер сообщает мне, что нас не преследуют геяньские корабли и что сейшеллский флот не вылетел нам навстречу. Так что я смотрю на обзорный экран для самоуспокоения – нет ли где чужих кораблей. Правда, компьютерные сенсоры в сотни раз зорче и чувствительнее моих глаз. Более того, компьютер способен воспринимать некоторые свойства пространства очень тонко – такие свойства, которые мои органы чувств не могут ощутить ни при каких условиях. Знаю и все-таки смотрю.

– Голан, если мы, правда, друзья... – проговорил Пелорат.

– Обещаю, я не сделаю ничего, что может обидеть Блосс, по крайней мере, насколько позволяют обстоятельства.

– Тогда другой вопрос. Ты скрываешь от меня цель нашего путешествия, словно не доверяешь мне. Куда мы направляемся? Ты думаешь, что знаешь, где находится Земля?

Тревайз взглянул на него, удивленно подняв брови.

– Прости. Похоже, будто я не хочу поделиться с тобой своей тайной?

– Да. Почему?

– И правда, почему? Не кажется ли тебе, друг мой, что все дело в Блосс?

– Блосс? Значит, ты не хочешь, чтобы она знала? Поверь, дружочек, ей можно доверять целиком и полностью.

– Не в этом дело. Что толку что-то скрывать от нее? Уверен, она может выудить любую тайну из моего сознания, если пожелает. Прости, это просто я, наверное, в детство впал. Мне казалось, что ты уделяешь внимание только ей, а я больше для тебя не существую.

– Но это неправда, Голан! – ужаснулся Пелорат.

– Знаю. Просто, я пытаюсь понять собственные чувства. Вот ты сейчас пришел ко мне, потому что испугался за нашу дружбу, и, теперь поразмыслив, я понимаю, что у меня были такие же страхи. Я не мог честно признаться себе в этом, но думаю, я чувствовал себя неинтересным тебе из-за Блосс. Возможно, я пытался покончить, из каприза скрывая от тебя правду. Да, вышло по-детски.

– Голан!

– По-детски, ну и что? Но покажи мне человека, который время от времени не вел бы себя так? Тем не менее мы друзья. Это решено, значит, я не должен больше играть в эти игры. Мы направляемся на Компореллон.

– Компореллон? – переспросил Пелорат, не сразу вспомнив, о чем речь.

– А ты вспомни моего бывшего приятеля-предателя Мунна Ли Компора. Того самого, которого мы встретили на Сейшелле.

Пелорат облегченно вздохнул.

– Конечно, помню. Он родом с Компореллона.

– Если это правда. Нельзя верить всему, что сказал Компор. Но Компореллон – общеизвестный мир, а Компор говорил, что его обитатели знают о Земле. Вот мы и отправимся туда и наведем справки. Наш визит может ничего не дать, но пока это единственная отправная точка, которая у нас есть.

Пелорат кашлянул и покачал головой:

– Ах, дружочек, ты так думаешь?

– Что тут думать? Есть единственная отправная точка, и, как бы сомнительна она ни была, у нас нет иного пути, кроме как следовать к ней.

– Да, но если мы делаем это, полагаясь на слова Компора, тогда, наверное, следует учесть все, что он сказал. Как я припоминаю, он заявил нам, очень решительно, что Земли как пригодной для жизни планеты больше не существует – ее поверхность радиоактивна и там нет никакой жизни. А если это так, то лететь на Компореллон бессмысленно.

8

Все трое обедали в крохотной столовой, которая с трудом вмещала даже такую небольшую компанию.

– Отлично, – похвалил еду Пелорат. – Это часть наших запасов с Терминуса?

– Нет, что ты, – ответил Тревайз. – Они давно кончились. Это из тех припасов, купленных на Сейшелле до того, как мы направились к Гее. Забавно, не правда ли? Какие-то дары моря. Что же касается этого блюда, я думал, это капуста, когда покупал ее, но на вкус – ничего подобного.

Блисс слушала и помалкивала, брезгливо ковыряясь вилкой в тарелке.

– Ты должна поесть, дорогая, – нежно сказал Пелорат.

– Знаю, Пел, я и ем.

– У нас есть геянская еда, Блисс, – сказал Тревайз с некоторым раздражением.

– Я знаю, – сказала Блисс, – но я предпочитаю приберечь ее. Мы ведь не знаем, как долго будем путешествовать. В конце концов я должна научиться есть пищу изолятов.

– Неужели она так плоха? Или Гея должна есть только Гею?

– Верно, – вздохнула Блисс, – у нас есть поговорка, которая гласит: «Когда Гея ест Гею, никто ничего не теряет и не приобретает». Просто перемещение разума вверх и вниз по шкале. Все, что я ем на Гее, *является* Геей, и когда большая часть этого усваивается и становится мной – это по-прежнему Гея. При этом в процессе еды часть того, что я ем, имеет возможность стать частью более развитого разума, в то время как другая ее часть превращается в разного рода отбросы и, следовательно, опускается вниз по шкале разума. – Она взяла очередной кусок с тарелки, энергично пожевала его некоторое время, а затем продолжила: – Это – всемирный круговорот. Растения растут и поедаются животными. Животные едят и сами бывают съедены. Любой погибший организм поглощается плесенью, гнилостными бактериями, и так далее – словом, Геей. В этом громадном круговороте сознания участвует даже неорганическая природа, и все обладает возможностью стать частью высокоинтенсивного разума.

– Такое, – возразил Тревайз, – можно сказать о любом мире. Каждый атом во мне имеет долгую историю. Некогда он мог быть частью многих живых существ, включая людей, а когда-то мог быть каплей океанской воды, жить в обломке угля, камня, летать по свету под порывами ветра.

– На Гее, однако, – сказала Блисс, – все атомы являются также неотъемлемыми частицами высшего, планетарного сознания, о котором ты не знаешь ничего.

– Ладно. А что же произойдет с этими сейшеллскими овощами, которые ты съела? Станут ли они частью Геи?

– Станут, но очень медленно. И мои испражнения постепенно перестанут быть частью Геи. В конце концов, то, что покидает меня, навсегда теряет связь с Геей. И не участвует даже в менее непосредственном гиперпространственном контакте, который я могу поддерживать с Геей благодаря высокому уровню моего разума. Именно этот гиперпространственный контакт приводит к тому, что не-геянская пища становится Геей – очень медленно – после того, как я съем ее.

– Ну, а геянская пища в нашей кладовой? Становится ли она постепенно не-Геей? Если так, лучше уж съешь ее, пока не поздно.

– Нет нужды беспокоиться об этом. Наши геянские продукты обработаны таким образом, что могут довольно долгое время оставаться частью Геи.

– А что случится, если мы съедим геянскую пищу? – неожиданно спросил Пелорат. – Мы ведь ели геянскую пищу на Гее. Не превратились ли мы сами постепенно в Гею?

Блисс покачала головой, и необычно тревожное выражение промелькнуло по ее лицу.

– Нет. То, что ели вы, было потеряно для нас. Или, по крайней мере, та часть, что была усвоена вашими организмами, была потеряна для Геи. То, что вы не усвоили, осталось Геей или постепенно стало ею, так что в принципе баланс сохранился, но ряд атомов Геи стал не-Геей в результате вашего визита к нам.

– Это почему? – спросил Тревайз с любопытством.

– Потому что вы не могли бы перенести превращение, даже частичное. Вы были нашими гостями, прибывшими в наш мир поневоле, так сказать, и мы должны были защитить вас от опасности даже ценой потери некоторой части Геи. Это цена, уплаченная нами добровольно, но без особого восторга.

– Искренне сожалеем, – сказал Тревайз, – но ты уверена, что не-геянская пища, или какой-нибудь вид не-геянской пищи, не может, в свою очередь, повредить тебе?

– Нет, – ответила Блисс. – То, что съедобно для тебя, должно быть съедобно и для меня. У меня, безусловно, есть кое-какие трудности в усвоении такой пищи и превращении ее в Гею, как и в мои ткани. Это создает психологический барьер, который слегка портит мне радость от еды и заставляет меня есть медленно, но я преодолею это со временем.

– А как же инфекции? – воскликнул Пелорат в тревоге. – Как же я не подумал об этом раньше, Блисс! В любом мире, где мы приземлимся, наверняка есть микроорганизмы, против которых ты беззащитна. Ты можешь умереть от обыкновенной простуды. Тревайз, мы должны вернуться.

– Не паникуй, Пел, дорогой, – улыбаясь, сказала Блисс. – Микробы тоже ассимилируются Геей, проникая в мое тело каким-либо путем. Если окажется, что они приносят вред, они ассимилируются быстрее; и как только станут Геей, больше не причинят мне зла.

Трапеза подходила к концу. Пелорат прихлебывал подогретую смесь фруктовых соков со специями.

– Дружочек, – сказал он, облизав губы, – я думаю, пора сменить тему. Похоже, мое единственное занятие на борту этого корабля – смена тем разговоров. Почему бы это?

– Потому что Блисс и я все время вредничаем, – торжественно произнес Тревайз, – о чем бы ни говорили, даже о смерти. Мы зависим от тебя, ты спасаешь нас от безумия. О чем ты хотел поговорить, старина, сменив тему на сей раз?

– Я просмотрел свои справочные материалы по Компореллону. Весь сектор, частью которого он является, богат древними легендами. Они относят свои поселения к довольно давним временам – к первому тысячелетию гиперпространственных путешествий. На Компореллоне толкуют даже о легендарном основателе по имени Бенбелли, хотя не могут точно сказать, откуда он появился. Говорят, что первоначальное название их планеты было «Мир Бенбелли».

– Как ты думаешь, много ли в этом правды, Дженов?

– Как и во всякой легенде – зернышко, да есть.

– Я никогда не слыхал ни о каком Бенбелли, вошедшем в историю. А ты?

– Я тоже. Но ты же знаешь, что в конце Имперской эры отмечалось старательное замалчивание пред-Имперской истории. Императоры в последние беспокойные века Империи

были озабочены подавлением местного патриотизма, считая его, видимо, фактором, несущим дестабилизацию. Почти в каждом секторе Галактики, следовательно, истинная история с полными записями и точной хронологией существовала лишь с момента его присоединения к тренторианской Империи или аннексии ею.

– Я не подозревал, что историю так легко уничтожить, – сказал Тревайз.

– Далеко не всегда это происходит таким образом, – ответил Пелорат, – однако решительно настроенное и мощное правительство может сильно исказить историю. В таких случаях ранняя история сводится к рассеянным материалам, вырождается в устные предания. Как правило, такие легенды полны преувеличений и стремятся выставить сектор более древним и могущественным, чем он есть. И неважно, насколько наивны некоторые легенды или насколько невероятны описываемые в них события, эти предания становятся предметом патриотизма среди местного населения, верящего в них. Я мог бы показать тебе рассказы из каждого уголка Галактики, в которых говорится о первоначальной колонизации, начавшейся непосредственно с самой Земли, хотя это не всегда то имя, которое дают планете предков.

– Как еще называют ее?

– Как угодно. Иногда они называют ее «Единственной», а временами – «Старейшей». Или зовут ее «Лунным миром», что, согласно некоторым авторитетам, служит упоминанием о ее гигантском спутнике. Другие утверждают, что это означает «Утерянный мир» и что «Лунный» – вариант слова «Утерянный».

– Дженов, остановись! – мягко сказал Тревайз. – Ты можешь без конца цитировать авторитетов и их противников. Ты говоришь, эти легенды повсеместны?

– О да, мой друг. Именно так. Нужно только разобраться в них, для того чтобы понять эту способность человека – начать с малейшего зернышка правды и накручивать вокруг него слой за слоем совершеннейшее вранье – подобно моллюску Rhamoroga, который наслаивает жемчуг на обломок камня. Я пришел к этой точнейшей метафоре только тогда, когда...

– Дженов! погоди! Скажи, а есть ли что-нибудь в компореллонских легендах, что отличает их от других?

– О! – Пелорат бросил отрешенный взгляд на Тревайза. – Отличия? Ну, например, они утверждают, что Земля относительно близка. Это странно. На большинстве планет, где рассказывают о Земле, каким бы именем ее ни называли, есть тенденция туманно указывать ее местоположение – размещая ее бесконечно далеко или вообще, как говорится, в стране «никогда-никогда».

– Ну да, как некоторые сейшеллы, которые говорили нам, что Гея находится в гиперпространстве.

Блисс рассмеялась.

Тревайз бросил на нее быстрый взгляд:

– Честно-честно. Именно так нам и говорили.

– Да нет, я верю. Просто забавно. Мы не хотим, чтобы нам мешали, и вера сейшеллов в недостижимость Геи – то, что нужно. Где бы мы могли быть в большей безопасности, чем в гиперпространстве? И если люди полагают, что мы находимся там, – это почти то же самое, как если бы Гея там и находилась.

– Да, – сказал Тревайз сухо, – и похоже, есть что-то подобное, что заставляет людей полагать, что Земли не существует, или что она безумно далеко, или что ее поверхность радиоактивна.

– За исключением, – отметил Пелорат, – компореллонцев, которые утверждают, что она относительно недалеко от них.

– И тем не менее приписывают ей радиоактивную поверхность. Так или иначе, каждый народ, имеющий легенду о Земле, считает ее недостижимой.

– Более или менее так, – сказал Пелорат.

– Многие на Сейшелле говорили, что Гея недалеко от них. Некоторые даже верно определяли ее звезду, но все считали ее недостижимой. Может оказаться, что некоторые компореллонцы, настаивающие на радиоактивности Земли, смогут указать ее звезду. Тогда мы сумеем добраться до этой планеты, даже если они считают ее недостижимой. Добрались же до

Геи.

– Гея хотела принять тебя, Тревайз, – возразила Блисс. – Вы были беспомощны в наших объятиях, но мы не думали причинять вам зла. Но что, если Земля столь же могущественна, но не благосклонна? Что тогда?

– Я должен все равно попытаться достигнуть ее и готов к любым последствиям. Однако это моя проблема. Как только я найду Землю и решу направиться к ней, вам будет еще не поздно покинуть корабль. Я высажу вас на ближайшей планете Академии или доставлю обратно на Гею, если пожелаете, а затем отправлюсь к Земле один.

– Дружочек, – с укором проговорил Пелорат, – не говори так. Я не хочу расставаться с тобой.

– А я – с Пелом, – сказала Блисс, нежно коснувшись рукой щеки Пелората.

– Ну что ж, хорошо. Вскоре мы будем готовы к Прыжку на Компореллон, а затем, надеюсь, и к Земле.

Часть вторая Компореллон

Глава третья На орбитальной станции

9

– Тревайз сказал тебе, что мы в любой момент должны быть готовы к Прыжку и полету через гиперпространство? – спросила Блисс, зайдя в каюту. Пелорат оторвался от дисплея и взглянул на нее.

– Да, он только что заглянул и предупредил: «в течение получаса».

– Мне так неприятно, Пел. Терпеть не могу Прыжки. Будто меня наизнанку выворачивает. Пелорат выглядел слегка удивленным.

– Вот уж не думал, что ты – космический путешественник, Блисс, дорогая.

– Я не так уж опытна и не столь самостоятельна. У Геи не было причин для регулярных космических полетов. По своей природе я/мы/Гея не нуждаемся в исследованиях, торговле и других связях через пространство. Но остается необходимость кому-то дежурить на орбитальных станциях...

– Как тогда, когда мы имели счастье встретиться с тобой?

– Да, Пел. – Она нежно улыбнулась ему, – Но иногда приходится посещать Сейшелл и другие звездные системы с разными целями, как правило, тайно. Но, как бы то ни было, Прыжки делать приходится, и, конечно, когда любая часть Геи совершает Прыжок, вся Гея чувствует это.

– Наверное, это не слишком приятно, – посочувствовал Пел.

– Могло быть и хуже. Большая часть Геи не участвует в Прыжке, так что ощущения получаются, так сказать, разбавленными. Однако я, похоже, более чувствительно воспринимаю Прыжки, чем большая часть Геи. Я уже пыталась объяснить Тревайзу, хотя все на Гее – Гея, отдельные компоненты не идентичны. У нас есть различия, и я по каким-то причинам особенно чувствительна к Прыжкам.

– Постой, – сказал Пелорат, внезапно припоминая, – Тревайз объяснял мне однажды. Это в обычных кораблях ты испытываешь ужасные ощущения. В обычных кораблях ты покидаешь Галактическое гравитационное поле при входе в гиперпространство и возвращаешься в него, выходя в обычное пространство. Именно уход и возвращение приводят к таким ощущениям. Но «Далекая звезда» – гравитационный корабль. Он не зависит от гравитационного поля и, собственно говоря, не покидает его и не возвращается в него. По этой причине мы не почувствуем ровным счетом ничего. Поверь моему опыту.

– Но это просто замечательно. Как жаль, что я не додумалась сказать тебе об этом раньше. Не пришлось бы мучиться и переживать.

– У нашего корабля есть и другое преимущество, – продолжал Пелорат, взяв на себя необычную роль крупного специалиста по вопросам астронавтики. – Обычные корабли в обычном пространстве должны удалиться от объектов с крупной массой, типа звезд, на довольно большое расстояние, для того чтобы произвести Прыжок. Отчасти потому, что чем больше интенсивность гравитационного поля звезды, тем болезненнее ощущения от Прыжка, отчасти потому, что чем сильнее гравитационное поле, тем сложнее системы уравнений, от решения которых зависит безопасность Прыжка и определение точки выхода в обычное пространство. На гравитационном судне, однако, отсутствуют, как я уже сказал, любые ощущения Прыжка. К тому же, корабль снабжен компьютером, который по совершенству значительно превосходит обычные и может решать сложнейшие уравнения с необычайным умением и быстротой. В итоге, вместо того чтобы улететь от звезды пару недель только из-за необходимости выбора безопасной и удобной для Прыжка дистанции, «Далекая звезда» проделывает это всего за два-три дня.

– Это прекрасно, – сказала Блисс. – Трев молодец, может управлять таким необыкновенным кораблем.

Пелорат едва заметно нахмурился:

– Пожалуйста, Блисс, зови его Тревайз.

– Да, да. Его здесь нет, и я немножко забылась.

– Не стоит. Пусть это войдет у тебя в привычку, милая. Ему не нравится, когда...

– Дело не в имени. Ему не нравлюсь я.

– Это неправда, – горячо возразил Пелорат. – Я говорил с ним о тебе. Подожди, подожди, не хмурься. Я был осторожен и вежлив, детка. Он уверил меня, что дело не в том, что ты ему не нравишься. Он с сомнением относится к Гее и удручен тем, что был вынужден назвать ее будущим человечества. Мы должны считаться с этим. Он наверняка передумает, по мере того как со временем осознает преимущества Геи.

– Надеюсь, что так и будет, но дело не только в Гее. Что бы он тебе ни говорил, Пел, не забывай, что он очень привязан к тебе и не хочет делать тебе больно – он не любит меня.

– Нет, Блисс. У него нет для этого никаких причин.

– Меня не обязаны любить все только потому, что любишь ты, Пел. Дело в том, что Трев, то есть Тревайз, думает, что я робот.

Пелорат необычайно изумился.

– Не может быть. Искусственным человеческим существом? Не может быть!

– Почему ты так удивлен? Гея была создана при помощи роботов. Это общеизвестный факт.

Роботы могли помогать людям, как могут помогать машины, но Гею основали *люди*, люди с Земли. Именно так думает Тревайз. Я точно знаю.

– Но в памяти Геи нет ничего о Земле, я так и сказала тебе и Тревайзу. Однако в древнейших воспоминаниях есть роботы, работающие даже спустя три тысячи лет над задачей превращения Геи в обитаемый мир. В то же время мы формировали Гею как планетарное сознание. Это отнимало много времени, Пел, милый, и стало еще одной причиной того, почему наши ранние воспоминания смутны, и, возможно, дело тут вовсе не во вмешательстве Земли и уничтожении упоминаний о себе. Тревайз...

– Послушай, Блисс, – сказал озабоченно Пелорат, – но куда же девались роботы?

– Когда создание Геи завершилось, роботы ушли. Мы не хотели, чтобы они оставались на Гее, чтобы стали ее частицами. Мы были убеждены и остаемся при этом мнении сейчас, что длительное присутствие роботов вредно для человеческого общества независимо от того, изоляты люди или планеты. Я не знаю, откуда взялось такое утверждение, но возможно, что оно имеет в своей основе события, датирующиеся очень ранними временами галактической истории, а память Геи не простирается так далеко в прошлое.

– Но если роботы ушли...

– А вдруг некоторые остались? Вдруг я – одна из них? Вдруг мне пятнадцать тысяч лет?

Тревайз так думает.

Пелорат обескураженно покачал головой.

– Но ведь это не так.

– А ты в этом уверен?

– Конечно, уверен. Ты не робот.

– Откуда ты знаешь?

– Блосс, я знаю, В тебе нет ничего искусственного. Если уж я не знаю ничего такого, то и никто не знает.

– Но разве не может быть так, что абсолютно во всем, от общего облика до мельчайших подробностей, я неотличима от настоящего человека? Если я такова, как ты сможешь найти различие между мной и настоящим человеком?

– Не думаю, чтобы ты могла быть столь мастерски изготовлена.

– Ну, а если это *было* возможно, несмотря на то что ты думаешь?

– Я просто не могу поверить.

– Тогда посмотри на это как на гипотезу. Если бы я была неотличимым от человека роботом, как бы ты к этому отнесся?

– Ну, я... я...

– Ну, еще точнее. Допустим, занимался любовью с роботом? Что скажешь?

Пелорат неожиданно щелкнул пальцами.

– А знаешь, есть такие легенды – о женщине, влюбившейся в искусственного мужчину, и... и наоборот. Я-то думал, что это всего лишь аллегория, и никогда не мог вообразить, что эти истории могут иметь отношение к правде. Ни Голан, ни я даже не слышали слова «робот» до тех пор, пока не оказались на Сейшелле, но теперь я понимаю, что упоминаемые в легендах искусственные мужчина и женщина наверняка и были роботами. По-видимому, такие роботы действительно существовали в древние времена. Это означает, что отношение к таким легендам как к вымыслу должно быть пересмотрено...

Он внезапно умолк и, когда Блосс резко хлопнула в ладоши, испуганно вздрогнул.

– Пел, дорогой, ты углубился в мифологию, чтобы уйти от ответа. Я повторяю: как бы ты отнесся к тому, чтобы заниматься любовью с роботом?

Пелорат обескураженно посмотрел на нее.

– Совсем-совсем неотличимым роботом? Таким, что похож на человека, как две капли воды?

– Да.

– Ну... тогда я скажу так: робот, который неотличим от человека, является человеком. Если бы ты даже и была таким роботом, для меня ты все равно останешься человеком.

– Именно это я и хотела от тебя услышать, Пел.

Пелорат немного помолчал и спросил:

– Ну, а теперь, дорогая, может быть, ты скажешь, что ты – настоящий человек и мне не нужно решать эту гипотетическую проблему?

– Нет. Не скажу. Ты определил настоящего человека как объект, имеющий все свойства человеческого существа. Если тебя устраивает то, что я обладаю всеми этими свойствами, тогда дискуссия окончена. Мы пришли к рабочему определению и не нуждаемся в ином. Кроме всего прочего, как я могу узнать, что ты, например, не робот, которому посчастливилось оказаться неотличимым от человека?

– Но я же сказал тебе, что я не робот.

– О, но если бы ты был таким роботом, то мог бы быть устроен так, чтобы утверждать, будто ты – настоящий человек, и мог бы даже быть запрограммирован на веру в это утверждение. Рабочее определение – вот все, что у нас есть, и все, что у нас может быть.

Она обвила шею Пелората руками и поцеловала его. Поцелуй становился все более страстным и продолжался, пока Пелорат не оторвался от губ Блосс и не сказал вполголоса:

– Мы обещали Тревайзу не смущать его, превращая полет в свадебное путешествие.

– Давай не будем думать об этих обещаниях, – умоляюще проговорила Блосс.

– Не могу, дорогая, – покачал головой Пелорат. – Знаю, это обидит тебя, Блосс, но я все

время думаю... Словом, я не могу позволить эмоциям захватить меня целиком. Эта черта характера развивалась во мне всю мою жизнь и, вероятно, досаждаю окружающим. Я никогда не жил бы с женщиной, которая бы начинала возражать, против этого рано или поздно. Моя первая жена... но я полагаю, что это не совсем подходящая тема для разговора...

– Да, не очень-то, но... Впрочем, ты не первый мой любовник.

– О! – сказал Пелорат в замешательстве, но затем, заметив добрую улыбку Блисс, продолжил: – Я хочу сказать, что все понимаю. Конечно, нет. Я даже не задумывался, какой я у тебя по счету. Все равно моя первая жена этого терпеть не могла.

– А я – наоборот. Ты мне очень нравишься такой... задумчивый.

– Не могу поверить. Но я о другом. Робот или человек – не важно. Тут мы согласны. Однако я изолят, и ты знаешь это. Я не часть Геи, и, когда мы ласкаем друг друга, ты разделяешь чувства с не-Геей. Даже когда ты позволяешь мне стать частью Геи на краткий миг, это не могут быть столь же сильные эмоции, какие ты испытываешь, когда Гея любит Гею.

– Любить тебя, Пел, – в этом есть своя прелесть. Я не заглядываю дальше в будущее.

– Но это ведь не только твое дело, что ты любишь меня. Ты – это не только ты. Что, если Гея сочтет подобное поведение извращением?

– Если бы дело обстояло так, я бы знала: ведь я – Гея. А так как мне приятно быть с тобой, Гее это тоже приятно. Когда мы занимаемся любовью, вся Гея разделяет мои ощущения в той или иной степени. Когда я говорю, что я люблю тебя, это означает, что Гея любит тебя, хотя только одна ее часть, которую я собой представляю, принимает в этом непосредственное участие. Ты смущен?

– Я изолят, Блисс, и не совсем улавливаю смысл всего этого.

– Можно представить это в виде аналогии с телом изолята. Когда ты насвистываешь мелодию, все твое тело, весь твой организм, хотел бы свистеть, но непосредственная задача производить звуки доверена твоим губам, языку и легким. Твой правый большой палец в этом не участвует, верно?

– Он может отстукивать ритм.

– Но это не нужно для свиста. Отстукивание ритма – не само действие, но отклик на действие, и, наверное, все части Геи могут откликнуться так или иначе на мои эмоции, как я откликаюсь на твои.

– Значит, мне не стоит мучиться и смущаться?

– Конечно, нет.

– Но у меня все равно какое-то странное чувство ответственности. Когда я пытаюсь доставить тебе счастье, то, оказывается, должен осчастливить распоследний организм на Гее.

– Распоследний атом, если точнее, но ты так и делаешь. Ты добавляешь к чувству общей радости то, что я позволяю тебе ненадолго разделить со мной. Я полагаю, твой вклад слишком мал, для того чтобы его легко было измерить, но он есть, и знание этого должно усилить твою радость.

– Эх, знать бы наверняка, что Голан погружен в маневрирование в гиперпространстве и еще в рубке.

– Хочешь устроить медовый месяц?

– Верно.

– Тогда возьми лист бумаги и напиши: «Медовый месяц, не беспокоить!» Прикрепи его снаружи на двери, и если он захочет войти, то это его проблема.

Пелорат так и сделал, и все дальнейшее происходило уже во время совершения Прыжка. Но ни Пелорат, ни Блисс не заметили при этом ничего необычного, да и не смогли бы заметить, даже если бы и очень старались.

Всего лишь несколько месяцев прошло с того времени, когда Пелорат познакомился с Тревайзом и впервые в жизни покинул Терминус. До той поры, больше пятидесяти лет (галактических стандартных лет), он не расставался с родной планетой.

Думая о себе, он считал, что стал за эти месяцы старым космическим волком. Он повидал из космоса уже три планеты: сам Терминус, Сейшелл и Гею. А сейчас на обзорном экране он видел четвертую, правда, пока через компьютерную телескопическую установку. Этой планетой был Компореллон.

И вновь, уже в четвертый раз, Дженов был немного разочарован. Несмотря ни на что, он все еще ожидал, что, глядя на обитаемую планету из космоса, можно увидеть очертания ее континентов, окруженных морем, или, если это относительно безводная планета, очертания ее озер, окруженных сушей.

И никогда не видел ничего подобного.

Если планета была обитаема, она имела как атмосферу, так и гидросферу, а если там были вода и воздух – были и облака, заслонявшие обзор. И теперь Пелорат, глядя вниз, наблюдал лишь белые клочья туч с бледно-голубыми или ржаво-коричневыми проблесками.

Он удивлялся, как можно идентифицировать планету, наблюдая ее с расстояния в триста тысяч километров. Как можно отличить одно скопление облаков от другого?

Блисс взглянула на Пелората с некоторым недоумением:

– Что с тобой, Пел? У тебя такой огорченный вид.

– Думаю о том, что все планеты из космоса выглядят одинаково.

– Что ж из того, Дженов? – спросил Тревайз. – Любые побережья на Терминусе выглядят совершенно одинаково, пока они едва видны на горизонте, до тех пор пока ты не отыщешь какую-нибудь необычную горную вершину или прибрежный островок характерной формы.

– Наверное, – с явным неудовлетворением проговорил Пелорат, – но что можно высмотреть в массе несущихся облаков? И даже если попытаешься, то, прежде чем сможешь что-то разглядеть, наверняка уже окажешься над ночной стороной.

– А ты приглядиись получше, Дженов. Если рассмотришь внимательно облачный покров, то увидишь, что облака стремятся сложиться в узор, покрывающий всю планету, и этот узор движется вокруг центра. А центр находится, как правило, поблизости от одного из полюсов.

– Какого из них? – с интересом спросила Блисс.

– Так как, с нашей точки зрения, планета вращается по часовой стрелке, мы смотрим, по определению, на южный полюс. Центр здесь смещен примерно на пятнадцать градусов от терминатора – планетарной линии тени – и ось вращения планеты наклонена на двадцать один градус от перпендикуляра к плоскости вращения, значит, мы либо в середине весны, либо в середине лета. Компьютер может вычислить орбиту и сообщить мне краткие данные, если я попрошу его. Столица находится в северном полушарии, так что там середина осени или зимы.

Пелорат нахмурился.

– Ты можешь определить все это?

Он смотрел на слой облаков, словно ожидая, что они могут поведать нечто подобное и ему, но этого, конечно, не произошло.

– Да, и не только это, – кивнул Тревайз. – Если посмотришь на полярные области, то увидишь, что здесь нет разрывов в облачном слое, в отличие от областей, удаленных от полюсов. На самом деле здесь заметны разрывы, но сквозь них ты видишь лед, то есть белое на белом.

– О! – воскликнул Пелорат. – А я думал, так должно быть только на полюсах.

– На обитаемых планетах, безусловно. Безжизненные планеты могут быть безвоздушными или безводными, а могут иметь характерные признаки, указывающие, что их облака состоят не из водяного пара, а лед состоит не из воды. На этой планете такие признаки отсутствуют, так что мы можем быть уверены, что здешние облака насыщены водой и лед состоит из нее. Кроме того, можно отметить размер области сплошной белизны на дневной стороне терминатора, и наметанный глаз определит, что она больше средней. Затем можно различить явственный оранжевый отблеск (хотя и довольно слабый) отраженного света, и это означает, что солнце Компореллона существенно холоднее солнца Терминуса. Хотя Компореллон ближе к своей звезде, чем Терминус к своей, но близок не настолько, чтобы компенсировать ее более низкую температуру. Следовательно, Компореллон – холодный мир, хотя и обитаемый.

– Ты, дружок, читаешь планету как книгу! – восхищенно проговорил Пелорат.

– Не обольщайся, – улыбнулся Тревайз. – Компьютер выдает мне запрошенные статистические данные о планете, включая и сведения о немного пониженной средней температуре. А из этого легко вывести остальные параметры. Фактически Компореллон находится в преддверии ледникового периода и уже переживал бы его, если бы конфигурация его континентов более соответствовала этим условиям.

Блисс прикусила губу.

– Мне не нравятся холодные планеты.

– У нас есть теплая одежда, – ответил Тревайз.

– Это не имеет значения. Люди по своей природе не адаптированы к холодной погоде. У нас нет ни теплой шкуры, ни перьев, ни подкожного жира. Холодные планеты, видимо, совершенно равнодушны к благополучию своих составных частей.

– Разве Гея однородно теплый мир?

– По большей части, да. Там есть холодные области для холодолюбивых растений и животных, есть жаркие – для теплолюбивых, но большая ее часть – теплая, где никогда не бывает чрезмерно жарко или холодно, – там живут все остальные, включая людей.

– Ну да, включая людей. Все части Геи равны, но некоторые, вроде людей, видимо, более равны, чем другие.

– Не язви. Это глупо, – сердито сказала Блисс. – Важны только уровень и мощность сознания и разума. Человек – более полезная часть Геи, чем камень той же массы; и свойства, и функции Геи как целого, естественно, смещены в направлении удовлетворения потребностей людей, но не настолько, однако, как на планетах, где обитают изоляты. Более того, бывают периоды, когда функции смещены в другую сторону – когда это необходимо Гее в целом. Не исключено их смещение на длительный период в сторону удовлетворения потребностей горных массивов. Иначе, в случае пренебрежения их потребностями, все части Геи могут пострадать. Нам ведь ни к чему неожиданные извержения вулкана, не правда ли?

– Нет, – согласился Тревайз, – и ожидаемые тоже, на мой взгляд.

– Я тебя не убедила, похоже?

– Пойми, – сказал Тревайз. – У нас есть планеты холоднее среднего и теплее; планеты, где широко раскинулись тропические леса; планеты – сплошные саванны. Нет двух одинаковых, но каждая из них – дом для тех, кто там живет. Я привык к относительной теплоте Терминуса – мы укротили его погоду почти так же, как вы на Гее, но мне нравится время от времени менять обстановку. Что у нас есть, Блисс, и чего нет у Геи – это разнообразие. Если Гея разрастется до Галаксии, не будет ли каждый мир превращен в теплицу? Однообразие может стать поистине непереносимым.

– Если случится такое и если кто-то пожелает разнообразия, оно может быть запрограммировано.

– В качестве подарочка от мозгового центра, так сказать? – ехидно спросил Тревайз. – И ровно столько, чтобы не подумали отделиться? Уж лучше оставить все, как было.

– Но ведь вы сами не оставляете все, как было! Каждая обитаемая планета в Галактике подверглась переделке. До колонизации все они были в первозданном состоянии, которое не устраивало людей, и в итоге все планеты переделывали под себя, на свой вкус. Если этот мир холоден, то лишь потому, уверена, что его обитатели не могут согреть его сильнее без больших, непомерных затрат. И даже если так, значит, те области, которые заселены, наверняка искусственно подогреваются в холодные периоды. Так что не стоит восхвалять свои добродетели, говоря о сохранении первозданности миров.

– Ты говоришь от имени Геи, я полагаю.

– Я всегда говорю от имени Геи. Я – Гея.

– Тогда, раз Гея так уверена в своем совершенстве, на что вам сдалось мое решение? Почему вы не можете обойтись без меня?

Блисс помолчала, словно собираясь с мыслями. Затем сказала:

– Потому что глупо и безрассудно чрезмерно доверять самим себе. Мы, конечно, видим свои добродетели более ясно, чем пороки. Мы думаем о том, верно ли то, что мы делаем. Не то, что кажется нам правильным, а то, что объективно правильно, если такое понятие, как

объективная истина, существует. Ты оказался наилучшим проводником к объективной истине, какого мы смогли найти. Так что ты указываешь нам путь.

– Объективная истина в том, – печально сказал Тревайз, – что я сам не понимаю сути своего решения и ищу ему оправдание.

– Ты найдешь его.

– Надеюсь.

– Знаешь, дружок, – вставил Пелорат, – мне кажется, что в последнем споре выиграла Блисс. Почему бы тебе не признаться в том, что ее аргументы оправдывают твоё решение: Гей – будущее человечества?

– Потому что, – резко сказал Тревайз, – я понятия не имел об этих аргументах в то время, когда принимал решение. Я не знал ничего такого о Гее. Что-то еще влияло на меня, по крайней мере, подсознательно, что-то, что не зависело от знаний о Гее. Должно было быть что-то гораздо более важное. Именно это я должен отыскать и понять.

– Не горячись, Голан, – успокаивающе поднял руку Пелорат.

– Я не горячусь. Я просто вне себя. Я не желаю взваливать на себя всю Галактику.

– Я не виню тебя за это, Тревайз, – сказала Блисс, – но и я не виновата, что у тебя такой характер. Когда мы сможем опуститься на Компореллон?

– Через три дня, – ответил Тревайз, – и только после стоянки на одной из орбитальных станций.

– С этим не будет никаких проблем? – спросил Пелорат.

Тревайз пожал плечами.

– Это зависит от количества кораблей, прибывающих на планету, числа орбитальных станций приема, а главным образом, от особенностей правил, регламентирующих доступ в этот мир. Может, сюда вообще запрещено приземляться.

– То есть – как это? – негодуя спросил Пелорат. – Как они могут не пустить к себе граждан Академии? Разве Компореллон не доминион Академии?

– И да, и нет. Это деликатный правовой вопрос, и я точно не знаю, как Компореллон интерпретирует его. Не исключена такая возможность, что посадка будет нам запрещена, но вряд ли.

– А если запретят, что будем делать?

– Что толку гадать, – пожал плечами Тревайз. – Подождем, поглядим. Не стоит ломать голову и строить поспешные планы.

11

Теперь они находились достаточно близко от Компореллона, и планета была видна без телескопического увеличения. Однако, когда такое увеличение включили, стали видны орбитальные станции. Они располагались на большем удалении от планеты, чем другие орбитальные объекты, и были хорошо освещены.

Подлетая к Компореллону, подобно «Далекой звезде», со стороны южного полюса планеты можно было заметить, что половина этих станций постоянно освещена солнцем. Орбитальные станции на ночной стороне были видны, естественно, более отчетливо – вспышки света, равномерно расположенные по дуге вокруг планеты. Шесть из них были ясно различимы (остальные шесть находились с дневной стороны) и все кружили вокруг планеты с одинаковой скоростью.

– А другие огоньки, ближе к планете? Что это? – спросил Пелорат, испытывая нечто вроде благоговения при виде такого зрелища.

– Я не так хорошо знаю эту планету, так что не могу поручиться за точность, – сказал Тревайз. – Может быть, это орбитальные заводы, лаборатории, обсерватории или даже обитаемые города-спутники. Некоторые планеты предпочитают держать все орбитальные объекты на теневой стороне, за исключением станций. Как на Терминусе, к примеру. Компореллон, очевидно, придерживается более свободных принципов.

– А к какой станции мы направимся, Голан?

– Это зависит от хозяев. Я послал запрос о посадке на Компореллон, и мы, вероятно, вскоре получим указания, к какой станции нам лететь и когда. Многое зависит от того, сколько прибывших кораблей хотят в данный момент приземлиться. Если к каждой станции стоит в очередь дюжина кораблей, у нас нет другого выбора, кроме как терпеть и ждать.

– Раньше я всего дважды удалялась на расстояние Прыжка от Геи, и оба раза вблизи Сейшелла. Но так далеко никогда не бывала, – проговорила Блисс.

Тревайз пристально посмотрел на нее.

– Это имеет значение? Ты все еще Гея, не так ли?

На мгновение Блисс нахмурилась, но затем немного смущенно улыбнулась.

– Сейчас ты подловил меня, Тревайз, что да, то да. У слова «Гея» – двойное значение. Оно может быть использовано для обозначения планеты как твердого сферического объекта в космосе. Также можно использовать его и для обозначения живого объекта, входящего частью в эту сферу. Честно говоря, мы вынуждены пользоваться одним словом для этих двух различных понятий, но геянцы обычно понимают из контекста, о чем речь. Я вполне допускаю, что временами изоляты могут быть озадачены из-за таких разночтений.

– Ну, в таком случае, поставим вопрос так, – сказал Тревайз, – сейчас ты находишься в тысячах парсеков от Геи как сферы; остаешься ли ты при этом все еще частью планетарного организма Геи?

– Если речь об организме, я все еще Гея.

– Без ослабления связи с ней?

– Без особо существенного. Я ведь уже говорила тебе: существует некоторая сложность в том, чтобы оставаться Геей, поддерживая связь с ней через гиперпространство; но я остаюсь ею.

– А тебе не приходило в голову, – спросил Тревайз, – что Гею можно представить в виде Галактического Кракена – мифического монстра, чьи длинные щупальца раскинуты во все стороны? Вам вполне достаточно лишь заслат по несколько геянцев на каждую из населенных планет – вот вам Галактика и притом прямо сейчас. Собственно говоря, вы, скорее всего, этим не брезгуете. Куда уже засланы геянцы? Наверняка пара-тройка есть на Терминусе и на Тренторе не меньше. Как далеко это зашло?

Блисс явно чувствовала себя неловко.

– Я сказала, что не могу лгать тебе, Тревайз, но это не значит, что я чувствую себя обязанной выкладывать всю правду. Есть вещи, которые тебе знать ни к чему. В том числе – местонахождение и приметы отдельных представителей Геи.

– Могу я хотя бы узнать, зачем они нужны, эти щупальца, Блисс, не зная, куда они тянутся?

– По мнению Геи, ты не должен этого знать.

– Не должен знать! Ну-ну. Догадаться нетрудно. Вы небось считаете себя хранителями Галактики.

– Мы заботимся о покое и безопасности Галактики, Галактики мирной и процветающей. План, разработанный Гэри Селдоном, предназначен для создания Второй Галактической Империи, более устойчивой и жизнеспособной, чем Первая. План, постоянно совершенствуемый Второй Академией, неплохо работает до сих пор.

– Но если откровенно, Гея не стремится к созданию Второй Галактической Империи, верно? Вы хотите создать Галаксию – живую Галактику.

– Если ты согласишься на это, мы надеемся со временем создать Галаксию. Если ты откажешься, мы поможем созданию Второй Галактической Империи, Империи Селдона, и обеспечим ее безопасность, насколько сумеем.

– Но что плохого... – Тут до слуха Тревайза донеслась тихая трель сигнала. – Компьютер зовет, – объяснил Тревайз. – Скорее всего, получены указания насчет подлета к станции. Я быстренько.

Голан вошел в рубку, положил ладони на контуры на пульте и обнаружил, что и в самом деле направление на определенную орбитальную станцию получено. Тревайз начал сближение по предписанной траектории подлета.

Подтвердив получение сообщения, Тревайз откинулся на спинку кресла и задумался.

План Селдона! Он так давно не думал о нем... Первая Галактическая Империя распалась, за пятьсот лет выросла и развилась Академия, сперва – в состязании с Империей, потом – на ее руинах, и все в соответствии с Планом.

Произошла, правда, заминка из-за Мула, который грозил разбить План вдребезги, но Академия одолела и его – не исключено, что с помощью вечно потаенной Второй Академии, а может, и с помощью еще более потаенной Геи.

Теперь Плану грозило нечто пострашнее Мула. История отклонялась от обновления Империи к чему-то совершенно непохожему на все известное ранее – Галаксии. И он сам согласился на это.

Но почему? Был ли в Плате изъян? В самых его основах?

На один-единственный, молнией промелькнувший момент Тревайзу показалось, что этот изъян действительно существует, что он знает, в чем этот изъян, знал, когда принимал решение, – но знание... или иллюзия его... исчезло так же быстро, как и пришло, и оставило наедине с пустотой.

Возможно, все это всегда было только иллюзией; и тогда, когда он принял решение, и сейчас. Ведь, честно говоря, он не знал почти ничего о Плате, не считая основных положений, которые стали краеугольными камнями психоистории. Подробности ему были неизвестны, не говоря уже о математических тонкостях.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

Ничего не вышло.

Может, компьютер поможет? Тревайз положил руки на пульт и ощутил тепло от соприкосновения с компьютером. Он закрыл глаза и снова сосредоточился.

И снова ничего не вышло.

12

Компореллонец, прибывший на борт корабля, предъявил голографическую идентификационную карточку. На ней его округлое, с короткой бородкой лицо было передано с потрясающей точностью. Внизу стояло имя: А. Кендрей.

Он был невысокого роста. Вся фигура у него была такая же округлая, как физиономия. Глаза его глядели весело, вел он себя обходительно, а корабль осматривал с нескрываемым удивлением.

– Как это вам удалось так быстро снизиться? Мы ожидали вас не раньше, чем через два часа.

– Корабль новой модели, – дипломатично ответил Тревайз.

Однако Кендрей только с виду казался невежественным юнцом. Войдя в рубку, он поинтересовался:

– Гравитационный?

Тревайз не видел смысла отнекиваться и небрежно кивнул:

– Да.

– Очень интересно. Слышать-слышали, а видеть как-то не доводилось. Двигатели в обшивке?

– Попали в точку.

Кендрей взглянул на компьютер.

– Системы компьютера тоже?

– Да. По крайней мере, мне так говорили. Сам я их никогда не видел.

– Ну да. Будьте добры, я должен взглянуть на судовую документацию: номера двигателей, место производства, идентификационный код и все такое прочее. Уверен – у вас загнано все это в компьютер, Чистая формальность, на полсекунды.

Но процедура заняла гораздо больше времени. Кендрей оглянулся и спросил:

– На борту три человека?

– Да.

– Какие-нибудь животные? Растения? Состояние здоровья?

– Нет. Нет. Хорошее, – отчетливо отвечал Тревайз.

– Угу, – сказал Кендрей, делая пометки. – Не будете ли вы столь любезны приложить сюда вашу руку? Чистая формальность. Правую руку, пожалуйста.

Тревайз взглянул на прибор без особой радости. Он использовался все более и более широко и быстро совершенствовался. Об отсталости планеты можно было теперь запросто судить по качеству микродетектора. В нескольких новых мирах, совсем отсталых, их вообще не имели. Начало этому было положено во времена окончательного распада Империи, когда каждый ее осколок стал проявлять все более растущую озабоченность в самозащите от инфекций и чуждых микроорганизмов.

– Что это? – тихо, но с любопытством спросила Блисс, наклонившись над прибором и оглядев его со всех сторон.

– Микродетектор, – сказал Пелорат, – наверное, так он называется.

– Ничего загадочного, – добавил Тревайз. – Он автоматически проверяет кусочек вашего тела, изнутри и снаружи, на присутствие микроорганизмов, способных вызывать болезни.

– Он способен также классифицировать микроорганизмы, – уточнил Кендрей с нескрываемой гордостью. – Он разработан здесь, на Компореллоне. Если вы не против, я все еще в ожидании.

Тревайз протянул правую руку и стал смотреть, как серия маленьких красных точек затанцевала вдоль ряда горизонтальных линий, Кендрей прикоснулся к кнопке, из прибора выпала цветная копия этой картинки.

– Будьте добры подписать здесь, сэр, – сказал он.

Тревайз подписал.

– Ну как? – спросил он. – Надеюсь, я не слишком опасен?

– Я не физиолог, так что не могу сказать точно, но отметок, при наличии которых вы должны быть отправлены назад или поставлены на карантин, я не вижу. Это все, что меня интересовало.

– Просто подарок судьбы, – сухо сказал Тревайз, потряхнув затекшей рукой.

– Теперь вы, сэр.

Пелорат сунул руку в щель детектора немного боязливо, а затем подписал копию.

– Вы, мэм?

Спустя мгновение Кендрей, глядя на результат, ошеломленно проговорил:

– Никогда не видел ничего подобного... – Он восхищенно взглянул на Блисс. – Все анализы отрицательны! Все до одного!

Блисс очаровательно улыбнулась:

– Как замечательно!

– Да, мэм. Я завидую вам. – Он снова взглянул на первую копию. – Вашу идентификационную карточку, мистер Тревайз.

Тревайз протянул ему карточку. Кендрей заглянул в нее и удивленно посмотрел на Тревайза.

– Советник Магистратуры Терминуса?

– Совершенно верно.

– Высокопоставленный чиновник Академии?

– Совершенно верно, – холодно сказал Тревайз. – Если позволите, давайте побыстрее закончим.

– Вы капитан корабля?

– Да, я.

– Цель визита?

– Безопасность Академии – вот все, что я могу вам ответить. Надеюсь, это ясно.

– Да, сэр. Как долго вы намерены здесь пробыть?

– Не знаю. Возможно, неделю.

– Очень хорошо, сэр. А другой джентльмен?

– Это доктор Дженов Пелорат. У вас есть его подпись, и я ручаюсь за него. Он ученый с

Терминуса и мой помощник в том деле, ради которого я здесь.

– Я понимаю, сэр, но я должен посмотреть его идентификационную карточку. Закон есть закон, увы. Надеюсь, вы меня понимаете, сэр.

Пелорат протянул свой документ.

Кендрей кивнул.

– А вы, мисс?

Тревайз сказал тихо:

– Нет нужды беспокоить леди. Я ручаюсь и за нее тоже.

– Да, сэр, но мне нужна идентификационная карточка.

– Я сожалею, но у меня нет никаких документов, сэр, – сказала Блисс.

Кендрей нахмурился.

– Прошу прощения!

– Эта юная леди не успела ничего взять с собой. По оплошности. С ней все в порядке, Тут я несу полную ответственность.

– Я хотел бы позволить вам это, но не могу. Ответственность здесь несу я. Но это не так уж важно. Получить дубликат несложно. Юная мисс, я полагаю, с Терминуса?

– Нет.

– Но хотя бы с территории Академии?

– Нет.

Кендрей пристально посмотрел на Блисс, затем на Тревайза.

– Это усложняет дело, Советник. Получение дубликатов с планеты, не входящей в пределы владений Академии, потребует дополнительного времени. Мисс Блисс, назовите планету, откуда вы родом, и мир, гражданкой которого вы являетесь. Затем придется ждать получения дубликата идентификационной карточки.

– Погодите, мистер Кендрей, – сказал Тревайз. – Я не вижу причин для задержки. Я высокопоставленный чиновник Академии и здесь с миссией огромной важности. Меня не должна задерживать бумажная рутина.

– Я не виноват, Советник. Если бы это зависело от меня, я позволил бы вам опуститься на Компореллон прямо сейчас, но надо мной висит толстенный свод правил. Я должен поступать согласно этому своду, или он обрушится на меня. Наверное, на Компореллоне вас ожидает важная персона. Если вы скажете мне, кто это, я свяжусь с этим человеком, и если мне прикажут пропустить вас, я так и сделаю.

Тревайз мгновение помедлил.

– Это будет недипломатично, мистер Кендрей. Могу я поговорить с вашим непосредственным начальником?

– Конечно, можете, но вряд ли вам удастся увидеться с ним немедленно.

– Я уверен, что он придет сразу же, когда поймет, что будет говорить с чиновником из Академии.

– Пожалуй, – сказал Кендрей, – но, между нами говоря, это только ухудшит положение дел. Мы не часть территории метрополии Академии, как вам должно быть известно. Мы присоединились к ней как союзная планета и воспринимаем это исключительно серьезно. Люди беспокоятся, как бы Компореллону не превратиться в марионетку Академии – так у нас говорят, уж вы простите, и демонстративно выдерживают дистанцию между Компореллоном и Академией, выказывая свою независимость. Мой начальник заработает в глазах планеты больше очков, если воспротивится предоставлению особых привилегий чиновнику из Академии.

Тревайз помрачнел.

– И вы тоже?

Кендрей покачал головой.

– Я вне политики, сэр. Никто ни за что мне никаких очков не начислит. Я буду счастлив, если мне хотя бы выплатят жалование. Получить я ничего не получу, а вот разжаловать могут и очень даже просто.

– Но, учитывая мой пост, я смог бы позаботиться о вас.

– Нет, сэр. Извините, если это звучит дерзко, но я не думаю, что вам это под силу. И еще, сэр, мне даже неловко говорить, только, пожалуйста, не предлагайте мне ничего цепного. Известны примеры, когда наши чиновники принимали подобные предложения, а когда все это раскрывалось, им не поздоровилось.

– Я и не думал давать вам взятку. Я только представил, что мэр Терминуса может сделать с вами, если вы помещаете моей миссии.

– Советник, я в совершенной безопасности до тех пор, пока мне порукой свод правил. Если члены Президиума Компореллона получают какой-либо выговор от Академии, это их забота, а не моя. Единственное, чем могу помочь, сэр, так это пропустить на корабле вас и доктора Пелората. Если вы оставите мисс Блисс на орбитальной станции, мы задержим ее здесь ненадолго и отправим на Компореллон, как только прибудет дубликат ее бумаг. Если ее документы по какой-либо причине не прибудут, мы будем вынуждены отправить ее назад, на ее планету, с торговым кораблем. Боюсь, впрочем, что в этом случае кому-нибудь придется оплатить ей дорогу.

Тревайз заметил, как отреагировал на это заявление Пелорат, и сказал:

– Мистер Кендрей, могу я поговорить с вами с глазу на глаз в рубке?

– Хорошо, но я не могу слишком долго оставаться на борту, иначе это вызовет законное подозрение.

– Это совсем ненадолго, – заверил Тревайз. Войдя в рубку, Тревайз демонстративно закрыл поплотнее дверь и проговорил вполголоса:

– Я бывал во многих местах, но нигде не встречал таких суровых требований по соблюдению выполнения мельчайших подробностей правил иммиграции, особенно для граждан Академии и ее чиновников.

– Но юная леди не из Академии.

– Ну и что?

– Порядок есть порядок. У нас, видите ли, вышло несколько крупных скандалов, и теперь все очень ужесточилось. Если вы вернетесь к нам через год, вы, скорее всего, не встретите никаких затруднений, но сейчас я ничего не могу поделать.

– Попробуйте, мистер Кендрей, – сказал Тревайз, его голос стал гораздо мягче. – Я готов положиться на ваше милосердие. Давайте поговорим как мужчина с женщиной. Пелорат и я выполняем эту миссию уже довольно давно. Он и я. Только он и я. Мы хорошие друзья, но одиночество сказывается, если вы меня правильно понимаете. Не так давно Пелорат познакомился с этой миленькой леди. Не буду говорить вам, что и как произошло, но мы решили взять ее с собой. Общение с ней в известном смысле поддерживает наше здоровье. Вопрос, однако, в том, что Пелорат связан узами брака на Терминусе. Я свободен, но Пелорат старше и вошел в тот возраст, когда мужчин тянет на «подвиги». В такие лета стремятся вернуть назад молодость и все с ней связанное. Он не может ее бросить. В то же время, если она будет фигурировать официально, хорошенькая встреча ожидает старину Пелората, когда он вернется на Терминус. Никакого вреда от нее не будет, вы же понимаете. Мисс Блисс, как она себя называет, – славненькое имечко, учитывая ее профессию, – не блещет умом; мы не за это ее взяли с собой. Стоит ли вам вообще упоминать ее? Не могли бы вы внести в список только меня и Пелората? Первоначально ведь только мы в них и значились, когда покидали Терминус. Не стоит официально включать в список женщину, Кроме всего прочего, она абсолютно стерильна. Вы сами это установили.

Лицо Кендрея приняло официальное выражение.

– Я на самом деле не хочу причинять вам неудобства. Я готов войти в ваше положение и, поверьте, сочувствую вам. Послушайте, если вы думаете, что нести месяцами вахту на этой треклятой станции – шуточное дело, то вы жестоко ошибаетесь. И дело тут не в воспитании, это же Компореллон. – Он покачал головой. – И у меня тоже есть жена, так что я понимаю. Но поймите и вы, даже если я пропущу вас, как только обнаружится, что – уфф! – леди без документов, ее арестуют, у вас и мистера Пелората будут неприятности и вы будете вынуждены вернуться на Терминус. А сам я, как пить дать, полечу с работы.

– Мистер Кендрей, – сказал Тревайз, – положитесь на меня. Как только я окажусь на

Компореллоне, я буду в безопасности. Я смогу поговорить о моей миссии с нужными людьми, и, когда это будет сделано, неприятностей больше уже ни за что не возникнет. Я принимаю на себя полную ответственность за все, что произойдет, если произойдет, в чем я сильно сомневаюсь. Более того, я порекомендую повысить вас в должности, и вы обязательно получите повышение. Терминус всегда поддерживает нужных людей. А заодно дадим Пелорату поразвлечься.

Кендрей замялся, затем сказал:

– Ладно. Так и быть. Я пропущу вас, но предупреждаю: с этого момента я буду настаивать на своем алиби. Придется спасти свою шкуру, если все выплывет. Я пальцем не пошевелю, учтите, чтобы спасти ваши. Кроме того, я знаю, как обстоят дела на Компореллоне, а вы – нет; а Компореллон – жесток с теми, кто преступил закон.

– Благодарю вас, мистер Кендрей, – сказал Тревайз. – Моя шкура примет огонь на себя. Будьте покойны.

Глава четвертая На Компореллоне

13

Их пропустили. Орбитальная станция маленькой звездочкой растаяла позади. Через пару часов корабль должен были пройти сквозь облачный слой.

Гравитационному кораблю не было нужды гасить скорость на спиральной орбите, но все-таки он не мог сразу нырнуть вниз. Свобода от гравитации – это одно, но сопротивление воздуха остается, и никуда от него не денешься. Корабль мог спускаться по прямой, соблюдая при этом определенную осторожность: этот маневр нельзя было осуществлять на слишком большой скорости.

– Где мы спустимся? – озабоченно спросил Пелорат. – Я не могу отличить сквозь облака одно место от другого.

– Я тоже, не переживай, – успокоил его Тревайз, – но у нас есть официальная голографическая карта Компореллона, на которой виден рельеф материков и океанского дна – и политическое деление, кстати, тоже. Карта занесена в память компьютера, и это позволит сохранить ориентацию. Он совместит узор материков и морей планеты с картой, правильно сориентирует корабль и доставит нас к столице по спиральной траектории.

– Если мы появимся в столице, то немедленно попадем в атмосферу политических интриг. Раз там так сильны антиакадемические настроения, как говорил таможенник, нас могут ждать неприятности.

– Верно, но столица – это интеллектуальный центр планеты, и нужную информацию мы найдем либо здесь, либо нигде. Даже если тут недолюбливают Академию, сомневаюсь, что они чересчур откровенно высказывают эту нелюбовь. Мэр не питает ко мне большой и светлой любви, но все равно не позволит пренебрежительно обращаться с Советником, возникновения прецедента не допустит.

Блисс вышла из туалета с влажными после мытья руками, оправила платье, несколько не смущаясь от присутствия мужчин, и спросила:

– Надеюсь, экскременты включены в замкнутый цикл?

– Несомненно, – ответил Тревайз. – Как ты думаешь, надолго ли хватило бы нам запаса воды без переработки экскрементов? На чем, по-твоему, растут эти изысканно приправленные дрожжевые брикеты, которые мы едим, чтобы добавить пикантности нашим замороженным продуктам? Я не испортил тебе аппетит, Блисс?

– Вовсе нет. Откуда, по-твоему, пища и вода появляются на Гее? Или на этой планете? Или на Терминусе?

– Ну, на Гее, конечно, – хмыкнул Тревайз, – экскременты такие же живые, как и вы.

– Не живые. Обладающие сознанием. В этом вся разница. Уровень сознания, естественно,

очень низкий.

Тревайз брезгливо фыркнул, но ничего не ответил. Он только сказал:

– Я иду в рубку составить компанию компьютеру. Хотя он, честно говоря, в ней не нуждается.

– Можем мы присоединиться к компании, которая ему не нужна? – спросил Пелорат. – Я не могу успокоиться и окончательно поверить, что компьютер может доставить нас вниз самостоятельно, что он способен чувствовать близость других судов, приближение шторма или что там еще.

Тревайз широко улыбнулся.

– Зря сомневаешься. Компьютер управляет кораблем намного лучше меня. Ладно, пошли. Пожалуй, вам стоит посмотреть.

Они находились над солнечной стороной планеты; как объяснил Тревайз, карта в компьютере легче совмещается с реальным рельефом при солнечном свете, чем в темноте.

– Это очевидно, – сказал Пелорат.

– Не так уж и очевидно. Компьютер почти столь же быстро может сканировать местность и в инфракрасном свете, который поверхность излучает даже в темноте. Однако большая длина волн инфракрасного диапазона не позволяет компьютеру добиться такого же разрешения, как в диапазоне видимого света. Это означает, что компьютер не может видеть так же отчетливо в инфракрасных лучах, и, когда это не сверхнужно, я предпочитаю облегчить ему работу.

– А что, если столица на ночной стороне?

– Шансы примерно равные, – сказал Тревайз, – но если и так, то, как только карта будет совмещена с поверхностью при дневном свете, мы сможем совершенно уверенно спуститься к столице даже в полной темноте. И задолго до того, как мы к ней приблизимся, нас перехватят микроволновые лучи и сориентируют на наиболее удобный космопорт. Беспокоиться совершенно не о чем.

– Ты уверен? – спросила Блисс. – Ведь я без документов. Я обязана, как меня проинструктировали, ни в коем случае нигде не упоминать Гею. И что же мы будем делать, если у меня попросят документы, как только мы ступим на поверхность?

– Этого не должно случиться, – сказал Тревайз. – Все будут думать, что проверку мы прошли на орбитальной станции.

– А если все-таки потребуют?

– Будет день – будет пища. А пока и гадать не стоит.

– Знаешь, когда мы столкнемся лицом к лицу с трудностями, может оказаться слишком поздно.

– Я полагаюсь на мою изобретательность.

– Кстати, об изобретательности. Как ты ухитрился протащить нас через орбитальную станцию?

Тревайз взглянул на Блисс, и его губы медленно расплылись в загадочной улыбке, он стал похож на проказливого ребенка.

– Ум, ребята, с которым у меня все в порядке.

– Чем ты взял, дружочек? – спросил Пелорат.

– Все дело было в том, чтобы представить таможеннику ситуацию в нужном свете. Пытался запугать поначалу, сулил взятку. Я апеллировал к его разуму, лояльности к Академии. Ничего не вышло, и пришлось выложить последний козырь. Я сказал, что мы все дружно обманываем твою жену, Пелорат.

– Мою жену? Но, дружочек дорогой, у меня нет сейчас никакой жены.

– Я-то знаю, а он – нет.

– Под женой, я полагаю, вы подразумеваете некую женщину, которая является единичной, постоянной партнершей мужчины? – спросила Блисс.

– Поднимай выше, Блисс, – ответил Тревайз. – Постоянной партнершей с преимущественными правами, вытекающими из этого партнерства.

– Блисс, у меня действительно нет никакой жены, – занервничал Пелорат. – Раньше была, но теперь нет, притом довольно давно. Если ты желаешь совершить законный ритуал...

– О, Пел, – сказала Блосс и словно отмахнулась от чего-то, – зачем мне это? У меня неисчислимое множество партнеров, так же близких мне, как одна твоя рука близка другой. Это только изоляты чувствуют себя настолько отчужденными, что нуждаются в заключении искусственных договоренностей в целях иллюзорной замены истинного чувства партнерства.

– Но я изолят, Блосс, дорогая.

– Ты можешь со временем стать меньшим изолятом, чем теперь, Пел. Возможно, ты никогда не вольешься до конца в Гею, но уже и не будешь в полном смысле слова изолятом. Ты поймешь это, когда ощутишь заливающий тебя поток любви.

– Мне нужна только ты, Блосс.

– Это потому, что ты ничего об этом не знаешь. Но ты сможешь узнать.

Тревайз во время этого диалога не спускал сосредоточенного нетерпеливого взгляда с обзорного экрана. Облачное покрывало приближалось, и спустя мгновение все поле зрения окутал густой серый туман.

«Микроволновый диапазон», – мысленно скомандовал он, и компьютер немедленно переключился на распознавание отраженных сигналов радара. Облака вскоре исчезли, и на экране появилась поверхность Компореллона, окрашенная в разные цвета. Границы между областями с различной поверхностью слегка расплывались и подрагивали.

– Так и будет? – с некоторым разочарованием спросила Блосс.

– Да, пока не опустимся ниже облаков. А потом снова увидим все при солнечном свете.

И стоило ему только это сказать, как засияло солнце и нормальная видимость восстановилась.

– Понятно, – сказала Блосс, глядя на экран. Потом, повернувшись к Тревайзу, продолжила: – Зато непонятно другое. Почему для таможенника с орбитальной станции было так важно, обманывает ли Пел свою жену?

– А я сказал тому парню, Кендрею, что, если он отправит тебя назад, этот слух долетит до Терминуса и, естественно, до жены Пелората. Пелорат вследствие этого может попасть в пикантное положение. Я не уточнял, какого сорта неприятности его ожидали, но я старался, чтобы прозвучало так, словно дело его будет совсем худо. Есть такая штука – мужское братство, – ухмыльнулся Тревайз, – и один мужчина никогда не выдаст другого. Даже поможет, если нужно. Все очень просто! В другой раз они запросто могут поменяться ролями. Есть у меня подозрение, – сказал он с напускной серьезностью, – что подобное братство существует и у женщин, но, не будучи женщиной, я никогда не смогу в этом убедиться наверняка.

Лицо Блосс стало похоже на хорошенькую грозовую тучку.

– Это что, шутка? – обеспокоенно спросила она.

– Нет. Я серьезен, как никогда, – ответил Тревайз. – Я не утверждаю, что Кендрей разрешил нам посадку на Компореллон только ради того, чтобы спасти Дженова от гнева супруги. Мужская солидарность могла просто стать последней каплей в чаше моих аргументов.

– Но это же ужасно! – воскликнула Блосс. – Законы, именно законы помогают сплочению общества и связывают его воедино. Неужели это так легко и просто – пренебречь законами из-за таких пустяков?

– Ну, – протянул Тревайз, мгновенно перейдя к обороне, – некоторые из этих законов сами по себе пустяшны. Кое-какие планеты жутко ревниво относятся к посещениям своих секторов даже во времена мира и коммерческого процветания, какое сейчас царит благодаря Академии. Компореллон по каким-то причинам выделяется из общей массы. Внутренняя политика – дело темное. С какой же стати мы должны из-за этого страдать?

– Ты увливаешь от ответа. Если мы будем повиноваться только тем законам, которые считаем справедливыми и разумными, то законов не останется совсем, потому что нет закона, который хотя бы кто-нибудь не счел несправедливым. И если только пожелаем, то всегда сумеем найти причины не исполнять те или иные законы. А там недалеко до анархии и катастрофы, даже для самого ловкого проныры, не пережить катаклизма беззакония.

– Общество так легко не рушится, – сказал Тревайз. – Ты говоришь как Гея, а Гея, вероятно, не может понять тонкости сообщества свободных индивидуумов. Законы, установленные справедливо и разумно, могут без труда выжить и сохраниться при любой

погоде, но могут оставаться в силе и по инерции. Раз так, нарушать эти законы даже полезно – в знак признания того, что они стали больше не нужны или даже вредны.

– Тогда даже вор и убийца может утверждать, что он действует на пользу общества.

– Ты кидаешься в крайность. В суперорганизме Геи законы принимаются по всеобщему согласию, и никому не приходит в голову их нарушать. Можно сказать, что Гея живет как растение. В свободном сообществе присутствует элемент беспорядка, но это цена, которую приходится платить за способность создавать что-то новое и меняться. В целом, это разумная цена.

Блисс заметно повысила голос:

– Ты абсолютно неправ, если думаешь, что Гея живет как растение. Наши поступки, критерии, взгляды постоянно находятся под контролем. Гея развивается, переживая и думая, и, следовательно, меняется при необходимости.

– Если даже все обстоит именно так, как ты говоришь, ваши самоконтроль и развитие наверняка слабы, потому что на Гее нет ничего, кроме Геи. У нас же, даже когда почти все согласны, обязательно отыщется несколько упрямцев, и порой именно они оказываются правы. Если же они достаточно умны, энергичны и правы, они могут в конце концов победить и стать героями в будущем – подобно Гэри Селдону, который, создав психоисторию, противопоставил свою идею воззрениям всей Галактической Империи и победил.

– Он был победителем только до последнего времени, Тревайз, – возразила Блисс. – Вторая Империя, задуманная им, не родится. Вместо нее родится Галаксия.

– Родится ли? – мрачно буркнул Тревайз.

– Это твое решение, и, как бы ты ни спорил со мной о преимуществах изолятов, об их свободе становиться глупцами и преступниками, что-то, скрытое в тайниках твоего сознания, заставило тебя выбрать Гею.

– Сейчас в тайниках моего сознания, – еще более мрачно сказал Тревайз, – весьма приземленные соображения. Для начала – вот это, – кивнув в сторону экрана, на котором огромный город раскинулся до горизонта, добавил он.

Посреди кварталов приземистых строений, окруженные коричневыми полями, покрытыми легким туманом, торчали отдельные небоскребы.

Пелорат покачал головой.

– Как жаль. Я к тому, как трудно вас примирить, но вы втянули и меня в свой спор.

– Не переживай, Дженнов, – сказал Тревайз. – Можешь возобновить попытки, когда мы уберемся отсюда. Я клянусь держать рот на замке, если ты постарайся убедить Блисс заняться тем же самым.

«Далекая звезда» послала микроволновый луч, запрашивая разрешение на посадку в космопорте.

14

Кендрей, вернувшись на орбитальную станцию, угрюмо наблюдал, как мимо проплывает «Далекая звезда». Он явно не был доволен собой.

Он сажился ужинать, когда один из его напарников, тощий парень с широко поставленными глазами, жидкими светлыми волосами и белесыми бровями, вошел и уселся рядом.

– Что стряслось, Кен?

Кендрей скривился.

– Этот корабль, Гейтис, ну, который только что пролетел, – гравилет.

– Ты про тот странный, с нулевой радиоактивностью?

– Он и не мог быть радиоактивен. Он не нуждается в топливе. Гравилет, говорю же.

Гейтис кивнул.

– Это о нем нас предупреждали, верно?

– Верно.

– И он достался тебе. Счастливчик ты.

- Не сказал бы. У них на борту была женщина без документов, а я не сообщил о ней.
- Что? Заткнись. Я ничего не слышал. Ни слова больше. Хоть ты мне друг, но я не собираюсь задним числом становиться твоим соучастником.
- А я и не боюсь. Бояться-то особо нечего. Я *должен* был пропустить корабль на Компореллон. Им нужен был этот гравилет – или любой гравилет. Ты это знаешь.
- Верно, но ты мог бы, по крайней мере, сообщить о женщине.
- Не хотелось. Она незамужем. Ее просто подобрали для... для... ну, ты понимаешь.
- Сколько мужчин на борту?
- Двое.
- И они просто прихватили ее для... для этого? Они, должно быть, с Терминуса.
- Так и есть.
- Чего они только там, на Терминусе, не выделывают.
- Это точно. Что хотят.
- Мерзость какая. И они взяли ее с собой?
- Один из них женат и не хотел, чтобы его жена узнала про все такое... Если бы я сообщил о женщине на борту, его жене все стало бы известно.
- Но ведь эта дамочка не вернется на Терминус?
- Конечно, но его-то жена может узнать.
- Стоило ли тогда проявлять мужскую солидарность?
- Может, и не стоило, но отвечать-то не мне.
- Да тебя в порошок сотрут за то, что ты не сообщил о ней. Забота об этом развратнике – не извинение.
- Может, *ты* сообщишь?
- Наверное, я должен это сделать.
- А вот и не должен. Правительству нужен этот корабль. Если бы я настаивал на включении сведений о женщине в рапорт, экипаж мог бы передумать насчет посадки и махнуть к какой-нибудь другой планете. Наверное, правительству это бы не понравилось.
- А они тебе поверили? Ключнули?
- Думаю, да. Очень милая дамочка, кстати. Представь, такая красotka полетела с двумя мужиками, и чтобы женатый не воспользовался таким случаем... Знаешь, это соблазнительно.
- Сомневаюсь, что ты не против, чтобы твоя мадам узнала о таких словах – да даже о таких мыслях.
- И кто же бросится уведомить ее? Не ты ли? – вызывающе спросил Кендрей. – Давай. Ты знаешь много чего про меня.
- Возмущение в глазах Гейтиса сразу угасло, и он сказал, покачивая головой:
- То, что ты пропустил их, не принесет этим парням ничего хорошего, да ты и сам все понимаешь.
- Понимаю.
- Там, внизу, дамочку быстренько обнаружат. Тебе это, может, сойдет с рук, а вот им – навряд ли.
- Знаю, – вздохнул Кендрей. – Я виноват перед ними. Чего бы им ни стоило присутствие женщины на борту, это ничто по сравнению с тем, что может случиться из-за корабля. Капитан кое-что сболтнул...
- Кендрей умолк, и Гейтис поторопил его:
- Что сболтнул?
- Да так... Только если это выплывет, отвечать придется мне.
- Хорошо. Не хочешь – не говори.
- Не буду. Но я виноват перед этими мужиками с Терминуса.

Для любого, кто бывал в космосе и на себе испытал его однообразие, настоящее возбуждение от полета приходит во время посадки на очередную планету. Ее поверхность

бежит под вами, вы ловите взглядом мелькание земли и воды, геометрических фигур и линий, может быть, это города и дороги. Вы узнаете зелень лесов и травы, серую краску бетона, коричневую – открытой земли, белую – снега. Больше всего вас волнуют населенные участки; города, которые на каждой планете имеют свою планировку и архитектурные особенности.

Будь корабль обычным, и снижение, и посадка были бы более волнующими. «Далекая звезда» – дело другое. Она плыла сквозь атмосферу, снижая скорость благодаря мастерской манипуляции сопротивлением воздуха и гравитацией, и наконец замерла над космопортом. Дул порывистый ветер, а это сильно осложняло посадку. Двигатели «Далекой звезды» при посадке почти не оказывали сопротивления гравитационному полю планеты, вследствие чего и вес, и масса корабля снижались, и притом значительно. Если бы масса оказалась близкой к нулю, корабль снесло бы легким порывом ветра. При посадке поле гравитации планеты компенсируется, а вспомогательные реактивные двигатели включаются на небольшую мощность, создавая сопротивление не только притяжению планеты, но и порывам ветра. Без соответствующего компьютера это невозможно было бы сделать с такой точностью.

Вниз, вниз... с неизбежными небольшими смещениями, корабль дрейфовал, пока не опустился на очерченный участок взлетно-посадочного поля.

По бледно-голубому небу плыли легкие белые облака. Ветер дул резкими порывами даже у самой поверхности и, хотя больше не создавал особого риска для навигации, принес с собой холод. Тревайз вздрогнул и поежился, поняв, что их одежда совершенно не годится для компореллонской погоды.

Пелорат, наоборот, с радостью глядел по сторонам, глубоко вдыхал носом этот удивительный воздух и был не против немного охладиться. Он даже нарочно распахнул куртку, чтобы почувствовать ветер грудью. Он понимал, что скоро ему придется застегнуться и повязать шарф, но сейчас ему хотелось ощущать присутствие атмосферы – настоящей, какой не было и не могло быть на корабле.

Блисс поплотнее закуталась в пальто, надела перчатки и натянула на уши шапку. Вид у нее был совсем несчастный – казалось, она вот-вот заплачет.

– Этот мир злой, – пробормотала она. – Он не любит нас. Он нас не хочет.

– Ну почему, Блисс? – возразил Пелорат. – Уверен – местные жители любят свой мир, и он – э-э – любит их, если тебе так больше нравится. Не горюй, мы скоро окажемся в помещении, а там будет теплее.

Сообразив наконец, что словами не согреешь, Пелорат укутал ее курткой, а она крепко прижалась к его груди.

Тревайзу было некогда переживать из-за погоды. Он получил магнитную карточку от портовой службы, проверил ее в своем карманном компьютере и убедился, что она содержит необходимые подробности: номер и место его стоянки, номер и название двигателей корабля и так далее. Проверил еще раз на всякий случай, чтобы убедиться, включена ли охранная сигнализация, застрахован ли корабль по максимуму против всевозможных напастей (дело это было, в принципе, совершенно лишнее, поскольку корабль был абсолютно неуязвим при любых происках компореллонцев с их уровнем техники, а уж, если бы «Далекая звезда» пропала, от страховки не было бы никакого толку).

Тревайз нашел стоянку такси там, где она и должна была быть. (Ряд служб в космопортах по всей Галактике был стандартизован в смысле размещения, внешнего вида и функции. Это было насущно необходимо, принимая во внимание разношерстность прибывающей клиентуры.)

Он вызвал такси, обозначив направление лаконично: «Город».

Такси скользнуло к нему на диамагнитных полозьях, слегка покачиваясь под порывами ветра и дрожа от вибрации своего, прямо скажем, не слишком бесшумного двигателя. На темно-сером корпусе выделялись лишь белые знаки на задних дверцах. На водителе было темное пальто и белая меховая шапка.

Пелорат, кашлянув для уверенности, шепнул:

– Похоже, любимые цвета на этой планете – черный и белый.

– В городе может оказаться повеселее, – предположил Тревайз.

– Прокатимся до города, ребята? – дружелюбно поинтересовался водитель через

маленький микрофон, может быть, для того чтобы не открывать окна.

В его выговоре слышалась довольно милая нежная напевность, и понимать его было не так уж трудно – что само по себе очень неплохо на чужой планете.

– Можно, – согласился Тревайз.

Задняя дверь открылась. Блосс, а за ней Пелорат с Тревайзом уселись в такси. Дверь закрылась, и откуда-то сверху хлынул теплый воздух.

Блосс растерла руки и облегченно вздохнула.

Такси медленно тронулось. Водитель спросил:

– А корабль-то ваш – гравилет, небось?

– Если вы видели, как он приземлялся, сомнений у вас быть не должно, – сухо проговорил Тревайз.

– Стало быть, с Терминуса?

– А вы знаете другую планету, где могут собрать такой корабль?

Водитель, похоже, усваивал эту информацию, пока такси набирало скорость. Затем спросил:

– А вы всегда так – вопросом на вопрос?

Тревайз не сдавался:

– Почему бы и нет?

– В таком случае интересно, что вы ответите мне, если я спрошу прямо: «Ваше имя Голан Тревайз?»

– Я могу спросить: «Зачем вам это знать?»

Такси затормозило на окраине космопорта, и водитель сказал, вздернув брови:

– Здорово! Я попробую еще разок: «Вы – Голан Тревайз?»

Голос Тревайза стал холодным и враждебным:

– Какое вам до этого дело?

– Послушайте, – сказал водитель, – мы не двинемся с места, пока вы не ответите на мой вопрос. И если в течение двух секунд вы не дадите ясного ответа – «да» или «нет», – я выключу обогрев салона и подожду. Вы – Голан Тревайз, Советник Терминуса? Если ответ будет отрицательным, вам придется предъявить ваши идентификационные документы.

– Да, я – Голан Тревайз и как Советник Академии требую, чтобы со мной обращались со всей учтивостью, приличествующей моему рангу. Ваша манера обращения со мной может дорого вам обойтись.

– Скажу напрямик. – (Такси снова тронулось.) – Я старательно выбирал своих пассажиров, но предполагал посадить только двух мужчин. Женщина оказалась для меня сюрпризом, и я подумал – вдруг ошибся. Но, поскольку выяснилось, что я все же угадал, попрошу объяснить присутствие женщины, как только мы доберемся до места назначения.

– Вы не можете знать, куда мне нужно.

– Представьте себе, знаю. Вы направляетесь в Департамент Транспорта.

– Вовсе нет.

– Все не так просто, Советник. Если бы я был водителем такси, я бы доставил вас, куда вам угодно. Поскольку я им не являюсь, мы едем туда, куда мне угодно.

– Простите, – сказал Пелорат, наклонившись к водителю, – вы так похожи на водителя такси. И ведете именно такси.

– Кто угодно может вести такси. Но не каждый имеет на это лицензию. И не каждый автомобиль, выглядящий как такси, является таковым.

– Хватит болтать, – прервал его Тревайз. – Кто вы и что вам нужно? Помните, вы ответите за все перед Академией.

– Не я, – ответил водитель. – Мои начальники – возможно. Я всего-навсего агент Службы Безопасности Компореллона. Я выполняю приказ: обращаться с вами со всем почтением к вашему рангу, но везти туда, куда нужно. Советую вам вести себя осторожно. Машина вооружена, а у меня приказ – обороняться в случае нападения.

Машина, достигнув крейсерской скорости, двигалась совершенно бесшумно, и Тревайз сидел в этой тишине, как замороженный. Он был уверен, даже не глядя в сторону Пелората, что тот сейчас смотрит на него взволнованно, с застывшим в глазах немим вопросом: «Что нам делать? Пожалуйста, ответь!»

Тревайз украдкой глянул на Блисс. Та сидела спокойно и казалась совершенно беззаботной. А как иначе! Она несла в себе целый мир. Вся Гея, пусть их разделяли громадные расстояния, умещалась в ней. У Блисс были резервы, которые она могла призвать на помощь в случае реальной опасности.

Но что же произошло?

Ясно, чиновник с внешней станции, следуя заведенному порядку, отослал свой рапорт, не включив в него сведений о Блисс, и это вызвало интерес людей из КСБ и, кроме того, Департамента Транспорта. Почему?

Время было мирное, и Тревайз не слышал ни о каких особых трениях между Компореллоном и Академией. Он сам был важным чиновником Академии...

Так-так... Он сказал таможеннику с орбитальной станции – Кендрей, так его вроде бы звали, – что у него важное дело к правительству Компореллона. Он упирал на это, добиваясь права на посадку. Кендрей наверняка должен был сообщить об этом, а это, должно быть, вызвало такой пристальный интерес властей.

Тревайз не предвидел подобного развития событий, а ведь должен был, по идее.

Куда же девался его так называемый дар провидца? Или он уже сам поверил, что он – черный ящик, как им его числила Гея? Сел в лужу, поддавшись растущей самоуверенности, основанной на глупом чужом суеверии?

Как он мог себе такое позволить! Неужели он ни разу в жизни не ошибался? Разве он когда-нибудь знал, какая завтра будет погода? Разве он хоть раз выигрывал круглые суммы в лотерею? Нет, нет и нет. Ну, тогда... может, только в великих, глобальных, галактического масштаба делах он мог оказаться прав? Как он мог судить?

Ладно, судить! Это все лирика. В конце концов одно только то, что он заявил о важном государственном деле – нет, он сказал, что речь идет «О безопасности Академии»...

Хорошо. Значит, тот факт, что он появился здесь по делу, касающемуся безопасности Академии, но вел его в тайне, не разглашая его сути... наверняка должен был привлечь внимание здешних властей. Да, но до тех пор пока они не знали, что это за дело, Служба Безопасности должна была действовать очень осмотрительно. Они должны были вести себя учтиво и обращаться с ним, как с важным сановником. Они не должны были похищать его и прибегать к угрозам.

А они именно это и сделали. Почему?

Что заставило их почувствовать себя настолько могущественными, чтобы позволить себе обращаться с Советником с Терминуса подобным образом?

Может быть, дело в Земле? Работала ли сейчас та самая сила, которая скрыла планету-прародительницу так умело даже от величайших менталистов Второй Академии? Не она ли перехватила его на самой первой стадии поисков Земли? Была ли Земля всезнающей? Всемогущей?

Тревайз покачал головой. Нет, это верный путь к паранойе. Винить Землю во всем? Неужели каждый поступок, каждый поворот пути, каждое стечение обстоятельств – результат тайных действий Земли? Стоило ему начать думать в таком духе, как у него просто руки опускались.

Тут Тревайз почувствовал, что машина тормозит, и от толчка вернулся к реальности.

Они уже долго ехали по городу, а он даже не удосужился посмотреть в окно. Тревайз поспешно перевел взгляд па дорогу. Здания были невысокими, но на холодной планете большая часть строений, вероятно, уходила под землю.

Тут не было и в помине ярких цветов – все серое и белое. Это как-то не вязалось с привычками людей.

По улицам брели редкие прохожие, кутаясь в теплую одежду. Правда, основная масса

людей могла находиться тоже, по большей части, под землей.

Такси остановилось перед приземистым, широким зданием, построенным в углублении, дна которого Тревайз разглядеть не мог. Прошло некоторое время, но машина оставалась на месте и сам водитель не двигался. Шерстинки меха его высокой белой шапки почти касались потолка салона машины.

Тревайз, неизвестно почему, задумался: как водитель ухитряется входить и выходить из машины, не сбивая при этом шапку с головы? Наконец, с трудом сдерживая возмущение, как и подобало надменному и презирающему всех, кто ему не ровня, сановнику, он процедил сквозь зубы:

– Ну, водитель, долго мы тут будем торчать?

Компореллонская версия силовой перегородки, отделяющей водителя от пассажиров, была не такой уж примитивной. Звуковые волны могли свободно проникать сквозь нее, но Тревайз не сомневался, что материальные объекты, обладающие солидным запасом энергии, пройти сквозь нее не смогут.

– Сейчас кто-нибудь поднимется и встретит вас, – сказал водитель. – Сидите и не дергайтесь.

Как только он это сказал, над краем углубления, в котором стоял дом, медленно и плавно появились три головы. Вслед за ними вскоре показалось и остальное. По-видимому, новые действующие лица поднимались на каком-то подобии эскалатора, но оттуда, где сидел Тревайз, деталей этого устройства видно не было.

Как только эти трое приблизились, дверь салона такси распахнулась и внутрь хлынул поток холодного воздуха.

Тревайз вышел наружу, подняв воротник куртки. Остальные последовали за ним – Блосс с явной неохотой.

Трое компореллонцев выглядели довольно смешно – на всех были забавные надутые костюмы, вероятно, с электрическим подогревом. Тревайзу стало жалко компореллонцев. Такие костюмы были не в ходу на Терминусе, и однажды ему случилось одолжить пальто с подогревом, когда выпало зимовать на одной из планет Анакреона. Он обнаружил тогда, что нагревается пальто крайне медленно, а когда понимаешь, что тебе стало слишком тепло, ты уже мокрый с ног до головы.

Когда компореллонцы приблизились, Тревайз с гневом обнаружил, что они вооружены. Они и не пытались скрыть это. Напротив, бластер в кобуре у каждого из них болтался поверх одежды.

Один из подошедших, остановившись напротив Тревайза, грубовато сказал: «Прошу прощения, Советники, а затем резким движением распахнул на нем куртку. Протянув руки, он быстро провел вверх и вниз по груди и спине Тревайза, затем по бокам и бедрам, затем обыскал куртку. Тревайз был настолько обескуражен, смущен и удивлен, что понял, что это обыск, только тогда, когда все кончилось.

Пелорат, с перекошенным от возмущения и удивления ртом, выдержал обыск, произведенный вторым компореллонцем.

Третий приблизился к Блосс, но она не стала ждать, когда он до нее дотронется. Понимая, что от нее нужно, она сбросила пальто и осталась в легкой одежде под пронизывающим ветром.

– Видите? Я не вооружена, – холодно, под стать погоде, сказала она.

И действительно, это было видно любому. Компореллонец встряхнул се пальто, словно по его весу мог понять, есть ли там оружие – а может быть, он и вправду мог – и отступил назад.

Блосс накинула пальто, запахнула его, и на мгновение Тревайз восхитился ее поступком. Он знал, как Блосс относится к холоду, но ведь смогла заставить себя не дрожать, стоя на ветру в тонкой блузке и брюках. (Потом он, правда, подумал, не могла ли она при необходимости согреться теплом всей Геи.)

Один из компореллонцев махнул рукой, дав знак прибывшим следовать за ним. Двое других сопровождали их сзади. Пара-тройка прохожих, шедших мимо, не обратили никакого внимания на происходящее. То ли они были привычны к такому зрелищу, то ли (что вернее) их больше занимала проблема того, как бы поскорее попасть в помещение.

Подойдя ближе к краю углубления, Тревайз понял, что их конвоиры поднялись на подъемной рампе. Вшестером они тем же путем спустились вниз и миновали шлюз почти такой же сложный, как на космическом корабле. Конечно, он предназначался для удержания внутри не воздуха, а тепла.

И тут они вдруг сразу оказались внутри огромного здания.

Глава пятая Борьба за корабль

17

Первое впечатление Тревайза было таково, словно он оказался участником гипервизионной драмы – по заурядному историческому роману времен Империи. Здесь все напоминало декорации, что использовались каждым продюсером гипервизионных драм (скорее всего, все они использовали один и тот же комплект декораций), представляющие великий город-планету Трентор, город-повелитель Галактики, во всем его блеске и величии.

Здесь были и просторные площади, и оживленные потоки пешеходов, и юркие машины, несущиеся куда-то по отведенным для них трассам.

Тревайз посмотрел ввысь, почти уверенный в том, что увидит аэротакси, исчезающие в туннелях, но не увидел. И вообще стоило первой вспышке удивления угаснуть, как стало ясно, что на самом деле здание значительно меньше, чем то, которое могло бы выситься на Тренторе. Это было всего лишь здание, а не часть неразрывного комплекса, простирающегося на многие тысячи миль во всех направлениях.

Иными оказались и цвета. В гипервизионных драмах Трентор обычно демонстрировали в кричащих тонах, а одежда персонажей была абсолютно несуразна и неудобна. Однако и яркие краски, и причудливые одежды, по задумке, служили чисто символической цели – показать во всей красе упадок (непререкаемая точка зрения по нынешним временам) Империи и в особенности Трентора.

Однако, если так оно и было на самом деле, Компореллон являл собой полную противоположность этому упадку. Приглушенная цветовая гамма, на которую обратил внимание Пелорат еще в космопорту, полностью сохранилась и здесь.

Темно-серые стены, белые потолки, черная, белая и серая одежда. Часто попадались встречные в абсолютно черных костюмах, еще чаще – в серых, а вот в чисто-белых Тревайз никого не замечал. Фасоны были, правда, различные. Видимо, люди, лишенные возможности пользования красками, все-таки пытались найти способы отстоять свою индивидуальность.

Лица прохожих были невыразительны или, на худой конец, мрачны. У женщин волосы были коротко острижены, а у мужчин – подлиннее, на затылке скрепленные а короткий хвостик. Проходя мимо, никто не смотрел друг на друга. Казалось, тут у каждого на уме некое важное дело и нет в голове места ни для чего больше. Мужчины и женщины, одетые почти одинаково, отличались только длиной волос, выпуклостью груди и шириной бедер.

Троих гостей (или пленников!) провели в лифт, который опустил их на пять уровней. Затем их проводили до двери, на которой мелкими неприметными буквами, белым по серому, значилось: «Мица Лайзалор, МинТранс».

Возглавлявший процессию компореллонец коснулся таблички, которая спустя мгновение вспыхнула. Дверь отворилась, и они вошли.

Кабинет был большой и просторный. Отсутствие обстановки служило, возможно, сознательному воздействию на посетителей и демонстрировало могущество хозяина! кабинета.

Двое охранников стали у дальней стены, с каменными лицами. Их глаза зорко следили за каждым движением вошедших. Большой стол, немного отодвинутый назад, занимал центр кабинета. За столом сидела, по всей видимости, Мица Лайзалор – пышнотелая, с гладкой, холеной кожей, темноглазая. Две ее мускулистые ловкие руки с длинными, приплюснутыми на подушечках пальцами покоились на столе.

МинТранс – «Министр Транспорта», – предположил Тревайз. На ее сером костюме выделялись широкие, ослепительно белые лацканы. Двойная белая полоса пересекалась на груди. Тревайз видел, что, хотя костюм был скроен таким образом, чтобы скрыть выпуклости груди, белое Х невольно влекло к ним взгляд.

Министр, несомненно, была женщиной. Даже не глядя на ее груди, об этом можно было догадаться по коротким волосам; и хотя косметики на ее лице не было, черты его были явно женскими.

Голос у Министра тоже оказался женским – богатым, глубоким контральто.

– Добрый вечер, – сказала она. – Не часто мы устаиваемся чести принимать у себя людей с Терминуса. А также незарегистрированных женщин.

Ее взгляд скользил с одного на другого, затем остановился на Тревайзе, стоявшем подчеркнуто прямо, не скрывая недовольства.

– К тому же один из вас – член Совета.

– Советник Академии, – сказал Тревайз, стараясь, чтобы голос его гневно звенел. – Советник Голан Тревайз по заданию Академии.

– По заданию? – Министр вздернула брови.

– По заданию, – повторил Тревайз. – Почему же с нами здесь обращаются как с преступниками? Почему нас взяли под стражу вооруженные охранники и доставили сюда, словно пленников? Совету Академии, как вы, надеюсь, понимаете, это не понравится.

– И потом, – вмешалась Блисс, и ее голос прозвучал молодо и звонко по сравнению с голосом Министра, – мы что, так и будем стоять?

Министр окинула Блисс пристальным ледяным взглядом, затем подняла руку и приказала:

– Три стула сюда! Быстро!

Дверь открылась, и трое мужчин, одетых в полном соответствии со скромной компореллонской модой, поспешно внесли три стула. Гости сели.

– Теперь, – спросила Министр с ледяной ухмылкой, – вам удобно?

«Вот уж нет», – подумал Тревайз. Стулья подали жесткие, плоские, холодные, и сидеть на них оказалось жутко неудобно.

– Почему мы здесь? – спросил он.

Министр заглянула в бумаги, лежащие перед ней.

– Объясню, как только получу подтверждение имеющимся у меня данным. Ваш корабль – «Далекая звезда» с Терминуса. Это верно, Советник?

– Верно.

Министр выразительно взглянула на Тревайза.

– Я использовала ваш титул, обратившись к вам, Советник. Будьте так добры, используйте и вы мой.

– Будет ли достаточно «Мадам Министр»? Или нужно что-то еще позабористее?

– Ничего особенного, сэр, и вам даже не нужно использовать оба эти обращения. Или «Министр», или «Мадам», если хотите сэкономить время.

– Тогда я отвечу: «Да, Министр».

– Капитан корабля – Голан Тревайз, гражданин Академии и член Совета Терминуса – новоиспеченный Советник, правда? Вы – Тревайз. Я верно все назвала, Советник?

– Да, Министр. И так как я гражданин Академии...

– Я еще не закончила, Советник. Возражать потом будете. Вас сопровождает Дженов Пелорат, ученый-историк, гражданин Академии. Это вы, не так ли, доктор Пелорат?

– Да, это так, моя до... – Он сконфуженно умолк и ответил снова: – Да, это так, Министр.

Министр сцепила пальцы.

– В сообщении со станции, которое передали мне, нет упоминания о женщине. Она тоже член экипажа?

– Да, Министр, – твердо произнес Тревайз.

– Тогда я обращаюсь к ней. Ваше имя?

– Я известна под именем Блисс, – ответила Блисс, сидя прямо и говоря спокойно просто, – хотя мое полное имя длиннее, Мадам. Вы хотите услышать его целиком?

- Пока хватит и так. Вы гражданка Академии, Блосс?
- Нет, Мадам.
- Гражданкой какого мира вы являетесь, Блосс?
- У меня нет документов, подтверждающих гражданство какого-либо мира, Мадам.
- Нет документов, Блосс? – Министр сделала какую-то пометку в бумагах. – Я это отметила. Что вы делали на борту корабля?
- Я пассажир. Мадам.
- Потребовали ли Советник Тревайз или доктор Пелорат ваши документы, прежде чем взять вас на борт, Блосс?
- Нет, Мадам.
- Поставили ли вы их в известность об отсутствии у вас документов, Блосс?
- Нет, Мадам.
- В чем заключались ваши функции на борту корабля, Блосс? Соответствует ли ваше имя этим функциям?
- Я пассажир и не имела других функций, – гордо сказала Блосс.
- С какой стати вы привязались к нашей пассажирке. Министр? – вмешался Тревайз. – Какой закон она нарушила?
- Взгляд Министра Лайзалор скользнул с Блосс на Тревайза.
- Вы здесь впервые, Советник, – сказала она, – и не знаете наших законов. Тем не менее вы становитесь их субъектом, если прибываете в наш мир. Вы не приносите с собой свои законы; это общая установка Галактического права, я полагаю.
- Вы правы, Министр, но я все равно не понял, какие из ваших законов она нарушила.
- В Галактике общепринято, Советник, что визитер с планеты, расположенной вне доминионов того мира, который он посещает, обязан иметь при себе документы, удостоверяющие его личность. Многие миры беззаботны в этом отношении – живут за счет туризма или безразличны к порядку. Мы на Компореллоне не таковы. У нас здесь правовое общество. Эта дама – лицо без гражданства и, как таковое, нарушает наш закон.
- У нее не было выбора, – сказал Тревайз. – Я пилотировал корабль. Я привез ее на Компореллон. Она вынуждена была сопровождать нас, Министр, или вы полагаете, она должна была попросить нас вышвырнуть ее в космос?
- Это означает, что вы тоже нарушили наш закон, Советник.
- Нет, это не так, Министр. Я не чужак какой-нибудь. Я – гражданин Академии, а Компореллон с принадлежащими ему мирами входит в территорию Академии на правах ассоциированного члена. Как гражданин Академии я могу свободно путешествовать по Компореллону.
- Конечно, Советник, до тех пор, пока у вас есть документы, подтверждающие ваше гражданство.
- У меня они есть, Министр.
- Но даже будучи гражданином Академии, вы не имеете права нарушать наши законы, привозя с собой лицо без гражданства.
- Тревайз помедлил. Ясно: таможенник Кендрей не сдержал слова, так что не было нужды выгораживать его. Он сказал:
- Нас не задержали на иммиграционной орбитальной станции, и я усмотрел в этом позволение взять эту женщину с собой на планету, Министр.
- Это правда, вас не задержали, Советник. Это правда, что о женщине не сообщили служащие иммиграционной станции и она была пропущена. Я могу предположить, однако, что таможенник решил – и совершенно справедливо, – что гораздо более важно пропустить ваш корабль на поверхность и тем самым заполучить его, чем беспокоиться о лице без гражданства. То, что они сделали, прямо скажем, нарушение таможенных правил, и вопрос этот должен быть и будет рассмотрен, безусловно, в соответствующем порядке, но у меня нет сомнений, что решение будет такое: нарушение в данном случае было оправданным. У нас мир твердых законов, Советник, но мы учитываем обстоятельства.
- Тогда я попросил бы объяснить причину вашей суровости, Министр, – немного

помолчав, сказал Тревайз, – Если вы действительно не получали информации с орбитальной станции о присутствии лица без гражданства на борту корабля, тогда вы не знали и не могли знать, что мы нарушаем какой-либо закон в то время, покада шли на посадку. И тем не менее вы были готовы взять нас под стражу, как только мы сели, да вы, собственно, так и сделали. Почему вы это сделали, если у вас не было причин подозревать, что какой-либо закон нарушен?

Министр улыбнулась.

– Мне понятны ваши сомнения, Советник. Уверю вас, откуда бы мы ни получили подобные сведения касательно вашей пассажирки без документов, они не имеют никакого отношения к тому, что вас взяли под стражу. Мы действуем от имени Академии, с которой, как вы указали, мы состоим в договорных отношениях.

– Но это невозможно, Министр! – уставился на нее Тревайз. – Хуже того, это нелепо.

Министр медоточиво, негромко засмеялась и сказала:

– Вот забавно – почему вы решили, что нелепо хуже, чем невозможно, Советник? Впрочем, теоретически я с вами согласна. Однако, к несчастью для вас, ни то, ни другое места не имеет. Невозможно? Нелепо? Почему?

– Потому что я член правительства Академии и выполняю его задание, и невозможно, чтобы правительство захотело арестовать меня. Да и захоти, оно бы не смогло сделать этого, так как я обладаю парламентской неприкосновенностью.

– Ах, вы опустили мой титул, но вы сильно расстроены, и я вас прощаю. Однако будем точны. Меня не просили вас арестовывать. Я поступила так только для того, чтобы выполнить одну просьбу, Советник.

– Какую, Министр? – спросил Тревайз, стараясь не выйти из себя под испепеляющим взглядом демонической женщины.

– Конфисковать ваш корабль, Советник, и вернуть его Академии.

– Что?

– Вы опять не произнесли мой титул, Советник. Это большая ошибка. Подобная забывчивость не поможет решению вашего дела. Этот корабль не ваш личный, я полагаю. Ведь не вы же его спроектировали, не вы собрали, не вы приобрели?

– Конечно, нет, Министр. Он был передан мне правительством Академии.

– Тогда, вероятно, правительство Академии имеет полное право забрать его у вас, Советник. Видимо, это ценный корабль. – Тревайз промолчал. Министр продолжала: – Это гравилет, Советник. Их не может быть много даже у Академии. Там, должно быть, теперь сожалеют, что отдали вам один из этих немногих кораблей. Может быть, вы сумеете уговорить правительство предоставить вам другой, менее ценный корабль, который тем не менее вполне сгодится для вашего задания. Но тот корабль, на котором вы появились, мы обязаны конфисковать.

– Нет, Министр, я не могу отдать вам корабль. И не могу поверить, что Академия попросила вас об этом.

Министр усмехнулась.

– Не только меня, Советник. И не только Компореллон. У нас есть причины подозревать, что такая просьба была передана в каждый мир и регион, находящиеся под юрисдикцией Академии, или в каждый из союзничающих с ней. Из этого я заключаю, что Академия не в курсе ваших планов и упорно разыскивает вас. Вами недовольны, Советник. Из чего я далее заключаю, что у вас нет задания на Компореллоне от имени Академии, так как в этом случае ваши люди должны были бы знать, где вы находитесь, и связаться с нами особо. Короче, Советник, вы солгали мне.

– Я хотел бы взглянуть на копию запроса, который вы получили от Совета Академии, Министр, – сказал Тревайз в некотором замешательстве. – Думаю, я имею на это право.

– Конечно, если все пойдет согласно официальной процедуре. Мы относимся к процессуальным формальностям очень серьезно, Советник, и ваши права будут полностью защищены, уверю вас. Однако будет гораздо лучше и легче, если мы с вами договоримся здесь и сейчас – без огласки и необходимости в официозе. Мы предпочитаем, чтобы все сложилось именно так, и, я уверена, того же хочет и Академия. Она явно не желает, чтобы вся Галактика

узнала о беглом Советнике. Это может выставить Академию в нелепом свете, а мы с вами не так давно пришли к согласию, это будет хуже, чем нелепо, – гораздо хуже, чем невозможно.

Тревайз снова промолчал.

Министр подождала мгновение, затем продолжила, так же невозмутимо, как прежде:

– При любом раскладе, Советник, корабль мы намерены забрать. А вот наказание за провоз пассажирки без гражданства будет зависеть от того, какой путь мы выберем. Потребуется соблюдения законности, и это станет пунктом обвинения против вас, и все вы можете подвергнуться полному наказанию за это преступление, а оно может оказаться тяжелым, уверяю вас, Договоримся – ваша пассажирка может улететь торговым рейсом, куда пожелает, и вы, при желании, сможете к ней присоединиться. Либо, если Академия пожелает, мы можем снабдить вас одним из наших собственных кораблей в пригодном для полета состоянии при условии, конечно, что Академия возместит нам расходы, передав в наше распоряжение эквивалентный корабль. Либо, если по какой-либо причине вы не пожелаете вернуться на контролируемую Академией территорию, мы можем предложить вам убежище, а возможно, и постоянное компореллонское гражданство. Как видите, у вас есть много недурных вариантов, если вы склонитесь к дружескому соглашению, но их не будет вовсе, если вы продолжите настаивать на ваших официальных правах.

– Министр, вы слишком резвы, – усмехнулся Тревайз. – Вы обещаете невозможное. Вы никак не можете предложить мне убежище, если Академия требует от вас моей выдачи.

– Советник, я никогда не обещаю невозможного, – невозмутимо ответила Министр. – Требования Академии касаются только корабля, а не вас лично или кого-либо еще на борту. Их единственная просьба – вернуть судно.

Тревайз быстро взглянул на Блисс и сказал:

– Позвольте мне, Министр, коротко переговорить с доктором Пелоратом и мисс Блисс?

– Конечно, Советник. Пятнадцати минут вам достаточно?

– Да, Министр, но с глазу на глаз.

– Вас отведут в комнату и спустя пятнадцать минут приведут обратно, Советник. Вам не будут мешать и, уверяю, не станут подслушивать. Я даю вам слово и сдержу его. Однако вы будете под охраной, так что не будьте настолько глупы, чтобы думать о побеге.

– Не будем, Министр.

– А когда вы вернетесь, я буду ждать от вас добровольного согласия отдать корабль. В противном случае в действие вступит закон, и это будет гораздо хуже для вас, Советник. Понятно?

– Понятно, Министр, – ответил Тревайз, сдерживая гнев. Злиться было в высшей степени бесполезно.

18

Их отвели в маленькую, но хорошо освещенную комнату. Там стояли диван и два стула. Слышалось тихое урчание вентиляции. В целом, тут было намного более уютно, чем в грандиозном стерильном кабинете Министра.

Угрюмый высокий охранник сопроводил их сюда, по дороге не убирая руки с приклада бластера. Он остался за дверью, когда они вошли, и грозным голосом напомнил:

– У вас пятнадцать минут.

Как только он это сказал, дверь скользнула по пазам и с глухим стуком захлопнулась.

– Будем надеяться, что нас не подслушивают, – сказал Тревайз.

– Она дала слово, Голан, – упрекнул друга Пелорат.

– Ты судишь о других по себе, Дженов. Ее так называемое «слово» не стоит ни гроша. Она нарушит его не задумываясь, если этого пожелает.

– Ну, тогда, – сказала Блисс, – я могу экранировать эту комнату.

– У тебя с собой экранирующее устройство? – изумился Пелорат.

– Разум Геи – экранирующее устройство, Пел, – улыбнулась Блисс, сверкнув белыми зубами. – Это потрясающий разум.

– Мы торчим здесь, – сердито буркнул Тревайз, – из-за тупости этого потрясающего разума.

– Ты о чем? – спросила Блосс.

– После ликвидации противостояния вы стерли меня из памяти и нашего мэра, и Оратора Второй Академии Гендибала. Никто из них теперь не вспомнит меня, разве только косвенно и абсолютно равнодушно. Я был предоставлен самому себе.

– Мы вынуждены были сделать это, – сказала Блосс. – Ты наш главный козырь.

– Ну-ну. Голан Тревайз, который-никогда-не-ошибается. Но вы не удосужились заодно стереть мой корабль из их памяти, верно? Мэр Бранно не вспомнила обо мне, я ей не интересен, но зато она вспомнила о корабле. Его она не забыла.

Блосс нахмурилась.

– Подумай об этом, – сказал Тревайз. – Гейя, вероятно, предположила, что я и мой корабль – нечто единое. Если Бранно не будет думать обо мне, стало быть, она не будет думать и о корабле. Беда и промашка в том, что Гейя не представляет себе, что такое индивидуальность. Она считает меня и корабль единым организмом и жестоко ошибается.

– Это возможно, – тихо сказала Блосс.

– Хорошо, Тогда дело твоей чести исправить эту ошибку, – решительно сказал Тревайз. – Я должен вернуть себе гравилет и компьютер. Этого достаточно. Следовательно, Блосс, устрой все так, чтобы корабль остался у меня. Ты ведь можешь управлять чужим сознанием.

– Да, Тревайз, но мы не так уж легко справляемся с этим. Во время тройного противостояния нам это удалось, но знаешь ли ты, как долго планировалось это противостояние, рассчитывалось, взвешивалось? На это ушли долгие годы. Я не могу просто подойти к женщине и перевернуть ее сознание на чей-то лад.

– Но разве сейчас не время...

Блосс яростно продолжила:

– Знаешь, так можно далеко зайти. Я могла воздействовать на сознание таможенника с орбитальной станции, и он, не раздумывая, разрешил бы нам посадку; могла бы воздействовать на сознание агента, и он позволил бы нам уйти...

– Хорошо, если на то пошло, почему ты этого не сделала?

– Потому что мы не знали, к чему это могло привести. Мы не представляли, какие могут быть последствия. Можно было с тем же успехом все испортить. Если я вмешаюсь в сознание Министра сейчас, это может сказаться на ее отношениях с теми, с кем она вступит в контакт, а так как она высокопоставленный чиновник в своем правительстве, это может повлиять на межпланетные отношения. До тех пор пока не будем точно знать всех тонкостей, мы не имеем права вмешиваться в ее мысли.

– Тогда зачем ты с нами?

– Затем, что может настать мгновение, когда в опасности окажется твоя жизнь. Тогда я должна буду любой ценой защищать ее, даже ценой жизни Пела или моей. Тебе ничто не грозило на орбитальной станции. Ничто не грозит тебе и сейчас. Ты должен выпутаться сам и поступать так до тех пор, пока Гейя не оценит последствий необходимых действий, а оценив, не предпримет их.

Тревайз обдумал сказанное Блосс.

– В таком случае придется постараться. Есть одна задумка. Не знаю, проскочит или нет.

Дверь открылась, уйдя в пазы с таким же шумом, как и тогда, когда закрывалась.

– Выходите, – приказал охранник.

По дороге Пелорат прошептал:

– Что ты задумал, Голан?

Тревайз покачал головой и прошептал в ответ:

– Точно не знаю. Попробую симпровизировать на ходу.

кабинет. При виде входящих по ее лицу пробежала мрачная ухмылка.

– Надеюсь, Советник Тревайз, вы вернулись, чтобы сообщить мне, что добровольно покидаете корабль Академии.

– Я вернулся, Министр, – спокойно возразил Тревайз, – обсудить условия.

– Какие условия? Какое обсуждение, Советник? Судебное разбирательство, если вы на нем настаиваете, может быть начато очень быстро и проведено еще быстрее. Я гарантирую вам осуждение даже при соблюдении справедливости, так как ваша вина в том, что особа без гражданства проникла на Компореллон, очевидна и неоспорима. Затем мы совершенно легально отберем корабль и вы все трое подвергнетесь тяжкому наказанию. Не навлекайте на себя это наказание. Мы ничего, кроме времени, не потеряем, поймите.

– А у меня такое мнение, что нам все-таки есть что обсудить, Министр, потому что независимо от того, как скоро вы осудите нас, вы не сможете захватить корабль без моего согласия. Любая попытка, какую вы предпримете для вторжения на борт без меня, приведет к гибели корабля, а с ним – и всего космопорта, и любого человека, который окажется поблизости. Это наверняка разгневет Академию, как бы вы потом ни выкручивались. Угрозы, принуждение открыть корабль наверняка противоречат вашим законам. И если вы от безысходности нарушите свои собственные законы и подвергнете нас пыткам или отправите в тюрьму, Академия узнает об этом и разбухнет еще сильнее. Как бы они ни хотели заполучить корабль, они не могут позволить подобного обращения с гражданином Академии. Так мы обсудим условия?

– Все это – чушь, – сердито нахмурившись, процедила сквозь зубы Министр. – Если понадобится, мы можем связаться с Академией. Они должны знать, как открывается их собственный корабль, а если нет, то смогут заставить вас открыть его.

– Вы не произнесли мой титул, Министр, но вы волнуетесь, так что я вас прощаю. Вы отлично понимаете, что последнее, на что вы пойдете, – это не то, чтобы связаться с Академией, потому что у вас нет никакого желания передавать ей корабль.

Лицо Министра посуровело:

– Что за дребедень, Советник?

– Такая дребедень, Министр, которую остальным, возможно, и слушать ни к чему. Позвольте моему другу с дамой устроится в каком-нибудь уютном отеле и обрести заслуженный после долгого пути отдых, отошлите охрану. Они могут остаться снаружи, а вам пусть оставят бластер. Вы не хрупкая женщина и, обладая бластером, сможете не бояться. Я безоружен.

– Я вас и без бластера не боюсь, – заявила Министр, наклонившись к Тревайзу через стол.

Не оборачиваясь, она подозвала одного из охранников. Тот подошел и остановился сбоку от Министра, прищелкнув каблуками. Министр отдала распоряжение:

– Охранник, доставьте эту парочку в номер. Пусть там у них будут все удобства и охрана. Вы несете ответственность за любую несправедливость по их адресу, так же как и за любое нарушение порядка с их стороны.

Министр встала, и, как ни старался Тревайз сохранять самообладание, он не удержался и чуть-чуть отшатнулся. Лайзалор оказалась очень высокого роста, не ниже, по крайней мере, Тревайза, возможно, даже на несколько сантиметров выше. У нее была тонкая талия, а две белые полосы, скрещивающиеся на груди и опускающиеся ниже, охватывая талию, делали ее на вид еще стройнее. Однако в фигуре Лайзалор была какая-то слоновья грация, и у Тревайза мелькнула мысль, что ее утверждение о том, что она его не боится, не лишено справедливости. «Случится подраться, – подумал он, – она без труда положит меня на лопатки».

– Пойдемте со мной, Советник, – сказала она. – Если вы собираетесь и дальше нести чепуху, тогда, как вы верно выразились, чем меньше народа вас услышит, тем лучше.

Она резво зашагала прочь из кабинета. Тревайз последовал за ней, чувствуя себя пигмеем в ее массивной тени – такого он никогда не испытывал прежде с женщиной.

Они вошли в кабину лифта, и, как только дверь закрылась, Лайзалор сказала:

– Мы теперь одни и, если у вас еще есть иллюзии, Советник, что вы можете померяться со мной силой, дабы чего-либо добиться, рекомендую оставить их. – И немного мягче добавила: –

На вид вы не слабак, Советник, но уверяю вас, мне ничего не стоит сломать вам руку – или хребет, если понадобится. Я вооружена другим, поэтому оружие мне не понадобится.

Тревайз задумчиво потер щеку, оценивая смирив министершу взглядом.

– Министр, я могу одержать победу в схватке с любым мужчиной моей весовой категории, но с вами я заранее отказываюсь драться. Я не дерусь, когда уверен в проигрыше.

– Вот и славно, – кивнула Министр. Было заметно, что она польщена.

– Куда мы направляемся, Министр, если не секрет?

– Вниз. Довольно глубоко. Однако не переживайте. В гипервизионных драмах героев всегда отводят в темницу, полагаю, но у нас на Компореллоне темниц нет – только обычные тюрьмы. Мы направляемся в мои личные покои. Там не так романтично, как в темнице старых грозных имперских времен, зато гораздо более комфортабельно.

По подсчетам Тревайза, они опустились не меньше, чем на пятьдесят метров ниже поверхности планеты, когда дверь остановившейся кабины скользнула в сторону и они вышли из нее.

20

Тревайз с нескрываемым удивлением огляделся по сторонам.

– Вам не нравится у меня, Советник? – спросила Министр.

– Нет, почему же, Министр. Наоборот, я поражен. Я не ожидал ничего подобного. Впечатление, которое я получил от вашего мира за то короткое время, что нахожусь здесь, от того немногого, что я видел и слышал, – это мир строгости, умеренности, а уж никак не томной роскоши.

– Так оно и есть, Советник. Наши ресурсы ограничены, и наша жизнь должна быть так же сурова, как и наш климат.

– Но все это, Министр... – И Тревайз развел руками, словно пытаясь обнять комнату, где, впервые на этой планете, увидел разные цвета, где на кушетке лежало множество мягких подушек, где от стен струился нежный свет, где устланный коврами пол приглушал звук шагов. – Это же настоящая роскошь.

– Мы отвергаем, как вы верно подметили, Советник, бесполезную роскошь, кичливую роскошь, излишне дорогостоящую роскошь. Тут же роскошь в чистом виде, которая к тому же полезна. Я много работаю и несу большую ответственность. Мне необходимо место, где я могу расслабиться, забыть ненадолго о тяготах, связанных с работой на посту Министра.

– И что же, все компореллонцы живут так же, когда за ними не подсматривают, Министр?

– Все зависит от степени ответственности и важности работы. Немногие могут позволить себе подобное, заслужить такое или, в соответствии с нашим моральным кодексом, возжелать этого.

– Но вы, Министр, можете позволить и то, и другое, и третье?

– Ранг имеет свои привилегии. – Лайзалор уселась на кушетку, которая заметно прогнулась под ее основательным весом, и указала на мягкий стул, стоявший рядом. – А теперь усаживайтесь, Советник, и откройте мне все ваши безумные мысли.

Тревайз сел и расслабился.

– Безумные, Министр?

– В приватной беседе нет нужды слишком пунктуально соблюдать формальности, – вальяжно промурлыкала министерша, облокотившись о подушку. – Можете называть меня Лайзалор. Я буду называть вас Тревайзом. Скажите мне, что у вас на уме, Тревайз. Давайте выкладывайте.

Тревайз положил ногу на ногу и откинулся на спинку стула.

– Поймите, Лайзалор, вы предоставляете мне выбор: либо согласиться покинуть корабль добровольно, либо стать подсудимым на официальном процессе. В обоих случаях вы в конце концов завладеете кораблем. Правда, вы убедительно советуете мне склониться к первой альтернативе. Вы готовы предложить мне другой корабль взамен нынешнего, на котором, как вы говорите, друзья и я можем отправиться куда угодно. Можем даже остаться здесь, на

Компореллоне, и ходатайствовать о гражданстве, если пожелаем. Что касается не таких ответственных решений... вы охотно позволили мне пятнадцать минут посоветоваться с друзьями. Вы даже привели меня сюда, в ваши личные покои, а мои друзья находятся сейчас, по-видимому, в комфортабельных номерах. Короче, вы подкупаете меня, Лайзалор, и притом откровенно, чтобы гарантировать себе обладание кораблем без необходимости судебного разбирательства.

– Послушайте, Тревайз, вы что, не считаете меня способной на обычные человеческие порывы? Думаете, не они мной движут?

– Представьте, думаю именно так.

– Или сомневаетесь в том, что добровольная капитуляция быстрее и удобнее, чем судебное разбирательство?

– Да! Есть у меня одно подозрение.

– Какое же?

– Суд имеет один недостаток – публичность. Вы несколько раз упоминали добросовестную правовую систему вашего мира, и смею предположить, вам будет затруднительно организовать процесс так, чтобы он не был целиком и полностью записан. А если так, то Академии все станет известно, корабль ускользнет из ваших рук, как только процесс закончится.

– Конечно, – без всякого выражения сказала Лайзалор. – Владелец корабля – Академия.

– С другой стороны, – продолжал Тревайз, – договоренность со мной не должна официально регистрироваться. Вы получите корабль и, поскольку Академия ничего не узнает, – они ведь даже не ведают, что мы находимся на этой планете, – Компореллон сможет оставить его себе. Уверен, это именно то, что вы собираетесь проверить.

– Зачем нам это, как вы думаете? – усмехнулась Лайзалор. Она все еще сохраняла бесстрастность. – Разве мы не часть конфедерации Академии?

– Не совсем. Ваш статус – ассоциированный член. На карте Галактики, где миры – члены конфедерации Академии показаны красным, Компореллон и зависимые от него планеты окрашены в бледно-розовый цвет.

– Даже если и так, то, будучи ассоциированным членом, мы призваны верно сотрудничать с Академией.

– Призваны? Разве Компореллон не грезит о полной независимости и о господстве? Вы – древний мир, Почти все миры объявляют себя старше, чем есть на самом деле, но Компореллон-то действительно древний мир.

Министр Лайзалор позволила себе холодную улыбку.

– Старейший, если верить некоторым из наших патриотов.

– Разве не было такого времени, когда Компореллон действительно был во главе пускай и небольшой группы миров? Неужели вы до сих пор не мечтаете о возвращении этого положения и былого могущества?

– Зачем мечтать о несбыточном? Я назвала ваши мысли безумными, когда вы еще рта не раскрыли, и как вижу, не ошиблась.

– Мечты могут быть несбыточными, но все, так или иначе, о чем-то мечтают. Терминус расположен на самом краю Галактики. Его пятивековая история короче истории любого другого мира. И он правит фактически всей Галактикой. Почему это недоступно Компореллону? А? – Тревайз улыбнулся.

– Терминус достиг такого положения, – не обратив внимания на его улыбку, сказала Лайзалор, – насколько мы понимаем, выполняя план Гэри Селдона.

– План – психологическая опора превосходства Терминуса и продержится, скорее всего, лишь до тех пор, пока люди верят в План. Возможно, само Компореллонское правительство в действительности не верит во все это. Кроме того, Терминус обладает еще одной опорой – техникой. Гегемония Терминуса в Галактике, несомненно, основана на его превосходстве в технике, в качестве образчика которой вы так страстно желаете заполучить мой гравилет. Ни один мир, кроме Терминуса, не располагает гравилетами. Если Компореллон сможет завладеть кораблем и разобраться в принципах его действия, это поможет вам совершить гигантский

технологический скачок. Уверен, это не позволит вам уйти из-под власти Терминуса, но ваше правительство, вероятно, надеется именно на это.

– Вы шутите, Тревайз? Любое правительство, захватившее этот корабль, тогда как Академия стремится во что бы то ни стало вернуть его, наверняка навлечет на себя гнев Академии. А история показывает, что Академия в гневе страшна.

– Гнев Академии может вспыхнуть только в том случае, если она знает, из-за чего и на кого ей гневаться.

– В этом случае, Тревайз, если предположить, что предложенный вами анализ – не безумие, разве не выгодно вам передать нам корабль и проверить тем самым выгодную сделку? Мы хорошо заплатим за то, что все останется в тайне, и обсудим ваши условия.

– А вдруг я возьму да и сообщу обо всем Академии?

– Ни за что. Вы не сможете скрыть свою роль в этом деле.

– Я могу объяснить, что действовал под принуждением.

– Можете. Тем не менее здравый смысл подсказывает вам, что ваш мэр не поверит ни единому вашему слову. Ну, соглашайтесь же.

– Не могу, мадам Лайзалор, – покачал головой Тревайз. – Корабль мой и должен остаться моим. Как я уже сказал, если вы попытаетесь силой проникнуть внутрь, может произойти мощный взрыв. Уверяю вас, это чистая правда. Не надейтесь на то, что я блефую.

– Вы можете разблокировать корабль и перепрограммировать компьютер.

– Несомненно, но я и не подумаю этого делать.

Лайзалор глубоко вздохнула.

– Вы знаете, что мы можем заставить вас передумать. Поговорим по душам, если не с вами, так с вашими друзьями – доктором Пелоратом и юной леди.

– Пытки, Министр? И это – ваша законность?

– Нет, Советник. Нам нет нужды прибегать к настолько примитивным методам. Всего-навсего психозондирование.

Впервые с момента прихода к Министру Тревайз похолодел. Было чего испугаться.

– Вы и этого не имеете права сделать. Использование психозонда для любых целей, кроме медицинских, считается противозаконным во всей Галактике.

– Но если ситуация продиктует такую необходимость...

– Я готов рискнуть, – сказал Тревайз, – но это не даст вам ровным счетом ничего. Мое стремление сохранить корабль настолько глубоко, что психозонд разрушит мой мозг раньше, чем перестроит его настолько, чтобы я отдал корабль вам. – («Это блеф», – подумал он и похолодел сильнее.) – И даже если вы будете настолько искусны, что переориентируете, убедите меня, не разрушив моего сознания, и если я разблокирую корабль, разоружу и передам его вам, все равно толку вам от этого не будет. Корабельный компьютер – вещь еще более совершенная, чем сам корабль, и он как-то устроен – я сам точно не знаю как, – чтобы работать с полной отдачей только со мной. Что-то вроде персонального компьютера в буквальном смысле.

– Предположим тогда, что вы передадите нам корабль, но останетесь его пилотом. Согласитесь пилотировать его для нас – как почетный гражданин Компореллона? Высокая оплата. Роскошь в пределах разумного для вас и ваших друзей.

– Нет.

– Что же вы думаете? Что мы дадим возможность вам и вашим друзьям сесть на корабль и покинуть планету? Предупреждаю вас: прежде чем мы позволим сделать это, мы сообщим Академии, что вы были здесь на своем корабле, а они уж пускай дальше сами решают, как с вами быть.

– И потеряете корабль?

– Если уж нам суждено его потерять, то пусть уж лучше он достанется Академии, чем наглому чужаку.

– Тогда позвольте изложить мой собственный вариант.

– Вариант? Хорошо, послушаю. Приступайте.

– Я выполняю важное задание, – тщательно подбирая слова, начал Тревайз. – Оно

началось при поддержке Академии. Поддержка исчезла, но миссия не стала от этого менее важной. Предоставьте мне взамен поддержку Компореллона, и, если я добьюсь успеха, Компореллон только выиграет.

– И ты не вернешь корабль Академии? – с нескрываемым сомнением, неожиданно переходя на «ты», спросила Лайзалор.

– И не собирался. Академия, уверяю вас, не искала бы корабль так рьяно, если бы они не догадывались, что никакого намерения возвращать его у меня нет, а если это и произойдет, то лишь случайно.

– Однако это далеко не то же самое, что твое согласие передать корабль нам.

– Как только я завершу свою миссию, корабль мне, больше не понадобится, я не стану возражать – пусть Компореллон забирает его. Все может быть.

Они оба молча некоторое время смотрели друг на друга.

– Вы использовали сослагательное наклонение, – взяла себя в руки Лайзалор. – Что значит «может быть»? Мы не можем считать это обещанием.

– Я мог бы и поклясться, но что толку? Да, мои обещания осторожны и скромны, но как раз в этом залог их искренности.

– Умно, – сказала Лайзалор, кивнув. – Мне нравится. Ну, а в чем заключается ваша миссия и какой от нее прок Компореллону?

– Нет, нет, теперь ваша очередь, – покачал указательным пальцем Тревайз. – Поддержите меня, если я докажу вам, что моя миссия важна и для Компореллона?

Министр Лайзалор встала с кушетки и сразу заполнила собой пространство.

– Я голодна, Советник Тревайз. Нет сил говорить на пустой желудок. Давайте перекусим, потом покончим с делами.

Тревайз на краткое мгновение поймал в ее взгляде что-то хищное. Улыбнуться ему удалось с невероятным трудом.

21

Угощение оказалось сытным, но жутко невкусным. Главным блюдом было вареное мясо под горчичным соусом с гарниром из листьев какого-то растения, но какого, Тревайз не смог распознать. Они не понравились ему горько-соленым вкусом. Позднее он узнал, что это какие-то морские водоросли.

Потом были поданы ломтики фруктов, по вкусу напоминавших яблоки с привкусом персика (довольно вкусные), и горячий темный напиток, настолько горький, что Тревайз осилил только половину и спросил, нельзя ли ему выпить просто холодной воды. Все порции оказались небольшими, но сейчас Тревайзу было не до сытости.

Обед проходил в интимной обстановке, без прислуги. Министр собственноручно разогрела еду, сервировала стол и сама убрала тарелки и приборы.

– Надеюсь, вам понравилось, – сказала Лайзалор, когда они покинули столовую.

– Очень вкусно, – отозвался Тревайз без всякого энтузиазма.

Министр снова устроилась на кушетке.

– Вернемся к нашему прерванному разговору. Вы сказали, что Компореллон может возмутиться тем, что Академия лидирует в технике и владычествует в Галактике. В общем-то, все так, но это может интересовать только тех, кого интересует межзвездная политика, а таких сравнительно мало. Что гораздо более важно, так это то, что среднего компореллонца приводит в ужас безнравственность, царящая в Академии. Безнравственность сейчас процветает в большинстве миров, но на Терминусе – это уж слишком. Я бы сказала, что любые антитерминусские настроения, существующие в нашем мире, проистекают, скорее, из этого, чем из каких-либо абстрактных материй.

– Безнравственность? – удивленно сказал Тревайз. – Какие бы ошибки Академии вы ни имели в виду, она управляет своей частью Галактики добросовестно, успешно и согласно законам. Гражданские права в целом не нарушаются и...

– Советник Тревайз, я говорю о сексуальной нравственности.

– В таком случае я понимаю вас еще меньше. В сексуальном плане мы абсолютно нравственное общество. Женщины у нас полноценно представлены во всех сферах общественной жизни. Наш мэр – женщина, и Совет почти наполовину состоит из...

По лицу Министра проскользнула раздраженная гримаса.

– Советник, вы смеетесь надо мной? Наверняка вы знаете, что означает сексуальная нравственность. Является ли брак таинством на Терминусе?

– Что вы подразумеваете под таинством?

– Существует ли официальная церемония бракосочетания?

– Конечно, если люди хотят этого. Такая церемония упрощает денежные и наследственные проблемы.

– Но разводы имеют место?

– Конечно. Безнравственно связывать людей друг с другом, если...

– Разве не существует религиозных ограничений?

– Религиозных? Некоторые разводят философию вокруг древних культов, но что общего это может иметь с браком?

– Советник, здесь, в Компореллоне, каждый аспект секса строго контролируется. Никакого секса вне брака. Его внешние проявления ограничены даже в браке. Нас просто шокируют те миры – и Терминус в особенности, – где секс, по-видимому, рассматривается больше как публичное наслаждение. Причем вам не особенно важно, где, как и с кем предаваться удовольствию без оглядки на религиозные ценности.

– Простите, – пожал плечами Тревайз, – но при всем желании я не могу учинить реформу в масштабе Галактики или даже Терминуса – и потом, какое отношение все это имеет к вопросу о моем корабле?

– К вопросу о вашем корабле имеет отношение общественное мнение, и оно ограничивает мои возможности свести дело к компромиссу. Граждане Компореллона ужаснутся, если узнают, что ты взял на борт молодую привлекательную женщину для удовлетворения похотливых желаний, твоих и твоего спутника. И именно в интересах безопасности всех вас я настаиваю на том, чтобы ты предпочел мирную капитуляцию открытому судебному процессу, – взъерилась Лайзалор.

– Как я понимаю, вы использовали обед, чтобы прибегнуть к угрозам после угощения... Что? Опасаться суда Линча?

– Я всего-навсего описала возможные опасности. Будете ли вы отрицать, что женщина, приглашенная вами на борт корабля, взята с какой-либо иной целью?

– Конечно, буду, могу опровергнуть это. Блисс – подруга моего друга доктора Пелората. Кроме нее, у него никого нет. Может быть, по вашим законам, их связь браком не является, но я уверен, что, по мнению Пелората и Блисс, они женаты на все сто.

– Хотите сказать, что не имеете с ней никаких отношений?

– Конечно, нет, – выпалил Тревайз. – За кого вы меня принимаете?

– Трудно сказать. Я не знаю, каковы ваши понятия о нравственности.

– Тогда позвольте объяснить, что мои понятия о нравственности диктуют мне непозволительность покушения на любую собственность моего друга – в частности, на его подружку.

– Вы даже не испытываете такого искушения?

– Искушение искушением, но соблазнить меня невозможно.

– Совсем невозможно? А, наверное, вас не интересуют женщины.

– Ну что вы! Очень даже интересуют.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы были близки с женщиной?

– Несколько месяцев, Этого не было с тех пор, как я покинул Терминус.

– Наверняка это вас не радует.

– Еще бы, – с чувством воскликнул Тревайз, – но ситуация такова, что у меня нет выбора.

– Наверняка ваш друг Пелорат, заметив ваши страдания, был бы рад поделиться с вами своей женщиной.

– Я ему про свои мучения не докладывал, но, если бы и так, он не захотел бы делить со

мной Bliss. И она, я думаю, не согласилась бы. Я ей не нравлюсь.

– Вы это говорите потому, что уже пытались проверить на практике?

– Не пытался. Мне не нужна проверка на практике. Да и она мне не особенно нравится.

– Удивительно! Она хороша собой и должна привлекать внимание мужчин.

– Внешне она на самом деле привлекательна. Но во мне она никаких порывов не будит.

Может быть, из-за того, что слишком юна, в некотором смысле еще совсем ребенок.

– Значит, вы предпочитаете зрелых женщин?

Тревайз замолк. Ловушка?

– Мне попадались и зрелые женщины – я ведь и сам не мальчик, – уклончиво ответил он. – А какое отношение это имеет к моему кораблю?

– Да забудьте вы про свой корабль хоть ненадолго! Мне сорок шесть лет, и я незамужем. Я все время была слишком занята, чтобы выйти замуж.

– В таком случае, по компореллонским правилам, вы должны были всю вашу жизнь посвятить воздержанию. Поэтому вы спрашивали, когда я последний раз был близок с женщиной? Хотели моего совета? Если так, я скажу, что это не еда и не вода. Это неприятно – обходиться без секса, но возможно.

Министр улыбнулась, и снова в ее взгляде мелькнуло что-то хищное.

– Зря вы так думаете обо мне, Тревайз. У каждого ранга – свои привилегии, особенно если вести себя осмотрительно. Я не так уж целомудренна. Тем не менее компореллонские мужчины не удовлетворяют меня. Я согласна с тем, что нравственность – абсолютное благо, но мужчины из-за своих понятий чувствуют себя виноватыми и в постели трусливы и неизобретательны. Долго раскачиваются, а потом спешат – словом, не мастера.

– Но я-то что могу с этим поделать? – исключительно осторожно спросил Тревайз.

– Хочешь сказать, – снова резко перешла на «ты» Лайзалор, – что это моя вина? Что я непривлекательна?

Тревайз протестующе поднял руку.

– Я вовсе не это хотел сказать!

– Ну, а как бы ты себя повел, представься тебе случай. Ты – мужчина из безнравственного мира, который, должно быть, имел богатую сексуальную практику и вдобавок, перенес несколько месяцев вынужденного воздержания в присутствии юной очаровательной женщины. Как бы ты повел себя с такой женщиной, как я, зрелой, которые, как ты сам признался, тебе по вкусу?

– Я вел бы себя с уважением и благопристойностью, приличествующей вашему высокому положению.

– Не дури! – прошептала Министр. Ее левая рука скользнула направо, к талии. Белая полоска вокруг нее ослабла и спала с груди и шеи. Черная ткань платья обвисла свободными складками.

Тревайз застыл. Было ли это у нее на уме... и с каких пор? Или это была взятка, чтобы добиться того, чего она не смогла добиться угрозами?

Платье соскользнуло с плеч Лайзалор. Ее груди оказались такими же, как она сама, – массивными, упругими, могучими.

– Ну? – сказала она.

– Великолепно! – совершенно откровенно восхитился Тревайз.

– И что же ты будешь делать?

– А как же моральный кодекс Компореллона, мадам Лайзалор?

– Что до него мужчине с Терминуса? Каков твой моральный кодекс? Не тани. Моя грудь холодна и жаждет тепла.

Тревайз встал и начал раздеваться.

Глава шестая Природа Земли

Тревайз, объятый чувством, похожим на наркотический дурман, гадал, сколько же прошло времени.

Рядом с ним лежала Мица Лайзалор, Министр Транспорта, на животе, повернув голову набок, с открытым ртом и громко храпела. Тревайз с облегчением понял, что она спит, и как только проснется, надеялся он, поймет, что спала.

Тревайз хотел еще поспать, но понимал, как важно отказаться от этого удовольствия. Проснувшись, она не должна увидеть его спящим. Мица должна поверить, что, когда она погрузилась в бессознательный транс, он еще бодрствовал. Ей и следовало ожидать такой прыти от терминусского распутника, и, пожалуй, лучше ее не разочаровывать.

Между прочим, он был на высоте. Он верно угадал, что Лайзалор, обладающая такими формами и силой, и политической властью, презирующая компореллонских мужчин, с которыми ей случалось быть в связи, и в то же время замороженная кошмарными историями (что же она слышала? – недоумевал Тревайз) о сексуальных подвигах развратников с Терминуса, будет стремиться доминировать. Скорее всего, она этого и ждала.

Тревайз пошел, на всякий случай, ей навстречу и, к счастью, оказался прав. («Тревайз-который-никогда-не-ошибается» – поддразнил он себя.) Это доставило Мице удовольствие, а Тревайзу дало возможность сберечь силы, пока она истощала свои.

Ему пришлось нелегко. У министерши оказалось изумительное тело (сорок шесть, сказала она, но за такое не стыдно было бы двадцатипятилетней гимнастке) и поистине неисчерпаемый запас энергии – энергии, уступавшей только той беззаботности, с которой она ее тратила.

«Честное слово, – думал Тревайз, – если ее немного обуздать, обучить (правда, останусь ли я жив после таких сеансов?), дать ей понять, чего она стоит и, что еще более важно, чего стою я, она могла бы стать неплохой любовницей».

Храп внезапно прекратился, и Лайзалор пошевелилась. Тревайз коснулся ее плеча и ласково погладил. Глаза Мицы открылись. Тревайз приподнялся на одном локте и постарался принять вид полного сил и энергии мужчины.

– Я рад, что ты поспала, дорогая, – сказал он. – Тебе нужно было отдохнуть.

Она сонно улыбнулась, и на мгновение Тревайз ужаснулся: вдруг Лайзалор захочет вернуться к прерванному занятию, но она лишь вяло приподнялась и перевернулась на спину, сказав нежным и довольным голосом:

– Я не ошиблась в тебе. Ты – король секса.

Тревайз попытался соорудить из себя скромника.

– Наверное, я перестарался.

– Нет, ты был то, что нужно. Я боялась, что ты обманул меня и все-таки был близок с этой женщиной, но ты доказал мне, что я зря боялась. Это правда, скажи?

Разве я был похож на полупресыщенного любовника?

– Нет, что ты! – И она громко рассмеялась.

– Ты все еще думаешь о психозондировании?

– Ты что, с ума сошел? – вновь рассмеялась она. – Могу же я думать о том, чтобы потерять тебя теперь?

– Знаешь, для тебя, пожалуй, было бы даже лучше терять меня время от времени...

– Что! – выдохнула Лайзалор.

– Если я буду торчать здесь все время, моя... моя прелесть, сколько пройдет времени, прежде чем глаза увидят, а рты зашепчут? Если же я продолжу свою миссию, я буду время от времени возвращаться для доклада, и будет только естественно, что мы будем какое-то время проводить наедине. Пойми, моя миссия на самом деле исключительно важна.

Она задумалась, рассеянно поглаживая крутое бедро, и наконец сказала:

– Наверное, ты прав, Мне не хочется думать об этом, но... Наверное, ты прав.

– И не бойся, что я не вернусь, – сказал Тревайз. – Я не такой дурак, чтобы забыть, что ожидает меня здесь.

Мица улыбнулась ему, нежно коснулась его щеки и спросила, глядя в глаза:

– Тебе было хорошо, любовь моя?

– Больше, чем хорошо, моя прелесть.

– А ведь ты – мужчина в расцвете сил с самого Терминуса. Ты, должно быть, знал самых разных женщин, истинных мастериц своего дела.

– Но ни одной – ни одной – похожей на тебя, – произнес Тревайз убежденно и легко, ведь в конце концов он говорил чистую правду.

– Хорошо, если ты меня не обманываешь, – благодушно проворковала Лайзалор. – Но все-таки старые привычки отмирают нелегко, и я не думаю, что смогу заставить себя доверять тебе на слово, просто так. Ты и твой друг Пелорат сможете продолжить вашу миссию, как только я ознакомлюсь с ней и сочту возможным одобрить, но задержу вашу спутницу здесь. Не волнуйся, с ней будут хорошо обходиться, но думаю, твой друг будет скучать по ней, а значит, захочет чаще возвращаться на Компореллон, чтобы увидеться с ней, даже если ты с головой уйдешь в дела.

– Но, Лайзалор, это невозможно.

– Неужели? – подозрительно прищурилась она. – Почему же невозможно? Зачем тебе нужна эта женщина?

– Не для секса. Я не лгал тебе и сейчас не лгу. Она не принадлежит Пелорату, и я ею не интересуюсь. С другой стороны, я уверен, что она просто сломается, если попытается проделать то, что вытворяла ты.

Лайзалор готова была улыбнуться, но, сдержав улыбку, строго спросила:

– Что же тогда тебе горевать из-за того, что она останется на Компореллоне?

– Потому что она – не последнее звено в успехе нашего дела. Мы обязательно должны взять ее с собой.

– Ну, тогда скажи наконец, в чем заключается ваша миссия? По-моему, пора бы открыться.

Тревайз ответил не сразу. Отвечать надо было честно. Он не мог придумать более эффектной лжи.

– Послушай, – сказал он. – Компореллон – древний мир, даже один из древнейших, но он не может быть самым древним. Человеческая жизнь зародилась не здесь. Первые человеческие существа пришли сюда из какого-то другого мира, и, возможно, жизнь человеческая зародилась даже не там, но была принесена с еще одной, более древней планеты. Очевидно, впрочем, что эта ретроспектива должна где-то оборваться, и мы должны в конце концов добраться до самого первого мира, мира, где появился человек. Я ищу Землю.

Перемена, внезапно произошедшая с Мицей Лайзалор, сильно смутила Тревайза.

Она выпучила глаза, задышала тяжело и неровно, каждый ее мускул, казалось, напрягся, хотя она лежала по-прежнему на спине. Она резко взмахнула руками и скрестила на обеих указательный и средний пальцы.

– Ты произнес ее имя, – хрипло прошептала она.

23

Больше она ничего не сказала, даже не взглянула на него. Ее руки медленно опустились, ноги скользнули к краю постели. Мица села спиной к Тревайзу. Он застыл, не шевелясь.

Тревайзу казалось, будто он отчетливо слышит слова Мунна Ли Компора, произнесенные им в безлюдном туристском центре на Сейшелле. Тот говорил о планете своих предков – той самой, на которой Тревайз находился сейчас. «У компореллонцев полно предрассудков насчет Земли. Всякий раз, когда при них или они сами упоминают это слово, они вскидывают обе руки с перекрещенными пальцами, чтобы отвести беду». Увы, вспомнил он о словах Компора поздновато.

– Что я такого сказал, Мица? – пробормотал он. Она покачала головой, встала и пошла в ванную.

Спустя мгновение раздалось журчание воды.

Оставалось только ждать. И Тревайз ждал, гадая, не пойти ли за Мицей в ванную.

Подумав, он окончательно решил, что этого делать не стоит. Но как только решил, так ему сразу нестерпимо захотелось попасть туда.

Мица наконец вышла и молча принялась одеваться.

– Ты не возражаешь, если я... – робко показал на душевую Тревайз.

Она промолчала, и он принял молчание за согласие.

Тревайзу хотелось пройти по комнате гордо и высокомерно, но чувствовал он себя почти так, как в те далекие дни, когда мать, обиженная каким-нибудь его проступком, наказывала не иначе, как молчанием, заставляя съеживаться от стыда.

Он оглядел изнутри кабину с голыми стенами. Тревайз присмотрелся внимательнее – ничего, то есть совсем ничего.

Он приоткрыл дверь, высунулся и спросил:

– Слушай, а как у тебя душ включается?

Она отставила дезодорант (по крайней мере, Тревайз предположил, что она пользовалась именно дезодорантом), прошествовала в душевую и, все еще не глядя на него, ткнула пальцем. Тревайз посмотрел в ту сторону и заметил пятнышко на стене – круглое, бледно-розовое, едва заметное, словно дизайнер был сердит на то, что вынужден нарушить совершенную белизну стен из-за столь пустяковой причины.

Тревайз недоуменно пожал плечами, дотянулся до стены и коснулся пальцами пятна. Вероятно, это и надлежало сделать с самого начала, так как моментально поток тонких струй ледяной воды обрушился на него со всех сторон. Сдержав вопль, он вновь прикоснулся к розовому кружку, и душ выключился.

Он снова приоткрыл дверь, понимая, что выглядит теперь еще более жалко, так как сильно дрожал и даже не мог внятно выговаривать слова. Он только сумел проквкать:

– А как же включается горячая вода?

Мица наконец удостоила его взглядом. Вид Тревайза был настолько жалок, что она не выдержала – прыснула и громко расхохоталась.

– Какая горячая вода? – отсмеявшись, спросила она. – Не думаешь ли ты, что мы будем тратить энергию на то, чтобы греть воду для мытья? Вода теплая, то есть не очень холодная. Чего еще тебе надо? Ах ты, неженка! Ну-ка иди мойся!

Тревайз замялся, но ненадолго, так как выбора у него не было.

Он неохотно коснулся розового кружка и попытался мысленно подготовить свое тело к готовым хлынуть ледяным струям. Теплая вода? Он почувствовал, как кожа покрывается мыльной пеной, и поспешно стал тереть себя с ног до головы, решив, что тут, скорее всего, существует некий заданный цикл подачи воды и, судя по всему, не особенно длинный.

Затем начался цикл ополаскивания. Теплая – ну, если не теплая, то все-таки не такая холодная вода омыла его совершенно промерзшее тело.

Стоило Тревайзу подумать о том, чтобы опять нажать на розовый кружочек, дабы выключить воду, и удивиться, как это могла Лайзалор выйти из ванной сухой – ведь здесь не было ни полотенца, ни чего-либо, хотя бы смутно его напоминающего, – вода перестала литься. А потом подуло, да так, что вполне могло бы сбить с ног, если бы не дуло со всех сторон сразу.

Воздух, в отличие от воды, оказался горячим, слишком горячим. Тревайз решил, что это потому, что для нагрева воздуха необходимо гораздо меньше затрат энергии, чем для нагрева воды. Горячий воздух испарил с него воду, и через несколько минут он вышел таким же сухим, словно никогда в своей жизни близко не подходил к воде.

Лайзалор на вид совершенно пришла в себя.

– Как себя чувствуешь?

– Здорово, – ответил Тревайз. Он и в самом деле чувствовал себя поразительно – бодро и свежо. – Мне нужно было только морально подготовиться к такой температуре. Ты ведь меня не предупредила...

– Неженка, – презрительно фыркнула Лайзалор.

Тревайз побрызгался ее дезодорантом и начал одеваться, внутренне страдая от того, что у него нет чистого белья.

– Как я должен называть... эту планету? – осторожно спросил он.

– Мы называем ее «Старейшая».

– Откуда я мог знать, что произнесенное мной название запрещено? Разве ты мне сказала?

– Разве ты спросил?

– Откуда мне знать, что нужно спрашивать?

– Зато теперь знаешь.

– Я могу и забыть.

– Лучше не забывать.

– Но в чем крамола? – Тревайз почувствовал, как разгорается в душе азарт спорщика. – Это же просто слово, сочетание звуков.

– Есть слова, которые не произносят, – угрюмо проговорила Лайзалор. – Разве ты произносишь все слова, какие знаешь, при любых обстоятельствах?

– Некоторые слова вульгарны, некоторые неподходящи, другие в какой-то ситуации могут оказаться жестокими. К каким из них относится слово, которое я произнес?

– Это слово печальное и торжественное. Оно обозначает планету, являющуюся прародиной для всех нас и более не существующую. Это трагично, и мы чувствуем это особенно, потому что она недалеко от нас. Мы предпочитаем не говорить о ней, а если вынуждены говорить, не произносим ее названия.

– А перекрещивание пальцев? Это что – облегчает боль и печаль?

Лайзалор вспыхнула.

– Это бессознательная реакция, и я не скажу тебе спасибо за то, что ты принудил меня к ней. Есть люди, которые верят, что это слово, даже произнесенное мысленно, приносит несчастье, а этим жестом они отводят его.

– Ты тоже веришь, что скрещивание пальцев помогает избежать несчастья?

– Нет... Или да, иногда. Мне будет не по себе, если я не сделаю этого. – Она отвела взгляд. Потом, словно стремясь сменить тему, быстро спросила: – И какое же значение имеет эта черноволосая женщина для успеха вашей миссии – достижения... той планеты, которую ты упомянул?

– Говори «Старейшей». Или ты предпочитаешь не говорить о ней даже так?

– Я предпочла бы не обсуждать это совсем, но я задала тебе вопрос.

– Видишь ли, у ее народа есть кое-какие традиции, которые, как она говорит, являются ключом к пониманию Старейшей, но только если мы доберемся до нее и сможем изучить тамошние записи.

– Она лжет.

– Возможно, но мы обязаны проверить это.

– Хорошо, у вас есть эта женщина с ее проблематичными, на мой взгляд, знаниями, и вы хотите попасть на Старейшую с ней. Почему вы очутились на Компореллоне?

– Для того, чтобы узнать местоположение Старейшей. У меня был один приятель... он, как и я, гражданин Академии. Предки его, однако, происходили с Компореллона, и он уверял, что многое из истории Старейшей было хорошо известно здесь.

– Неужели? А рассказывал он тебе что-нибудь из этой истории?

– Да, – сказал Тревайз, вновь возвращаясь к честности. – Он сказал, что Старейшая – мертвая планета с сильнейшей радиацией. Он не знал, откуда она взялась, но думал, что это могло быть результатом ядерных взрывов. Во время войны, вероятно.

– Нет! – воскликнула Лайзалор импульсивно.

– Нет – войны не было? Или нет – Старейшая не радиоактивна?

– Она радиоактивна, но войны никакой не было.

– Тогда как же она стала такой? Она не могла быть радиоактивна изначально, так как жизнь людей началась на Старейшей. В этом случае на ней никогда не смогла бы возникнуть жизнь.

Казалось, Лайзалор впала в замешательство. Она стояла, выпрямившись, и глубоко дышала, словно ей не хватало воздуха.

– Это в наказание, – сказала она наконец. – На этой планете пользовались роботами. Ты знаешь, что такое роботы?

- Да.
- У людей там были роботы, и за это они были наказаны. Каждый мир, имевший роботов, наказан и больше не существует.
- Кто наказал их, Лайзалор?
- Тот-Кто-Наказывает. Силы истории. Я не знаю, – она отвела взгляд, словно чувствуя себя неловко, затем тихо проговорила: – Спроси других.
- Я бы хотел, но кого я должен спросить? Есть ли на Компореллоне люди, которые изучают древнюю историю?
- Есть. Они не популярны среди нас – средних компореллонцев. Но Академия, ваша Академия, призывает к интеллектуальной свободе, как они это называют.
- Неплохой призыв, на мой взгляд, – заметил Тревайз.
- Все плохо, что навязывается извне, – парировала Лайзалор.
- Тревайз пожал плечами. Спорить не имело смысла.
- Мой друг доктор Пелорат изучает древнюю историю. Он был бы рад, я уверен, познакомиться со своими компореллонскими коллегами. Можешь устроить, Лайзалор?
- Есть такой историк, Бэзил Дениадор. Он работает в Университете, здесь, в городе, – кивнула она. – Он уже не преподает, но, возможно, сумеет тебе помочь.
- А почему он не преподает?
- Не то чтобы ему запрещают, просто студенты не хотят изучать его курс.
- Я полагаю, – сказал Тревайз, стараясь, чтобы в его словах не прозвучал сарказм, – что студентов подбивают не изучать его.
- Зачем он им нужен? Он скептик. У нас такие попадают, знаешь ли. Гордецы, противопоставляющие свой образ мыслей общепринятому, высокомерные, думают, что только они правы, а все остальные ошибаются.
- Разве не может быть так, что они действительно правы кое в чем?
- Никогда! – огрызнулась Лайзалор с такой твердой уверенностью, что стало ясно: дальше спорить – пустое дело. – Но, несмотря на весь свой скептицизм, он будет вынужден сказать тебе то же самое, что и любой компореллонец.
- И что же?
- А то, что, если ты ищешь Старейшую, ты не найдешь ее.

24

Пелорат задумчиво выслушал Тревайза, при этом его вытянутое серьезное лицо оставалось бесстрастным. И лишь после того, как Тревайз закончил, он сказал:

– Бэзил Дениадор? Что-то не припомню. Правда, возможно, вернувшись на корабль, я смогу найти его статьи в моей библиотеке.

– Ты уверен, что не слышал о нем? Подумай!

– Нет, не слышал. По крайней мере, сейчас вспомнить не могу, но, вообще говоря, дружочек дорогой, существуют сотни достойных уважения ученых, о которых я и слыхом не слыхивал, а если слышал, то не могу вспомнить.

– Значит, он не из разряда светил, иначе ты бы знал о нем.

– Изучение Земли...

– Лучше говорить «Старейшей», Джен. В противном случае ты сильно осложнишь себе жизнь.

– Изучение... Старейшей, – продолжил Джейнов, – неблагоприятное занятие, так что первоклассные ученые, даже в области первобытной истории, не стремятся найти призвание в нем. Или, говоря другими словами, те, кто уже занимается Землей, не сделают себе такого громкого имени, чтобы равнодушный мир признал их светилами, даже если они таковы. Любой скажет, что бывают специалисты и получше меня, я уверен.

– Я бы сказала, что ты самый лучший, – нежно произнесла Блисс.

– Да, конечно, ты бы так сказала, моя дорогая, – отозвался Пелорат, мило улыбнувшись, – но ты не можешь судить обо мне как об ученом.

Судя по времени, приближалась ночь, и Тревайз чувствовал, как терпение оставляет его. Это происходило с ним всегда, когда Блисс и Пелорат начинали говорить друг другу всякие нежности.

– Я попытаюсь организовать встречу с этим Дениадором завтра, – сказал он, – но если он знает о том, что нас интересует, столько же, сколько Министр, мы не продвинемся вперед ни на йоту.

– Возможно, он направит нас к кому-нибудь, кто окажется более полезен, – предположил Пелорат.

– Сомневаюсь. Отношение этой планеты к Земле – нет, я лучше закреплю привычку – отношение этой планеты к Старейшей – глупость и суеверие. – Он отвернулся. – Но день был трудный, и нам пора подумать об ужине, если мы сможем переварить их сомнительную стряпню, и потом надо будет подумать о том, как бы немного поспать. Вы уже познакомились со здешним душем?

– Дружочек, – ответил Пелорат, – с нами обходились очень вежливо. Мы выслушали уйму всевозможных наставлений, большинство из которых нам не пригодилось.

– Послушай, Тревайз, – сказала Блисс, – а что с кораблем?

– А что?

– Компореллонское правительство конфисковало его?

– Нет, я не думаю, что они осмелятся это сделать.

– О, очень приятно. А почему?

– Потому что я убедил Министершу изменить ее планы.

– Удивительно, – сказал Пелорат. – Мне она не показалась такой уж сговорчивой дамой.

– Я не знаю, – сказала Блисс. – Из структуры ее сознания стало ясно, что Тревайз будет подходящей кандидатурой в любовники.

Тревайз ошеломленно глянул на Блисс.

– Так это ты подстроила все это, Блисс?

– Ты о чем, Тревайз?

– Я имею в виду вмешательство в ее...

– Я не вмешивалась, Однако, когда я заметила, что ее влечет к тебе, я не могла удержаться, чтобы не снять кое-какие психологические барьеры. Они рухнули бы в любом случае, но мне показалось важным увериться в том, что она исполнена добрых чувств к тебе.

– Добрых чувств? Более чем исполнена! Она смягчилась, да, но уже потом, после того, как...

– Наверняка ты не хочешь сказать, дружочек...

– Почему бы и нет? – вопросом ответил Тревайз. – Она не первой молодости, но зато с опытом. Министерша не новичок, уверяю тебя. Не мог же я разыгрывать джентльмена и отказывать даме. Это была ее идея, но я и сам не устоял бы. Слушай, Джен, не гляди на меня как пуританин. Прошли месяцы с тех пор, как у меня была подобная возможность. У тебя... – И он неопределенно махнул рукой в сторону Блисс.

– Поверь мне, Голан, – сказал Пелорат смущенно, – если ты думаешь, что я осуждаю тебя, ты ошибаешься. Я совсем, совсем не против. Какой я пуританин?

– Но она пуританка, – сказала Блисс. – То есть я не предполагала пробудить в ней добрые чувства к тебе посредством пароксизма страсти.

– Но именно этого ты и добилась, маленькая, во все вмешивающаяся Блисс, – сказал Тревайз. – Министерше необходимо играть пуританку на публике, но если так, это, похоже, только подлило масла в огонь.

– Но если так, значит, она, разжигаемая страстью, способна предать Академию...

– Она должна была это сделать в любом случае, – ухмыльнулся Тревайз. – Она хотела получить корабль... – Он запнулся и спросил шепотом: – Нас не подслушивают?

– Нет!

– Ты уверена?

– Совершенно. Нельзя повлиять на сознание Геи любым недозволенным образом без того, чтобы Гея не заметила этого.

– В нашем случае Компореллон желает заполучить корабль для себя как ценную прибавку к своему флоту.

– Но Академия наверняка не позволит этого.

– Компореллон не горит желанием сообщать об этом Академии.

– В этом все вы, изоляты, – вздохнула Блосс. – Министрша готова предать Академию во имя Компореллона, но, отдавшись Тревайзу, незамедлительно предала также и Компореллон. А Тревайз, он рад продать свои мужские услуги, чтобы спровоцировать предательство. Что за беспорядок повсюду в вашей Галактике? Что за хаос?!

– Ты ошибаешься, девочка... – холодно сказал Тревайз.

– То, что я только что сказала, я сказала не как девочка, а как Гей. Я – вся Гей.

– Значит, ты ошибаешься, Гей. Я не продавал своих услуг. Я дарил ей радость. Я осчастливил ее и никому не принес вреда. Что касается последствий, то они оказались удачными для меня и я принял их. И если Компореллон жаждет получить корабль для своих собственных целей, как тут решить – кто прав, кто неправ? Корабль принадлежит Академии, а мне предоставлен для поисков Земли. Следовательно, он мой, пока я не завершу поиски. Стало быть, Академия неправа, отменяя свое же распоряжение. Что же до Компореллона, он не желает быть доминионом Академии и мечтает о независимости. По-своему он прав, поступая так и обманывая Академию, поскольку для него это не государственная измена, а проявление патриотизма. Кому судить?

– Точно. Кому судить? В Галактике, где царит анархия, можно ли отличить разумные поступки от неразумных? Как решить; что правильно, а что нет, что добро, а что зло, как отличить правосудие от преступления, полезное от бесполезного? А как объяснить предательство Министром своего собственного правительства, когда она позволяет тебе оставить корабль? Тоской по собственной независимости в мире, где независимость угнетается? Предательница она или просто человек, просто женщина, отстаивающая право быть самой собой?

– По правде говоря, – сказал Тревайз, – я не уверен, что она решила оставить мне корабль только из благодарности за доставленное удовольствие. И вообще, у меня сильное подозрение, что она приняла это решение только после того, как я сказал ей, что ищу Старейшую. Эта планета – для нее знак, а значит, и мы, и корабль, на котором мы странствуем в поисках ее, тоже несут отпечаток этого знака. Ей, вероятно, кажется, что, пытаясь добыть этот корабль, она навлекает несчастье на себя и свой мир, и теперь она с ужасом думает обо всем, и ей кажется, что, отпустив нас вместе с кораблем на все четыре стороны, она отведет от Компореллона беду, а это, по ее понятиям, проявление патриотизма.

– Если бы все так и было, в чем я лично сомневаюсь, Тревайз, источником этого решения оказался предрассудок. Ты согласен?

– Согласен не согласен – какая разница? Предрассудки обычно правят людьми при отсутствии достоверных знаний. Академия верит в План Селдона, хотя никто в нашем мире не может ни понять его, ни вникнуть в его детали, ни воспользоваться им для предсказаний. Мы следуем ему слепо, полагаясь только на веру. Разве это не предрассудок?

– Да, возможно, так оно и есть.

– А Гей что? Вы уверены, что я вынес правильное решение, объявив, что Гей должна поглотить Галактику и переродиться в один огромный организм, но вы не знаете, почему я прав и насколько безопасны для вас последствия моего решения. Вы стремитесь пойти по этому пути, отмечая все мои попытки найти факты, которые рассеяли бы неведение и помогли бы обойтись без слепой веры. Разве это не предрассудок?

– Мне кажется, он положил тебя на лопатки, Блосс, – заметил Пелорат.

– Вовсе нет, – сказала Блосс. – Эти поиски либо вовсе ни к чему не приведут, либо Тревайз найдет что-нибудь такое, что укрепит его в верности принятого решения.

– Опять одно и то же – смесь невежества и веры. Предрассудок, как ни крути.

Бэзил Дениадор оказался человеком маленького роста, с мелкими чертами лица и имел обыкновение смотреть на всех исподлобья, не поднимая головы. Все это, в сочетании с мимолетной улыбкой, время от времени освещавшей его лицо, создавало впечатление, что он молча посмеивается над всем и всеми на свете.

Его кабинет оказался длинным и узким, от пола до потолка забитым лентами с какими-то записями. Казалось, они находятся в диком беспорядке, но это была лишь иллюзия, так как ленты всего-навсего стояли в своих нишах, придавая полкам вид челюстей, владельцу которых, мягко говоря, не помешало бы обратиться к ортодонту. Три кресла, на которые ученый указал своим посетителям, принадлежали разным гарнитурам и носили следы недавней, но не очень тщательной чистки от пыли.

– Джен Пелорат, Голан Тревайз и Блосс... – я не знаю вашей фамилии, мадам, – сказал он.

– Блосс, – сказала она, садясь в кресло, – чаще меня зовут так, и этого достаточно.

– Я думаю, этого вполне достаточно, – поклонившись ей, резюмировал Дениадор. – Вы достаточно привлекательны, чтобы вовсе не иметь имени.

Все рассмеялись.

– Я слышал о вас, доктор Пелорат, хотя мы никогда не переписывались, – продолжил Дениадор. – Вы из Академии, не так ли? С Терминуса?

– Да, доктор Дениадор.

– А вы – Советник Тревайза. Я, вроде бы, слышал, что недавно вас исключили из Совета и выслали. Правда, я не понял и вряд ли пойму, почему.

– Не исключили, сэр. Я все еще член Совета, хотя и не знаю, когда смогу вернуться к своим обязанностям. Меня не выслали, а послали с миссией, касательно которой мы хотели бы проконсультироваться с вами.

– Чем смогу – помогу, – улыбнулся Дениадор. – А божественная леди? Она тоже с Терминуса?

– Неважно, откуда она, доктор, – быстро вмешался Тревайз.

– О, как, наверное, прекрасен этот мир – «Неважно-откуда», если все там так красиво. Но так как двое из вас из столицы Академии, Терминуса, а третья – хорошенькая женщина, невеста откуда, как случилось, что Мица Лайзалор, известная своей нелюбовью к чужеземцам, так радушно препоручила вас моим заботам?

– Думаю, – сказал Тревайз, – это была попытка избавиться от нас. Чем скорее вы поможете нам, тем раньше мы покинем Компореллон.

Дениадор с интересом уставился на Тревайза, просияв улыбкой, и сказал:

– Конечно, энергичный молодой человек, такой, как вы, например, мог привлечь ее, откуда бы ни был родом. Ей неплохо удастся роль холодной весталки, но играет она все же с толикой фальши.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – холодно промолвил Тревайз.

– Тем лучше. При посторонних, по крайней мере. Но я – скептик и профессионально не расположен верить в то, что лежит на поверхности. Вернемся к делу, Советник. В чем состоит ваша миссия? Позвольте мне узнать, смогу ли я помочь вам?

– Это вопрос к доктору Пелорату.

– У меня нет никаких возражений. Итак, доктор Пелорат?

– Если говорить откровенно, уважаемый доктор, – начал Пелорат, – я всю сознательную жизнь пытался подобраться как можно ближе к основному ядру утверждений, касающихся планеты, где возник род человеческий; и меня послали в путь с моим добрым другом Голаном Тревайзом – хотя, если быть точным до конца, мы тогда были едва знакомы, – чтобы найти, если удастся... э-э... Старейшую, как я полагаю, вы называете ее.

– Старейшую? – переспросил Дениадор. – Я так понимаю, вы имеете в виду Землю?

У Пелората просто-таки отвисла челюсть. Затем он сказал, слегка заикаясь:

– У меня создалось впечатление... то есть мне дали понять... что никто не...

Он довольно беспомощно оглянулся на Тревайза.

– Министр Лайзалор сказала мне, что этим словом не пользуются на Компореллоне, – пояснил Тревайз.

– Вы хотите сказать, что она изобразила вот это? – Рот Дениадора скривился, нос сморщился, и доктор, энергично выбросив руки вперед, скрестил по два пальца на каждой руке.

– Да, – подтвердил Тревайз. – Именно это я хотел сказать.

Дениадор откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

– Ерунда, джентльмены. Мы делаем это по привычке; в глубине сознания, правда, кто-то может воспринимать это серьезно, но: в общем, это не имеет значения. Я не знаю ни одного компореллонца, кто не мог бы сказать «Земля» с досады или в испуге. Это наиболее распространенное ругательство.

– Ругательство? – почти шепотом переспросил Пелорат.

– Бранное слово, если вам так больше нравится.

– Тем не менее, – сказал Тревайз, – Министр очень расстроилась, когда я произнес это слово.

– Ну да, она же горянка, это понятно.

– Что это значит, сэр?

– То и значит: Мица Лайзалор родом с Центрального Горного Хребта. Дети из тех мест воспитываются в так называемом «старом добром духе», что означает; какое бы блестящее образование они ни получили, вы никогда не сможете отбить у них привычку скрещивать пальцы.

– А вас слово «Земля» совсем не задевает, не так ли, доктор? – поинтересовалась Блисс.

– Не совсем так, милочка. Я – скептик, только и всего.

– Я знаю, что означает слово «скептик» на галактическом стандарте, – сказал Тревайз, – но что понимаете под ним вы?

– То же самое, что и вы, Советник. Я принимаю только то, что вынужден, если имеются разумные и достоверные доказательства, и все принятое на веру служит для меня истиной до появления новых доказательств. Такое мировоззрение не придает нам, скептикам, популярности.

– Почему же? – спросил Тревайз.

– Мы обречены на непопулярность. Вы можете представить себе мир, где люди не предпочитают удобную, приятную и твердую веру, пусть нелогичную, холодным, пронизывающим ветрам неуверенности? Не нужно далеко ходить, ведь вы же верите в План Селдона? Ведь верите – без доказательств?

– Да, – сказал Тревайз, рассматривая кончики своих пальцев, – я тоже привел этот довод вчера в качестве примера.

– Могу я вернуться к предмету разговора, дружочек? – вмешался Пелорат и обратился к Дениадору: – Что известно о Земле такого, что может принять скептик на веру?

– Очень мало, – сказал Дениадор. – Мы можем предположить, что существует единственная планета, на которой развился род человеческий. Ведь совершенно невероятно, что существа, настолько похожие, что могут давать потомство друг от друга, могли независимо развиваться на разных планетах или хотя бы на двух. Эту планету-праматерь мы называем Землей. На Компореллоне общепринято убеждение, что Земля находится в нашем секторе Галактики, поскольку миры здесь необычайно древние, и, похоже, издревле заселенные миры были, скорее, ближе к Земле, чем удалены от нее.

– А имела ли Земля какие-либо уникальные особенности, кроме того, что была планетой-праматерью? – спросил Пелорат нетерпеливо.

– У вас есть какая-то догадка? – задал встречный вопрос Дениадор, улыбнувшись.

– Я думаю о ее спутнике, который некоторые называют Луной. Должно быть, он необычен, не правда ли?

– Это основной вопрос, доктор Пелорат. Вы словно читаете мои мысли.

– Я не сказал, из-за чего именно Луна необычна.

– Из-за размеров, конечно. Я прав? Да, я вижу, что это так. Все легенды о Земле повествуют об огромном разнообразии фауны на ней и о ее гигантском спутнике – не то три тысячи, не то три с половиной тысячи километров в диаметре. Огромное разнообразие жизни легко объяснить следствием длительной биологической эволюции, если то, что мы знаем об

этом процессе, верно. Гигантский же спутник вообразить гораздо труднее. Ни у одной обитаемой планеты в Галактике нет такого спутника. Большие спутники неизменно сопровождают необитаемым газовым гигантам. Следовательно, как скептик я предпочитаю не верить в существование Луны.

– Если Земля уникальна обладанием миллионами видов жизни, разве не может она быть уникальна и своим гигантским спутником? Одна уникальность могла породить другую.

– Я не понимаю, – продолжал улыбаться Дениадор, – как существование миллионов видов на Земле могло сотворить гигантский спутник из ничего.

– А вы взгляните с другой стороны – возможно, гигантский спутник мог поспособствовать зарождению этих миллионов видов.

– Все равно не понимаю, как это возможно.

– А что вы скажете относительно истории о радиоактивности Земли? – спросил Тревайз.

– Это общеизвестно: все об этом говорят и все в это верят.

– Но Земля не могла быть настолько радиоактивной, чтобы помешать зарождению жизни и ее поддержанию в течение миллиардов лет. Как же она стала радиоактивной? Ядерная война?

– Это наиболее распространенная гипотеза, Советник Тревайз.

– По тону, каким вы это сказали, можно предположить, что вы в это не верите.

– Нет доказательств, что такая война была. Общая вера, даже тотальная, сама по себе – не доказательство.

– Что же еще могло случиться?

– Нет доказательств, что вообще что-либо случилось. Радиоактивность может быть такой же ни на чем не основанной легендой, как и огромный спутник.

– Такова общепринятая версия, – кивнул Пелорат. – Я собрал множество легенд о происхождении человечества. Многие из них связаны с планетой под названием «Земля». Но у меня нет ни одной компореллонской – ничего, кроме туманного намека на Бенбэли, который явился ниоткуда, – вот и все, что говорят компореллонские легенды.

– Неудивительно: мы обычно стремимся не распространять наши легенды, и я поражен, что вы нашли записи о Бенбэли. Все те же суеверия.

– Но вы не суеверны и вы не отказались бы поговорить об этом, а?

– Это верно, – сказал историк-коротышка, взглянув на Пелората. – Если я так поступлю, это не добавит мне непопулярности; но вы скоро покидаете Компореллон, и я расскажу вам все, что знаю, если вы никогда не проговоритесь, что информация поступила от меня.

– Мы даем вам честное слово, – быстро произнес Пелорат.

– Тогда вкратце о том, что, по предположениям, произошло, если очистить эту историю от всякой мистики и моралите. На протяжении неопределенного периода времени Земля была единственной планетой, населенной людьми, а затем, примерно двадцать – двадцать пять тысяч лет назад, люди начали межзвездные путешествия с помощью гиперпространственных Прыжков и колонизировали несколько планет. Поселенцы на этих планетах стали использовать роботов, которые первоначально были придуманы на Земле до внедрения гиперпространственных перелетов, и... знаете ли вы, кстати, что собой представляют роботы?

– Да, – сказал Тревайз. – Нас не раз спрашивали об этом. Мы знаем, что такое роботы.

– Поселенцы, чье общество было чрезвычайно роботизировано, развили высокую технологию, добились необычайной продолжительности жизни и презирали мир своих предков. Согласно более драматической версии, они даже взяли власть над ним и держали его в повиновении. В конце концов Земля выслала новую группу поселенцев, которым было запрещено пользоваться роботами. Компореллон был одной из первых планет, которые они заселили. Наши патриоты настаивают, что он был самым первым, но этому нет доказательств, какие могли бы убедить скептика. Первая партия поселенцев вымерла и...

– Почему первая партия вымерла, доктор Дениадор? – спросил Тревайз.

– Почему? Как правило, наши романтики объясняют, что они были наказаны за неповиновение «Тем, Кто Наказывает», хотя ни один не позаботился уточнить, почему «Он» ждал так долго. Но принимать всерьез подобные сказочки не стоит. Легко доказать, что общество, зависящее во всем от роботов, становится слабым, изнеженным, сокращается и

вымирает от скуки или, что точнее, от потери воли к жизни.

Вторая волна поселенцев, не имеющая роботов, выжила, и люди рассеялись по всей Галактике, но Земля стала радиоактивной и постепенно потеряла свое значение. Причина, приводимая для объяснения этого, обычно следующая: на Земле тоже были роботы, так как первая волна получила их там.

Блисс, которая все это время внимательно следила за беседой, вмешалась:

– Хорошо, доктор Дениадор, была ли радиоактивность или нет и сколь бы ни было волн поселенцев, но вопрос остается: где именно расположена Земля? Каковы ее координаты?

– Ответ прост: я не знаю, – признался Дениадор. – А не пора ли перекусить? Мы сможем еще поговорить о Земле за едой.

– Вы не знаете?! – удивился Тревайз нарочито громко.

– Вообще-то, насколько мне известно, этого не знает никто.

– Но это невозможно!

– Советник, – сказал Дениадор, вздохнув, – если вы хотите называть правду невозможной – это ваше право, но это вам ничего не дает.

Глава седьмая Прощание с Компореллоном

26

Ленч состоял из горки нежных мучных шариков, покрытых корочкой различного цвета и содержащих разнообразную начинку.

Дениадор взял со стола небольшой предмет, который, будучи развернутым, оказался парой тонких прозрачных перчаток, и надел их. Гости последовали его примеру.

– Что внутри этих шариков? – спросила Блисс.

– Розовые наполнены рубленой рыбой со специями, лучшим нашим деликатесом. Желтые – с сыром, очень нежным и вкусным. В зеленых – овощная смесь. Ешьте, пока они не остыли. Попозже будет горячий миндальный пирог и напитки. Рекомендую отведать горячего сидра. У нас холодно, и мы стараемся подогреть пищу, даже десерт.

– Неплохо придумано, – похвалил Пелорат. – И как красиво сервировано!

– Я просто стараюсь быть гостеприимным, – ответил Дениадор. – Что до меня, то я нуждаюсь в немногом.

Тревайз попробовал розовый шарик. Внутри действительно оказалась рыба, приправленная специями, приятными на вкус, но настолько острыми, что их привкус запросто мог отравить жизнь до конца дня, а возможно, и на всю ночь.

Отложив надкушенный шарик, он заметил, что края корочки сжались. Здесь берегли продукты. А еще он подивился назначению перчаток. Казалось, не было никакой возможности намочить или испачкать руки, даже не пользуясь перчатками, и Тревайз решил, что они нужны для перестраховки. Перчатки заменяли мытье рук в отсутствие воды, но никто, вероятно, не настаивал на их употреблении, если руки были вымыты. (Лайзалор не надевала перчаток, когда они вместе обедали днем раньше. Может быть, потому, что была родом с гор.)

– А удобно ли говорить о делах за едой? – спросил он. – Принято ли это?

– По компореллонскому этикету, не очень, Советник, но вы – мои гости, и мы будем себя вести по-вашему. Если вы желаете говорить серьезно и не думаете – или не боитесь, – что это испортит вам удовольствие от еды, то, пожалуйста, говорите, а я присоединюсь.

– Благодарю. Министр Лайзалор высказала предположение... нет, она прямо утверждала, что воззрения скептиков у вас непопулярны. Это так?

Хорошее настроение Дениадора еще больше улучшилось, как ни странно.

– Конечно. Мы бы сильно огорчились, будь это не так. Компореллон, видите ли, мир, утративший бывшее могущество. Коротко говоря, существует общепринятое убеждение, будто бы некогда, много тысяч лет назад, когда обитаемая часть Галактики была невелика, в ней

главенствовал Компореллон. Мы никогда не забываем об этом, и тот факт, что теперь мы не лидеры, воспринимается нами болезненно, вызывает у нас... то есть, точнее, у народа, что-то вроде... чувства несправедливости. Но что тут поделаешь? Когда-то правительство было вынуждено сделать Компореллон лояльным вассалом Императора, а теперь – лояльным союзником Академии. И чем больше мы осознаем нашу подчиненность, тем сильнее вера в возможное возвращение к великим, таинственным дням прошлого. Но на что способен Компореллон? Он никогда не решался бросить открытый вызов Империи, а теперь не может игнорировать Академию. Так что большая часть населения отводит душу, нападая на нас, потому как мы не верим в легенды и смеемся над суевериями. Тем не менее, мы не опасаемся худшего – то есть открытого преследования. Под нашим контролем наука, мы работаем на факультетах Университета. Правда, кое-кому из нас, кто особенно резко высказывается, становится трудно преподавать. Я тоже, к примеру, испытываю подобные затруднения, хотя у меня есть студенты и я провожу занятия приватно, вне Университета. А вот если мы действительно будем изолированы, наука придет в упадок и Университет потеряет свой авторитет в Галактике. Вероятно, такова уж глупость человеческая: перспектива интеллектуального самоубийства может не удержать их от утоления своей ненависти. Но Академия поддерживает нас. Следовательно, нас постоянно бранят, осмеивают, обвиняют, но никогда не трогают.

– Неужели общественное мнение удерживает вас от того, чтобы сообщить нам, где находится Земля? – воскликнул Тревайз. – Неужели вы боитесь, что, несмотря ни на что, ура-патриотические настроения могут стать слишком агрессивными, если вы зайдете чересчур далеко?

Дениадор покачал головой.

– Нет. Координаты Земли неизвестны. Я ничего не скрываю от вас из страха или по любой другой причине.

– Но послушайте, – сказал Тревайз настойчиво. – В этом секторе Галактики определенное число планет, обладающих физическими свойствами, делающими их пригодными для обитания, и почти все они должны быть не просто пригодны для обитания, но и заселены, и, что вполне вероятно, хорошо вам известны. Неужели трудно будет исследовать сектор в поисках планеты, которая была бы пригодна для обитания, если бы не ее радиоактивность? Кроме того, необходимо искать планету с огромным спутником. Имея такие признаки, Землю опознать несложно и ее не пропустить даже при поиске наугад. На это уйдет некоторое время, но особых трудностей возникнуть не должно.

– Точка зрения скептиков такова, – сказал Дениадор, – что и гигантский спутник, и радиоактивность Земли – просто легенды. Искать ее – все равно что искать птичье молоко и рыбий мех.

– Возможно, но не должно же это удерживать Компореллон хотя бы от попытки поиска. Если бы вы отыскиали радиоактивную планету с большим спутником и пригодную для обитания, то это придало бы достоверности компореллонским легендам.

– Очень может быть, – усмехнулся Дениадор, – что Компореллон ничего не ищет как раз по этой самой причине. Если мы ничего не найдем или обнаружим Землю, но она окажется не похожей на ту, что описывается в легендах, произойдет прямо противоположное. Компореллонские легенды будут уничтожены дочи́ста и станут мишенью для насмешек. Компореллон не может пойти на такой риск.

Тревайз нетерпеливо выслушал и вернулся к своим рассуждениям:

– С другой стороны, даже если мы просчитаемся по этим двум редчайшим признакам – есть третий признак, который должен существовать по определению, безо всякой оглядки на легенды. Земля должна обладать либо поразительно разнообразной цветущей жизнью, либо остатками таковой, ну, или, по крайней мере, ее ископаемыми останками.

– Советник, – сказал Дениадор, – пока Компореллон действительно не занимался организованными поисками, но мы время от времени все-таки совершали космические путешествия, и у нас есть сообщения с кораблей, которые по той или иной причине сбивались с курса. Прыжки вовсе не так уж точны, это вы и сами знаете. Тем не менее, среди этих

сообщений нет сведений о каких-либо планетах, которые по характеристикам напоминали бы легендарную Землю, или о планетах, настолько богатых формами жизни. И это при том, что любой корабль с готовностью садится на планету, кажущуюся пригодной для жизни, чтобы экипаж мог заняться разведкой залежей полезных ископаемых. И если, впрочем, за тысячи лет ничего подобного не нашли, я могу не сомневаться, что найти Землю невозможно, потому что Земли здесь нет.

– Но Земля должна где-то быть, – раздраженно воскликнул Тревайз. – Где-то есть планета, на которой зародилось и эволюционировало человечество и все известные формы жизни, сопровождающие человека. Если Земля не в этом секторе Галактики, она должна быть где-то еще.

– Возможно, – хладнокровно произнес Дениадор, – но в настоящее время она не обнаружена нигде.

– Наверное, потому, что ее никто не искал.

– Ну, теперь этим занимаетесь вы. Я от души желаю вам удачи, но никогда не рискнул бы поспорить с кем-то насчет вашего успеха.

– А были ли попытки, – спросил Тревайз, – определить вероятные координаты Земли косвенным способом? Каким-либо иным методом, нежели прямой поиск?

– Да, – ответили два голоса одновременно. Дениадор – один из голосов принадлежал ему – повернулся к Пелорату: – Вы, наверное, о проекте Яриффа?

– Да.

– Тогда не объясните ли его суть Советнику? Я думаю, он скорее поверит вам, чем мне.

– Видишь ли, Голан, на закате Империи «Поиск Прародины», как его называли, был чем-то вроде популярного хобби и, возможно, помогал людям отвлечься от тягот суровой действительности. В то время Империя была на грани гибели, ну, да это ты и сам знаешь.

Ливианский историк Хамбалу Ярифф выдвинул гипотезу о том, что где бы ни была расположена планета предков, она, скорее всего, раньше колонизировала бы ближайшие планеты и только потом отдаленные. Словом, чем дальше находится планета от Земли, тем позже она заселена.

Далее, предположим, что записываются даты заселения всех обитаемых миров в Галактике и выбираются только те, чей возраст – несколько тысяч лет. Затем из них выбираются те, что старше десяти тысяч лет, среди оставшихся – те, что старше пятнадцати, и так далее. Каждая выборка теоретически должна приблизительно укладываться в некое подобие кольца, и эти кольца должны быть почти концентрическими. Более древние выборки должны представлять собой кольца меньшего диаметра, чем более молодые. И, если определить центры всех колец, они должны оказаться на сравнительно небольшом участке пространства, который и включает в себе планету предков... Землю. – Лицо Пелората все сильнее разгоралось, пока он изображал руками концентрические круги. – Понимаешь, Голан?

– Да, – кивнул Тревайз. – Но, судя по всему, гипотеза оказалась не работающей.

– Теоретически должна была сработать, старина. Единственное препятствие представляла неточность дат основания поселений на планетах. Каждый мир в той или иной степени преувеличивал свой возраст, и было трудно отделить правду от вымысла.

– А по распаду углерода-14 в ископаемом дереве? – спросила Блисс.

– Конечно, дорогая, – сказал Пелорат, – но нужно было добиться от миров сотрудничества, а это не удалось. Ни один мир не пожелал отказаться от своих претензий на завышенный возраст, а Империи тогда было попросту не до того. У нее своих забот хватало. Все, что сумел сделать Ярифф, – это отобрать планеты с возрастом не более двух тысяч лет, даты основания поселений на которых были зафиксированы. Таких оказалось немного, и расположены они были примерно по кольцу, а центр кольца оказался достаточно недалеко от Трентора, Имперской столицы, поскольку именно отсюда стартовали колонизационные экспедиции к этим относительно немногочисленным планетам. Это, безусловно, представляет собой новую проблему. Земля являлась не единственной отправной точкой миграции к другим планетам. Время шло, и старейшие миры отправляли собственные экспедиции, и во времена расцвета Империи Трентор стал довольно активным источником таких экспедиций. Яриффа,

увы, несправедливо осмеяли, и его профессиональная репутация сильно пострадала.

– Все ясно, Джен. Доктор Дениадор, неужели же нет совсем ничего, за что можно было бы уцепиться, никакого проблеска надежды? Нет ли какой-нибудь другой планеты, где, возможно, хранятся хоть какие-нибудь сведения о Земле?

Дениадор глубоко задумался и наконец, с трудом подбирая слова, заговорил:

– Ну-у... как скептик, я обязан сказать, что не уверен в существовании Земли, равно как и в том, что она вообще когда-либо существовала. Однако... – он снова умолк.

– Видимо, – не выдержала Блисс, – вы задумались о чем-то очень важном, доктор?

– Важном? Да не то чтобы... – пробормотал Дениадор. – Но, возможно, удивительном. Дело в том, что Земля не единственная планета, чье местонахождение – загадка. Существуют планеты первой волны миграции, так называемые «космонитские». Кое-кто, правда, именует их «запретными». Последнее сейчас употребляется чаще. Во времена славы и величия, как гласят легенды, космониты добились необычайной продолжительности жизни и запретили посещать свои планеты нашим предкам, не умевшим жить так долго. После того как мы взяли верх, ситуация изменилась с точностью до наоборот. Мы брезговали общаться с ними, бросили их на произвол судьбы, запретив пилотам и торговым кораблям иметь с ними дело. С тех самых пор их планеты и стали запретными. Мы не сомневались, как утверждают легенды, что «Тот-Кто-Карает» уничтожит их и без нашей помощи, и, судя по всему, он так и сделал. По крайней мере, насколько нам известно, космониты не появлялись в Галактике много тысячелетий подряд.

– Так вы думаете, космониты могли что-то знать о Земле? – спросил Тревайз.

– Вероятно, так как их миры старше любого из наших, то есть могли бы знать, если бы существовали, а это вряд ли.

– Даже если их нет, сохранились планеты, где могли остаться их записи.

– Остается только найти эти планеты.

Тревайз раздраженно резюмировал.

– Вы клоните к тому, что секрет местонахождения Земли можно найти только на планетах космонитов, местонахождение которых тоже неизвестно.

– Мы не имели с ними дела двадцать тысяч лет, – пожал плечами Дениадор. – И не задавались подобными мыслями. Они ведь тоже, подобно Земле, ушли в туман небытия.

– А сколько было у космонитов планет?

– Легенды говорят, что пятьдесят – подозрительно круглое число. Скорее всего, их было намного меньше.

– И вы не знаете, где находится хотя бы одна из пятидесяти?

– Ну, вообще-то, вроде бы...

– Что вам кажется?

– Поскольку древняя история – мое хобби, как и хобби доктора Пелората, я время от времени исследовал архивные документы в поисках чего-либо, более достоверно описывающего старину, чем легенды. Год назад я разбирал документы, найденные на древнем корабле, которые с трудом поддавались дешифровке. Они датировались очень отдаленными временами, когда наш мир еще не назывался Компореллоном. Там употреблялось название «Мир Бейли», которое, что не исключено, может быть даже более ранним, чем «Мир Бенбэли» наших легенд.

– Вы опубликовали свои выводы? – громко и взволнованно спросил Пелорат.

– Нет, – покачал головой Дениадор. – Я не люблю нырять, пока не удостоверюсь, есть ли вода в плавательном бассейне, как говорится в старой поговорке. Видите ли, в документах было записано, что капитан корабля посетил космонитскую планету и забрал с собой космонитскую женщину.

– Но вы сказали, – встрепелась Блисс, – что космониты никого к себе не пускали.

– Совершенно верно. Вот потому-то я и не стал публиковать эти материалы. Уж больно невероятно получалось. Есть туманные сказания, которые можно интерпретировать как имеющие отношение к космонитам и их конфликту с поселенцами – нашими прямыми предками. Такие сказания существуют не только на Компореллоне, но и на многих других

планетах во множестве вариантов, но все они непрерываемо согласны в одном аспекте. Две группы – космонавты и поселенцы – не смешивались. Раз социальных контактов между ними не было, остаются только межполовые, и, очевидно, капитана поселенцев и женщину космонавтов связали узы любви. Это настолько невероятно, что я не вижу, как еще можно поверить в эту историю, как не счесть ее отрывком из исторического романа.

Тревайз нахмурился.

– И это все?

– Нет, Советник, есть кое-что еще. Мне попались на глаза какие-то цифры, видимо, оставшиеся от вычислений курса корабля, которые могут, вероятно, представлять собой пространственные координаты. Если это так и есть – но дабы не уронить чести скептика, я вынужден повторить, что это может быть безнадежно далеко от правды, – то интуитивное чутье подсказывает мне, что это пространственные координаты трех космических планет. Одна из них может быть той самой, где побывал капитан и откуда он похитил женщину.

– Не может ли оказаться так, что вся история – выдумка, а координаты настоящие? – спросил Тревайз.

– Все может быть, – ответил Дениадор. – Я могу передать вам эти цифры, и вы вольны использовать их, как вам будет угодно, да вряд ли это вам что-то даст. Но у меня странное предчувствие, – улыбнулся старый скептик.

– Какое же? – поторопил его Тревайз.

– А вдруг какие-то координаты принадлежат Земле?

27

Ярко-оранжевое солнце Компореллона казалось на вид больше солнца Терминуса, но стояло ниже над горизонтом и не так сильно грело. Ветер на сей раз, к общей радости, слабый, коснулся щеки Тревайза ледяным дыханием.

Он дрожал, хотя был одет в пальто с электроподогревом – подарок Мицы Лайзалор, которая стояла рядом с ним.

– Ну хоть когда-нибудь бывает у вас тепло, Мица? – зябко поежился Тревайз.

Мица бросила рассеянный взгляд на небо. Высокая и пышнотелая, она была одета гораздо легче, чем Тревайз, но если и ощущала холод, то относилась к этому с полным безразличием.

– У нас прекрасное лето, – сказала она. – Не слишком долгое, но наши культурные растения адаптированы к здешнему климату. Сорты семян тщательно отбираются в ходе селекции и в результате быстро дают всходы и устойчивы к заморозкам. У наших домашних животных густой мех, и компореллонская шерсть, по всеобщему признанию, – лучшая в Галактике. Кроме того, на орбите вокруг Компореллона есть фермы, где выращиваются тропические фрукты. Мы даже экспортируем очень вкусные консервированные ананасы. Большинство людей, думающих, что Компореллон – холодная планета, об этом и не догадываются.

– Спасибо, Мица, что пришла проводить нас, и за то, что решила помочь нам. Однако ради моего собственного спокойствия я просто обязан спросить, не грозят ли тебе неприятности из-за этого?

– Нет! – она надменно покачала головой. – Никаких неприятностей. Во-первых, меня никто не спросит. Я распоряжаюсь транспортом. Это означает, что я единолично устанавливаю правила как для этого космопорта, так и для всех остальных; для орбитальных станций; для кораблей, что прибывают и улетают. Во всем этом премьер-министр полагается на меня и только рад оставаться в стороне от всех деталей. И даже если меня спросят, мне не требуется говорить ничего, кроме правды. Правительство только устроит мне овацию за то, что я не вернула этот корабль Академии. Народ поступит точно так же, если ему сообщат. А Академия не узнает ничего.

– Да, не спорю, ваше правительство было бы не прочь удержать корабль, не возвращая его Академии, но одобрит ли оно то, что ты позволила нам улететь на нем?

– Какой ты порядочный, Тревайз, – улыбнулась Лайзалор. – Так упорно сражался за свой

корабль, а теперь, когда он у тебя, проявляешь трогательную заботу обо мне.

Она любовно потянулась к нему, но сумела сдержаться.

– Пусть только попробуют хоть слово сказать, – сказала она, вздернув подбородок. – Мне только и надо будет объяснить, что вы искали и продолжаете искать Старейшую, тогда они вздохнут с облегчением и скажут, что я правильно поступила, быстренько избавившись от всех вас и от вашего корабля. Ну, разве что начнут махать руками и гневно вопрошать, как это вам было позволено совершить посадку, хотя иного способа узнать, кто вы такие и чем занимаетесь, попросту не было.

– Значит, на самом деле боишься, что я своим присутствием мог навлечь и на тебя, и на всю планету беду?

– Конечно, – уверенно ответила Лайзалор. Затем немного смущенно добавила: – Ты уже принес мне горе; теперь, когда я узнала тебя, компореллонские мужчины будут казаться мне еще более никудышными. Я буду страдать от неутоленной страсти. «Тот-Кто-Карает» уже успел позаботиться об этом.

Тревайз помолчал и сказал:

– Конечно, я хочу, чтобы ты думала иначе, но не хочу, чтобы ты без нужды боялась чего-то. Пойми: мысль о том, что я принес тебе горе, – чистой воды суеверие.

– Тебе это скептик сказал?

– Я и без него это знал.

Лайзалор смахнула снег с густых бровей и ресниц и сказала:

– Конечно, есть такие, кто думает, что это суеверие. Но то, что Старейшая приносит беду, – это точно. Тому было много подтверждений, и все заумные доводы скептиков не могут затмить правду. – Она резко протянула Тревайзу руку: – Прощай, Голан. Ступай на корабль, к своим спутникам, пока не замерз.

– Прощай, Мица. Я надеюсь увидеть тебя, когда вернусь.

– Да, ты обещал вернуться, и я всеми силами хотела поверить, что так оно и будет. Я даже подумывала о том, не следует ли мне вылететь тебе навстречу, чтобы беда досталась мне одной, а не всей моей планете, но ты не вернешься, я знаю.

– Почему? Я обещаю! Не думай, что я сказал так только для того, чтобы обмануть и утешить тебя.

В это мгновение Тревайз был твердо уверен, что говорит чистую правду.

– Пусть так, мой милый, но тем, кто отправляется на поиски Старейшей, не суждено возвратиться куда бы то ни было. Я сердцем чувствую это.

Тревайза била дрожь, у него зуб на зуб не попадал. Как ему не хотелось, чтобы Мица подумала, что это от страха.

– Это тоже суеверие, – сказал он.

– И все-таки правда, – обреченно проговорила она.

28

Как приятно было снова очутиться в рубке «Далёкой звезды» – тесноватой, похожей на тюремную камеру в безбрежном космосе, но такой знакомой, дружелюбной и теплой.

– Ну, наконец-то, – сказала Блисс. – А я гадала, долго ли еще ты прстоишь там с Министершей.

– Там долго не прстоишь, – ответил Тревайз. – Жутко холодно.

– А мне уже начало казаться, – усмехнулась Блисс, – что ты готов остаться с ней и отложить поиск Земли. Мне не хотелось как-либо вмешиваться в твоё сознание, но я боялась за тебя: искушение, которому ты подвергся, словно захлестнуло меня.

– Ты не ошиблась. Мгновение, по крайней мере, я боролся с искушением. Министерша – восхитительная женщина, я таких раньше не встречал. А ты не помогла ли, случаем, мне в этой борьбе, Блисс?

– Я много раз говорила тебе, что я не имею права вмешиваться в твоё сознание, Тревайз. Ты отбросил искушение, как мне кажется, из-за того, что у тебя есть четкое чувство долга.

– Нет, вряд ли. – Он криво усмехнулся. – Ничего такого возвышенного и благородного. Я выиграл битву с искушением по одной простой причине – было ужасно холодно, а еще меня подгоняла мысль о том, что останься я, Министерша быстренько угробила бы меня. Я не выдержал бы такого напора.

– Ну, как бы то ни было, теперь ты на борту и в безопасности, – улыбнулся Пелорат. – Что дальше?

– Прежде всего – как можно быстрее уйти за пределы планетной системы в пространство, а когда окажемся достаточно далеко от солнца Компореллона, сможем совершить Прыжок.

– Ты думаешь, нас могут задержать или установить за нами слежку?

– Нет. Уверен, Министершу заботит только одно: чтобы мы убрались как можно быстрее и по возможности подальше, дабы месть «Того-Кто-Карает» не постигла всю планету. На самом деле...

– Да?

– Она верит, что кара наверняка не минует нас. Она твердо убеждена, что нам ни за что не вернуться. Это, поспешу добавить, не из-за того, что она не сомневается в моей неверности. Она не вправе об этом судить. Она имела в виду, что Земля – настолько ужасный источник бед, что любой, кто разыскивает ее, должен умереть, независимо от того, найдет он ее или нет.

– Сколько же обитателей Компореллона не вернулось с поисков Земли, что она так твердо убеждена в этом? – поинтересовалась Блисс.

– Сомневаюсь, чтобы вообще хоть один компореллонец рискнул на такое путешествие. Я сказал Мице, что ее страхи по большей части – суеверие.

– А сам-то ты действительно уверен в этом или позволил ей поколебать твои убеждения?

– Я знаю, что ее страхи в той форме, в которой она выразила их, чистейшей воды суеверия, но они могут быть не беспочвенны.

– Ты хочешь сказать, что радиоактивность Земли может убить нас, если мы попытаемся приземлиться?

– Я не верю, что Земля радиоактивна. Во что я действительно верю, так это в то, что Земля сама защищает себя. Вспомните: все материалы о Земле из библиотеки Трентора были изъяты. Вспомните: поразительная память Геи, сформированная всей планетой вплоть до гор и огненного ядра, обрывается, не углубляясь так далеко в прошлое, чтобы поведать нам что-либо о Земле.

Ясно, что Земля достаточно могущественна, чтобы сделать такое, она, очевидно, способна и заставить поверить в свою радиоактивность и, таким образом, застраховать себя от всяких посещений. Возможно, поскольку Компореллон недалеко от Земли, он может представлять для нее особую опасность, потому что здесь сильнее угроза проявления любопытства. Дениадор, хоть он и скептик, и ученый, бесповоротно убежден в тщетности поисков Земли. Он утверждает, что ее нельзя обнаружить. И именно поэтому суеверия Министерши могут быть обоснованны. Если Земля так стремится спрятаться, разве не предпочтет она прикончить нас или извратить наше сознание, нежели позволить нам найти себя?

Блисс нахмурилась и проговорила:

– Гея...

– Только не говори, что Гея способна защитить нас, – резво откликнулся Голан. – Раз Земля оказалась в силах стереть ранние воспоминания Геи, ясно, что, возникни любое противоречие, и Земля выиграет.

– Откуда тебе знать, – холодно ответила Блисс, – что воспоминания были стерты? Может статься, что просто Гее потребовалось время для формирования планетарной памяти, и теперь мы можем изучать прошлое только до периода этого формирования. И если даже воспоминания были стерты, как ты можешь быть уверен, что это проделки Земли?

– Я ничего не знаю наверняка, – пожал плечами Тревайз. – Я просто высказал предположение.

– Если Земля столь могущественна, – робко вмешался Пелорат в их спор, – и так стремится сохранить свою неприкосновенность, что толку от наших поисков? Ты, похоже, считаешь, что Земля не позволит нам преуспеть в этом и убьет нас, если понадобится. В таком

случае стоит ли нам искать ее?

– Пожалуй, действительно может показаться, что мы должны все бросить, но я убежден, что Земля существует и что я должен ее найти. И я найду ее. И Гея утверждает, что, когда я твердо уверен в чем-либо, я чаще всего оказываюсь прав.

– Но как мы сможем остаться в живых, после того как найдем Землю, дружочек?

– Может статься, – сказал Тревайз полушутливо, – что Земля также осознает бесценность моей потрясающей способности оказываться правым и предоставит меня самому себе. Но я не могу быть уверен в том, что вы тоже уцелеете, и это мучает меня. Это давно не дает мне покоя, но сейчас особенно, и мне кажется, что я должен отвезти вас обоих обратно на Гею и только потом самостоятельно продолжить полет. Это не ты, не забывай, не ты, а я в ссылке. Значит, я один и должен рисковать. Согласен, Джен?

Пелорат опустил голову, подбородок его прижался к шее, и от этого его лицо стало как бы еще длиннее.

– Не скажу, что мне не страшно, Голан, но мне будет стыдно тебя покинуть. Я изменю себе, если так поступлю.

– Блосс, что скажешь?

– Гея не может покинуть тебя, Тревайз, что бы ты ни делал. Если окажется, что от Земли будет исходить опасность, Гея защитит тебя, насколько это будет возможно. И потом: я, Блосс, не покину Пела, и если он хочет быть с тобой, то я хочу быть с ним.

– Ну что же, – угрюмо кивнул Тревайз. – Я дал вам шанс передумать. Значит, продолжаем поиск вместе.

– Вместе, – сказала Блосс.

Пелорат улыбнулся и обнял Тревайза за плечи:

– Вместе. Всегда.

29

– Взгляни-ка сюда, Пел, – позвала Блосс.

Она вручную наводила корабельный телескоп, скорее всего, ради баловства, чтобы отвлечься от мифологической библиотеки Пелората.

Пелорат подошел, обнял ее за плечи и посмотрел на обзорный экран. В поле зрения находился один из газовых гигантов Компореллонской планетной системы, увеличенный почти до своих реальных размеров, нежно-оранжевый с более бледными полосами. Видимый с плоскости эклиптики и более удаленный от центрального светила, чем корабль, газовый гигант казался почти идеальным светящимся кругом.

– Красиво! – восхищенно проговорил Пелорат.

– А центральная полоса больше диаметра планеты, Пел, посмотри-ка.

Пелорат сосредоточился.

– Да, Блосс, и мне так кажется.

– А это не оптический обман?

– Не уверен, Блосс. Я такой же новичок в космосе, как и ты. Голан!

Тревайз отозвался нехотя:

– Что там еще? – и вошел в рубку, немного растрепанный, словно только что вздремнул, не раздеваясь, да, собственно, так оно и было. – Пожалуйста, не балуйтесь с приборами, – сердито буркнул он.

– Да мы только в телескоп смотрим, – оправдываясь, проговорил Пелорат. – Посмотри сам.

Тревайз подошел поближе.

– Это газовый гигант под названием Галлия, судя по имеющимся у меня данным.

– Как ты можешь судить с первого взгляда?

– Во-первых, – сказал Тревайз, – я сужу на основании удаленности нашего корабля от Солнца, учитывая размер планет и их положение на орбите, которые я изучал при прокладке курса. Это – единственная планета, которую вы сейчас можете разглядывать при таком

увеличении. Во-вторых, вокруг нее кольцо.

– Кольцо? – заинтересованно переспросила Блисс.

– Оно видно почти в горизонтальной плоскости, потому и кажется тонкой полоской. Мы можем выйти за пределы эклиптики, и тогда обзор будет лучше. Хочешь?

– Я не хочу утруждать тебя перерасчетами курса, Голан.

– Да ну, компьютер может сделать это за меня без всякой натуги.

Тревайз сел к компьютеру и положил руки на световые контуры. Компьютер, тончайшим образом адаптированный к мысленным приказам Тревайза, сделал все, что было нужно.

«Далекая звезда», не зная трудностей с топливом и не изнурявшая от перегрузок, быстро набрала скорость. И вновь Тревайз ощутил прилив неподдельной любви к кораблю и компьютеру, который так отвечал ему, словно это его мысль питала и направляла судно, словно оно было могучим и послушным исполнителем его воли.

Неудивительно, что Академия так хотела вернуть себе корабль; неудивительно, что Компореллон хотел захватить его. Удивительно было то, что силы предрассудков оказались достаточно для того, чтобы заставить Компореллон отказаться от корабля.

Будь на корабле соответственное вооружение, он мог бы без труда обогнать или победить в бою любой корабль в Галактике и даже целую эскадру – при единственном условии: если не встретит другой такой же корабль.

Но о соответственном вооружении не могло быть и речи. Мэр Бранно, вручая ему корабль, в одном, как минимум, по осторожничала, оставив его невооруженным.

Пелорат и Блисс внимательно следили за тем, как планета Галлия неторопливо поворачивалась перед ними. Вскоре обозначился какой-то из полюсов, окруженный широкой полосой вихрей. Другого полюса не было видно.

Верх полушария темной стороны планеты постепенно входил в зону оранжевого света, и идеальный кружок становился все более ущербным.

Но особое впечатление произвела центральная бледная полоса. Она больше не была прямой, а искривлялась, подобно другим полосам на юге и севере, но гораздо заметнее их.

Теперь полоса явно выходила за края планеты и узкими петлями загибалась по обе ее стороны. Ясно, это не был оптический обман. Вокруг планеты вращалось вполне материальное кольцо.

– Ну, для общего впечатления хватит, – сказал Тревайз, – Если бы мы летели над планетой, вы бы увидели кольцо в виде концентрической окружности вокруг планеты, нигде ее не касающееся. Вы, вероятно, заметили, что это не одно кольцо, а несколько концентрических.

– Я и не думал, что такое возможно, – ошеломленно проговорил Пелорат. – Что же удерживает их в пространстве?

– То же самое, что удерживает в пространстве спутники, – ответил Тревайз. – Кольцо состоит из мелких частиц, каждая из которых движется по орбите вокруг планеты. Кольца настолько близки к планете, что центробежная сила не дает им слипнуться.

Пелорат тряхнул головой.

– Просто потрясающе, если задуматься, дружок, как это я, ученый, ухитрился прожить жизнь, так мало зная об астрономии?

– А я совсем ничего не знаю о мифах. Нельзя объять необъятное. Дело в том, что в этих кольцах нет ничего необычного. Они есть почти у каждого одинокого газового гиганта хотя бы в виде тонкой полосы пыли. Так уж вышло, что в планетной системе солнца Терминуса нет настоящего газового гиганта, и если бы терминусианцы не летали в космос или не располагали знаниями по астрономии, они бы ничего о планетных кольцах не знали. Кольца, широкие и яркие, как у этой планеты, – вот что действительно необычно. Это кольцо прекрасно. Должно быть, его ширина не меньше пары сотен километров.

Пелорат прищелкнул пальцами и воскликнул:

– Это именно то, о чем я думал.

– О чем, Пел? – поразила Блисс.

– Я изучал однажды фрагменты поэмы, очень древней, написанной на архаичной версии галактического языка, так что читать было трудно, но именно это служило надежным

доказательством ее древности. Хотя... мне ли жаловаться на архаизмы, дружок. Моя работа превратила меня в эксперта по разнообразным вариациям древнегалактического, чему я благодарен, даже если и не нахожу этому применения помимо моей работы. Так о чем я говорил?

– О древнем поэтическом отрывке, Пел, милый.

– Спасибо, Блосс, – сказал он и пояснил Тревайзу: – Она следит за моей речью, чтобы вернуть меня назад, если я сойду с курса, что частенько происходит.

– Это придает тебе очарование, Пел, – нежно улыбнулась Блосс.

– Словом, оказалось, что в этом отрывке описана планетарная система, частью которой была Земля. Почему – не знаю, так как целиком поэма не сохранилась, по крайней мере, я так и не смог разыскать ее. Только этот единственный отрывок и уцелел – может быть, из-за астрономического содержания. В общем, там говорится о сверкающем тройном кольце шестой планеты «both brade and lange, sae the woruld shronk in comparisoun»². Как ни странно, я сумел его процитировать. Я не понимал, что это может быть за планетное кольцо. Я, помнится, думал о трех кругах, расположенных в ряд по одну сторону от планеты. Это казалось так бессмысленно, что я даже не включил этот отрывок в мою библиотеку. Какой позор, какое невежество. – Он сокрушенно покачал головой. – Быть мифологом в современной Галактике – такая редкая специальность, что порой забываешь о том, что не грех проконсультироваться у других специалистов.

– Не суди себя строго, Джен, – попытался утешить друга Тревайз. – Это ошибка – принимать буквально поэтические образы.

– Но ведь подразумевалось именно это, – возразил Пелорат, показывая на экран. – Именно об этом говорилось в поэме. Три широких кольца, концентрических, больше, чем сама планета.

– Я никогда не слышал о таком, – сказал Тревайз. – И не думаю, что кольца могут быть столь широки. По сравнению с планетой они обычно очень узкие.

– Между прочим, мы никогда не слышали об обитаемой планете с гигантским спутником. Или с радиоактивной поверхностью. Вот вам и уникальность номер три. Если мы найдем радиоактивную планету, которая, вероятно, раньше была обитаема, с гигантским спутником, неподалеку от которой находится планета с огромным кольцом, не останется сомнений, что мы нашли Землю.

– Согласен, Джен, – улыбнулся Тревайз. – Если мы найдем все три признака, мы сможем быть уверены, что обнаружили Землю.

– Если!.. – вздохнула Блосс.

30

Позади осталось большинство планет системы. Проскочив между двумя самыми большими планетами, корабль мчался вперед. Теперь в пределах полутора миллиардов километров не было крупных объектов. Впереди лежало только обширное кометное облако, в гравитационном отношении опасности не представляющее.

Скорость «Далекой звезды» возросла до 0,1 с. Тревайз хорошо знал, что теоретически корабль мог быть разогнан почти до скорости света, но он также знал, что 0,1 с было вполне достаточно.

При такой скорости можно было избежать столкновения с любым объектом со значительной массой, но не было возможности избавиться от неисчислимых космических пылинок, в особенности от гораздо чаще попадающихся на пути отдельных атомов и молекул. На очень большой скорости даже такие крошечные частички могут нанести кораблю вред, царапая и скребя корпус корабля. При скорости, близкой к световой, каждый атом, попадающий в корпус корабля, обладает свойствами частиц космических лучей, а под

² «Яркое и широкое, заставляющее саму планету померкнуть в сравнении с собой» – Пер. с древнегалактического. – Примеч. автора.

воздействием проникающей космической радиации всякий бы недолго протянул на борту корабля.

Далекие звезды неподвижно застыли на обзорном экране, и, хотя корабль летел со скоростью тридцать километров в секунду, казалось, что он стоит на месте.

Компьютер сканировал пространство на большую глубину в поисках любого встречного объекта, представляющего опасность при столкновении с кораблем. И слегка лавировал, когда это было необходимо, чтобы избежать подобной встречи. Учитывая ничтожно малые размеры любого встречного объекта, скорость корабля и отсутствие эффекта инерции в результате изменения курса, было невозможно понять, происходило ли в действительности что-либо вроде того, что зовется «звонками с того света».

Тревайз, впрочем, совсем не беспокоился о таких вещах или вспоминал о них очень редко. Он полностью погрузился в размышления о трех системах координат, которые ему передал Дениадор, в особенности о той, что указывала ближайший к кораблю объект.

– Что-нибудь напутано в цифрах? – озабоченно спросил Пелорат.

– Пока не могу сказать. Координаты сами по себе бесполезны, пока не знаешь точку отсчета и принцип построения системы – направление, в котором считывается расстояние, чему равняется нулевой меридиан и так далее.

– Как же ты собираешься определить все это? – удивился Пелорат.

– Я нашел координаты Терминуса и некоторых других планет относительно Компореллона. Если я введу их в компьютер, он сможет определить принципы построения этих координат, если координаты Терминуса и прочие координаты указаны верно. Я просто пытаюсь собраться с мыслями, чтобы поточнее запрограммировать компьютер. Как только принцип будет определен, цифры, имеющие отношение к Запретным мирам, вероятно, обретут смысл.

– Всего лишь вероятно? – спросила Блисс.

– Боюсь, что так, – ответил Тревайз, – И потом, это старые расчеты, предположительно – компореллонские, но не на сто процентов. Что, если расчеты основаны на других принципах?

– Что тогда?

– Тогда перед нами всего-навсего бессмысленные цифры. Была не была, посмотрим.

Пальцы Тревайза запорхали над приглушенно светящимися клавишами компьютера, вводя нужную информацию. Затем он положил руки на контуры пульта и стал ждать, пока компьютер выработает и выдаст принципы построения координат известных планет, затем интерпретирует координаты ближайшей из запретных планет на основе этих же принципов и, наконец, найдет эти координаты на хранящейся в его памяти карте Галактики.

На экране звездное поле возникло и быстро задвигалось, занимая правильное положение. Когда картинка остановилась, пошло увеличение. Звезды бледнели по мере удаления от центра, покуда почти все не исчезли. Наконец их осталось совсем немного. Глаз не мог уследить за всеми быстрыми изменениями, подобными мерцанию светящихся крапинок. И вот остался лишь квадрат с длиной стороны в одну десятую парсека, судя по цифрам внизу. Дальнейших изменений не происходило, и только полдюжины тусклых огоньков вносило некоторое оживление в темноту на экране.

– Которая из них Запретная Планета? – негромко спросил Пелорат.

– Никакая, – ответил Тревайз. – Четыре из них – красные карлики, один – недоформировавшийся красный карлик, а остальные – белые карлики. На орбите вокруг любого из них возможно обнаружить пригодный для обитания мир.

– А как ты, только взглянув на экран, узнал, что это красные карлики?

– Мы же смотрим не на реальные звезды, мы смотрим на часть карты Галактики, хранящейся в памяти компьютера. Каждая имеет обозначение. Вам обозначения не видны, и чаще всего я тоже их не вижу, а только тогда, когда мои руки лежат на клавишах компьютера, как сейчас. Тогда я узнаю довольно многое о любой звезде, на которой остановится взгляд.

– Значит, все координаты бесполезны и бессмысленны, – страдальчески вымолвил Пелорат.

– Не спеши, Джен, – взглянул на него Тревайз. – Я не закончил. Это еще и вопрос времени. Координаты Запретной Планеты были записаны двадцать тысяч лет назад. Все это

время и Компореллон, и эта планета вращались вокруг центра Галактики, и с таким же успехом они могли вращаться с другой скоростью, иметь иной наклон орбиты и эксцентриситет. Следовательно, со временем два мира могли как приблизиться друг к другу, так и отдалиться, и за двадцать тысяч лет Запретная Планета могла совершить дрейф в любом направлении на расстояние от полутора до пяти парсеков от отмеченной точки. Тогда, очевидно, он может не попасть в квадрат со стороны в одну десятую парсека.

– И что же нам делать?

– Мы заставим компьютер перенести Галактику на двадцать тысяч лет назад относительно Компореллона.

– Он и такое может? – спросила Блисс с нескрываемым благоговением.

– Ну, не саму Галактику, а содержащуюся в его памяти карту.

– А можем мы увидеть, как это происходит?

– Смотрите, – сказал Тревайз.

Звезды очень медленно поползли по экрану. Вдруг слева появилась звезда, которой прежде не было на экране, и Пелорат радостно воскликнул:

– Вот она! Вот!

– Извини, – сказал Тревайз. – Еще один красный карлик. Их очень много. По крайней мере, три четверти звезд в Галактике – красные карлики.

Изображение на экране сдвинулось вниз и замерло.

– Ну? – нетерпеливо проговорила Блисс.

– Ну вот, – сказал Тревайз. – Вот вам вид на данный участок Галактики, каким он был двадцать тысяч лет назад. В самом центре экрана точка, где должна была бы находиться Запретная Планета, если бы дрейфовала с некоторой средней скоростью.

– Должна была быть, но ее нет, – выпалила Блисс.

– Нет, – бесстрастно согласился Тревайз.

Пелорат только грустно вздохнул.

– Ах, какая досада, Голан.

– погоди, не отчаивайся. Я не ожидал увидеть здесь эту звезду.

– Не ожидал? – удивленно спросил Пелорат.

– Нет. Я же сказал тебе, что это не сама Галактика, а компьютерная ее карта. Если реальная звезда не нанесена на карту, мы не увидим ее. Если планета зовется «запретной» и называлась так двадцать тысяч лет, велика вероятность того, что ее не нанесли на карту. И это так и есть, поскольку мы не видим ее.

– Но мы можем не видеть ее еще и потому, что ее не существует, – возразила Блисс. – Легенды Компореллона могут лгать, а координаты быть ошибочными.

– Не исключено. Однако теперь компьютер может оценить, каковы должны быть координаты Запретной Планеты в наше время, поскольку нашел точку, где ее звезда находилась прежде. Используя скорректированные по времени координаты (такую коррекцию я могу сделать только при помощи звездной карты), мы можем сейчас переключиться на реальную картину звездного поля.

– Но ты только предположил, какова могла быть средняя скорость дрейфа Запретной Планеты. Что, если она была другой? Тогда тебе не скорректировать координаты.

– В общем, ты права, но коррекция с учетом предполагаемой средней скорости почти наверняка приблизит нас к реальному положению звезды, чем тогда, когда бы мы вообще не проводили временной коррекции.

– Ну, это ты только надеешься, – с сомнением сказала Блисс.

– Совершенно верно, – подтвердил Тревайз. – Надеюсь. А сейчас давайте взглянем на реальную Галактику.

Пелорат и Блисс, с трудом сдерживая нетерпение, смотрели на экран, пока Тревайз (возможно, чтобы унять собственное волнение и оттянуть решающий момент) неторопливо, словно читал лекцию, пояснял:

– Наблюдать реальную Галактику очень сложно. Карта в компьютере – искусственное творение. Свечение звезд на ней далеко от истинного. Если поле зрения заслоняет туманность,

я могу убрать ее. Если для моих наблюдений не годится угол зрения, я могу изменить его, и так далее. Реальную Галактику, однако, я должен принимать такой, какова она есть, и, если я хочу изменений, я должен физически двигаться сквозь пространство, что может отнять намного больше времени, чем применение карты.

Пока он говорил, экран заволокла такая густая пелена звезд, что отдельные светила казались беспорядочным облаком светящейся пудры.

– Это общий вид части Млечного Пути, – пояснил Тревайз, – и я пожелал, естественно, передний план. Если я его увеличу, то задний план в сравнении с ним может стать практически не различим. Координаты нужной точки довольно близки к Компореллону, так что я все-таки могу увеличить изображение до размеров, которые мы видели на карте. Погодите, я попытаюсь уговорить компьютер, если мой организм еще сможет работать. Ну вот.

Звездный узор рывком увеличился, так что тысячи звезд исчезли за краями экрана, давая наблюдателям настолько реальное ощущение движения к экрану, что все трое автоматически отклонились назад, словно по инерции.

На экране возник прежний вид, но картина была не такая темная, как на карте, а с полудюжиной звезд, показанных такими, какими они выглядели на самом деле. А еще здесь, ближе к центру, горела другая звезда, гораздо более яркая, чем остальные.

– Это она.. – испуганным шепотом произнес Пелорат.

– Возможно. Я попросил компьютер определить ее спектр и проанализировать его. – После довольно долгой паузы Тревайз продолжил: – Спектральный класс G-4, значит, она лишь ненамного тусклее и меньше, чем солнце Терминуса, но гораздо ярче, чем солнце Компореллона. К тому же звезды класса G не должны быть пропущены в компьютерной карте Галактики. Так как она отсутствует, это явный признак того, что именно вокруг нее вращается Запретная Планета.

– А не может быть так, что у этой звезды вообще нет планет? – спросила Блисс.

– Может быть. Тогда мы попытаемся найти две других запретных планеты.

– А если другие две тоже обманут наши ожидания? – упорствовала Блисс.

– Тогда мы попытаемся придумать что-нибудь еще.

– Что, например?

– Я и сам хотел бы знать, – мрачно ответил Тревайз.

Часть третья Аврора

Глава восьмая Запретная планета

31

– Голан, – спросил Пелорат. – Ничего, если я посмотрю? Не помешаю?

– Вовсе нет, Джен.

– Можно спросить?

– Валяй.

– Чем ты занят?

Тревайз оторвался от дисплея.

– Собираюсь измерить расстояние до каждой звезды, которая на экране кажется близко расположенной к Запретной Планете, и тогда смогу определить, насколько она близка к ней на самом деле. Важно узнать параметры их гравитационных полей, а для этого мне нужно выяснить значение их массы и расстояние до них. Не располагая такими сведениями, нельзя точно рассчитать Прыжок.

– И как ты этого добьешься?

– Ну... каждая звезда, которую я вижу, имеет свои координаты в банке памяти компьютера, и они могут быть переведены в систему координат, принятую на Компореллоне. Полученные данные можно, в свою очередь, немного подкорректировать с учетом положения «Далекой звезды» в пространстве относительно солнца Компореллона, и это даст мне возможность определить расстояние до каждого светила. Все эти красные карлики выглядят на экране довольно близко расположенными к Запретной Планете, но некоторые могут быть намного ближе к ней, а другие – намного дальше. Видишь ли, нам необходимы их пространственные координаты.

Пелорат кивнул и спросил:

– И ты уже определил координаты Запретной Планеты?

– Да, но этого мало. Мне необходимо знать расстояние до других звезд с точностью до сотых. Воздействие их гравитационных полей неподалеку от Запретной Планеты настолько ничтожно, что небольшая погрешность не сделает погоды. Солнце, вокруг которого вращается Запретная Планета – вернее, может вращаться, – создает сильнейшее гравитационное поле рядом с планетой, и мне необходимо знать расстояние между ними с точностью, возможно, в тысячи раз большей, чем до соседних звезд. Одних только координат для этого мало.

– Что же ты будешь делать?

– Я измерю кажущееся расстояние от Запретной Планеты, вернее, от ее звезды – до трех ближайших звезд, которые настолько тусклы, что придется прибегнуть к значительному увеличению, дабы сделать их видимыми. Предположительно, все три звезды очень отдалены. Мы располагаем одну из них в центре экрана и прыгаем на одну десятую парсека в направлении, перпендикулярном воображаемой прямой, соединяющей «Далекую звезду» и Запретную Планету. Это мы можем проделать без особых опасений, даже не зная расстояний до сравнительно далеких звезд.

Звезда, которая находится в центре экрана, должна, остаться на своем месте и после Прыжка. Две другие тусклые звезды, если все три действительно очень далеки, серьезно не изменят своего положения. Запретная Планета, однако, достаточно близка, чтобы изменить видимую позицию из-за сдвига параллакса. На основании значения параллакса можно определить расстояние до нее. Если нужна более высокая точность, я могу выбрать другие три звезды и попытаться повторить все снова.

– И сколько времени все это займет?

– Не очень много. Черную работу сделает компьютер, Я лишь отдам ему распоряжения. Что действительно потребует времени, так это проверить результаты и убедить себя в том, что они верны и что в мои инструкции компьютеру не вкралась какая-нибудь ошибка. Если бы я был одним из тех сорви-голов, что на все сто верят себе и компьютеру, это могло бы быть проделано за пару минут.

– Просто удивительно. Подумать только, как много компьютер делает для нас.

– Я тоже не устаю удивляться.

– Что бы ты без него делал?

– А что бы я делал без гравилета? Что бы я делал без своей практики астронавта? Что бы я делал без двадцатитысячелетнего опыта гиперпространственной технологии за плечами? Я таков, каков есть. Здесь и сейчас. Попробуем вообразить себя через двадцать тысяч лет. За какие чудеса мы тогда благодарили бы науку и технику? Правда, может случиться так, что через двадцать тысячелетий человечества уже не будет.

– Вряд ли, – сказал Пелорат. – Вряд ли человечества не станет. Далее если мы не станем частью Галаксии, нас все равно будет направлять психоистория.

Тревайз отвернулся от пульта и сложил руки на груди.

– Пусть поработает – уточнит расстояние, проверит все несколько раз. Спешить не стоит. – Вопросительно посмотрев на Пелората, он хмыкнул: – Психоистория! Ты знаешь, Джен, эта тема дважды затрагивалась на Компореллоне, и оба раза психоистория выставлялась как суеверие. Однажды это сказал я сам, а потом то же самое повторил Дениадор. В конце концов, как еще можешь ты определить психоисторию, кроме как суеверие, бытующее в Академии? Разве это не вера без доказательств? Что скажешь, Джен? Это скорее твоя область,

чем моя.

– Почему ты говоришь, что нет доказательств, Голан? Образ Гэри Селдона появлялся в Склепе и высказывался о случившемся. Он не мог знать в свое время, что за события произойдут в будущем, если бы не был способен предсказывать их на основании психоистории.

Тревайз кивнул.

– Звучит впечатляюще. Он, правда, промахнулся в случае с Мулом, но, даже невзирая на это, все равно впечатляюще. И все же есть во всем этом какой-то неприятный осадок таинственности. Любой фокусник может проделывать подобные трюки.

– Ни один фокусник не может предсказать события на столетия вперед.

– Ни один фокусник не может на самом деле делать то, что, как тебе кажется, он вытворяет.

– Послушай, Голан. Я не могу вообразить ни одного трюка, с помощью которого я бы мог предсказать, что случится через пять столетий.

– Ты не можешь представить и трюк, который позволил бы фокуснику прочесть текст сообщения, спрятанного в псевдотессеракт³ на необитаемом орбитальном спутнике. А я своими глазами видел человека, который сделал это. Откуда ты знаешь, что склеп, в котором появляется образ Гэри Селдона, куплен правительством.

Пелорат взглянул на Тревайза, словно это предположение вызвало у него содрогание.

– Они не посмеют этого сделать! – Тревайз презрительно фыркнул. – Их бы поймали за руку, попытайся они сделать такое, – добавил Пелорат.

– Вот уж не уверен. Ну да ладно, дело-то не столько в этом, сколько в том, что мы совсем не знаем, как работает психоистория.

– Я не знаю, как работает компьютер, но знаю, что он работает.

– Это потому, что другие знают, как. А если никто не знает, как он работает? Тогда, случись ему сломаться, никто не сможет его починить. А теперь представим на месте компьютера психоисторию.

– Вторая Академия знает о психоистории все.

– Откуда тебе это известно, Джен?

– Так говорят.

– Сказать можно все что угодно. А, прости, компьютер заговорил. Так... Он определил расстояние до звезды Запретной Планеты и, надеюсь, очень точно. Дай-ка подумать.

Тревайз глядел на цифры довольно долго, беззвучно шевеля губами, словно что-то подсчитывал про себя. Наконец, не отрывая глаз от экрана, спросил:

– А Блисс что подделывает?

– Отсыпается, дружок, – ответил Пелорат. Затем, словно желая защитить ее, добавил: – Ей необходим сон, Голан. Поддерживать с Геей непосредственный контакт через гиперпространство – на это нужны силы.

– Не спорю, – кивнул Тревайз, положил руки на пульт и пробормотал: – Попробую несколько раз, проверю и перепроверю. – Оторвав руки от пульта, он обернулся. – Я серьезно, Джен. Что ты на самом деле знаешь о психоистории?

Пелорат не без труда вернулся к прерванному разговору.

– Ничего. Историк и психоисторик – это огромная разница. Конечно, два фундаментальных постулата психоистории мне известны, но они известны каждому.

– Даже мне. Первое требование – количество людей, вовлеченных в исторический процесс, должно быть достаточно велико, чтобы результаты статистических подсчетов были достоверными. Но что такое «достаточно велико»? Сколько?

– По последней оценке, население Галактики – что-то около десяти квадриллионов, и это, вероятно, заниженные цифры. Наверняка это и есть «достаточно великой».

– Как ты можешь судить?

– Поскольку психоистория действительно работает, Голан. Как бы ты ни изощрялся в

³ Псевдочетырехмерный куб. – Примеч. пер.

логике, она действительно работает.

– А второе требование, – сказал Тревайз, – заключается в том, чтобы люди пребывали в неведении относительно существования психоистории, и тогда знание будущего не извратит их поведения. Но они не пребывают в неведении, вот ведь какое дело.

– Но ведь все знают только одно, что она в принципе существует, дружок. Это не в счет. Второе требование на самом деле заключается в том, чтобы люди не были осведомлены о предсказаниях психоистории, – и они-таки ничего о них не знают, за исключением адептов Второй Академии, но о них разговор особый.

– И только на этих двух постулатах зиждется вся психоистория? Верится с трудом.

– Не только, – сказал Пелорат. – В ее основе лежат передовые и тщательно разработанные метафизические и статистические методы, Традиционная версия такова: якобы Гэри Селдон изобрел психоисторию, взяв за модель кинетическую теорию газов. Каждый атом и молекула в газе движется настолько беспорядочно, что невозможно вычислить положение или скорость любой из них. Тем не менее, с помощью статистики можно выработать законы, довольно точно диктующие образ поведения в целом. Селдон стремился разработать подобные этим законам обобщенные принципы поведения человеческого общества, пускай и не приложимые к поведению отдельных людей.

– Возможно. Однако люди – не атомы.

– Верно. Человек обладает сознанием, и его поведение значительно сложнее. Существует так называемая свобода воли. Как Селдон справился с этим, я не имею понятия, и уверен, что не смог бы понять, даже если бы специалист-профессионал попытался объяснить – но ему это удалось.

– И все зависит от поведения множества ни о чем не подозревающих людей? Не кажется ли тебе, что грандиозное математическое здание психоистории построено на песке? Если постулаты сформулированы неверно, оно должно рухнуть...

– Не рухнуло же до сих пор.

– ...Либо, если постулаты не так уж ошибочны или неадекватны, а просто недостаточно устойчивы, психоистория могла работать без перебоев целые столетия, а потом, по достижении какого-нибудь очередного кризиса, рухнуть – как, собственно, и случилось в эпоху Мула. Или... вдруг существует третий постулат?

– Какой еще третий постулат? – оторопело спросил Пелорат.

– Я не знаю, – сказал Тревайз. – Всякое доказательство может казаться безупречно логичным и элегантным и все-таки содержать скрытые допущения. Может быть, третий постулат как раз и представляет собой допущение, настолько принимаемое на веру, что никто и не думал упоминать о нем.

– Допущение, которое так аксиоматично, как правило, исключительно верно, иначе оно не было бы таким само собой разумеющимся.

Тревайз фыркнул.

– Если бы ты знал историю науки так же хорошо, как и обычную историю, Джен, ты бы понял, как жестоко ошибаешься. Так... Похоже, приближаемся к солнцу Запретной Планеты.

И действительно, в центре экрана сияла яркая звезда – настолько яркая, что компьютер автоматически убавил яркость до такой степени, что все остальные звезды угасли.

32

Помещения для личной гигиены на борту «Далекой звезды» были компактными, и пользование водой обычно сводилось к минимуму во избежание перегрузки систем очистки. Тревайз строго напоминал об этом и Пелорату, и Блисс.

Но даже в таких условиях Блисс всегда выглядела свежей и чистенькой: ее темные длинные волосы всегда блестели, а ногти были старательно ухожены.

– Вот вы где! – воскликнула она, войдя в рубку.

Тревайз взглянул на нее исподлобья и хмыкнул:

– Где же нам еще быть? Мы вряд ли могли покинуть корабль, а за полминуты нас можно

легко найти внутри, даже если ты и не можешь засечь нас мысленно.

– Это всего-навсего форма приветствия, и нет нужды воспринимать ее буквально, как ты прекрасно понимаешь, – сказала Блосс. – Где мы? Только не говори «в рубке».

– Блосс, милая, – сказал Пелорат, подняв руку, – мы внутри планетарной системы ближайшей из трех запретных планет.

Блосс подошла, встала сбоку и коснулась рукой плеча Пелората. Он обнял ее за талию.

– Вряд ли тут так уж запретно, – сказала Блосс. – Никто не остановил нас.

– Планета запрещена лишь постольку, поскольку Компореллон и другие миры второй волны колонизации намеренно прервали отношения с мирами первой волны – Внешними. Если мы сами не чувствуем себя связанными этими запретами, что может удержать нас? – сказал Тревайз.

– Но космонавты, если кто-либо из них еще жив, могли также разорвать связь с мирами второй волны. То, что нас не заботит наше вторжение к ним, вовсе не означает, что и им нет дела до нас.

– Верно, – сказал Тревайз, – если они сохранились. Но до сих пор мы даже не знаем, есть ли хотя бы одна планета, на которой они могли бы жить. Пока мы видим обычные газовые гиганты. Их два, и не особенно крупные.

– Но это не означает, что космической планеты не существует! – выпалил Пелорат. – Любая обитаемая планета должна быть гораздо ближе к солнцу и меньше по размерам. И очень трудно различить ее в солнечном сиянии на таком расстоянии. Нам нужно совершить микропрыжок к центру системы, чтобы обнаружить такую планету. – Он, казалось, прямо-таки лучился гордостью, говоря как испытанный космический путешественник.

– Если так, – сказала Блосс, – почему бы нам, и правда, не подойти поближе?

– Не сразу, – ответил Тревайз. – Мне необходимо произвести компьютерное сканирование в поисках каких-либо искусственных объектов. Затем мы двинемся вперед скачками – десятком скачков, проверяя все досконально на каждом этапе. Я не хочу попасть в ловушку, как это случилось при первом нашем приближении к Гее. Помнишь, Джен?

– Ловушки, подобные той, могут подстергать нас хоть каждый день. Та, на Гее, подарила мне Блосс. – Пелорат нежно посмотрел на возлюбленную.

– Ты хочешь сказать, что каждый день надеешься получать по новой Блосс? – ухмыльнулся Тревайз.

Пелорат, похоже, был не на шутку задет, а Блосс с досадой проговорила:

– Дружочек, или как там Пел тебя называет, ты можешь без опаски двигаться гораздо быстрее. Пока я с тобой, ты не попадешь в ловушку.

– Это Гее по силам?

– Определить присутствие чужого сознания? Конечно.

– Ты уверена, что достаточно сильна, Блосс? Думаю, тебе нужно немного отдохнуть, чтобы с новыми силами поддержать контакт с большой Геей. Насколько я могу положиться на твои способности? Вряд ли они такие уж большие на таком расстоянии от источника?

– Сила связи не ослабевает, – вспыхнула Блосс.

– Не обижайся, – сказал Тревайз. – Я просто поинтересовался. Не кажется ли тебе, что быть Геей не так уж хорошо? Я не Гея. Я самодостаточная и независимая личность. Это значит, что я могу улететь так далеко от моей планеты и моего народа, как пожелаю, и все-же оставаться Голаном Тревайзом. Какими бы способностями я ни обладал, они остаются при мне, где бы я ни был. Если бы я был один-одинешенек в космосе, на много парсеков от любого человеческого существа, лишенный какой-либо связи с людьми, не мог бы разглядеть искорку хотя бы одной звездочки во мраке небес, я бы все равно остался Голаном Тревайзом. Пусть бы я не смог выжить и умер, но я бы умер Голаном Тревайзом.

– Один в космосе, вдалеке от всех на свете, ты не мог бы позвать на помощь своих друзей, воззвать к их талантам и знаниям, не похожим на твои. Ты был бы свободен и независим, но страдал бы от осознания своей ничтожности по сравнению с тем, что ты мог бы совершить, оставаясь частью интегрированного сообщества. Ты должен это понимать.

– И все-таки моей ничтожности было бы далеко до твоей. Связь, существующая между

тобой и Геей, гораздо сильнее, чем между мной и моими братьями; эта связь тянется через гиперпространство и требует энергии для своего поддержания, так что ты должна психологически буквально задыхаться в попытке удержать эту связь, наверняка ты должна чувствовать себя ничтожной и одинокой гораздо сильнее, чем я при подобных обстоятельствах.

Юное лицо Блисс стало по-взрослому суровым. Сейчас на Тревайза скорее смотрела Гея, а не Блисс.

– Даже если все, что ты сказал, правда, Голан Тревайз, – сказала она, – то так есть, было и будет, и тут нечего прибавить и отнять. Даже если все так и есть, не кажется ли тебе, что за выгодное преимущество нужно заплатить? Разве не лучше быть теплокровным существом – таким, как ты, а не холоднокровным, вроде рыбы или еще кого-нибудь.

– Черепахи тоже холоднокровные, – сказал Пелорат. – На Терминусе их нет, но они обитают на некоторых планетах. Это существа, покрытые панцирем, очень медленно передвигающиеся, но зато долго живущие.

– Но разве не лучше быть человеком, чем черепахой? Разве не лучше двигаться быстро при любой температуре, а не замедленно? Разве не лучше развивать высокую активность, иметь быстро сокращающиеся мышцы, быстро функционирующие нервные волокна, интенсивные и широкие умственные способности, чем еле-еле ползать, мало что чувствовать и получать лишь смутное представление об окружающем мире? Разве не так?

– Ну, так. И что из этого?

– А разве ты не знаешь, чем ты должен заплатить за свою теплокровность? Для того чтобы поддерживать температуру своего тела на более высоком уровне, чем температура окружающей среды, ты должен расходовать энергию гораздо интенсивнее, чем черепаха. Ты должен есть почти непрерывно, чтобы твое тело получало энергию так же быстро, как она покидает его. Ты вынужден стареть гораздо быстрее, чем черепаха, и умереть раньше. Что, предпочтешь ли стать черепахой и жить медленнее, но дольше? Или ты предпочитаешь заплатить положенную цену и быть подвижным, чувствительным и разумным организмом?

– Разве это верное сравнение, Блисс?

– Нет, Тревайз, потому что в случае с Геей все более выгодно. Мы не тратим излишнего количества энергии, когда мы все вместе. Лишь тогда, когда часть Геи находится на гиперпространственном расстоянии от большой Геи, затраты энергии существенно возрастают. И вспомни – то, что ты высказал, – не просто большая Гея, не просто большая отдельная планета. Ты выбрал Галаксию, огромный комплекс звезд и планет. Повсюду в Галактике ты будешь частицей Галаксии, окруженной другими ее частицами – частицами громадной Галаксии, связь между которыми тянется от каждого межзвездного атома до центра черной дыры. Тогда для поддержания единства потребуется мизерное количество энергии, ни одна частица никогда не будет на большом расстоянии от остальных частиц. Вот что ты выбрал, Тревайз. Как можешь ты сомневаться, что твой выбор верен?

Тревайз в задумчивости склонил голову. Наконец он поднял взгляд и сказал:

– Возможно, я сделаю правильный выбор, но я должен быть уверен в этом, Решение, которое я принял, самое важное в истории человечества, и мне мало, что я или кто-то другой считает его верным. Я должен наверняка знать, что оно верно.

– Разве тебе мало того, о чем я сказала?

– Окончательный ответ я найду на Земле, – заявил Тревайз.

– Голан, звезда уже видна в виде диска, – прервал их Пелорат.

Так оно и было. Компьютер делал свое дело, и его не заботили никакие споры, бушевавшие вокруг него. Он приближался к звезде поэтапно и теперь достиг точки, указанной для него Тревайзом.

Они все еще продолжали оставаться вне плоскости эклиптики, и компьютер вывел на экран каждую из трех малых внутренних планет.

На самой близкой к солнцу температура поверхности была в пределах, позволяющих воде находиться в жидком состоянии, и планета имела кислородную атмосферу.

Тревайз дождался расчета орбиты, и предварительные оценки показали ему обнадеживающими. Он продолжал вычисления, так как чем дольше наблюдалось движение

планеты, тем точнее рассчитывались элементы ее орбиты.

Наконец Тревайз довольно хладнокровно произнес:

– В поле нашего зрения – планета, подходящая для обитания. И это почти наверняка она.

– Ах! – восторженно воскликнул Пелорат, отбросив обычную серьезность.

– Впрочем, я опасаюсь, – сказал Тревайз, – что здесь нет гигантского спутника. То есть пока не обнаружено ни одного спутника. Так что – это не Земля. По крайней мере, если верить традиции.

– Не огорчайся, Голан, – сказал Пелорат. – Я понял, что мы не найдем здесь Земли, когда увидел, что ни у одного из газовых гигантов нет той самой необычной системы колец.

– Ну, ладно, – кивнул Тревайз. – Следующий шаг – выяснить природу жизни на этой планете. Она имеет кислородную атмосферу, значит, мы можем быть абсолютно уверены, что на ней есть растения, а вот...

– Животная жизнь тоже есть, – внезапно прервала его Блисс. – И довольно обильная.

– Что? – повернулся к ней Тревайз.

– Я чувствую это. Очень слабо на таком расстоянии, но планета, несомненно, не только пригодна для обитания, но и обитаема.

33

«Далекая звезда» летела по полярной орбите вокруг Запретной Планеты, на достаточно большом расстоянии от поверхности. Период обращения составлял шесть с половиной дней. Тревайз, казалось, не торопился покидать орбиту.

– Поскольку планета обитаема, – объяснял он, – и поскольку, согласно рассказу Дениадора, она была когда-то заселена людьми, преуспевающими в технике, – представителями первой волны колонизации, так называемыми космонавтами, они могут опережать нас в своем развитии и не питать большой любви к нам, представителям второй волны, которые некогда вытеснили их. Я предпочитаю, чтобы они проявили себя сами, первыми. Тогда мы могли бы хоть немного изучить их повадки и настроения, прежде чем рискнуть совершить посадку.

– Они могут и не знать, что мы здесь, – сказал Пелорат.

– Было бы наоборот – мы бы знали.

– Следовательно, я должен предполагать, что, если здесь есть люди, они наверняка попытаются войти с нами в контакт. Могут даже попытаться захватить нас.

– Но, если они действительно выступят против нас, будучи сильнее технически, мы можем оказаться беспомощными при...

– Не верится, – покачал головой Тревайз.

– Техническое превосходство не может быть обязательно во всем сразу. Они могли с самого начала быть далеко впереди нас в некоторых областях, но одно ясно: они не преуспевают в межзвездных перелетах. Колонизировали Галактику мы, а не они, и во всей истории Империи нет ни единого упоминания о том, что они покидали свои миры и как-то напоминали нам о себе. Если они не практикуют космических перелетов, как можно ожидать от них серьезных достижений в астронавтике? А если так, у них не может быть ничего, подобного гравилету. Мы совершенно безоружны, но даже если они пустят против нас боевой корабль, то не смогут догнать нас. Нет, мы не должны оказаться беспомощными.

– Их превосходство может оказаться ментальным. Вдруг Мул был космонавтом?

Тревайз раздраженно пожал плечами.

– Мул не мог быть тем, и тем, и этим одновременно. Геянцы считают его отщепенцем с Геи, его еще числили экстраординарным мутантом...

– Наверняка существовало также мнение – не принимаемое, конечно, всерьез, – что он был искусственно созданным существом. Роботом, другими словами, хотя его так и не называли.

– Если здесь есть что-нибудь, что представляет ментальную опасность, нам остается положиться на то, что Блисс нам поможет. Она могла бы... Кстати, она спит сейчас?

– Спала, – кивнул Пелорат, – но уже просыпалась, когда я уходил.

– Просыпалась? Ну, она бы сразу вскочила, случись что-то нехорошее. Ты бы заметил это, Джен.

– Да, Голан, – тихо проговорил Пелорат.

Тревайз переключил свое внимание на экран компьютера.

– Единственное, что меня смущает, – это орбитальные станции. Обычно они служат верным признаком того, что планета заселена людьми с высоким уровнем техники. Но эти...

– С ними что-нибудь не так?

– Сразу несколько странностей. Во-первых, они жутко устаревшие, возможно, им несколько тысяч лет. Во-вторых, они ничего не излучают, кроме обычных инфракрасных лучей.

– Что это значит?

– Термальное излучение сопровождает любой объект, несколько более теплый, чем окружающая среда. Если наличествует только оно – это явный признак того, что с объектом все кончено. Термальное излучение – это целый спектр излучений с зависящим от температуры распределением. Если бы на борту этих станций стояли работающие приборы, это неизбежно приводило бы к выбросам упорядоченного нетермального излучения. Так как обнаружено только термальное, можно предположить, что либо станции пусты, и пусты, возможно, не одну тысячу лет; либо, если они обитаемы, но обитаемы людьми с высокоразвитой техникой, не допускающей подобных утечек.

– А может быть, на планете – высокоразвитая цивилизация, – предположил Пелорат, – а орбитальные станции пусты, так как планету так давно оставили и с тех пор не посещали поселенцы нашей волны, что здешних жителей больше не беспокоит возможность чьего-либо прибытия.

– Может и так. А может, это какая-то приманка.

Вошла Блисс; Тревайз, заметив ее краем глаза, проворчал:

– Да, вот они мы.

– Вижу, – улыбнулась Блисс, – и все на той же орбите. Может, уже хватит?

– Голан осторожен, дорогая. Орбитальные станции на вид не обитаемы, и мы не совсем понимаем, что это означает, – поспешно объяснил Пелорат.

– Нечего тут понимать, – безразлично проговорила Блисс. – На планете, вокруг которой мы летим, нет различимых признаков разумной жизни.

Тревайз, обернувшись, с удивлением уставился на нее.

– О чем это ты? Ты же сама сказала.

– Я сказала, что на планете есть животная жизнь. Так оно и есть, но где это видано в Галактике, чтобы животная жизнь обязательно включала человека?

– Почему же ты не сказала этого сразу, когда обнаружила животных?

– Потому, что оттуда я не могла этого четко различить. Я могу отчетливо обнаружить явный всплеск животной нейроактивности, но никоим образом не могу при столь малой интенсивности отличить бабочку от человека.

– А сейчас?

– Сейчас мы гораздо ближе. Наверное, вы думали, что я уснула, но это не так, – если я спала, то совсем недолго. Я... как бы это сказать, вслушивалась изо всех сил в поисках какого-нибудь признака ментальной активности, достаточно сложной для того, чтобы означать присутствие разума.

– И ничего не услышала?

– Позволю себе предположить, – осторожно произнесла Блисс, – что, если я ничего не почувствовала на таком расстоянии, на планете не может находиться более нескольких тысяч человек. Подойдем поближе – скажу точнее.

– Ну... это меняет дело, – сказал Тревайз с некоторым смущением.

– Вот-вот, – тряхнула головой Блисс, выглядевшая сильно заспанной и раздраженной, – а потому ты можешь уже бросить всю эту ерунду – анализ излучения, выводы, дедукцию, и кто знает, чем еще ты мог заниматься. Мои геяньские чувства сделали эту работу гораздо точнее. Думаю, ты понимаешь теперь, что я имею в виду, когда говорю, что лучше быть геянцем, чем изолятом.

Прежде чем ответить, Тревайз выждал, явно стараясь сдержаться. Заговорил он в вежливом, почти формальном тоне:

– Я благодарен тебе за информацию. Тем не менее, ты должна понимать, что, прибегая к сравнению, мысль о преимуществе усовершенствования моего обоняния была бы для меня незначительным мотивом, чтобы решиться отбросить мою человеческую природу и стать, скажем, гончим псом.

34

Запретная Планета лежала внизу, совсем близко. Корабль опустился ниже слоя облаков и проходил сквозь атмосферу. Планета выглядела забавно – казалось, она была побита молью.

Как и следовало ожидать, полярные области были покрыты льдом, но площадь обледенения была невелика. Встречались также не поражавшие размерами и высотой бесплодные горные районы с редкими пробелами глетчеров. Были тут и небольшие пустыни, довольно равномерно рассеянные по поверхности планеты.

И все-таки планета была по-своему красива, Берега крупных материков, которые были причудливо изрезаны заливами, белели пляжами, за полосами которых простирались широкие прибрежные низменности. Тянулись пояса тропических и умеренных лесов, окаймленные степями; и все же всё казалось каким-то потрепанным.

В лесных массивах то тут, то там виднелись проплешины, а область степей поражала скудностью растительности.

– Какая-то болезнь растений? – удивленно спросил Пелорат.

– Нет, – медленно проговорила Блосс. – Что-то похуже, чем болезнь. Более давнее и постоянное.

– Я видел разные планеты, – нахмурился Тревайз, – но ни одной похожей на эту.

– Я видела очень мало планет, – сказала Блосс, – но мне порукой опыт и мысленные возможности Геи. Перед нами то, что можно ожидать от планеты, с которой люди уже ушли.

– Почему? – спросил Тревайз.

– А ты возьми и подумай, – с сарказмом ответила Блосс, – Ни на одной из обитаемых планет нет истинного экологического равновесия. На Земле такое равновесие должно было существовать с самого начала, поскольку если именно на ней появились люди, то до их появления довольно долго не было ничего и никого, способного развивать технику и вызывать изменения окружающей среды.

В то время естественное равновесие – постоянно меняющееся, конечно, – должно было существовать. На всех иных обитаемых планетах люди тщательно переделывали среду на земной манер, насаждали растительную и животную жизнь. Но экосистемы, которые они создавали, не отличались равновесием. Они могли включать в себя лишь ограниченное число видов – только те, что были нужны людям, или те, что никак нельзя было не включить в экосистему...

– Знаешь, что это мне напомнило? – встрял Пелорат. – Прости, Блосс, что перебил, но сходство так поразительно, что я не могу устоять. Надо сказать тебе прямо сейчас, пока не забыл. Это древний миф о творении, на который я однажды наткнулся. Там говорится о зарождении жизни на одной планете, жизнь там состояла из ограниченного числа видов, точно так же, как ты сказала, – полезных или приятных для людей. А потом первые люди совершили какую-то глупость – Неважно, какую именно, дружок, потому что эти старые мифы чаще всего символичны, и голова идет кругом, если их воспринимать буквально, – и почва планеты была проклята. «Thons also and thistles shall it forth to thee»⁴, – так звучит это проклятие, хотя на древнегалактическом получается гораздо красивее. Вопрос, однако, в том, проклятие ли это было? Ведь то, чего люди не любят и не хотят, вроде колючек и чертополоха, может быть необходимо для сбалансирования экологии.

⁴ «Да родятся из нее для вас только тернии да чертополох» – Примеч. пер.

– Просто потрясающе, Пел, – улыбнулась Блосс, – у тебя в памяти есть легенды на все случаи. Легенды порой просто замечательны. Люди, переделывая планеты на свой вкус, забывают про колючки, чертополох, тому подобные вещи, а потом должны вновь трудиться, чтобы сохранить жизнь на планете. Это не саморегулирующийся организм, вроде Геи. Это скорее разнообразная коллекция изолятов, причем коллекция недостаточно разнообразная, чтобы сколь угодно долго поддерживать экологическое равновесие. Если руки исчезают, а с ними вместе исчезают их заботливые руки, картина жизни всей планеты неизбежно начинает рассыпаться. Планета пере-переделывает сама себя.

– Если все так и есть, – скептически проговорил Тревайз, – это может происходить слишком быстро. На этой планете, вероятно, людей нет уже двадцать тысяч лет, и все-таки большая ее часть выглядит довольно неплохо.

– Верно, – сказала Блосс, – но это зависит от того, насколько хорошо было установлено с самого начала экологическое равновесие. Если это действительно хорошее равновесие, оно могло сохраняться долгое время и без человека. Кроме всего прочего, двадцать тысяч лет – хоть и долгий срок по людским меркам, но всего лишь краткий миг по сравнению со временем существования планеты.

– Думаю, – сказал Пелорат, вглядываясь в панораму планеты, – если планета деградирует, мы можем быть уверены, что люди с нее ушли.

– Я все еще не могу обнаружить ментальной активности, соответствующей человеку, и позволю себе предположить, что людей на планете нет совсем. В наличии непрерывный гул и жужжание созданий с низшими уровнями сознания, однако уровни эти достаточно высоки, чтобы принадлежать птицам и млекопитающим. Впрочем, я не уверена, что процесс, обратный терроформированию, – безоговорочный показатель того, что люди отсюда исчезли. Планета может деградировать и тогда, когда люди еще живут на ней, если само людское сообщество становится порочным и не может понять важности охраны окружающей среды.

– Такое сообщество, – сказал Пелорат, – наверняка не может долго просуществовать. Не верю, что люди могут не понимать важности сохранения всего, что поддерживает их жизнь.

– У меня нет твоей розовой веры в человеческий разум, Пел, – покачала головой Блосс. – Мне кажется вполне уместным, что в планетарном сообществе, состоящем только из изолятов, местнические и даже индивидуальные интересы могут без особого труда взять верх над общепланетными.

– Я не думаю, что это возможно, – сказал Тревайз. – Скорее, прав Пелорат. В самом деле, ведь населенных людьми планет миллионы, и ни одна из них не выродилась, не растерроформировалась, так что твоя боязнь изоляционизма наверняка преувеличена, Блосс.

Корабль тем временем перелетел из дневного полушария в ночное. Следствием этого стали быстро сгустившиеся сумерки, а затем – полная тьма снаружи. Лишь там, где небо было ясным, светили звезды.

Корабль точно выдерживал высоту, тщательно отслеживая параметры атмосферного давления и силы притяжения. Полет протекал на большой высоте, чтобы не задеть горные вершины: на планете не так давно прошла очередная стадия горообразования. И все же компьютер на всякий случай прощупывал путь впереди микроволновым локатором.

Тревайз взгляделся в бархатную черноту и задумчиво проговорил:

– Для меня наиболее убедительный признак необитаемости планеты – это отсутствие искусственной освещенности на ночной стороне. Ни одна технологически развитая цивилизация не будет мириться с темнотой. Как только покажется дневная сторона, мы спустимся ниже.

– Какой будет от этого толк? – спросил Пелорат. – Здесь ничего и никого нет.

– Кто сказал, что здесь ничего нет?

– Блосс. И ты.

– Нет, Джен. Я сказал, что здесь нет излучений техногенной природы, а Блосс утверждает, что здесь нет признаков ментальной активности людей, но это не означает, что здесь вообще ничего нет. Если даже на планете нет людей, здесь наверняка должны быть какие-нибудь реликты. Мне необходима информация, Джен, и остатки техносферы могут в этом смысле

представлять собой определенную ценность.

– Спустя двадцать тысяч лет? – дрожащим голосом произнес Пелорат. – Как ты думаешь, что может пережить такой срок? Здесь не может быть ни фильмов, ни рукописей, ни книг – металл заржавел бы, дерево сгнило, пластик рассыпался бы в порошок. Даже камень растрескался бы и выветрился.

– Может быть, прошло не двадцать тысяч лет, – спокойно сказал Тревайз. – Я назвал этот срок как максимальный, потому что легенды Компореллона повествуют о ее процветании в те времена. А вдруг последние люди умерли, или исчезли, или улетели отсюда только тысячу лет назад.

Корабль пересек границу ночной стороны. Разгорелась заря, и почти мгновенно засиял солнечный свет.

«Далекая звезда» опускалась ниже, замедляя скорость, пока не стали ясно видны детали поверхности. Теперь можно было отчетливо видеть и маленькие острова, рассыпанные вдоль берегов материков. Большинство из них было покрыто зеленым ковром растительности.

– Пожалуй, – сказал Тревайз, – особенно внимательно следует изучить пустынные области. Мне кажется, что в тех местах, где люди жили особенно скученно, больше пострадало и экологическое равновесие. Эти места могут быть и центрами распространяющейся волны растрероформирования. Что скажешь, Блисс?

– Возможно. В любом случае, при отсутствии точных знаний, мы можем осмотреть то, что легче всего осмотреть. Степи и леса могли скрыть большинство следов обитания человека, так что высадка там может оказаться пустой тратой времени.

– Меня поражает то, – сказал Пелорат, – что планета постепенно восстанавливает равновесие, располагая и тем, что на ней осталось. Могут образоваться новые виды, и эти пораженные области будут снова заселены, только по-другому.

– Все может быть, – кивнула Блисс. – Это зависит прежде всего от того, насколько разбалансирована была эта планета. И для того чтобы мир исцелил себя сам и достиг нового равновесия в ходе эволюции, потребовалось бы намного больше двадцати тысяч лет. Может быть, миллионы лет.

«Далекая звезда» больше не кружила над планетой. Она медленно дрейфовала над протянувшейся на пятьсот километров саванной с редкими купами деревьев.

– Что вы на это скажете? – внезапно спросил Тревайз, указывая вниз. Корабль перестал дрейфовать и повис в воздухе. Слышалось лишь тихое, но непрерывное гудение гравитаторов, почти полностью нейтрализующих силу притяжения планеты.

Ничего особенного там, куда указывал Тревайз, не было видно. Обрывистые холмы с выветренной почвой и редкой травой – вот и все.

– Мне сказать нечего, – пожал плечами Пелорат.

– А ты посмотри повнимательнее на расположение холмов. Ведь это параллельные линии. А еще линии потоньше, и они пересекаются под прямыми углами. Видишь? Видишь?! Ты не встретишь такого ни в одной природной формации. Это человеческая архитектура, остатки фундаментов и стен, такие же ясные, словно они все еще стоят здесь.

– Предположим, это так, – сказал Пелорат. – Но это всего лишь руины. Если бы мы должны были проводить археологические исследования, нам пришлось бы тут копать и копать. Профессионалам потребовались бы годы и годы, чтобы проделать все это по правилам...

– Да, но у нас нет времени, чтобы делать все по правилам. Здесь мог стоять древний город, и что-нибудь от него могло остаться. Проследим за этими линиями и посмотрим, куда они нас приведут.

Вскоре на краю одной области, неподалеку от места, где деревья росли не так густо, они увидели полуразрушенную стену.

– Неплохо для начала. Садимся, – сообщил Тревайз.

Глава девятая Встреча со стаей

35

«Далекая звезда» опустилась у подножия небольшой возвышенности холма на совершенно плоской равнине. Тревайз сделал это, почти не задумываясь, считая само собой разумеющимся, что лучше, чтобы корабля не было видно на мили со всех сторон.

– Температура снаружи – двадцать четыре градуса, – сообщил он, – скорость ветра около одиннадцати километров в час с запада, переменная облачность. Компьютер еще недостаточно знает об общей схеме круговорота воздуха, чтобы уверенно предсказать погоду. Однако, поскольку влажность около сорока процентов, дождь вряд ли пойдет. В общем, мы, похоже, выбрали подходящую широту и время года, и после Компореллона это радует.

– Думаю, – сказал Пелорат, – если на планете продолжится деградация, климат со временем станет более контрастным.

– Я просто уверена в этом, – кивнула Блисс.

– Будь уверена, в чем хочешь, – сказал Тревайз. – У нас в запасе еще тысячи лет. Сейчас же это – приятная планета и останется такой, покуда мы живы, и даже столетия после нас.

Произнося эту тираду, он застегивал на поясе широкий ремень.

– А это что, Тревайз? – довольно резко спросила Блисс.

– Ничего особенного. Старая привычка – со времен службы во флоте. Я не выхожу в неизвестный мир безоружным.

– Ты что, серьезно намереваешься взять оружие?

– Совершенно серьезно. Здесь, справа, – он хлопнул по кобуре, в которой находился массивный пистолет с широким дулом, – мой бластер, а здесь, слева – пистолет поменьше с тонким глухим стволом – нейрохлыст.

– И то, и другое несет смерть, – недовольно проговорила Блисс.

– Только один. Убивает бластер. Нейрохлыст не для этого. Он лишь раздражает болевые окончания, и это настолько ужасно, что сам будешь молить о смерти; по крайней мере, так мне говорили. По счастью, в меня никогда не целились из этой штуковины.

– Зачем ты берешь их?

– Я же сказал тебе. Это – чужая планета.

– Тревайз, это пустая планета.

– Да, здесь нет техногенной цивилизации, очевидно, но что, если здесь остались забывшие технику дикари? У них вряд ли есть что-то получше дубинок и камней, но и они могут убивать.

Блисс выглядела раздраженной, но сказала негромко, стараясь остаться рассудительной.

– Я не обнаружила человеческой нейроактивности, Тревайз. Значит, тут нет никаких дикарей.

– Значит, у меня не будет нужды использовать оружие, – пожал плечами Тревайз. – Послушай, какой вред в том, чтобы взять его? Оно только добавит мне немного веса, а так как сила тяжести на поверхности планеты примерно девяносто один процент от терминусской, я могу себе это позволить. Пойми, корабль может быть безоружен сам по себе, но на нем есть необходимый арсенал ручного оружия. Я полагаю, вы двое тоже...

– Нет, – сразу же сказала Блисс. – Я даже пальцем не пошевелю ради убийства или для причинения кому-то боли, что в принципе одно и то же.

– Дело не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы не погибнуть самому, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Я смогу защитить себя по-своему.

– Джен?

Пелорат колебался.

– Мы же не брали с собой оружия, когда высаживались на Компореллоне.

– Послушай, Джен, Компореллон – известная планета, состоящая в союзе с Академией. Кроме того, нас сразу же арестовали. Если бы у нас было оружие, его бы отобрали. Хочешь бластер?

– Я никогда не служил во флоте, дружок, – покачал головой Пелорат. – Я даже не знаю,

как пользоваться такими предметами, и в случае опасности я ни за что вовремя об этом не вспомню. Я просто побегу – и буду убит.

– Ты не будешь убит, Пел, – энергично сказала Блисс. – Гея взяла тебя под мою/ее защиту. И этого напыщенного героя-вояку тоже, – презрительно добавила она.

– Хорошо, – сказал Тревайз. – У меня нет возражений против такой защиты, но при чем тут напыщенность? Я просто предпочитаю иметь лишнюю страховку, и, если мне так и не придется дотронуться до этих вещичек, я буду совершенно доволен, обещаю тебе. Но все же я должен иметь их при себе. – Он ласково погладил обе кобуры и продолжил: – А теперь пошли. Шагнем на поверхность планеты, где уже тысячи лет не ступала нога человека.

36

– Почему-то у меня такое чувство, – сказал Пелорат, – что уже довольно поздно, хотя солнце стоит достаточно высоко и похоже на полдень.

– Я думаю, – сказал Тревайз, до сих пор молча смотревший по сторонам, – что это чувство возникает у тебя из-за оранжевого оттенка солнца, создающего иллюзию заката. Если бы мы оказались здесь во время настоящего заката и при соответствующей облачности, мы наблюдали бы гораздо более багровый диск солнца, чем привыкли. Не знаю, покажется ли это тебе прекрасным или, наоборот, угнетающим. По той же причине закат на Компореллоне был, вероятно, еще более багровым, но там мы все время находились в помещениях.

Он медленно повернулся, осматривая пейзаж. Кроме поразительной странности света, здесь ощущался отчетливый запах этой планеты – или этой его части. Как бы немного затхлый, но не настолько, чтобы быть неприятным.

Ближние деревья были не слишком высоки и казались старыми; то ли из-за преобладающих ветров, то ли из-за особенностей почвы, их стволы, покрытые потрескавшейся корой, были наклонены в одну сторону. Вид этих деревьев вызывал ощущение опасности. А может быть, оно исходило еще откуда-то?

– Что ты намерен делать, Тревайз? – прервала молчание Блисс. – Мы ведь проделали такой путь не для того, чтобы любоваться пейзажем?

– Да, пожалуй, пора браться за дело. Я предложил бы, чтобы Джен осмотрел это место. Руины остались в той стороне. А ты, Джен, единственный среди нас, кто может судить о ценности любых найденных записей. Я надеюсь, ты сумеешь понять надписи на старогалактическом или фильмы. Про себя я точно знаю, мне это не по зубам. А еще я думаю, Блисс, что тебе надо пойти с ним, чтобы защитить его. Что касается меня, я остаюсь здесь, чтобы прикрыть вас в случае чего.

– От кого? От дикарей с дубинками и камнями?

– Может быть. – Улыбка, игравшая на губах Тревайза, исчезла, и он признался: – Довольно странное чувство, Блисс. Мне малость не по себе здесь. Но почему – не могу понять.

– Пошли, Блисс, – сказал Пелорат. – Я был кабинетным коллекционером древних преданий всю свою жизнь, так что никогда сам не держал в руках древних документов. Только представь, если мы сможем найти...

Тревайз проводил друзей взглядом. Голос Пелората становился все тише. Он торопливо шагнул к руинам, Блисс грациозно вышагивала рядом.

Тревайз некоторое время глядел им вслед, потом повернулся и продолжил осмотр окрестностей. Что же здесь было такого, что вызывало опасения?

Он действительно никогда не ступал на не обитаемую людьми планету, но видел много таких сверху, из космоса. Обычно это были небольшие планеты, недостаточно массивные, чтобы удержать воду или воздух, и использовали их как ориентиры мест встречи при военных маневрах (на памяти Тревайза войн не было. Их не было уже за сто лет до его рождения – но маневры проводились) или как тренажеры при отработке аварийных ситуаций. Корабли, на которых он летал, кружили на орбитах вокруг таких планет или даже опускались на них, но выйти из корабля в то время ему никогда не доводилось.

В чем же тут дело? В том ли, что он сейчас действительно стоял на пустой планете?

Ощущал бы он то же самое, если бы стоял на одной из многих маленьких, безвоздушных планет, на которые мог попасть в годы учебы – и потом, позже?

Тревайз покачал головой. Там такого не было бы. Он был уверен в этом. На нем был бы скафандр, как тогда, когда он выходил из корабля в открытый космос. Все было бы привычно, и от прикосновения к камням ничего ужасного не произошло бы. Наверняка! Правда, сейчас он был без скафандра. Тревайз стоял на пригодной для жизни планете, такой же приятной для пребывания, как Терминус, и гораздо более приятной, чем Компореллон. Он чувствовал прикосновение ветра к своим щекам, тепло солнца, согревавшего спину, слышал, как поскрипывают деревья. Все казалось знакомым, но здесь, на этой планете, не было людей – по крайней мере, уже не было.

В чем же все-таки дело? Почему планета кажется такой угрюмой? Потому ли, что она не просто не обитаема, а оставлена людьми?

Он никогда прежде не бывал на покинутых планетах. Даже не слышал о таких; никогда не думал, что планета может быть брошенной. Все известные ему до сих пор планеты, стояло на них появиться людям, оставались населенными навсегда.

Он посмотрел вверх, на небо. Прочие обитатели как будто никуда не делись. В небе летела одинокая птица и казалась почему-то более естественной, чем ярко-синее небо с оранжеватыми облаками, обещавшими хорошую погоду. (Тревайз не сомневался – проведи он здесь несколько дней, цвета неба и облаков стали бы привычными и перестали бы удивлять.)

Он слышал трели птиц в ветвях деревьев, приглушенный стрекот насекомых. Блосс говорила о бабочках, и их тут действительно оказалось великое множество – всех цветов радуги.

В густой траве под деревьями раздавались время от времени осторожные шорохи, но Тревайз не мог точно сказать, кто именно там шуршал.

Но не очевидное присутствие живого в окрестностях путало Тревайза. Как сказала Блосс, терроформированные миры прежде всего исключали опасных животных. Действия волшебных сказок детства и героических фантазий юности разворачивались в легендарном мире, черты которого, должно быть, были списаны с туманных преданий о Земле. Голографические гипердрамы кишели монстрами – львами, единорогами, драконами, китами, медведями. Их были десятки – Тревайз не помнил, как они все назывались. Были животные поменьше, которые кусались и жалили, были даже растения, которые опасно было трогать, но все вымышленные. Он как-то слышал, будто древние пчелы больно жалили, но в это трудно было поверить, так как нынешние пчелы были совершенно безобидными.

Он медленно пошел направо, в обход холма. Трава, высокая и густая, росла отдельными островками, Тревайз вошел в заросли между деревьев, которые тоже росли отдельными рощицами.

Немного погодя он зевнул. Похоже, ничего особо выдающегося встретиться не могло, и Тревайз подумал, не вернуться ли на корабль и не вздремнуть ли немного. Нет, нелепо. Ясно, он должен оставаться на страже. Наверное, ему надо вести себя на манер образцового часового – маршировать: раз-два, раз-два, поворачиваясь со щелчком и совершая сложные приемы с парадным электрохлыстом. (Это было оружие, не использовавшееся в войне уже три столетия, но все еще абсолютно незаменимое при муштре, а почему – вряд ли кто мог бы объяснить.)

При этой мысли Тревайз усмехнулся, а потом подумал, не догнать ли Пелората и Блосс в руинах. Но зачем? Какой там толк от него?

А вдруг он увидит что-нибудь такое, что Пелорат случайно пропустит? Ерунда. Можно сходить туда потом, когда Пелорат вернется. Если здесь есть что-либо, что видно с первого взгляда, пусть уж Пелорат сам сделает открытие.

А вдруг они попали в беду? Глупости! В какую беду можно попасть?

Да и случись что, они бы крикнули, позвали бы на помощь.

Тревайз остановился и прислушался. Тишина. И опять к нему вернулась неотвязная мысль об обязанностях часового – и он не без удивления понял, что марширует, чеканя шаг, воображаемый электрохлыст снят с плеча, развернут, выброшен вперед, развернут опять в

прежнее положение и принят на другое плечо. Довольно улыбнувшись, Тревайз посмотрел туда, где стоял корабль (теперь до него было довольно далеко). И вот тут-то он просто окаменел, и вовсе не из подражания часовому. Он был не один.

До сих пор он не видел ни одного живого существа, кроме растений, насекомых и птиц. Он никого не видел, не слышал ничьих шагов, но теперь между ним и кораблем стояло какое-то животное.

Тревайз настолько был удивлен, что не сразу сумел понять, кого именно видит. Лишь спустя некоторое время он понял, кто перед ним. Это была всего-навсего собака.

Тревайз собак особо не жаловал. У него никогда не было своей, а чужие не вызывали у него теплых чувств. Не испытал он таких чувств и сейчас.

Не без брезгливости он подумал о том, что не было планеты, на которой эти животные не жили бы рядом с людьми. Существовало бесчисленное множество пород собак, и Тревайзу давно казалось, что на каждой планете имела, по крайней мере, одна характерная для нее порода. Тем не менее все породы собак были схожи в одном: для чего бы они ни содержались – для развлечения, выставок или какой-нибудь полезной работы, – они воспитывались в любви и доверии к человеку.

А как раз эти любовь и доверие Тревайз никогда не ценил. Он однажды жил с женщиной, у которой была собака. Этот пес, которому Тревайз терпел ради подруги, его просто обожал, повсюду за ним таскался, укладывался отдохнуть к нему на колени (а в нем было не меньше пятидесяти фунтов веса), облизывал его в самые неожиданные моменты и, сидя под дверью, скулил, в то время как Тревайз и его приятельница пытались предаться любви.

Из этой истории Тревайз вынес твердое убеждение о том, что по каким-то причинам, ведомым только собачьим мозгам и их способности анализировать запахи, он является объектом страстной привязанности представителей собачьего рода.

Однако, как только первоначальное удивление отхлынуло, Тревайз разглядел пса повнимательнее, без предубеждения. Это был крупный пес, поджарый и стройный, с длинными крепкими лапами. Он смотрел на Тревайза без явного обожания. Пасть собаки была приоткрыта, словно в доброжелательной усмешке, но зубы ее были так устрашающи, что Тревайз сразу решил, что ему было гораздо уютнее, если бы никакой собаки здесь не стояло.

Затем он подумал: может быть, эта собака никогда не видела человека и бесчисленные поколения ее предков тоже в глаза не видели людей. Пса могло точно так же смутить внезапное появление человека, как Тревайза – внезапное появление собаки. Тревайз, по крайней мере, сразу понял, кто перед ним, а вот поняла ли собака? Она все еще была удивлена и, возможно, встревожена.

Явно небезопасно было заставлять нервничать такого крупного зверя с такими жуткими зубами. Тревайз понял, что рано или поздно придется сойтись с ним покороче.

Медленно, осторожно он пошел к псу (стараясь не делать резких движений). Вытянув руку в знак готовности дать ее обнюхать, он принялся приговаривать что-то вроде «Славная собачка» и чувствовал себя в высшей степени по-дурацки.

Пес, не спуская глаз с Тревайза, постепенно попятился на пару шагов. Но вот он сердито сморщил нос и угрожающе зарычал. Хотя Тревайзу никогда не попадались собаки, ведущие себя подобным образом, он не мог объяснить подобные действия ничем иным, как выражением угрозы.

Тревайз тут же остановился и замер. Поймав краешком глаза какое-то движение сбоку, он медленно повернул голову и увидел еще двух псов. Вид у них был такой же убийственный, как и у первого.

«Убийственный»? Это слово пришло ему на ум только теперь, и, увы, смысл его был жуть как точен.

Сердце Тревайза часто забилося. Путь к кораблю был отрезан. Бежать бессмысленно – собаки настигнут его через несколько ярдов. Если он будет стоять на месте как вкопанный и начнет палить из бластера, то, пока он прикончит одного пса, два других уже будут рядом с ним. Издалека подходили все новые и новые собаки. Умели ли эти твари общаться между собой? Охотились ли они стаями?

Тревайз медленно шагнул влево, туда, где не было видно собак – пока. Медленно. Очень медленно.

Собаки повторили его движения. Тревайз решил, что от немедленного нападения его спасает только то, что собаки не видели раньше никого похожего на него. У них не было выработано рефлекса, которому они могли последовать в такой ситуации.

А вот если он побежит, это как раз и будет сигналом для собак. Они наверняка знают, что им делать, если некто размером с Тревайза испугается и побежит. Они тоже побегут, только быстрее.

Тревайз продолжал красться к ближайшему дереву. У него возникло жуткое желание как можно скорее забраться повыше – туда, где собаки не смогут его достать. Пока же они двигались следом за ним, негромко ворча. Все три пса, приближаясь, неотрывно смотрели на Тревайза. Еще две твари вскоре присоединились к ним. Издали мало-помалу подходили другие. Еще немного, совсем чуть-чуть, и нужно будет сделать рывок. Ни медлить, ни торопиться нельзя. И то, и другое может стоить жизни.

Вперед!

Он, вероятно, установил личный рекорд в беге на короткую дистанцию и все равно еле-еле успел. Он услышал, как лягнули челюсти по каблуку, на мгновение тот даже задержался в пасти пса, но затем зубы соскользнули с прочного керамоида.

Тревайз не слишком ловко лазал по деревьям. Последний раз он забирался на дерево в десятилетнем возрасте, и, насколько он мог припомнить, попытка окончилась полным фиаско. В данном случае на счастье ствол дерева был не таким уж ровным, а сучки и корявая кора давали возможность хвататься руками. Вдобавок, Тревайза толкала вверх насущная необходимость – просто потрясающе, чего можно добиться при нужде!

Через несколько мгновений Тревайз сидел в развилке ветвей, метрах в десяти от земли. Вид ободранной и кровоточащей руки не вызывал у него ни боли, ни огорчения.

Под деревом уселись пять оскалившихся собак и пялились вверх, изредка вываливая красные языки. Они, похоже, приготовились ждать.

Что же будет?

37

Тревайз был не в том положении, чтобы обдумать ситуацию логически и детально. Мысли мелькали в странной и искаженной последовательности. Имей он возможность упорядочить их, вышло бы примерно вот что: Блосс говорила о том, что, террорформируя планету, люди должны создать уравновешенную экологию, которую они способны удержать от спада только беспрестанным трудом. К примеру, колонисты никогда не брали с собой крупных хищников. Правда, от мелких вредителей избавляться возможности не было. Насекомые, паразиты, даже небольшие ястребы, землеройки и тому подобные существа неизменно сопровождали людей.

А жуткие твари из легенд и туманных литературных описаний – тигры, гризли, медведи, орки, крокодилы? Кому бы взбрело в голову таскать их с планеты на планету, даже если бы в этом был какой-то смысл? И почему в этом мог быть смысл?

Это означало, что люди становились единственными крупными хищниками, и их задачей было собирать дань со всех растений и животных, которые, будучи оставленными на произвол судьбы, погибли бы от собственной избыточности.

А если люди почему-либо исчезли, их место должны занять другие хищники. Но какие? Единственными более или менее крупными существами были кошки и собаки, прирученные и живущие рядом с человеком.

Что, если не останется людей, чтобы кормить их? Они тогда должны будут сами искать пищу, чтобы выжить, а также ради того, чтобы не вымирали те, кого они поедают: ведь чтобы не произошло превышения оптимальной численности популяции за счет естественного вымирания, потребуется гораздо более высокая смертность, чем тогда, когда за дело берутся хищники. В итоге размножаются собаки. Большие псы нападают на крупных, беззаботных травоядных; маленькие – на птиц и грызунов. Кошки могут охотиться ночью, а собаки – днем;

первые – в одиночку, вторые – стаями.

Возможно, эволюция постепенно разовьет больше видов, чтобы заполнить пустующие экологические ниши. Может быть, какие-нибудь из собак мало-помалу приучатся питаться рыбой, а кто-то из кошек видоизменится так, что сумеет летать и охотиться на птиц в воздухе так же, как и на земле?

Все эти блестящие озарения мелькали в голове у Тревайза, пока он собирался с мыслями и соображал, что может сделать.

Собак становилось все больше. Под деревом Тревайз насчитал двадцать три, еще несколько псов приближалось. Сколько же их в стае? Хотя какое это имеет значение? Тех, что были здесь, хватало выше головы.

Тревайз вытащил из кобуры свой бластер, но привычная тяжесть приклада в ладони все же не давала ему того чувства безопасности, которое его удовлетворило бы. Когда он последний раз менял в нем батареи? Сколько раз он может выстрелить? Наверняка не двадцать три.

Что же с Блисс и Пелоратом? Если они появятся, бросятся ли собаки на них? Все ли будет в порядке, даже если его спутники и не придут сюда? Если собаки учуют запах двух человек в руинах, что сможет помешать им напасть на людей прямо там? Наверняка в развалинах нет ни дверей, ни каких-то других препятствий, способных удержать злобную свору.

Может ли Блисс остановить их и даже прогнать прочь? Может ли она сконцентрировать силы, передаваемые ей через гиперпространство, до необходимой интенсивности? И как долго сможет она поддерживать эту интенсивность?

Может, позвать на помощь? Прибегут ли они, если он крикнет, и убегут ли собаки, не выдержав взгляда Блисс? (Надо ли ей смотреть на собак или это будет просто психологическое воздействие, не видимое никому из тех, кто не обладает такими же способностями?) А вдруг Блисс и Пелорат будут разорваны на части на глазах у Тревайза, вынужденного беспомощно наблюдать жуткое зрелище, пребывая в относительной безопасности на дереве?

Нет, все-таки без бластера не обойтись. Если удастся убить одну собаку, а остальных распугать хотя бы ненадолго, можно будет слезть с дерева, позвать Пелората и Блисс, прикончить еще какого-нибудь пса, если обнаглеют, и тогда все трое смогут прорваться к кораблю.

Тревайз вывел мощность микроволнового луча на отметку 3/4. Этого должно было хватить для того, чтобы пса разорвало на куски. Шум взрыва поможет отпугнуть собак, и не придется зря тратить энергию.

Он старательно прицелился в тварь в середине стаи, в ту, что показалась ему наиболее опасной, поскольку она не бесновалась, а, наоборот, сидела более спокойно, а потому просто-таки излучала хладнокровную уверенность в достижении цели. Пес не отрывал глаз от оружия. Смотрел он так, словно разгадал худшие намерения Тревайза и презирал его за это.

Тревайз вдруг вспомнил, что никогда не стрелял из бластера по человеку и даже не видел, чтобы это делали другие. Во время тренировок стрельба велась по наполненным водой кожаным или пластиковым манекенам; вода от выстрела почти мгновенно нагревалась до точки кипения и со взрывом разрывала оболочку.

Но кто в мирное время станет стрелять в человека? И какой человек может выстоять против бластера и силы, заложенной в нем? Только здесь, на планете, ставшей без людей враждебной...

Сознание – удивительная штука. Неизвестно почему, Тревайз заметил, что солнце скрылось за тучей, и выстрелил.

В воздухе яркая вспышка, тоненькая нить, на мгновение протянулась от дула бластера к собаке. Светило бы солнце – вспышки и видно не было.

Пес, скорее всего, сразу ощутил поток тепла и успел дернуться, словно хотел отпрыгнуть. Но, как только часть его крови и клеточной жидкости превратилась в пар, он взорвался.

Взрыв получился разочаровывающе тихим, поскольку шкура собаки была просто не настолько прочна, как оболочка манекенов, на которых они в свое время практиковались. Однако кожа, мясо, кровь и кости разлетелись в стороны, и у Тревайза противно засосало под

ложечкой.

Собаки отпрянули, напуганные посыпавшимся на них градом из мелких кусков горячей плоти. Но это было, однако, лишь мимолетное замешательство. Псы тут же собрались в кучу и принялись пожирать то, что им перепало. Тревайзу стало мерзко. Какой ужас! Он не отпугнул их, он их просто подкормил. Так они никогда не уберутся. Хуже того, запах свежей крови и теплого мяса может привлечь еще больше собак и мелких хищников в придачу.

Вдруг его окликнули:

– Тревайз, что... тут...

Тревайз оглянулся. Блосс и Пелорат спешили к нему со стороны руин. Блосс резко остановилась, протянула руки, чтобы удержать Пелората. Она смотрела на собак. Все было яснее ясного. Что тут спрашивать?

– Я пытался прогнать их, чтобы они не тронули тебя и Джена, – крикнул Тревайз. – Можешь сдержать эту свору, Блосс?

– Вряд ли, – ответила Блосс так тихо, что Тревайз с трудом расслышал ее, хотя рычание собак утихло, словно на них было брошено звукопоглощающее покрывало.

– Их слишком много, – сказала Блосс, – и я не знакома с таким типом нейроактивности. У нас на Гее нет таких страшилищ.

– На Терминусе тоже нет! И на любой цивилизованной планете, – крикнул Тревайз, – тоже нет. Я перестреляю столько, сколько смогу, а ты попытайся справиться с остальными. Может, тебе станет легче, когда их станет поменьше.

– Нет, Тревайз. Убийство этих зверюг только привлечет других. Встань позади меня, Пел. Ты все равно не сумеешь защитить меня. Тревайз, твое другое оружие!

– Нейрохлыст?

– Да. Он причиняет боль. Но на малой мощности. На малой!

– Ты что, боишься сделать им больно? – в гневе бросил упрек Тревайз. – Разве сейчас время думать о том, что жизнь этих тварей драгоценна?

– Жизнь Пела драгоценна. И моя. Делай, как я говорю. На малой мощности, и стреляй только по одной собаке. Я не смогу сдерживать их слишком долго.

Собаки отошли от дерева и теперь окружили Блосс и Пелората, стоявших спиной к полуразвалившейся стене. Ближайший к ним пес сделал нерешительную попытку подойти поближе, негромко, но нервно поскуливая, словно пытаясь понять, что же сдерживает его и его сородичей, хотя они не чувствуют никакой угрозы. Некоторые псы безуспешно пытались взобраться на стену и напасть сзади.

Дрожащей рукой Тревайз настроил нейрохлыст на малую мощность. Он потреблял гораздо меньше энергии, чем бластер, и одной батареи хватало на сотню разрядов, подобных ударам кнута, но, если подумать, он и этим оружием в последний раз пользовался неизвестно когда.

Точность прицела была не так уж важна. Поскольку используемая энергия была не так велика, Тревайз мог стрелять широким пучком по всей массе собак. Именно так и разгоняли нейрохлыстами толпы людей, затевавших беспорядки.

Однако Тревайз послушался совета Блосс. Он прицелился в одну из собак и выстрелил. Пес перевернулся на спину, задергал лапами, громко, пронзительно завизжал.

Остальные собаки отпрянули от визжащего сородича, в страхе прижав уши. Потом, завизжав хором на разные голоса, развернулись и побежали прочь – сперва медленно, затем быстрее и, наконец, во всю прыть. Последним, скуля, ковыляя на подгибающихся лапах, захромал пес, попавший под удар хлыста.

Визг затих в отдалении, и Блосс, тяжело дыша, проговорила:

– Нам лучше уйти на корабль. Они могут вернуться. Или придут другие.

Тревайз подумал, что никогда прежде он так быстро не управлял входным механизмом корабля. И вряд ли сумел бы повторить это в другой раз.

Только ближе к ночи Тревайз почувствовал себя лучше. Небольшая полоска синтекожи, наклеенная на оцарапанную руку, немного снижала боль, но вот израненную психику залечить было не так-то просто.

Дело было не в пережитой опасности. Опасность для Тревайза значила не больше, чем для любого храброго мужчины. И не потому, что опасность возникла из совершенно непредвиденного стечения обстоятельств. Дело было в ощущении нелепости происходящего. Как бы выглядел Тревайз, если бы кто-то узнал, что его загнали на дерево рычащие собаки? Вряд ли это было бы позорнее, чем если бы его обратил в бегство щебет разъяренных канареек.

Шли часы, а Тревайз все вслушивался – не вернутся ли собаки, не начнут ли свой жуткий вой, не станут ли царапать когтями обшивку корабля.

Пелорат вроде бы совсем не нервничал.

– Я не сомневался, дружок, что Блисс все уладит, но должен сказать, что ты здорово управлялся с нейрохлыстом.

Тревайз пожал плечами. Он был не в настроении обсуждать происходящее.

Пелорат держал в руках свою библиотеку – единственный компакт-диск, на котором хранились все материалы, собранные посредством исследований мифов и легенд, – с ним он и удалился в свою каюту, где находился его небольшой терминал.

Пелорат, похоже, был собой вполне доволен. Тревайз заметил это, но не спросил о причине. Времени для этого будет достаточно и потом, когда он сумеет забыть о собаках.

Когда они с Блисс остались наедине, она довольно робко спросила:

– Ты, наверное, испугался?

– Угу, – громко признался Тревайз. – Кто бы мог подумать, что при виде собаки – собаки! – я так позорно побегу?

– Двадцать тысяч лет без людей – это уже не просто собаки. Эти твари теперь – доминирующие крупные хищники.

– Я понял это, пока сидел на ветке в качестве доминирующей жертвы, – кивнул Тревайз. – Ты была совершенно права насчет нарушения экологического равновесия.

– Оно нарушено, конечно, но только с точки зрения человека. Подумай, ведь собаки отлично делают свое дело. Я не удивлюсь, если Пел окажется прав, предполагая, что экология может самоуправляться и различные ниши будут заполнены эволюционирующими видами тех немногих животных, которых когда-то завезли на эту планету.

– Как ни странно, – заметил Тревайз, – и я об этом подумал.

– Все может быть, но лишь в том случае, если нарушение равновесия не зашло слишком далеко и на его выправление не нужно слишком много времени. Планета может погибнуть окончательно гораздо раньше, чем это случится. – Тревайз хмыкнул. – А почему ты решил вооружиться? – прищуриваясь, спросила Блисс.

– Толку-то от моего оружия. Если бы не твои способности...

– Не только в них дело. Мне необходимо было твое оружие. Короче говоря, одного только гиперпространственного контакта с Геей при таком количестве незнакомых мне типов сознания было мало, и я бы ничего не сумела сделать без твоего нейрохлыста.

– А бластер оказался бесполезен. Я пробовал – бессмысленно.

– С помощью бластера, Тревайз, ты просто уничтожил собаку как факт. Остальные могли удивиться, но не испугались.

– Хуже, – буркнул Тревайз, – они поедали останки. Вышло так, что я сам уговаривал их остаться.

– Да, понимаю. Другое дело – твой нейрохлыст. Он причиняет боль, собака от боли испуганно вопит, это хорошо понимают остальные, которые хотя бы на основании условного рефлекса сами чувствуют испуг. С собаками, уже предрасположенными к испугу, мне было легче справиться: я просто слегка усилила страх в их сознании, и они убежали прочь.

– Да, но ты поняла, что *хлыст* более действенное оружие в данном случае, а я – нет.

– Потому что я привыкла иметь дело с сознанием, а ты – нет. Именно поэтому я просила тебя дать разряд малой мощности по одной собаке. Я не хотела, чтобы боль была чересчур велика, чтобы пес умер, стало быть, затих. Не нужна была и слабая боль, от которой он только

заскулил бы. Нужна была сильная, сконцентрированная в одной точке боль.

– И ты получила ее, Блосс, – кивнул Тревайз. – Сработало, как часы. Я очень тебе благодарен.

– Ты завидуешь, – задумчиво покачала головой Блосс, – тебе кажется, что ты опростоволосился. И все же, повторяю: я не смогла бы ничего сделать без твоего оружия. А вот чего я не могу понять, так это то, почему ты все-таки вооружился, несмотря на мои уверения насчет отсутствия здесь людей, – в этом я до сих пор уверена. Ты что, предвидел, что тут окажутся собаки?

– Нет, что ты. Не сознательно, по крайней мере. И привычки вооружаться до зубов у меня нет. Мне никогда не приходило в голову взять с собой оружие на Компореллоне. Но я не склонен считать, что произошло чудо. Ерунда. Немыслимо, Я думаю, что, как только мы начали говорить о нарушениях в местной экологии, я вдруг на мгновение представил себе, почти неосознанно, животных, ставших опасными в отсутствие человека. Это очень просто понять теперь, задним умом – это что касается предвидения, если оно у меня было. Чепуха.

– Не такая уж чепуха. Я, как и ты, участвовала в разговоре об экологии, но у меня не возникло никакого предвидения. Это твой дар, за который тебя так ценит Гея. И еще я вижу, что это раздражает тебя. Раздражает то, что у тебя есть скрытый дар предвидения. Природу его понять ты не можешь и действуешь решительно, но без явных причин.

– На Терминусе это называется «действовать интуитивно».

– На Гее мы говорим «знать, не думая». Тебе не нравится знать, не думая, не правда ли?

– Верно, это беспокоит меня. Я не люблю действовать под влиянием какого-то необъяснимого порыва. Я чувствую, что за порывом скрывается какая-то причина, но незнание ее заставляет думать, что я не хозяин своего собственного сознания – нечто вроде тихого помешательства.

– Значит, когда ты выбрал Гею и Галаксию, ты действовал импульсивно, а теперь ищешь причину.

– Я повторял это не меньше десятка раз.

– А я не принимала твоих слов буквально. Прости. Я больше не буду спорить с тобой об этом. Правда, я надеюсь, что могу продолжать приводить доводы в пользу Гей.

– Сколько угодно, если ты, в свою очередь, поймешь, что я могу не согласиться с твоими доводами.

– Скажи, а тебе не кажется, что эта планета постепенно дичает и, возможно, в конце концов станет совершенно необитаемой из-за того, что на ней не стало единственного вида, способного действовать как разумная направляющая сила? Если бы эта планета была Геей или, что еще лучше, если она была бы частью Галаксии, такого бы не могло произойти. Разумная сила осталась бы в единой Галаксии, и экология, как бы и по каким причинам она ни расшаталась, снова пришла бы в равновесие.

– Означает ли это, что собаки перестали бы питаться?

– Нет, они питались бы точно так же, как люди. Но питались бы они не бесцельно, а в интересах поддержания экологического равновесия в определенных рамках, без всяких случайностей.

– Утрата индивидуальности, – проворчал Тревайз, – для собак равным счетом ничего не значит. Собаки не люди. А что, если все люди исчезнут – повсюду, а не просто на одной или нескольких планетах? Что, если в Галаксии вообще не останется людей? Сохранится ли тогда направляющий разум? Будут ли все остальные формы жизни и неживая материя способны собрать воедино свою разумность и выполнить стоящие перед ним цели?

Блосс задумалась.

– Такое, – сказала она наконец, – еще никогда не происходило. И, похоже, вряд ли произойдет в будущем.

– Послушай, но неужели для тебя не очевидно то, что разум человека качественно отличен от всех других, и, если он отсутствует, сумма всех других сознаний не сможет заменить его? Разве это неправда, что люди – нечто совершенно особенное, и говорить о них можно только в этом ключе. Их друг с другом соединить невозможно, не говоря уже обо всем

остальном, к людям отношения не имеющем.

– И все же ты выбрал Галаксию.

– Да, но вот почему, никак не пойму.

– А может быть, потому, что понимал, что такое несбалансированная экология? Разве ты не понимаешь, что каждая планета в Галактике балансирует на острие ножа, и только Галаксия может предотвратить такую катастрофу, какая случилась на этой планете, не говоря уж о бесконечных страданиях людей от войн и ошибок правителей? Не в этом ли причина твоего решения?

– Нет. Я тогда об экологии не думал.

– Как ты можешь быть в этом уверен?

– Я могу не знать, что именно я предвидел, но, если потом что-то случается, я понимаю, что это действительно то самое, что я предвидел. Вот сейчас, к примеру, мне кажется, что я вполне мог предвидеть, что на этой планете есть хищники.

– Вот и получается, – улыбнулась Блисс, – что мы могли бы погибнуть из-за этих ужасных хищников, если бы не сочетание наших талантов: твоего дара предвидения и моей ментальной силы. Так давай же не будем больше ссориться.

– Давай попробуем, – кивнул Тревайз.

Сказано это было, однако, с прохладцей, и Блисс нахмурилась, но в это мгновение в каюту влетел Пелорат.

– Я думаю, – выпалил он, отдышавшись, – мы кое-что нашли.

39

Тревайз вообще-то не верил в легкие победы, но, как любой человек, был готов верить тому, в чьей компетенции не сомневался. Сердце его часто забилося, дыхание перехватило, но он взял себя в руки и спросил:

– Координаты Земли? Ты их нашел, Джейнов? Пелорат несколько мгновений, не мигая, смотрел на Тревайза и вдруг покраснел и смутился.

– Нет, нет, – пристыженно пробормотал он. – Не то чтоб совсем уж так. Точнее, Голан, совсем не так. Об этом я забыл. Я нашел в развалинах кое-что другое. Наверное, ничего такого особенного.

Тревайз глубоко вздохнул и попытался успокоить друга:

– Пустяки, Джен. Любая находка важна. О чем ты хотел рассказать?

– Ну, собственно говоря... ты же понимаешь, что здесь почти ничего не сохранилось. Двадцать тысяч лет, бури и ветра сделали свое дело. Ну, а еще растения и животные вносили свою лепту в постепенное разрушение, но все это не важно. Дело в том, что «почти ничего» – не то же самое, что «ничего». Скорее всего, там когда-то стояло какое-то большое общественное здание – мы видели несколько поваленных камней или бетонных блоков с высеченными на них надписями. Трудно было что-то прочесть, дружок, ты понимаешь, но я сделал фотографии с помощью одной из тех камер, которые есть у нас на борту, – ну, знаешь, со встроенным компьютерным оптимизатором. Я не спросил у тебя разрешения взять ее, Голан, но это было очень важно, и я...

– Давай дальше, – нетерпеливо отмахнулся Тревайз.

– Я смог разобрать некоторые из надписей, и они оказались очень древними. Даже с помощью компьютерной обработки к притому, что я неплохо умею читать подобные надписи, было невозможно разобрать большинство из них, за исключением одной короткой фразы. Здесь буквы оказались крупнее и несколько отчетливее, чем остальные. Вероятно, они были высечены глубже, поскольку представляли собой название планеты. Фраза читается: «Планета Аврора», и поэтому мне кажется, что эта планета, на которой мы находимся, называется или называлась «Авророй».

– Должна же от как-то называться, – пожал плечами Тревайз.

– Да, но названия крайне редко выбираются случайно. Я провел тщательные поиски в моей библиотеке и обнаружил две старые легенды с двух далеких друг от друга планет, так что

вполне резонно предположение об их независимом заселении, если вспомнить, что... ну, да ладно. В обеих легендах «Аврора» – название зари. Можно предположить, что слово «Аврора» в самом деле означало утреннюю зарю в каком-то протогалактическом языке. Довольно часто слова, обозначающие рассвет или зарю, использовались в названиях космических станций или других сооружений, которые являлись первыми в своем роде. Если этим словом обозначали зарю в каком-то языке, эта планета может в каком-то смысле оказаться первой.

– Ты готов предположить, что эта планета – Земля, что «Аврора» – другое ее название, потому что обозначает зарю жизни и человечества?

– Я не осмелился зайти так далеко, Голан.

– Еще бы, – сказал Тревайз с легкой горечью в голосе, – здесь нет радиоактивной поверхности, нет гигантского спутника, нет поблизости газового гиганта с огромными кольцами.

– Точно. Но Дениадор с Компореллона, похоже, думал, что это – одна из планет, заселенных первой волной колонистов – космонитами. Если это так, то ее название – «Аврора» – может означать, что это первая из космонитских планет. Может быть, мы сейчас находимся на старейшей из планет Галактики, населенных некогда людьми, не считая самой Земли. Разве это не восхитительно?

– Во всяком случае, интересно, Джен, но не хватил ли ты через край, выводя все это из одного только названия – «Аврора»?

– Есть кое-что еще, – возбужденно выпалил Пелорат. – Насколько я мог проверить по своим записям, сегодня в Галактике планеты с названием «Аврора» нет, и я уверен, что твой компьютер подтвердит это. Как я сказал, есть множество планет и космических объектов, называемых «Заря» на различные лады, но нигде не используется это слово – «Аврора».

– Ну и что? Если это протогалактическое слово, оно не должно быть особенно распространенным.

– Но названия остаются даже тогда, когда становятся бессмысленными. Если это первая колонизированная планета, она должна была иметь широкую известность; она могла быть некоторое время главной планетой Галактики. Наверняка должны были существовать другие планеты, называвшие себя «Новая Аврора», или «Малая Аврора», или еще как-нибудь в этом роде. А затем другие...

– Но, может быть, это вовсе не первая колонизированная планета, – прервал его Тревайз. – Может быть, она никогда не представляла из себя ровным счетом ничего особенного.

– Есть, по-моему, и более важные доказательства, друг мой.

– Какие же, Джен?

– Если первая волна поселенцев была побеждена и вытеснена второй волной, которой сейчас принадлежат все планеты Галактики, как утверждал Дениадор, значит, весьма вероятно, что существовал период времени, когда эти волны враждовали между собой. Вторая волна, люди, давшие названия планетам, не использовали имена, данные мирам людьми первой волны. Таким образом, исходя из того, что название «Аврора» нигде больше не употреблялось, мы можем заключить, что две волны поселенцев существовали, а это – планета первой волны.

– Краткий курс в творческую лабораторию мифолога, – улыбнулся Тревайз. – Ты, Джен, строишь восхитительную суперструктуру, но она может оказаться воздушным замком, Легенды сообщают нам, что поселенцев первой волны сопровождали многочисленные роботы, и это, вероятно, явилось ошибкой поселенцев. Так вот, если мы сможем найти на этой планете робота, я буду готов принять все эти гипотезы о первой волне, но нельзя же ожидать, что через двадцать тысяч...

Пелорат, беззвучно шевеля губами, пытался вставить слово. Наконец ему это удалось.

– Но, Голан, разве я не сказал тебе? Нет, конечно, не сказал. Я так волнуюсь, что не могу изложить все в нужной последовательности. Там был робот.

- Робот? Там был робот?
- Да, – сказал Пелорат, подтверждая кивая головой.
- Откуда ты знаешь?
- Ну, это же был робот. Как я мог его не узнать, если я его видел?
- А ты когда-нибудь видел робота раньше?
- Нет, но это был металлический объект, который был похож на человека. Голова, руки, ноги, туловище. Правда, я говорю «металлический», но он почти целиком проржавел, и, когда я подошел к нему, видимо, вибрация от моих шагов на него так повлияла... в общем, когда я попытался прикоснуться к нему...
- Зачем тебе понадобилось его трогать?
- Ну, наверное, я не мог до конца поверить собственным глазам. Это произошло бессознательно. Как только я коснулся его, он рассыпался. Правда...
- Ну?
- Прежде чем это произошло, его глаза вроде бы едва заметно блеснули и он издал какой-то звук, словно хотел что-то сказать.
- Ты имеешь в виду, что он все еще *функционировал* ?
- Едва-едва, Голан. Потом он просто рассыпался.
- Так все и было? – спросил Тревайз, обернувшись к Блисс.
- Там был робот, и мы его видели, – кивнула она.
- И он все еще работал?
- Когда он рассыпался, – равнодушно отозвалась Блисс, – я уловила слабый всплеск нейроактивности.
- Откуда могла взяться нейроактивность? У робота нет органического мозга, построенного из клеток.
- Я думаю, это был компьютерный эквивалент человеческого мозга. Разницу я чувствую.
- Значит, ты ощутила именно ментальность робота, а не человека?
- Блисс, поджав губы, ответила:
- Ментальность была слишком слабой, чтобы сказать что-то определенное, кроме того, что она была.
- Тревайз перевел взгляд с Блисс на Пелората и вздохнул:
- Это меняет дело.

Часть четвертая Солярия

Глава десятая Роботы

41

За обедом Тревайз молчал, и Блисс сосредоточилась на еде.

Пелорат, наоборот, был необычайно разговорчив. Начал он с того, что, если планета, на которой они находятся, Аврора, следовательно, первая колонизированная планета, она должна располагаться довольно близко к Земле.

– Может быть, стоит прочесать ближайшие звезды? – сказал он. – Придется просмотреть самое большее несколько сотен звезд.

Тревайз пробурчал что-то вроде того, что метод тыка – занятие для дураков и что он предпочитает узнать о Земле как можно больше, прежде чем высаживаться на нее, даже если он ее найдет. Больше он ничего не сказал, и Пелорат, явно уязвленный, тоже умолк.

Поскольку Тревайз после еды как в рог воды набрал, Пелорат неуверенно спросил:

– Мы задержимся здесь?

– Переночуем, во всяком случае, – ответил Тревайз. – Мне нужно кое-что обдумать.

– Это безопасно?

– Даже если здесь и появится что-нибудь пострашнее собак, на корабле мы в полной безопасности.

– Как быстро удастся взлететь, если здесь *есть* что-то похуже собак?

– Компьютер находится в стартовой готовности. Я думаю, на взлет уйдет от двух до трех минут. Случится что-то непредвиденное – компьютер нас оповестит. Нам всем стоит как следует выспаться, Утром я решу, что нам делать дальше.

«Легко сказать – решу», – думал Тревайз, глядя в темноту. Не раздеваясь, он свернулся калачиком на полу отсека управления. Лежать было неудобно, но он был уверен, что в кровати ему сейчас все равно не заснуть, а здесь он, по крайней мере, может предпринять немедленные действия, если компьютер подаст сигнал тревоги.

Вдруг он услышал звук шагов и резко сел, стукнувшись головой о край стола, – голову не рассек, но ушибся здорово.

– Джен? – спросил Тревайз, потирая ушибленную макушку.

– Нет. Это я, Блисс.

Тревайз приподнялся и, нащупав, нажал кнопку на панели компьютера; в мягком свете возникла фигура Блисс в бледно-розовой накидке.

– В чем дело?

– Я заглянула в твою каюту и не нашла тебя. Однако твоя нейроактивность безошибочно привела меня сюда. Почувствовала, что ты не спишь, и вошла.

– Ладно. Чего тебе нужно?

Блисс села на пол у стены, обхватив колени руками.

– Не волнуйся. На остаток твоей невинности я покушаться не намерена.

– Мне это и в голову не пришло, – сардонически хмыкнул Тревайз. – Почему ты не спишь? Тебе это даже нужнее, чем нам.

– Поверь мне, – сказала Блисс тихо и очень искренне, – я жутко устала после этой сцены с собаками.

– Верю. Понимаю.

– И я хотела поговорить с тобой, когда Пел заснет.

– О чем?

– Когда он рассказал о роботе, ты заявил, что это все меняет. Что ты имел в виду?

– А ты сама не понимаешь? У нас три набора координат; три запретных планеты. Я хочу посетить все три, чтобы узнать как можно больше о Земле, прежде чем попытаюсь добраться до нее.

Тревайз немного пододвинулся к Блисс, чтобы можно было говорить потише, но тут же резко отпрянул.

– Слушай, я не хочу, чтобы Джен пришел и застал нас вот так. Что ему может взбрести в голову?

– Он не придет. Пел крепко спит, и я немного помогла ему в этом. Стоит ему пошевелиться, я это сразу замечу. Продолжай. Ты хочешь посетить все три планеты. Но что-то изменилось. Что?

– Я не намерен без толку тратить время на каждой планете. Если эта планета, Аврора, покинута людьми двадцать тысяч лет назад, значит, вряд ли здесь сохранилась какая-либо ценная информация. Я не желаю торчать тут недели, месяцы, тупо ковыряясь в развалинах, сражаясь с собаками, кошками, быками, – мало ли кто тут еще мог одичать и стать опасным! – в надежде найти обрывки необходимых сведений среди пыли, ржавчины и гнили. А вдруг на одной или на обеих других запретных планетах еще есть люди и нетронутые библиотеки? Словом, я поначалу хотел как можно скорее убраться отсюда. Мы были бы сейчас в космосе, если бы я так и сделал, и мирно спали бы в теплых постельках.

– Но?

– Но если на этой планете еще есть функционирующие роботы, они могут владеть важной информацией, которая нам может понадобиться. С ними иметь дело безопаснее, чем с людьми,

поскольку, как я слышал, они должны подчиняться приказам и не могут причинить вред человеку.

– Значит, ты изменил свои планы и готов теперь терять время на этой планете в поисках роботов.

– Нет, Блосс. Не совсем так. Мне кажется, что роботы не могут просуществовать двадцать тысяч лет без ухода за ними. Хотя... раз ты видела робота с проблесками активности, ясно, что на мои логические представления о роботах полагаться нельзя. На невежестве далеко не уедешь. Роботы могут оказаться более крепкими ребятами, чем я о них думал. А может быть, у них есть определенный потенциал самосохранения.

– Послушай меня, Тревайз... только прошу тебя, пусть это останется между нами.

– Между нами? – удивленно и довольно громко переспросил Тревайз. – А от кого у нас могут быть секреты?

– Тс-с! От Пела, конечно. Так вот, тебе не стоит менять планы. Ты был прав. Здесь нет действующих роботов. Я ничего не обнаружила.

– Одного обнаружила, а это уже кое-что.

– Ничего я не нашла. Этот робот бездействовал. Давно бездействовал.

– Ты сказала...

– Я знаю, что я сказала. Пелу показалось, будто он видел какое-то движение и слышал звук. Пел – романтик. Он всю свою сознательную жизнь занимался сбором информации, а таким путем трудно сказать свое слово в науке. Он наверняка мечтает лично сделать важное открытие. Он обнаружил название планеты – «Аврора», это бесспорно, и он так счастлив – ты просто представить себе не можешь, как он счастлив. И ему отчаянно хотелось найти что-нибудь еще.

– Ты что, хочешь сказать, что он так жаждал совершить открытие, что убедил себя в том, что нашел функционирующего робота? А на самом деле что он нашел?

– Он нашел глыбу ржаного металла, в которой разума не больше, чем в камне, на котором она лежала.

– Но ты подтвердила его рассказ!

– Я не могла заставить себя лишиться Пела радости открытия. Он мне так дорог...

Тревайз с минуту молча смотрел на Блосс. Наконец он спросил:

– Послушай, давай начистоту. Чем он тебе так дорог? Что ты в нем нашла? Я хочу понять. Честно и откровенно – хочу понять. Тебе он должен казаться стариком – безо всякой там романтики. Он – изолят, а ты презираешь изолятов. Ты юна и прелестна, наверняка на Гее есть молодые крепкие мужчины. С ними ты можешь поддерживать такие отношения, которые, будучи пропущены через Гею, могут унести к высотам экстаза. Так что же ты нашла в Джене?

– Разве ты не любишь его? – пристально посмотрела Блосс на Тревайза.

– Я? Люблю, конечно, – пожал плечами Тревайз. – По-братски.

– Ты знаешь его не так уж давно, Тревайз. Почему же ты любишь его этой своей братской любовью?

Тревайз не сумел сдержать искренней улыбки.

– Ну, знаешь, он такой чудак. Я, честно говоря, готов поверить, что никогда в жизни он не думал о себе. Ему приказали отправиться вместе со мной – и он отправился. Без возражений. Он хотел, чтобы мы полетели на Трентор, но, когда я сказал, что хочу лететь на Гею, он не стал спорить. И теперь он странствует со мной в поисках Земли, хотя понимает, как это опасно. Я уверен, что, если потребуется пожертвовать жизнью за меня или за кого-нибудь, он пожертвует. Без раздумий.

– А ты отдашь свою жизнь за него, Тревайз?

– Могу, если у меня не будет времени подумать. Если оно у меня будет, я могу растеряться. Я не такой добрый, как он. И из-за этого у меня такое ужасное желание защищать и охранять его. Я не хочу, чтобы Галактика перевоспитала его. Понимаешь? И я должен защищать его от тебя, особенно от тебя. Мне нестерпима мысль о том, что ты бросишь его, когда он, старый чудак, перестанет тебя забавлять.

– Я так и думала. Значит, угадала. Но почему ты не можешь поверить, что я вижу в Пеле

то же самое, что видишь в нем ты, – и даже больше, чем ты, так как я могу непосредственно контактировать с его сознанием? Неужели я веду себя так, словно хочу сделать ему больно? Разве поддержала бы я его фантазию о действующем роботе, если бы не желала ему добра? Тревайз, я привыкла к тому, что ты зовешь добротой; ведь каждая частица Геи готова пожертвовать собой ради целого. Мы не знаем, не понимаем иного образа действий. Но при этом мы ничего не теряем, поскольку каждая частица сохраняется в целом, хотя тебе это не понять. А Пел – он совсем другой.

Блисс не смотрела на Тревайза. Казалось, она говорила сама с собой.

– Он – изолят. Он – альтруист. Он не думает о себе, но не потому, что является частицей чего-то большего. Он альтруист просто потому, что он таким родился. Понимаешь? Он способен потерять все и ничего не обрести, и все же он таков, каков есть. Мне стыдно перед ним из-за того, что я живу без страха потерь, а он таков, каков есть, – без надежды на обретение чего-либо.

Блисс вновь взглянула на Тревайза. Во взгляде ее горело торжество.

– Да знаешь ли ты, насколько лучше тебя я понимаю Пела? И ты всерьез опасаясь, что я могу хоть как-то обидеть его?

– Блисс, вот ты сегодня сказала: «Слушай, давай не будем ссориться», а я ответил: «Как хочешь». Это вырвалось у меня потому, что я все время волновался за Джена. Теперь моя очередь. Слушай, Блисс, будем друзьями. Ты вольна убеждать меня в преимуществах Галаксии, я оставляю за собой право спорить с тобой, но все равно и несмотря ни на что – будем друзьями, – сказал Тревайз и протянул Блисс руку.

– Конечно, Тревайз, – улыбнулась Блисс, и их руки встретились в крепком рукопожатии.

42

Тревайз мысленно усмехнулся. Когда он работал с компьютером в поисках звезды, задав первую комбинацию координат, и Пелорат, и Блисс не отходили от него и засыпали вопросами. Теперь же они мирно спали в своей каюте или, по крайней мере, отдыхали и оставили Тревайза наедине с компьютером.

В каком-то смысле это льстило Тревайзу – ему казалось, что теперь его спутники наконец признали, что он знает, что делает, и не нуждается в понукании или надзоре. Тревайз, успешно осуществив первую попытку, теперь больше полагался на компьютер и подозревал, что может не то чтобы совсем устранился, но, как минимум, гораздо меньше присматривать за его работой.

На экране появилась новая звезда – очень яркая и, как и предыдущая, не отмеченная на карте Галактики. Она оказалась ярче той, вокруг которой вращалась Аврора, а самое главное – ее не было в памяти компьютера.

Тревайз думал о странностях древних традиций. Целые века могли с одинаковым успехом либо препарироваться до мелочей, либо напрочь выбрасываться из памяти. Целые цивилизации могли оказаться низвергнутыми в небытие. И все-таки из тьмы веков доходили, неведомо как уцелев, отрывочные знания, вспоминаемые без искажений, такие, как, например, эти координаты.

Пару дней назад он заговорил об этом с Пелоратом, и тот сказал, что именно это и делает изучение легенд и мифов таким благодатным полем в деле исследования прошлого. «Хитрость состоит в том, – сказал Пелорат, – что нужно решить или угадать, какие именно фрагменты легенды представляют собой неискаженную, хотя и замаскированную истину. Это не так легко, и разные мифологи чаще всего выбирают разные фрагменты, как правило, те, что подтверждают избранные концепции или варианты интерпретации».

Во всяком случае, звезда была именно там, где ей и положено было быть, согласно координатам Дениадора, скорректированным во времени. Тревайз сейчас готов был заключить пари на кругленькую сумму насчет того, что и третья звезда окажется на месте. А если так, Тревайз готов был допустить, что легенды правы и в остальном, то есть в том, что некогда существовало пятьдесят запретных планет (каким бы подозрительно круглым ни казалось это

число). Где же остальные сорок семь?

Вокруг звезды вращалась вполне подходящая для обитания запретная планета – на сей раз ее наличие ни капли не удивило Тревайза. Он был непоколебимо уверен в том, что такая планета здесь окажется. Он вывел «Далекую звезду» на планетарную орбиту.

Слой облаков оказался достаточно тонким, и поверхность планеты хорошо просматривалась с большой высоты. На планете, как почти на всех обитаемых планетах, были обширные водные пространства – один тропический океан и два полярных. В средних широтах одного из полушарий лежал спиралеобразный материк, опоясывающий планету. Берега его были изрезаны заливами и беспорядочно разбросанными узкими перешейками. В другом полушарии суша была разбита на три большие части. Все эти материки расширялись к югу, в отличие от противоположного континента.

Тревайз жалел, что не слишком хорошо знал климатологию, и не мог определить на глаз, какие сейчас на планете температура и время года. На мгновение ему показалась забавной мысль подсунуть эту задачку компьютеру. Но, увы, сейчас было не до климата.

Гораздо важнее было то, что компьютер вновь не обнаружил излучения техногенного происхождения. Телескоп свидетельствовал, что планета целехонька и здесь нет признаков запустения. Проплывавшая под кораблем суша пестрила разными оттенками зеленого цвета, но ничего похожего на города на дневной стороне, ни огней на ночной стороне видно не было.

Опять зоопарк – и нет людей?

Тревайз осторожно постучал в дверь каюты Пелората и Блисс.

– Блисс? – позвал он тихим шепотом и снова постучал. Послышался шелест простыни, и голос Блисс произнес:

– Да?

– Можешь выйти? Мне нужна твоя помощь.

– Подожди немножко; я только приведу себя в порядок.

Когда она наконец вышла, Тревайз не заметил ничего особенного. Блисс выглядела, как всегда. «Чем она там занималась. Торчишь тут, ждешь... Ну, да ладно, – решил Тревайз, – мы теперь друзья и надо сдерживаться».

– Чем я могу помочь тебе, Тревайз? – сказала Блисс, ласково улыбаясь.

Тревайз кивнул в сторону экрана:

– Как видишь, мы летим над поверхностью планеты, а по виду с ней все в порядке – растительность буйная и все такое. Однако здесь нет ни огней на ночной стороне, ни техногенного излучения. Посмотри, будь добра, нет ли здесь какой-нибудь животной жизни. Мне показалось, что я в одном месте видел табун пасущихся животных, но я не уверен. Это мог быть как раз тот случай, когда видишь то, что хочешь увидеть.

Блисс «прислушалась». Наконец ее лицо озарилось любопытством.

– О да, здесь богатая фауна, – сказала она.

– Млекопитающие?

– Должно быть.

– Люди?

Казалось, теперь она сконцентрировалась сильнее. Прошла целая минута, затем другая, и наконец Блисс вздохнула.

– Не могу точно сказать. Только на миг мне показалось, что я уловила всплеск активности разума, достаточно интенсивный, чтобы принадлежать человеку. Но так слабо и так коротко, что, может быть, и я почувствовала то, что хотела почувствовать. Понимаешь...

Она замолчала и задумалась, и Тревайз был вынужден поторопить ее.

– Ну?!

– Дело в том, – продолжила Блисс, – что я, похоже, нашла что-то еще. Что-то незнакомое, но это не может быть чем-то другим...

Ее лицо вновь стало отрешенным, и она стала «вслушиваться» еще внимательнее.

– Ну?! – не выдержал Тревайз. Блисс расслабилась.

– Я не могу объяснить это ничем иным, кроме как присутствием роботов.

– Роботов?!

- Да. Но если я обнаружила их, я должна была бы обнаружить и людей. Но не могу.
- Роботы! – повторил Тревайз и нахмурился.
- Да, – подтвердила Блисс, – и, насколько я могу судить, их тут множество.

43

Пелорат, узнав новость, воскликнул «Роботы!» почти так же, как Тревайз. Смущенно улыбнувшись, он проговорил:

- Ты был прав, Голан, а я ошибался, сомневаясь в тебе.
- Что-то не припоминаю, когда это ты во мне сомневался, Джен.
- О нет, дружок, я не в том смысле! Я так и *говорил*. Я только в глубине души полагал, что нам не стоило покидать Аврору. Я думал, вдруг нам там удастся побеседовать с каким-нибудь уцелевшим роботом. Но теперь мне ясно: ты знал, что здесь роботов будет намного больше.

– Вовсе нет, Джен. Я ничего не знал. Просто надеялся на удачу. Блисс говорит, что ментальные поля здешних роботов таковы, что они кажутся ей активно функционирующими, и мне сдается, что они не могут функционировать так активно без помощи и заботы людей. Правда, признаков присутствия людей она пока не обнаружила, но все может быть.

Пелорат задумчиво изучал обзорный экран.

- Похоже, тут сплошные леса, верно?
- Лесов больше. Но кое-где есть участки, похожие на степи. Беда в том, что я не вижу ни городов, ни ночного освещения – ничего, кроме теплового излучения.
- Значит, людей здесь все-таки нет?

– Если бы я знал. Блисс уединилась в камбузе, пытается сосредоточиться. Я установил произвольный нулевой меридиан, теперь компьютер может разработать для планеты систему координат: долготу и широту. У Блисс есть небольшой приборчик, на котором она нажимает кнопку, как только замечает концентрацию ментальной активности роботов – похоже, слово «нейроактивность» тут не годится – или хоть какие-то следы человеческого разума. Прибор связан с компьютером, который зафиксировывает все отмеченные Блисс точки. Потом мы дадим ему волю, пусть сам выберет подходящее место для посадки.

Пелорат, похоже, был шокирован.

- Разумно ли доверять выбор компьютеру?
- Почему нет, Джен? У нас очень умный компьютер. Да и потом, не можешь выбрать сам – почему не положиться на компьютер?

Лицо Пелората просветлело.

– А в этом что-то есть, Голан. В кое-каких древнейших легендах встречаются рассказы о людях, которые совершали выбор, бросая на землю кубики.

- Правда? Это как?
- На каждой грани кубика были выгравированы варианты решения: «да», «нет», «возможно», «не стоит» – и так далее. Какой бы гранью вверх ни упал кубик, его совету свято следовали. А еще запускали шарик по диску с прорезями, а разные решения были записаны под этими щелочками. Шарик попадал в щелочку – это и было верное решение. Кое-кто из мифологов думает, что это больше смахивает на азартную игру, чем на лотерею, но, по-моему, это одно и то же.

– Стало быть, – усмехнулся Тревайз, выбирая место посадки, – мы играем в азартную игру.

Блисс, выйдя из камбуза, услышала остроту Тревайза.

- Никакая это не азартная игра, – возразила она. – Было несколько «может быть», а потом один раз совершенно точно выпало «да», вот там мы и должны сесть.
- И что означает это «да»? – спросил Тревайз.
- Я уловила проблеск человеческого разума. Точно. Сомнений нет.

Недавно прошел дождь – трава намокла. По небу неслись тучи, но время от времени в них появлялись просветы.

«Далекая звезда» опустилась вблизи зарослей деревьев. («На случай, если здесь окажутся дикие собаки», – подумал Тревайз почти без юмора.) Местность казалась похожей на пастбище, а с высоты Тревайз видел нечто вроде фруктовых садов и засеянных полей, а еще – на этот раз он не сомневался – пасущихся животных.

Но никаких построек – ничего искусственного, кроме аккуратной посадки деревьев в садах и отчетливых границ, разделяющих поля. Правда, все это по уровню искусственности не уступало бы микроволновой антенне, принимающей энергию с орбитальной станции, окажись она здесь.

Однако мог ли этот уровень искусственности быть создан одними роботами? Без людей?

Тревайз спокойно застегивал ремень с амуницией, Теперь он точно знал, что оба вида оружия в рабочем состоянии и заряжены на полную катушку. На мгновение он поймал взгляд Блисс и замешкался.

– Давай-давай, – сказала она. – Не думаю, что от оружия будет толк, но, правда, я думала так и в прошлый раз.

– А ты не хочешь вооружиться, Джен?

– Нет, спасибо. – Пелорат поежился. – Зачем? У тебя оружие, у Блисс – ментальное поле, так что мне с вами рядом не страшно. Наверное, мне должно быть совестно прятаться за вашими спинами, но я так вам благодарен, так благодарен, и это чувство сильнее стыда. Вы избавляете меня от тревоги и необходимости сражаться.

– Ясное дело, – кивнул Тревайз. – Только не отходи никуда один. Если Блисс и я разойдемся, держись с кем-нибудь из нас и не бросайся никуда опрометью, как бы ни хотелось.

– Не волнуйся, Тревайз, – сказала Блисс. – Это я беру на себя.

Тревайз первым вышел из корабля. Дул свежий ветер, и немного похолодало после дождя, но Тревайзу это даже понравилось. Перед дождем, наверное, было слишком влажно и душно.

Он сделал вдох и удивился. Запах планеты был восхитителен. У каждой планеты – свой аромат, Тревайз это знал; аромат всегда чужой и, как правило, неприятный – может быть, только из-за того, что чужой? Но может ли незнакомый запах оказаться приятным? Или это всего лишь случайность – может, они попали на планету сразу после дождя в определенное время года? Как бы то ни было...

– Выходите, – позвал он спутников. – Тут просто великолепно.

– Великолепно – самое подходящее слово, – согласился Пелорат, выйдя из люка. – Ты думаешь, здесь всегда так пахнет?

– Какая разница? Через часок мы так привыкнем, что наши обонятельные рецепторы перегрузятся и мы не будем ощущать никакого запаха.

– Жаль, – огорчился Пелорат.

– Трава сырая, – проворчала Блисс.

– Ну и что? В конце концов у вас на Гее тоже бывают дожди, – сказал Тревайз. И тут золотистые лучи солнца на мгновение блеснули сквозь маленький просвет в тучах. Скоро, должно быть, станет теплее.

– Да, бывают, – согласилась Блисс, – но мы знаем, когда пойдет дождь, и готовимся к этому.

– Просто ужасно, – поморщился Тревайз. – Никаких неожиданностей. Скучно.

– Может быть, ты прав. Я постараюсь не вспоминать Гею так часто.

Пелорат огляделся по сторонам и разочарованно протянул:

– Похоже, тут нет ничего интересного.

– Только похоже, – отозвалась Блисс. – К нам кто-то приближается из-за того холма. – Она взглянула на Тревайза. – Как думаешь, может, пойти им навстречу?

– Нет, – покачал головой Тревайз. – Мы шли к ним навстречу многие парсеки. Пусть они пройдут остаток пути. Мы подождем их здесь.

Никого видно не было, но вскоре, с той стороны, куда Блисс показывала пальцем,

появилась фигура, постепенно вырастая над вершиной холма. Потом вторая, третья.

– Видимо, пока все, – сказала Блисс.

Тревайз с любопытством наблюдал. Хотя ему никогда раньше не приходилось видеть роботов, он совершенно не сомневался, что это они и есть. Их фигуры напоминали человеческие. Чем ближе они подходили, тем меньше казалось, что они сделаны из металла. Поверхность роботов была тусклой и казалась мягкой, словно покрытой плюшем.

Но как знать, иллюзия это или нет? Тревайзу вдруг нестерпимо захотелось потрогать этих медлительных роботов. Если это на самом деле Запретная Планета и ни один корабль никогда даже не приближался к ней – а это наверняка так и; было, поскольку ее солнце не значилось на карте Галактики, – то «Далекая звезда» и люди, которых она привезла, должны быть чем-то таким, чего роботы никогда не видели. Но они шли к людям так уверенно, словно для них это было самым обычным делом.

– Здесь мы можем добыть такие сведения, – негромко проговорил Тревайз, – каких нигде в Галактике не найти. Мы можем спросить их о расположении их планеты относительно Земли, и если они знают, то скажут нам. Ведь неизвестно, сколько им лет. Они могут обладать колоссальными знаниями. Представляете?

– И наоборот, – охладила его пыл Блисс, – они могут быть сделаны недавно и не знать ровным счетом ничего.

– Или, – добавил Пелорат, – могут знать все, но отказаться разговаривать с нами.

– Вряд ли они откажутся, – сказал Тревайз, – если только не получили приказа не отвечать нам. А откуда взяться такому приказу, если никто на этой планете никак не мог ожидать нашего появления?

Не дойдя до людей метров трех, роботы остановились. Они молчали и не шевелились.

Держа руку на прикладе бластера и не отрывая глаз от роботов, Тревайз спросил Блисс:

– Можешь определить, что у них на уме?

– У меня нет никакого опыта контактов с подобным сознанием, Тревайз, но ничего похожего на враждебность я не чувствую.

Тревайз убрал правую руку с гашетки бластера, а левую поднял ладонью к роботам и сказал, медленно выговаривая слова:

– Я приветствую вас. Мы пришли на эту планету как друзья.

Робот, стоявший посередине, отвесил короткий и неуклюжий поклон – пожалуй, большой оптимист мог бы почесть это движение за знак мира – и что-то проговорил.

У Тревайза от удивления отвисла челюсть. В мире трансгалактических коммуникаций кто бы мог подумать о таком нелепом затруднении? Увы, робот говорил не на стандартном галактическом – его речь даже смутно не напоминала общепринятый язык. Тревайз не понял ни единого слова.

45

Пелорат удивился не меньше Тревайза, но одновременно чему-то обрадовался.

– Ну не странно ли?! – воскликнул он. Тревайз повернулся к нему и довольно резко возразил:

– Не странно. Ужасно.

– Вовсе нет. Это галактический язык, но очень древний. Несколько слов я разобрал. Я, вероятно, мог бы легче понять, если бы то, что он сказал, было написано. Ведь я никогда не слышал, как говорят на этом языке.

– Ну и что же он сказал?

– Я думаю, он сказал, что не понял твоих слов.

– Я не поняла, что он сказал, – вмешалась Блисс, – но в его сознании чувствую удивление и ничего больше. Надеюсь, вы верите, что я способна анализировать эмоции роботов – если такое понятие, как эмоции роботов, вообще существует.

Очень медленно и с явным трудом Пелорат произнес несколько слов, и три робота дружно кивнули.

– Что ты им сказал? – спросил Тревайз.

– Я сказал, что не умею хорошо изъясняться на их языке, но попытаюсь. Я попросил их немного подождать. Блосс, милая, Голан, дружок, это безумно интересно.

– А по-моему, все это безумно разочаровывает, – пробормотал Тревайз.

– Понимаете, – продолжал Пелорат, – каждая обитаемая планета в Галактике стремилась создать свой собственный вариант галактического, и потому существуют миллионы диалектов, которые порой с трудом понимаемы, но при разработке стандартного галактического все они были собраны воедино. Если предположить, что эта планета пребывала в изоляции двадцать тысяч лет, здешний язык изменился и теперь значительно отличался бы от остальных языков Галактики. Этого не произошло, вероятно, из-за того, что здесь обитают только роботы, которые могут понимать только такой разговорный язык, какой был заложен в них при программировании. Если их не перепрограммировать, язык остается неизменным, и то, что мы слышим сейчас, – не что иное, как архидревний галактический.

– Замечательный пример того, как в роботизированном обществе может начаться застой, а после него – деградация, – сказал Тревайз.

– Но, дружок, – возразил Пелорат, – относительная неизменность языка вовсе не является признаком деградации. В этом есть свои преимущества. Ведь при этом документы, хранимые веками, тысячелетиями, не утрачивают смысла и придают историческим записям жизненность и авторитет. Повсюду в Галактике, например, язык Имперских эдиктов времен Гэри Селдона уже сейчас начинает звучать неуклюже.

– А ты на самом деле знаешь этот древнегалактический язык?

– Не то чтобы я его знал, Голан. Просто, штудирова древние мифы и легенды, я уловил, в чем тут хитрость. Словарный запас не слишком отличается от нашего, но склонения выглядят иначе, встречаются идиоматические выражения, каких мы давно уже не употребляем, и, как я уже сказал, у нас в корне изменилось произношение. Я могу попробовать поработать переводчиком, но вряд ли у меня так уж хорошо получится.

Тревайз глубоко и с облегчением вздохнул.

– Все равно это лучше, чем ничего. Давай, Джен, беседуй.

Пелорат повернулся было к роботам, но замешкался и растерянно обернулся к Тревайзу:

– А что я должен им сказать?

– Не будем рассусоливать. Спроси их прямо, где находится Земля.

Пелорат произнес фразу, тщательно выговаривая слова и усиленно жестикулируя.

Роботы переглянулись и издали несколько звуков. Средний, тот, что уже говорил с Пелоратом, развел руками, словно растягивал резиновую ленту, и ответил, так же тщательно произнося слова.

Пелорат выслушал ответ и обратился к Тревайзу:

– Я не уверен, смог ли я точно выразить, что понимаю под словом «Земля». Полагаю, они подумали, что я имею в виду какую-то область на их планете и сказали, что не знают такой области.

– А они не сказали, как называется их планета, Джен?

– Если я правильно понял, их планета называется Солярия.

– Тебе попадалось такое название в легендах?

– Нет. Впрочем, «Аврора» мне тоже не попадалась.

– Ладно. Теперь спроси их, есть ли какое-нибудь место, называемое «Земля», в небе – среди звезд. Покажи вверх.

Произошел обмен фразами, наконец Пелорат обернулся и сказал:

– Они говорят, что в небе вообще ничего нет. Это все, чего я смог от них добиться, Голан.

– Спроси роботов, – вмешалась Блосс, – сколько им лет. Или нет, лучше так: сколько лет они функционируют.

Пелорат покачал головой:

– Я не знаю, как сказать «функционируют». Слишком современное слово. На самом деле я даже не уверен, смогу ли произнести: «сколько вам лет». Никудышный из меня переводчик.

– Постарайся, как сумеешь, Пел, дорогой. После серии вопросов и ответов Пелорат

объявил:

– Они функционируют двадцать шесть лет.

– Двадцать шесть лет, – недовольно проворчал Тревайз. – Да они твои ровесники, Блисс.

– Знаешь что... – вдруг вспыхнула Блисс.

– Прости, ошибочка вышла. Ты – Гей, которой тысячи лет. В любом случае, эти роботы ничего не могут сказать о Земле на основании личного опыта. Их банки данных явно не включают ничего кроме того, что нужно для работы. Например, они полные профаны в астрономии.

– Здесь где-нибудь могут быть другие роботы, – возможно, более старые, самые первые, – высказал предположение Пелорат.

– Сомневаюсь, – хмыкнул Тревайз, – но спроси их об этом, если сумеешь, Джен.

На сей раз разговор с роботами продолжался гораздо дольше. Наконец Пелорат прервал его. Он покраснел и явно расстроился.

– Голан, – сказал он, – я не все понял, но похоже, что старейшие роботы здесь используются на черных работах и ничего не знают. Если бы этот робот был человеком, я сказал бы, что он отзывается о них презрительно. Эти трое – домашние роботы. Так они сказали. Им не положено стареть – просто их меняют время от времени. Они единственные, кто знает что к чему – это не я говорю, это они так сказали.

– Да уж. Много же они знают, – пробурчал Тревайз. – По крайней мере совсем не то, что нам нужно.

Пелорат вздохнул.

– Как жаль, что мы так поспешно покинули Аврору. Если бы мы нашли там уцелевшего робота – а мы наверняка нашли бы его, поскольку в том, которого я нашел, еще теплилась жизнь, – мы узнали бы от него о Земле. Тамошние роботы могли помнить о ней.

– При условии, что их память не повреждена, Джен. Мы всегда можем вернуться туда, и если понадобится, то, честное слово, – гори огнем тамошние псы – мы так и сделаем. Но раз эти роботы сделаны всего пару десятков лет назад, здесь должны быть те, кто сделал их, и создатели эти, по идее, должны быть людьми. – Он повернулся к Блисс: – Ты уверена, что почувствовала только...

Блисс подняла руку, не дав Тревайзу договорить. Лицо ее стало чужим, отстраненным.

– Кто-то идет, – тихо сказала она.

Тревайз обернулся к холму. На вершине появилась и стала спускаться к ним фигура, несомненно принадлежащая человеку. Человек был бледен, его длинные светлые волосы странно топорщились за ушами, Лицо незнакомца было угрюмо, а когда он подошел поближе, стало ясно, что он довольно молод. Худые руки и ноги человека были обнажены.

Роботы расступились перед ним, а он, не останавливаясь, прошел вперед.

И сказал чистым, приятным голосом, немного вычурно, но на вполне понятном стандартном галактическом:

– Приветствую вас, гости из космоса. Что вам угодно от моих роботов?

46

Реакция Тревайза не сделала ему чести.

– Вы... говорите на галактическом? – спросил он совершенно по-дурацки.

– А почему бы и нет? Ведь я не немой, – с ухмылкой ответил солярианин.

– А они? – Тревайз показал пальцем на роботов.

– Они роботы. Они говорят на нашем языке, как и я. Но я – солярианин. Я слушаю гиперпередачи иных миров и изучил вашу речь так же, как и мои предшественники. Мои предшественники оставили описание этого языка, но я постоянно слышу новые слова и выражения, которые изменяются год от года. Такое впечатление, что вы не можете навести порядок в своем языке так же, как с планетами. Почему же ты так удивлен, что мне понятен ваш язык?

– Да-да, я не должен был удивляться, – сказал Тревайз. – Прошу прощения. Просто после

разговора с роботами я уже не ожидал услышать галактический на этой планете.

Он с любопытством разглядывал солярианина. На том была легкая белая туника, чуть присобранная на плечах, с широкими прорезями для рук и большим вырезом. Костюм солярианина дополняли набедренная повязка и пара легких сандалий.

Тревайз вдруг понял, что не может определить пол солярианина. Торс у того был явно мужской, но на груди не росли волосы, а под набедренной повязкой вроде бы ничего мужского не было.

Тревайз повернулся к Блисс и шепнул:

– Должно быть, это робот, но очень похожий на человека, оде...

– У него разум человека, а не робота, – ответила Блисс, едва шевеля губами.

Тут солярианин снова обратился к ним:

– Вы не ответили на мой вопрос. Я готов простить вам замешательство, приписав его удивлению. Теперь я спрашиваю вас вновь, и вы должны ответить. Что вам угодно от моих роботов?

– Мы путешественники. Мы ищем знания, которые помогли бы нам добраться до цели нашего путешествия, – ответил Тревайз. – Мы спросили ваших роботов о том, что могло бы помочь нам, но они этого не знают.

– Какие знания вы ищете? Может быть, я сумею помочь вам?

– Нас интересует местоположение Земли. Можете ли вы сказать нам, где она находится?

Солярианин вздернул брови.

– А я думал, что первым объектом вашего любопытства буду я. И я отвечу, хотя вы меня и не спросили. Я – Сартон Бандер, а вы стоите на территории поместья Бандера, которая простирается до горизонта и даже дальше. Я не могу сказать, что рад видеть вас, поскольку, явившись сюда, вы преступили закон. Вы – первые поселенцы, ступившие на поверхность Солярии впервые за много тысяч лет, и, оказывается, вы явились сюда только затем, чтобы узнать, как вам лучше добраться до другой планеты. В старые добрые времена и вы и ваш корабль были бы уничтожены в мгновение ока.

– Это был бы варварский поступок. Так не принято обращаться с людьми, которые никому не желают зла, – осторожно проговорил Тревайз.

– Согласен. Но тогда, когда представители расширяющегося сообщества ступают на планету, где обитает сообщество беззащитное и статичное, само их появление несет в себе потенциальное зло. Пока мы боялись этого зла, мы были готовы немедленно уничтожить тех, кто осмелится прийти сюда. Теперь нам нечего бояться. Мы, как видите, согласны даже говорить с вами.

– Я признателен вам за сведения, – сказал Тревайз, – которые вы нам так любезно сообщили, хотя и не ответили на мой вопрос. Я повторю его. Можете ли вы сказать нам, где находится планета Земля?

– Под «Землей», как я понимаю, ты подразумеваешь планету, на которой зародился род человеческий и различные виды растений и животных? – Солярианин красиво повел рукой, будто хотел показать гостям свои владения.

– Да, я подразумеваю именно ее, сэр.

Лицо солярианина абрезгливо скривилось.

– Будьте добры, называйте меня просто Бандером, если уж вам так необходимо использовать какую-то форму обращения. Не применяйте в обращении ко мне никаких слов, несущих признак пола. Я не мужчина и не женщина. Я – целое. Если я говорю о себе в мужском роде, то лишь потому, что я – человек. Совершенный человек. Солярианин.

Тревайз кивнул (он-таки оказался прав).

– Как вам будет угодно, Бандер. Так где же находится Земля, наша общая прародина?

– Я этого не знаю, – отрезал Бандер. – И знать не желаю. Но если бы даже знал, это не принесло бы вам ничего хорошего, поскольку Земли как обитаемой планеты больше не существует. – Ах! Как славно греет солнце, – проговорил он, раскинув руки в стороны. – Я не часто появляюсь на поверхности и лишь тогда, когда светит солнце. Я послал моих роботов поприветствовать вас, пока солнце еще скрывалось за облаками. Сам же я последовал за ними

только тогда, когда облака рассеялись.

– Но почему на Земле больше нет жизни? – настойчиво спросил Голан, заранее смиряясь с необходимостью снова выслушивать историю о радиации.

Бандер, однако, проигнорировал его вопрос или, вернее, решил пока не отвечать.

– Слишком долгая история, – сказал он, – Ты заявил мне, что вы пришли с миром.

– Верно.

– Почему же ты вооружен?

– Простая предосторожность. Я не знал, что и кто мне может встретиться.

– Это не имеет значения. Твое ничтожное оружие не представляет для меня опасности. И все же мне интересно. Я, конечно, много слышал о вашем оружии и вашей удивительно варварской истории, которая, похоже, почти всецело зиждется на вооружении. Но я никогда не видел никакого оружия. Могу я посмотреть на твое?

Тревайз сделал шаг назад.

– Боюсь, что нет, Бандер.

Бандер, похоже, здорово удивился.

– Я спросил только из вежливости. Мне и не нужно твое позволение.

Он протянул руку, и из правой кобуры Тревайза сам по себе выскочил бластер, а из левой – нейрохлыст. Тревайз машинально потянулся за оружием, но почувствовал, что руки словно связаны сзади тугими эластичными веревками. Пелорат и Блисс тоже качнулись вперед – стало ясно, что их тоже связали.

– Не утруждайте себя, – посоветовал Бандер, – и не пытайтесь сопротивляться. Вам это не удастся. – Оружие оказалось в его руках, и он внимательно осмотрел его. – Это, – сказал он, показывая на бластер, – видимо, микроволновый излучатель, который генерирует тепло и, следовательно, способен взорвать любое тело, содержащее жидкость. Другое – более слабое. Должен признаться, с первого взгляда не могу понять, как оно действует. Однако, раз вы никому не желаете зла, вам ни к чему оружие. Я могу разрядить энергетические батареи вашего оружия, что я и сделаю. Оно станет безвредным, если только вы не вздумаете превратить одно или другое в дубинку, но для этого они не слишком хороши.

Солярианин выпустил из рук оружие, и бластер с нейрохлыстом по воздуху вернулись к Тревайзу и улеглись на свои места. Тревайз, почувствовав, что его больше не связывают невидимые путы, выхватил бластер, но грозное оружие бездействовало. Контактная кнопка свободно болталась в гнезде, а батарея явно была разряжена. То же самое произошло и с нейрохлыстом.

Он взглянул на Бандера, а тот, посмеиваясь, проговорил:

– Ты совершенно беспомощен, пришелец. Если я пожелаю, то могу так же легко уничтожить ваш корабль, да и вас в придачу.

Глава одиннадцатая Подземелье

47

Справившись с потрясением, Тревайз обернулся и посмотрел на Блисс.

Она стояла, обняв Пелората за талию, словно хотела защитить его, и с виду была совершенно спокойна. Она еле заметно улыбнулась и тихонько, успокаивающе кивнула.

Тревайз обернулся к Бандеру. Расценив поведение Блисс как спокойствие и искренне надеясь, что поступает правильно, он вежливо спросил:

– Как вы это делаете, Бандер?

– Скажи мне, ничтожный пришелец – спросил Бандер, надменно улыбаясь, – веришь ли ты в колдовство? В магию?

– Нет, не верю, ничтожный солярианин, – огрызнулся Тревайз.

Блисс дернула Тревайза за рукав и прошептала:

– Не сердь его. Он опасен.

– Сам вижу, – ответил Тревайз, с трудом переходя на шепот. – Сделай же что-нибудь.

– Не теперь, – еле слышно сказала Блисс. – Он будет менее опасен, если будет думать, что ему ничто не грозит.

Не обращая внимания на перешептывающихся пришельцев, Бандер беззаботно повернулся к ним спиной. Роботы расступились перед хозяином.

Обернувшись, он поманил пришельцев пальцем:

– Следуйте за мной. Все трое. Я расскажу вам историю, которая, может быть, вам не покажется интересной, но зато очень интересует меня. – И он двинулся вперед прогулочной походкой.

Тревайз какое-то время не двигался с места, размышляя, слушаться Бандера или нет. Но Блисс пошла за Бандером и повела за собой Пелората. Что оставалось Тревайзу? Общество троих роботов? Он вздохнул и поплелся за товарищами.

– Может быть, Бандер будет так любезен, – бросила Блисс, – и на ходу поведает нам историю, которая не стоит нашего интереса?

Бандер остановился, обернулся и внимательно посмотрел на Блисс, словно впервые увидел ее.

– Ты – женская половина человека, не правда ли? Слабая половина?

– Слабая половина, Бандер. Верно.

– Следовательно, эти двое – мужские половины человека?

– Именно так.

– А есть у тебя дети, женщина?

– Меня зовут Блисс, Бандер. У меня пока нет ребенка. Это – Пел. Это – Тревайз.

– И который же из них поможет тебе, когда придет время? Оба? Или ни один из них?

– Пел поможет мне, Бандер.

Бандер переключил внимание на Пелората.

– У тебя, как я вижу, белые волосы.

– Да.

– Это обычный цвет?

– Нет, Бандер, они становятся такими с возрастом.

– А сколько тебе лет?

– Пятьдесят два, – ответил Пелорат и поспешно добавил. – Стандартных галактических.

Бандер двинулся дальше («Наверное, ведет нас к дому», – предположил Тревайз), но немного медленнее.

– Я не знаю продолжительности стандартного галактического года, – сказал он, – но она не может значительно отличаться от длительности нашего года. А сколько тебе будет, Пел, когда ты умрешь?

– Не знаю. Надеюсь прожить еще лет тридцать.

– Следовательно, восемьдесят два года. Вы мало живете и разделены на две половины. Невозможно. Непостижимо. А ведь мои далекие предки были подобны вам и жили на Земле. Но некоторые из них покинули Землю, чтобы основать новые поселения на планетах у новых звезд – чудесные миры. Их было множество, и все прекрасно управлялись.

– Не такое уж множество. Всего пятьдесят, – нарочито громко возразил Тревайз.

Бандер бросил на Тревайза взгляд, в котором несколько поубавилось надменности.

– Тревайз. Так тебя зовут?

– Голан Тревайз мое полное имя. Я говорю о том, что космонитских планет было пятьдесят. Число наших планет измеряется миллионами.

– Значит, ты знаешь историю, которую я хотел поведать вам? – чуть растерянно спросил Бандер.

– Если смысл истории состоит в том, что существовало только пятьдесят Внешних миров, то нам она известна.

– Для нас дело не только в количестве, ничтожный получеловек. Для нас важно еще и качество. Их было пятьдесят, но таких, что всем вашим миллионам за ними не угнаться. А

Солярия была пятидесятой, последней, следовательно, самой лучшей. Солярия во всем превосходила другие космонитские планеты, а они все превосходили Землю.

И только мы здесь, на Солярии, поняли, как должна быть прожита жизнь. Мы не толпимся, не бродим стадами, как животные и как люди на ваших планетах и на Земле, и даже как те, что жили на других космонитских планетах. Мы живем каждый сам по себе, у всех есть роботы-помощники, а друг друга видим только по видео и лишь тогда, когда пожелаем. В непосредственный контакт друг с другом мы вступаем крайне редко. Прошло много лет с тех пор, как я видел перед собой человека так, как теперь вижу вас, но, впрочем, вы – всего лишь полулюди, и, следовательно, ваше присутствие вовсе не ограничивает мою свободу – не более, чем ее может ограничить корова или робот.

Справедливости ради надо сказать, что когда-то мы тоже были полулюдьми. Хоть и совершенствовали мы свою свободу, хоть и становились единоличными хозяевами множества роботов – свобода наша все же не была абсолютной. Для воспроизводства детей нужно было спаривание. Можно было, конечно, взяв у людей сперму и яйцеклетки, проводить процесс оплодотворения *in vitro*, а последующий рост эмбрионов поддерживать искусственно в автоматическом режиме. Детям для полноценного воспитания вполне хватило бы заботы роботов. Все это было вполне осуществимо, но полулюди не желали отказываться от побочных радостей оплодотворения, вследствие которых развивается извращенная чувственная привязанность, лишаящая людей свободы. Надеюсь, вам понятно, что с этим нельзя мириться.

– Нет, Бандер, – ответил Тревайз, – потому что мы не меряем свободу на ваш лад.

– Это из-за того, что вы не знаете, что такое свобода. Вы никогда не жили иначе как в толпе, и вы не знаете иного образа жизни, кроме постоянного рабства – даже по пустякам унижаетесь то перед одним, то перед другим, или, что столь же подло, заставляете других исполнять вашу волю. Откуда здесь возьмется какая-то свобода? Свобода – возможность жить так, как ты хочешь! Только так, как хочешь. Но я отвлекся.

Затем настало время, когда люди с Земли вновь стали странствовать и просто заповили космос. Другие космониты, пусть не столь обуреваемые стадными инстинктами, как земляне, пытались конкурировать с ними.

Мы, соляриане, не пытались. Мы предвидели неизбежный крах такого образа жизни. Мы ушли под землю и прервали все контакты с Галактикой. Мы решили остаться самими собой, чего бы то ни стоило. Мы создали роботов и оружие, защищающее кажущуюся пустой поверхность планеты, и оно превосходно сделало свою работу. Прилетавшие корабли уничтожались, а потом перестали прилетать. Планету сочли покинутой и забыли, на что мы и надеялись.

А тем временем мы работали под землей над решением наших задач. Мы осторожно, ювелирно изменяли наши гены. Мы терпели неудачи, но добивались успехов и продвигались вперед. На это ушло много столетий, но в конце концов мы стали полноценными человеческими существами, соединившими мужское и женское начала в одном теле. Мы умеем испытывать полное удовлетворение по собственному желанию и производить детей, когда захотим, оплодотворяя яйцеклетки для последующего развития под заботливым надзором роботов.

– Гермафродиты, – резюмировал Пелорат.

– Так это называется на вашем языке? – равнодушно откликнулся Бандер. – Я никогда не слышал такого слова.

– Гермафродизм – мертворожденная ветвь на древе эволюции, – сказал Тревайз. – Любой ребенок становится генетическим дубликатом своего родителя-гермафродита.

– Послушайте, – сказал Бандер, – вы смотрите на эволюцию как на игру с попаданиями и промахами. Мы же можем моделировать своих детей, если пожелаем. Мы можем изменять и улучшать гены и порой так и делаем. Ну вот мы и пришли. Войдемте. День кончается. Солнце уже не греет так, как надо, и нам будет намного удобнее внутри.

Замка на двери не было. Она распахнулась, как только Бандер и трос гостей приблизились, и сразу же захлопнулась позади. Внутри не было окон, но, как только вошедшие направились в большую комнату, напоминавшую пещеру, стены ожили и засветились.

Покрытый коврами пол мягко пружинил под ногами. Вдоль стен стояли неподвижные роботы.

– Это, – пояснил Бандер, показывая на противоположную двери стену, с виду ничем не отличавшуюся от других, – мой обзорный экран. С его помощью я могу наблюдать за планетой, но это никоим образом не ограничивает мою свободу, поскольку никто не заставляет меня им пользоваться.

– А если вы пожелаете видеть кого-то на своем экране, а он, допустим, этого не хочет, – вы же не можете его заставить, – заметил Тревайз.

– Заставить? – недоуменно переспросил Бандер. – Каждый может делать, что ему вздумается, если это не будет мешать мне делать то, что я хочу.

У экрана стояло единственное кресло, в которое и уселся Бандер.

Тревайз оглянулся, гадая, не появятся ли в комнате еще кресла. Но откуда им было взяться? Разве что из-под пола.

– Вы позволите нам присесть? – спросил он у Бандера.

– Как вам угодно.

Блисс улыбнулась и села на пол. Пелорат последовал ее примеру. И только Тревайз упрямо продолжал стоять.

– Скажи же, Бандер, – сказала Блисс, – сколько людей живет на вашей планете?

– Говори «соляриан», получеловек Блисс. Слово «люди» осквернено. Так называют себя полулюди. Мы могли бы называть себя «совершенными людьми», но это звучит громоздко. «Соляриане» – самое подходящее слово.

– Хорошо. Сколько соляриан живет на планете?

– Точно не знаю. Нам нет нужды считать. Около двенадцати сотен.

– Только двенадцать сотен на всей планете?

– Целых двенадцать сотен. Вот опять вы за свое. Для вас важно количество, а для нас – качество. Вы не в силах понять истинной свободы. Если бы другой солярианин взялся оспаривать мое абсолютное господство над любым участком моего поместья, роботами, животными или постройками, моя свобода была бы ограничена. Поскольку другие соляриане существуют, ограничения свободы сведены к минимуму за счет расселения всех таким образом, чтобы контактов между нами не происходило. В условиях, близких к идеальным, на Солярии может разместиться ровно двенадцать сотен соляриан. Станет больше – свобода сразу ограничится и жизнь будет невыносимой.

– Это означает, что у вас каждый ребенок должен быть на счету и смертность равна рождаемости, – неожиданно заявил Пелорат.

– Естественно. Это условие необходимо соблюдать на всякой планете мира со стабильной численностью населения – даже на ваших, скорее всего.

– Безусловно, – кивнул Пелорат и умолк.

– Мне вот что интересно, – сказал Тревайз. – Каким образом вы заставили мое оружие парить в воздухе? Вы не объяснили этого.

– Я предложил тебе поверить в колдовство или чудо. Но ты ведь отказался принять такое объяснение?

– Еще бы. За кого вы меня принимаете?

– Может быть, тогда ты согласишься поверить в сохранение энергии и необходимый рост энтропии?

– Да, пожалуй. Не могу же я поверить, что за двадцать тысяч лет вы изменили эти законы или хотя бы переделали.

– Конечно нет, получеловек. А теперь вдумайся. Там, снаружи, светит солнце. – Бандер грациозно повел рукой. – Но не везде. Есть и тень. На солнце теплее, чем в тени, и тепло самопроизвольно передается от освещенных мест к затененным.

– Не надо мне лекции читать, – буркнул Тревайз. – Это я знаю.

– Но, вероятно, ты знаешь это так хорошо, что не задумываешься об этом. А ночью поверхность Солярии теплее, чем объекты за пределами ее атмосферы, так что тепло самопроизвольно излучается поверхностью планеты в космос.

– Это я тоже знаю.

– И днем и ночью внутренняя часть планеты теплее, чем ее поверхность. Следовательно, тепло самопроизвольно передается от внутренних областей к поверхности. Думаю, это тебе тоже известно.

– И что же из этого, Бандер?

– Перетекание тепла из более теплых мест к более холодным, происходящее на основе второго закона термодинамики, может использоваться для работы.

– Теоретически – да, но солнечный свет рассеян, поверхностное тепло рассеяно еще больше, а скорость, с которой тепло покидает внутреннюю область планеты, делает его еще более рассеянным. Количества тепла, которое можно использовать, вряд ли будет достаточно для того, чтобы поднять камешек.

– Все зависит от того, какими устройствами пользоваться, – возразил Бандер. – Наше собственное устройство совершенствовалось тысячи лет, и теперь это не что иное, как часть нашего мозга.

Бандер приподнял волосы на висках, повертел головой и стало видно, что за ушами у него находятся выступы, размерами и формой напоминающие тупой конец куриного яйца.

– Эта часть моего мозга, отсутствующая у вас, и есть то, что отличает соляриан от полулюдей.

48

Тревайз то и дело бросал взгляды на Блисс, которая не спускала глаз с Бандера, Тревайз почти уверился в том, что понимает, что происходит.

Бандер, несмотря на весь свой пиетет перед свободой, не в силах был устоять перед таким уникальным случаем. Он ведь не мог на равных беседовать с роботами, не говоря уже о животных. Беседы со своими братьями, солярианами, могли быть ему порой неприятны, и какой бы ни была связь, она всегда оказывалась вынужденной, а не добровольной.

Что касается Тревайза, Блисс и Пелората, то для Бандера они, полулюди, не более нарушали его свободу, чем роботы или козы – но тем не менее были интеллектуально равны ему (или почти равны), и возможность говорить с ними стала той необъяснимой роскошью, которой он никогда прежде не имел.

«Неудивительно, – думал Тревайз, – что Бандер дал себе такую поблажку». А Блисс (в этом Тревайз не сомневался) поощряла его, корректно управляя сознанием Бандера и заставляя его делать то, чего тот и так страстно желал.

Блисс, вероятно, предполагала, что если Бандер хорошенько разговорится, то может выболтать что-нибудь о Земле. А потому Тревайз решил, что, даже если предмет дискуссии ему будет совершенно до лампочки, он все равно должен стараться поддержать разговор.

– И как же работают эти доли мозга? – спросил он.

– Они служат преобразователями, – ответил Бандер. – Активизируются потоком тепла и превращают его в механическую энергию.

– Я не могу в это поверить. Ведь поток тепла крайне незначителен.

– Ничтожный получеловек, ты даже думать не умеешь. Если бы все соляриане сбились в кучу и каждый попытался бы использовать поток тепла, тогда, конечно, энергии было бы недостаточно. Но я один владею более чем сорока тысячами квадратных километров поверхности, и они мои, только мои. Я могу собирать поток тепла с любой площади моего владения, и никто не посмеет помешать мне – так что энергии достаточно. Теперь понимаешь?

– Так ли это просто – собрать поток тепла с такой большой площади? Сама концентрация теплового потока, должно быть, требует больших затрат энергии.

– Возможно, но мне об этом думать не приходится. Мои преобразователи сами непрерывно концентрируют тепловой поток, и как только возникает необходимость произвести работу, она производится. Когда я передвигал твое оружие по воздуху, определенный объем прогретой солнцем атмосферы потерял некоторые излишки тепла, вместо того чтобы передать его затемненным областям. Мне помогла солнечная энергия. Мне не потребовались никакие механические или электронные приборы, я использовал свое нейронное устройство. – Бандер

любовно коснулся одного из выростов за ушами. – Оно работает быстро, эффективно, постоянно – и никаких усилий.

– Невероятно... – пробормотал Пелорат.

– Почему же невероятно? – удивился Бандер. – Подумай получше о тонкости строения глаз и ушей, о том, что они способны превращать ничтожные количества фотонов и воздушных колебаний в ценную информацию. Это может показаться невероятным, если никогда прежде ни с чем подобным не встречался. Мои преобразователи не более невероятны и не показались бы вам такими, если бы не были так непривычны.

– И как же вы используете эти постоянно работающие мозговые преобразователи? – спросил Тревайз.

– Мы правим планетой, – ответил Бандер, – Каждый робот в моем огромном поместье получает энергию от меня или, вернее, от природного теплового потока. Нажимает ли робот кнопку или валит дерево – энергия поступает от ментального преобразователя – моего ментального преобразователя.

– А когда вы спите?

– Процесс преобразования происходит независимо от того, бодрствую я или сплю, презренный получеловек, – сказал Бандер. – Разве ты перестаешь дышать, когда спишь? Разве твое сердце перестает биться? Ночью мои роботы работают за счет некоторого охлаждения недр Солярии. В глобальном масштабе изменение ничтожно мало, а нас здесь только двенадцать сотен, так что вся энергия, которую мы используем, не может ощутимо сократить жизнь нашего солнца и истощить запасы внутреннего тепла планеты.

– А не приходило ли вам в голову использовать их как оружие?

Бандер посмотрел на Тревайза так, словно вопрос показался ему в высшей степени идиотским.

– Видимо, ты хотел сказать, что Солярия может противостоять другим планетам, обладая оружием, основанном на преобразовании тепла? Зачем нам это? Даже если бы мы создали оружие, которое превосходит изготовленное на основании других принципов – нам бы это наверняка удалось, – что бы мы приобрели? Власть над другими планетами? Какое нам дело до других планет, когда у нас есть своя собственная, идеальная? Разве мы жаждем владычества над полулюдьми? Зачем они нам? Использовать их на принудительных работах? У нас есть роботы, более пригодные для этих целей, чем полулюди. У нас есть все. Мы не хотим ничего – только бы нам никто не мешал. А теперь слушай – я расскажу тебе другую историю.

– Давайте, – кивнул Тревайз.

– Двадцать тысяч лет назад, когда полусущества с Земли ринулись в космос, а мы ушли под землю, другие Внешние миры решили бороться с притоком новых колонистов с Земли. И они нанесли удар по Земле.

– По Земле, – эхом отозвался Тревайз, пытаясь скрыть радость от того, что разговор перешел в нужное русло.

– Да, прямо в центр мишени. Разумно в каком-то смысле. Если вы хотите кого-нибудь убить, то метите не в палец, не в колено, а прямо в сердце. И наши собратья космониты, не менее вспыльчивые, чем земляне, ухитрились сжечь с помощью радиации поверхность Земли, так что планета стала совершенно непригодна для жизни.

– Так вот что произошло! – Пелорат сжал кулак и стукнул им по полу. – Я знал, что это не могло быть природным явлением. Как же они это сделали?

– Не имею понятия, – равнодушно ответил Бандер, – но ничего хорошего из этого не вышло. В том-то и смысл моей истории. Поселенцы продолжали плодиться, а космониты вымирали. Они пытались бороться – и исчезли. Мы, соляриане, отступили, отказались от борьбы – и все еще живы.

– Поселенцы тоже, – не без сарказма заметил Тревайз.

– Да, но так не будет вечно. Полулюди могут сражаться и суетиться, но в конце концов обречены на вымирание. Пусть пройдут десятки тысяч лет. Мы можем подождать. А когда они вымрут, мы, соляриане, полноценные, совершенно свободные, обретем всю Галактику. И сможем присоединить к нашей планете любую, какую пожелаем.

– А эта история о Земле, – вмешался Пелорат, нетерпеливо щелкая пальцами, – та, что вы нам рассказали, – легенда или правда?

– Кто может сказать наверняка, получеловек Пелорат? Вся история – легенда, более или менее.

– А что говорят об этом ваши записи? Мог бы я просмотреть их, Бандер? Пожалуйста, поймите меня. Легенды, мифы, древние сказания – моя специальность. Я – ученый, это предмет моих исследований, и в особенности – все, имеющее отношение к Земле.

– Я просто повторяю то, что слышал. – Бандер пожал плечами. – Никаких записей об этом нет. Наши записи касаются только Солярии, а другие планеты упоминаются в них постольку, поскольку имеют к нам какое-то отношение.

– Но Земля наверняка имела к вам отношение.

– Может быть. Но если и так, то было давным-давно, а из всех планет Земля нам была наиболее неприятна. Если у нас и были когда-то какие-то записи о Земле, уверен, они уничтожены в порыве отвращения.

Тревайз сердито скрипнул зубами.

– Неужели вы сами уничтожили записи?

Бандер обернулся к Тревайзу:

– Кроме нас некому.

Пелорат не пожелал оставлять тему разговора.

– Что еще вы слышали о Земле?

Бандер ненадолго задумался и ответил:

– В молодости я слышал от робота историю о землянине, который посетил Солярию, и о солярианской женщине, которая улетела с ним и стала важной фигурой в Галактике. Однако, по-моему, эта история – выдумка.

– Вы уверены? – Пелорат закусил губу.

– Как тут можно в чем-то быть уверенным? Тем более что это почти невозможно – чтобы землянин осмелился явиться на Солярию и чтобы Солярия допустила такое вторжение. Еще менее вероятно, что солярианка – мы тогда, правда, были полулюдьми, но это все равно – могла добровольно покинуть нашу планету. А теперь пойдемте, я покажу вам мой дом.

– Ваш дом? – удивилась Блисс. – Разве мы не у вас дома?

– Не совсем. Это всего лишь прихожая. Зал связи. Здесь я вижу других соляриан, когда мне необходимо. Они появляются на экране или в трехмерном изображении перед экраном. Эта комната – своего рода место встреч и не является частью моего дома. Следуйте за мной.

Бандер зашагал вперед, не оборачиваясь. Четыре робота вышли из своих ниш, и Тревайз понял, что, если он и его спутники не пойдут за Бандером по доброй воле, роботы вежливо, но настойчиво заставят их это сделать.

Блисс и Пелорат поднялись с пола. Тревайз шепотом спросил у Блисс:

– Ты заставляешь его говорить?

Блисс сжала его руку и кивнула.

– Я еще не уверена в его намерениях, – тревожно прошептала она.

49

Вес трое последовали за Бандером. Роботы выдерживали корректную дистанцию, но их присутствие постоянно ощущалось.

Шагая по длинному коридору, Тревайз уныло пробормотал:

– Здесь нет ничего, что помогло бы нам в поисках Земли. Я уверен. Всего лишь очередная вариация на тему радиоактивности. – Он пожал плечами и добавил: – Мы должны отправиться туда, куда указывает третий набор координат.

Через некоторое время они подошли к двери, за которой оказалась небольшая комната.

– Входите, полулюди, – произнес Бандер, – я хочу показать вам, как мы живем.

– Он радуется, как мальчишка, – прошипел Тревайз. – Так и хочется врезать ему как следует.

– Держи себя в руках. Не впадай хоть ты в детство, – предостерегающе проговорила Блисс.

Следом за Бандером все трое вошли в комнату. За ними последовал один из роботов. Солярианин жестом отослал остальных прочь. Дверь закрылась.

– Лифт, – радуясь сделанному открытию, проговорил Пелорат.

– Верно, – подтвердил Бандер. – С тех пор как мы ушли под землю, мы, как правило, не поднимались на поверхность. Да, собственно, и не хотели, хотя я нахожу приятным время от времени видеть солнечный свет. Я не люблю облачную погоду, не люблю оставаться ночью под открытым небом. Возникает такое чувство, что ты под землей, хотя на самом деле это не так – если вы понимаете, что я имею в виду. Что-то вроде обмана зрения, и мне это очень не нравится.

– На Земле люди тоже строили подземелья, – сказал Пелорат. – Стальные пещеры – так они называли свои города. И Трентор в старые имперские времена большей частью тоже строился под землей. А на Компореллоне строительство под землей идет и сейчас. Это общая тенденция, пожалуй, и...

– Полулюди, роящиеся под землей, и мы, живущие в великолепном уединении, – далеко не одно и то же, – оборвал его Бандер.

– На Терминусе, – вставил Тревайз, – жилые здания расположены на поверхности.

– И подвергаются воздействию погоды, – добавил Бандер. – Крайне примитивно.

Поначалу Пелорату показалось, что лифт падает, но вскоре это ощущение исчезло. Интересно, подумал Тревайз, как глубоко мы опустились? – но тут внезапно возникло краткое чувство, словно их прижало к полу, и дверь кабины открылась.

Перед ними была большая, изысканно обставленная комната. Источник тусклого света не был виден. Казалось, слабо светится сам воздух.

Бандер ткнул пальцем в пространство, и там, куда он показал, свет разгорелся ярче. Указал в другую сторону – произошло то же самое. Опершись левой рукой о невысокий столбик у двери, он широко повел правой – и вся комната осветилась, словно озарилась солнцем – только это солнце не грело.

Тревайз скривился и вполголоса сказал:

– Да он шарлатан.

– Солярианин! – отрезал Бандер. – Мне неизвестно значение слова «шарлатан», но судя по твоей интонации, это что-то оскорбительное.

– Так называют того, кто обманывает других, – пояснил Тревайз, – кто прибегает к эффектным трюкам, чтобы сделанное им производило яркое впечатление. Показуха.

– Признаю, – согласился Бандер, – я люблю эффекты, но то, что я сделал, – не обман. Это реальность. – Он похлопал по столбику. – Это теплопроводный стержень. Он уходит на несколько километров вниз. Таких стержней у меня в поместье много. Я знаю, что они есть и в других поместьях. Они увеличивают скорость истечения тепла из недр Солярии на поверхность и облегчают его превращение в работу. На самом деле я мог бы не двигать руками, чтобы зажечь свет, но это эффектно и, пожалуй, действительно производит впечатление обмана. Мне это доставляет истинное наслаждение.

– И часто вы испытываете наслаждение от таких маленьких спектаклей? – поинтересовалась Блисс.

– Нет, – ответил Бандер, качая головой. – На моих роботов такие вещи не производят никакого впечатления. Как и на других соляриан. Какая удача – встретить полулюдей и показать им это – просто... замечательно.

– Когда мы вошли, в комнате тускло горел свет. Он так горит все время? – спросил Пелорат.

– Да. Для этого не нужно много энергии – как и для поддержания роботов в рабочем состоянии. Все мое поместье всегда в действии, а неработающие части поддерживаются в готовности.

– И вы непрерывно обеспечиваете энергией все свое огромное поместье?

– Солнце и ядро планеты обеспечивают его энергией. Я – всего лишь проводник. Но не

все у меня в поместье продуктивно. Я оставил большую часть территории в первозданном виде. Во-первых, так легче защищать свои границы, а во-вторых, я получаю от этого эстетическое наслаждение. На самом деле мои поля и фабрики невелики. Они нужны только для удовлетворения моих личных потребностей и для кое-какого обмена. У меня есть роботы, которые могут производить и устанавливать теплопроводные стержни. Многие соляриане в этом смысле зависят от меня.

– А ваш дом? – спросил Тревайз. – Он большой?

Видимо, Тревайз попал в точку – Бандер просиял.

– Очень большой. Думаю, он один из самых больших на планете. Он тянется на километры во всех направлениях. Для обслуживания дома у меня под землей столько же роботов, сколько на тысячах квадратных километров поверхности.

– Но вы не можете жить во всех комнатах сразу, – поразился Пелорат.

– Очень может быть, что у меня есть помещения, где я никогда не бывал, – ну и что? – Бандер пожал плечами. – Роботы поддерживают порядок всюду. Прошу сюда.

Они вышли через другую дверь и снова попали в коридор, где стояла небольшая открытая гусеничная машина.

Бандер указал гостям на машину, и они друг за другом забрались в нее. Для четверых здесь было тесновато, да еще и робот втиснулся. Пелорат и Блисс прижались друг к другу, чтобы дать место Тревайзу. Бандер с комфортом уселся впереди, робот – рядом с ним, и машина тронулась с места. Бандер управлял ею, время от времени плавно шевеля рукой.

– Просто специальный робот в виде машины, – небрежно пояснил Бандер.

Машина двигалась медленно, плавно. Двери открывались при ее приближении и закрывались за ней. Все двери были украшены разными рисунками, словно роботам было дано указание украшать их как попало.

И впереди и позади было темно. Но машину все время сопровождало свечение, подобное солнечному, но не дающее тепла. Как только двери открывались, в комнатах тотчас же становилось светло. И всякий раз Бандер медленно и грациозно поводил рукой.

Казалось, путешествию не будет конца. Время от времени машина поворачивала, и довольно долго казалось, что подземный особняк находится на одном уровне. Но в одном месте обозначился пологий спуск.

Везде, где бы они ни проезжали, им встречались роботы, – их было десятки, сотни – и все занимались работой, смысл которой Тревайз понимал с трудом. Машина проехала через большой зал, где много роботов сидели за рядами столов.

– Что они делают, Бандер? – спросил Пелорат.

– Ведут учет, – ответил Бандер. – Статистические записи, финансовые счета и все такое прочее, во что, к счастью, мне нет нужды вникать. У меня не такое уж бездействующее поместье. Примерно четверть площади занята садами, десятая часть – зерновыми, но основная моя специализация – все-таки сады. Мы выращиваем лучшие фрукты в Галактике и вывели множество различных сортов. Персики Бандера – настоящие солярианские персики. Мало кто еще здесь выращивает персики. У нас – двадцать семь сортов яблок и... и так далее. Роботы могут проинформировать вас точнее.

– И что же вы делаете со всеми этими фруктами? – спросил Тревайз. – Вы же не можете съесть все сами?

– Конечно. Выращивание фруктов – мое маленькое увлечение. Я торгую ими с другими поместьями.

– И на что же вы их меняете?

– Главным образом на минеральное сырье. В моем поместье нет сколько-нибудь ценных месторождений. Кроме того, я вымениваю многое другое, что необходимо для поддержания здорового экологического равновесия. У меня здесь очень много растений и животных.

– Видимо, обо всем этом заботятся роботы, – высказал предположение Тревайз.

– Именно. И весьма успешно.

– И все это для одного-единственного солярианина?

– Все это – для поместья и его экологической устойчивости. Я единственный из соляриан

лично осматриваю все свое поместье, когда пожелаю, а это — часть моей абсолютной свободы.

— Вероятно, — сказал Пелорат, — другие соляриане тоже поддерживают местное экологическое равновесие и владеют болотами, горными районами или морским побережьем.

— Скорее всего, — ответил Бандер. — Подобные вопросы решаются у нас на конференциях, посвященных решению планетарных проблем.

— И как часто вам приходится собираться? — спросил Тревайз.

Машина ехала по довольно узкому коридору, длинному, без дверей. Тревайз предположил, что это туннель, проложенный в твердых породах и служащий переходом между двумя частями поместья.

— Слишком часто, — ответил Бандер. — Почти каждый месяц мне приходится посвящать часть своего времени собраниям одного из комитетов, членом которых я состою. И все же, хотя в моем поместье и нет гор или болот, мои фруктовые деревья, рыбные садки и ботанические сады — лучшие на планете.

— Но дружочек... то есть прошу прощения, Бандер, — извинился Пелорат, — я думал, что вы никогда не покидаете своего поместья и не навещаете других...

— Конечно, нет, — оскорбленно отозвался Бандер.

— Я ведь только так подумал... — успокоил его Пелорат. — Но в таком случае как вы можете быть уверены, что у вас все самое лучшее, если никогда не изучали и даже не видели другого?

— Я сужу об этом по спросу на мои товары в межсолярианской торговле.

— А как насчет промышленности? — поинтересовался Тревайз.

— Есть поместья, производящие оборудование и механизмы. Как я уже говорил, в моем поместье делают теплопроводные стержни, но это довольно просто.

— И роботов.

— Роботов производят всюду. Солярия всегда была лидером Галактики в конструировании самых умных роботов.

— Вы и теперь лидеры, похоже, — сказал Тревайз. Это прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос.

— Теперь? — удивился Бандер. — С кем же нам теперь состязаться? Роботов сейчас делают только соляриане. На ваших планетах их не производят, если я верно понимаю то, что слышу на гиперволнах.

— А другие космонитские планеты?

— Я же сказал. Они больше не существуют.

— Совсем?

— Не думаю, что где-нибудь, кроме Солярии, остались живые космониты.

— Значит, здесь никто не знает о местонахождении Земли.

— Кому это нужно?

— Мне, — вмешался Пелорат. — Это область моих исследований.

— Тогда, — сказал Бандер, — я бы посоветовал тебе сменить область исследований. Я ничего не знаю о местонахождении Земли и не знаю никого, кто бы знал — я не дал бы даже кусочка металла, из которого делают роботов, — ответ на этот вопрос.

Машина остановилась, и Тревайзу показалось, что Бандер обиделся. Однако, выйдя из машины, солярианин снова принял обычный самодовольный вид и дал остальным знак выходить.

Освещение в комнате, куда они попали, осталось немного приглушенным даже после пассивов Бандера. Дверь вывела их в коридор, по обе стороны которого находились комнаты поменьше. В каждой из них стояли одна или две расписные вазы. Около некоторых стояли устройства, судя по всему — фильмопроекторы.

— Что это, Бандер? — спросил Тревайз.

— Место упокоения предков, Тревайз, — ответил Бандер.

Пелорат с интересом огляделся:

– Здесь предан земле прах ваших предков?

– Если под словами «предан земле» ты имеешь в виду захоронение в почве, то ты не совсем прав, – ответил Бандер. – Мы под землей, но это – моя усадьба, мой дом, и прах находится в нем, как и мы сейчас. В нашем языке существует выражение «предать дому». – Он помедлил и добавил: – «Дом» – древнее слово, означающее «особняк».

– И здесь все ваши предки? – спросил Тревайз. – Сколько их?

– Около сотни, – ответил Бандер, не стараясь скрыть гордости. – Девяносто четыре, если точнее. Конечно, самые древние – не истинные соляриане; по крайней мере, не в современном смысле этого слова. Они были полулюдьми – мужчинами и женщинами. Прах этих полупредков помещен их непосредственными потомками в урны неподалеку отсюда. Естественно, я не захожу в те комнаты. Это «стыдостранно». Так это чувство называется по-соляриански, но как это перевести, я не знаю. У вас может и не быть такого понятия.

– А фильмы? – поинтересовалась Блисс. – Как я понимаю, вот это – кинопроекторы?

– Дневники, – ответил Бандер. – Жизнеописания. Сцены их бытия, заснятые в самых любимых уголках поместья. Это означает, что они в каком-то смысле не умерли совсем. Часть их сохранилась, и это часть моей свободы, Я могу присоединиться к ним, когда пожелаю, и посмотреть тот или иной кусочек фильма.

– Но не из этих «стыдостранных», да?

Бандер отвел взгляд.

– Да, – признался он, – но у всех нас были такие предки. Это общее несчастье.

– Общее? У других соляриан тоже есть такие склепы? – спросил Голан.

– О да, у всех, но мой – самый лучший, самый красивый и ухоженный.

– А ваш собственный склеп уже подготовлен?

– Конечно. Давно построен. Это стало моей первойшей заботой, как только я унаследовал это поместье. И когда я лягу во прах, выражаясь поэтически, мой наследник должен будет заняться постройкой своего склепа – и это будет его первойшей забота.

– У вас есть наследник?

– Будет, когда придет время. Я могу еще долго прожить. Когда я должен буду уйти, у меня будет взрослый наследник, вполне созревший для того, чтобы управлять поместьем, с хорошо развитыми долями мозга, преобразующими энергию.

– Это будет ваше дитя?

– О да.

– А вдруг случится что-нибудь непредвиденное? – Тревайз прищурился. – Думаю, от случайностей и несчастий не застрахована даже Солярия. Что произойдет, если солярианин ляжет во прах преждевременно, не имея наследника, или его наследник слишком молод для управления поместьем?

– Такое случается редко. В моем роду это произошло только однажды. В таких случаях имущество передают наследникам, подрастающим в других поместьях. Некоторые из них вполне взрослые, чтобы исполнить роль наследника, а их родители еще достаточно молоды и могут произвести на свет второго потомка и дожидаться, пока тот не повзрослеет. Один из таких наследников может быть назначен моим преемником.

– Кто же его назначит?

– У нас есть правительство, обязанностью которого является подобное назначение наследников в случае преждевременной смерти хозяев поместий. Вся эта деятельность, естественно, осуществляется с помощью головизионной связи.

– Но как же так? – изумился Пелорат. – Если соляриане никогда не видятся друг с другом, как кто-то может узнать, что кто-либо где-либо – скоропостижно или в свой срок, неважно, – обратился во прах?

– Когда один из нас умирает, – принялся объяснять Бандер, – снабжение поместья энергией прекращается. Если наследника, который должен немедленно взять на себя управление, нет – нарушение нормы заметят сразу же, и будут приняты соответствующие меры. Уверяю вас, наша социальная система работает без перебоев.

– А нельзя ли посмотреть некоторые из этих фильмов? – спросил Тревайз.

Бандер окаменел. После довольно продолжительной паузы он ответил:

– Только твое невежество извиняет тебя. То, что ты сказал, – грубо и пошло.

– Прошу прощения. Я не хотел вас обидеть, но мы уже объясняли, что нам крайне необходимы сведения о Земле. Я думаю, что самые старые фильмы могли быть сняты в те времена, когда Земля еще не была радиоактивной. Следовательно, она может быть там упомянута. Могут проскользнуть какие-нибудь подробности. Мы ни в коей мере не посягаем на вашу собственность, но, может быть, вы или ваш робот все-таки покажете нам эти фильмы, и, тем самым, позволите нам получить какую-нибудь достоверную информацию? Естественно, если вы с пониманием отнесетесь к нашему желанию, а мы, со своей стороны, приложим все усилия и постараемся не задеть ваши чувства, то разрешите нам самим заняться просмотром фильмов.

– Видимо, вы и понятия не имеете, что ведете себя все более и более вызывающе, – холодно ответил Бандер. – Однако хватит об этом. Я заверяю вас, что фильмов о жизни моих древних предков-полулюдей нет.

– Ни одного?! – не скрывая разочарования, воскликнул Тревайз.

– Они были, эти фильмы. Но даже вы можете себе представить, что они собой представляли. Двое полулюдей, проявляющие интерес друг к другу или даже... – он прокашлялся и с трудом договорил: – ...взаимодействующие! Естественно, все фильмы о полулюдях были уничтожены много поколений назад.

– А у других соляриан?

– Все уничтожено.

– Вы уверены?

– Нужно быть сумасшедшим, чтобы не уничтожить их.

– Но, может быть, некоторые соляриане как раз и оказались сумасшедшими, сентиментальными, забывчивыми? Надеюсь, вы будете так любезны и покажете нам дорогу к ближайшим поместьям?

Бандер изумленно глянул на Тревайза:

– Ты думаешь, другие будут так же терпимы к вам, как я?

– Почему бы и нет, Бандер?

– Вы быстро поймете, что это не так.

– Придется рискнуть.

– Нет, Тревайз, нет. Слушайте меня.

Из-за спины Бандера вышли роботы. Бандер умолк.

– В чем дело, Бандер? – встревоженно спросил Тревайз.

– Я развлекся беседой с вами и насмотрелся на вашу... странность. Это уникальный случай. Мне было очень интересно, но я не могу отразить нашу встречу ни в моем дневнике, ни в памятном фильме.

– Почему же?

– Я говорил с вами, слушал вас, я привел вас в мой особняк и даже сюда – в склепы предков. Все это – крайне постыдные действия.

– Но ведь мы не соляриане. Мы значим для вас так же мало, как и роботы, не так ли?

– Только это меня и утешает. Но сей факт может не оправдать меня в глазах других соляриан.

– Какое вам до всего этого дело? Вы обладаете абсолютной свободой и делаете то, что хотите, не правда ли?

– Даже наша свобода имеет предел. Если бы я был единственным солярианином на планете, то мог бы совершенно свободно совершать даже постыдные поступки. Но на планете есть другие соляриане, а потому моя личная свобода только приближается к недостижимому идеалу. На планете обитают двенадцать сотен соляриан, и они станут презирать меня, если узнают о том, что я сделал.

– А зачем им об этом узнавать?

– Верно. Незачем. Эта мысль не давала мне покоя с того самого мгновения, как вы

появились. Я думал об этом все время, пока получал удовольствие от общения с вами. Другие соляриане не должны узнать об этом.

– Если вы боитесь, что, посетив другие поместья в поисках сведений о Земле, мы можем навредить вам, – вмешался Пелорат, – то, естественно, мы никому ни слова не скажем о том, что сперва посетили вас. Это само собой разумеется.

– Я обязан исключить даже малейшую случайность, – покачал головой Бандер. – Сам, конечно, буду молчать. Мои роботы – тоже. Кроме того, им будет дан приказ даже не вспоминать о вашем визите. Ваш корабль можно опустить под землю и исследовать для получения дополнительной информации, которая нам может понадобиться, и...

– Постойте, – сказал Тревайз, – вы что, думаете, мы можем долго гостить здесь, пока вы будете инспектировать наш корабль? Нет. Это невозможно.

– Ничего невозможного тут нет, и говорить об этом нечего. Жаль. Очень жаль. Я хотел бы подольше поговорить с вами и обсудить множество разных вопросов, но, видите ли, ситуация становится все более опасной.

– Почему? – воскликнул Тревайз.

– Я сказал «опасной», ничтожный получеловек. Боюсь, настало время, когда я должен наконец сделать то, что мои предки сделали бы сразу. Я должен убить вас, всех троих.

Глава двенадцатая

Наверх

51

Тревайз резко обернулся к Блисс. Она спокойно, но напряженно-строго смотрела на Бандера, так, словно забыла обо всем на свете, кроме него.

Пелорат стоял, широко раскрыв полные изумления глаза.

Тревайз, не понимая, что хочет сделать Блисс, попытался справиться с жутким отчаянием (его не так пугала самая мысль о смерти, сколько мысль о том, что он умрет, так и не узнав, где находится Земля и почему он выбрал Гею в качестве будущего для человечества). Он решил, что должен выиграть время, и, стараясь говорить спокойно, четко сказал:

– Вы показали себя учтивым и обходительным солярианином, Бандер. Вы не рассердитесь на нас за то, что мы вторглись в ваш мир. Вы были исключительно любезны – показали нам свое поместье и особняк, отвечали на наши вопросы. Позвольте нам покинуть вас немедленно – это будет больше похоже на вас. Никто даже не узнает, что мы побывали на вашей планете, а причин возвращаться сюда у нас нет. Мы явились к вам с вполне невинными намерениями – всего лишь в поисках информации.

– Верно говоришь, – равнодушно бросил Бандер. – До сих пор я вас не трогал. Но вы были обречены уже тогда, когда ваш корабль вошел в нашу атмосферу. Я мог бы – и должен был – убить вас сразу. Затем я должен был приказать роботам-специалистам анатомировать ваши тела, чтобы добыть для меня информацию о пришельцах. Но я не сделал этого. Я удовлетворял свое любопытство, уступал своему легкомыслию – но с меня довольно. Хватит. Я бы подверг Солярию опасности, если бы в порыве слабости позволил уговорить себя отпустить вас, потому что другие ваши сородичи наверняка последовали бы сюда за вами, несмотря на все ваши обещания, что этого не будет.

По крайней мере одно я вам обещаю: ваша смерть будет безболезненной. Я просто слегка подогрею ваш мозг и доведу его до инактивации. Вы не почувствуете боли. Просто перестанете жить. Затем, когда завершится анатомирование и изучение ваших тел, я превращу вас в пепел с помощью сильного теплового удара – и все будет кончено.

– Если мы должны умереть, то я не имею ничего против быстрой и безболезненной смерти, но почему мы должны умирать, не совершив никакого преступления? – не сдавался Тревайз.

– Преступлением было само ваше появление здесь.

– Бессмысленно. Лишено всякой логики. Мы не могли знать, что это преступление.

– Общество всегда само решает, что считать преступлением. Вам это может казаться нелогичным, проявлением произвола, но мы так не считаем. Это наша планета, где мы имеем полное право решать любые вопросы. Вы причинили зло и должны умереть. – Бандер улыбнулся, словно говорил о чем-то приятном, и продолжил: – Впрочем, вы не имеете никакого права жаловаться, судя по вашим собственным моральным установкам. У вас – бластер, микроволновый луч которого несет мощный смертельный поток тепла. Именно такой луч я намерен использовать, но ваше оружие, я уверен, работает гораздо более грубо и причиняет боль. Вы бы не замедлили испробовать его на мне прямо сейчас, если бы я не разрядил его или оказался бы настолько глуп, что дал бы вам возможность вытащить оружие из кобуры.

Боясь взглянуть на Блисс, чтобы не привлечь к ней внимания, Тревайз в отчаянии воскликнул:

– Прошу вас, будьте милосердны! Не делайте этого!

– В первую очередь я должен быть милосерден к себе и своей планете, – внезапно помрачнев, ответил Бандер, – и поэтому вы должны умереть.

Он поднял руку – и Тревайз мгновенно погрузился в кромешную тьму.

52

На миг Тревайзу показалось, что мрак душит его, и в голове у него пронеслась дикая мысль: «Это и есть смерть?»

И словно эхо, он услышал шепот Пелората:

– Это и есть смерть?

Тревайз попробовал шевельнуть губами и обнаружил, что это ему удастся.

– Что за вопрос? – проговорил он с чувством огромного облегчения. – Раз ты можешь спросить об этом, значит, еще не смерть.

– В древних легендах говорится, что есть жизнь после смерти.

– Чушь, – пробурчал Тревайз. – Блисс! Ты здесь, Блисс?

Никто не отозвался.

И вновь, словно эхо, раздался голос Пелората:

– Блисс! Блисс! Что случилось, Голан?

– Должно быть, Бандер мертв, – ответил Тревайз. – Только по этой причине могло прекратиться энергоснабжение поместья. Свет погас – понимаешь?

– Но как могло... Ты хочешь сказать, что это сделала Блисс?

– Думаю, да. Надеюсь, она не пострадала. Тревайз встал на четвереньки и пополз, сам не зная куда, в полной темноте, которую нарушали случайные, едва видимые вспышки от распада радиоактивных атомов в стенах.

Вдруг его рука наткнулась на что-то теплое и мягкое. Он ощупал свою находку и сообразил, что это нога, но слишком маленькая, чтобы принадлежать Бандеру.

– Блисс?

Нога вздрогнула, и Тревайз отдернул руку.

– Блисс! – позвал он. – Скажи что-нибудь.

– Я жива, – послышался странно искаженный голос Блисс.

– С тобой все в порядке?

– Нет.

В это мгновение комната слабо осветилась. Стены как-то вяло ожили, совершенно беспорядочно загораясь и потухая.

Бандер лежал, скрючившись, на полу. Рядом, обхватив его голову, сидела Блисс.

Она смотрела на Тревайза и Пелората.

– Солярианин мертв, – сказала она, и на щеках ее блеснули слезы.

– Почему же ты плачешь? – обескураженно спросил Тревайз.

– Как же мне не плакать, если я убила живое существо – мыслящее и разумное? Я не хотела этого.

Тревайз нагнулся, чтобы помочь ей подняться, но она его оттолкнула.

Пелорат опустился рядом с Блисс на колени и тихо сказал:

– Пожалуйста, Блисс, не надо. Даже ты не можешь вернуть его к жизни. Скажи нам, что случилось.

Блисс с помощью друзей наконец поднялась с пола и печально проговорила:

– Гея умеет делать то, что делал Бандер. Гея умеет использовать хаотично рассеянную энергию Вселенной и передавать ее для производства нужной работы одной только силой мысли.

– Знаю. – Тревайз от всей души хотел утешить ее, но не знал, как это лучше сделать. – Я хорошо помню нашу встречу в космосе, когда ты – или скорее Гея – захватила наш корабль. Я подумал об этом, когда он обездвижил меня после того, как забрал оружие. Тебя он тоже обездвижил, но я почему-то не сомневался, что ты сможешь освободиться, если пожелаешь.

– Нет. У меня бы ничего не вышло. Когда твой корабль был в моих – или наших с Геей – руках, – сказала она с досадой, – я и Гея действительно составляли одно целое. Сейчас гиперпространственный разрыв ограничивает мою – или нашу с Геей – силу. И потом, Гея действует за счет объединения большого числа разумов. Но даже сила объединенных разумов уступает возможностям мозговых преобразователей одного солярианина. Мы не можем пользоваться энергией так же изобретательно, эффективно и непрерывно, как он. Вы же видите, я не могу заставить стены светиться ярче. Я даже не знаю, надолго ли меня хватит, чтобы обеспечивать хотя бы такое освещение. Он же мог снабжать энергией все это огромное поместье, даже когда спал.

– Но ты остановила его.

– Потому что он не догадывался о моих способностях. Я вела себя так, чтобы не дать ему повода заподозрить неладное. Поэтому он не обращал на меня особого внимания. Сосредоточился Бандер исключительно на тебе, Тревайз, – потому что ты был вооружен. Смотри, как нам опять помогла твоя привычка вооружаться. А мне осталось только уловить момент и обезвредить его одним быстрым и неожиданным ударом. Когда он был готов убить нас, когда все его внимание сосредоточилось только на тебе – только тогда я смогла нанести удар.

– Красиво у тебя получилось.

– Откуда в тебе столько жестокости, Тревайз? Ведь я хотела только остановить его, заблокировать работу его преобразователей. Я рассчитывала, что захвачу его врасплох – собиралась воздействовать на него, как только он начал бы, как обещал, подогревать нас на медленном огне и обнаружил бы, что не может этого сделать. Тогда я заставила бы его крепко и надолго уснуть и ослабила бы действие его мозговых преобразователей. Тогда энергоснабжение поместья не прекратилось бы и мы бы смогли выбраться отсюда, найти корабль и покинуть планету. Я надеялась сделать так, что, когда он проснулся бы, то забыл бы обо всем, что случилось с того момента, как он увидел нас. У Геи нет стремления убивать, если добиться желаемого можно иным способом.

– Что же случилось, Блисс? – осторожно спросил Пелорат.

– Я никогда не встречала ничего похожего на эти преобразователи энергии, а времени разбираться и изучать их работу у меня не было. Я просто нанесла сильный блокирующий удар, и, как видите, получилось не то, чего я хотела. Я заблокировала не подвод энергии к долям мозга Бандера, а отвод ее. Энергия непрерывно вливается в преобразователи с ужасающей скоростью, но, как правило, мозг охраняет себя, столь же быстро отдавая энергию. А как только я заблокировала отвод, энергия моментально переполнила доли мозга, и в доли секунды температура его поднялась до точки, при которой белковое вещество мозга стремительно разлагается, – и Бандер умер. Свет погас, я немедленно прекратила блокаду, но, как оказалось, поздно.

– По-моему, ты сделала все, что могла, дорогая, – сказал Пелорат.

– Что толку в рассуждениях, если я совершила убийство?

– Бандер сам собирался убить нас, – напомнил Тревайз.

– Ему надо было помешать, убивать его я не хотела.

Тревайз задумался. Он не хотел выказывать растущего нетерпения, потому что боялся еще больше огорчить Блисс, которая теперь была их единственной защитой во враждебном мире.

– Блисс, хватит печалиться о Бандере. Надо думать о будущем, – сказал он. – Поскольку он мертв, энергоснабжение поместья прекратилось. Это будет замечено – и скорее рано, чем поздно, – другими соларианами. Они будут вынуждены разобраться в чем дело. Я не думаю, что ты сможешь сдержать их объединенную атаку. И, как ты сама призналась, ты не способна долго поддерживать ограниченный приток энергии, который сейчас генерируешь. Поэтому нам необходимо незамедлительно вернуться на поверхность и на корабль.

– Но как нам это сделать, Голан? – недоуменно спросил Пелорат. – До поверхности многие километры извилистых проходов. Похоже, здесь, внизу, целый лабиринт. Что касается меня, то я понятия не имею, куда идти, чтобы выбраться на поверхность. У меня всегда было плохо с ориентацией.

Оглядевшись по сторонам, Тревайз понял, что Пелорат прав.

– Думаю, должно быть несколько выходов на поверхность, – сказал он, – и нам не обязательно искать именно тот, через который мы вошли.

– Но мы не знаем, где другие выходы. Как же мы найдем их?

Тревайз вновь повернулся к Блисс:

– Можешь ли ты при помощи своих ментальных способностей помочь нам найти выход?

– Роботы повсюду бездействуют. Я чувю прямо над нами какой-то тихий шелест. Это что-то живое, но не обладающее разумом. Однако это всего лишь доказательство, что поверхность планеты наверху, а это мы и так знаем.

– Ну, тогда нам остается только искать выход, – вздохнул Тревайз.

– Наугад? – ужаснулся Пелорат. – Так нам никогда не удастся выбраться.

– Удастся, Джен, – сказал Тревайз. – Если мы будем искать, то появится пусть и небольшой, но шанс. Что еще остается? Оставаться здесь? Тогда уж нам точно никогда не выбраться. Пошли. Маленький шанс все-таки лучше, чем ничего.

– Подождите, – сказала Блисс. – Я что-то чувствую.

– Что?

– Сознание.

– Разумного существа?

– Да. Но не очень развитого, похоже. Правда, кое-что я чувствую очень отчетливо.

– Что? – с трудом сдерживаясь, спросил Тревайз.

– Страх! Невыносимый страх! – прошептала Блисс.

53

Тревайз обескураженно огляделся. Он знал, как они сюда вошли, но не надеялся, что вспомнит проделанный путь. Он ведь не обращал внимания на повороты и извивы коридоров. Кто мог подумать, что им придется возвращаться одним, без посторонней помощи и почти в полной темноте?

– Думаешь, тебе удастся оживить машину, Блисс? – спросил Тревайз.

– Уверена, что удастся, но я не умею управлять ею.

– Наверное, Бандер управлял ею мысленно, – заметил Пелорат.

– Я видел – он ни к чему не прикасался, пока мы ехали.

– Да, – согласилась Блисс, – он делал это мысленно, Пел, – но как? Но даже если бы он вел машину руками, нам это не помогло бы. Ведь я не знаю, как пользоваться механизмом управления.

– Ты можешь попытаться, – возразил Тревайз.

– Если я попытаюсь, мне придется целиком отдаться этому занятию, и тогда я вряд ли смогу поддерживать освещение. В темноте от машины толку не будет, даже если я научусь управлять ею.

– Значит, мы должны идти пешком?

– Боюсь, что так.

Тревайз взгляделся в густую непроницаемую тьму, лежащую сразу за крутом тусклого света. Он не услышал и не увидел ничего.

– Блосс, ты все еще чувствуешь чей-то страх?

– Да.

– Можешь сказать, где это? Можешь привести нас туда?

– Ментальное чувство идет по прямой. Мысленные волны не ослабляются обычной материей, так что я могу сказать точно. Ощущение исходит оттуда. – Она указала на светящееся на стене пятнышко и добавила: – Но мы не можем пройти сквозь стену. Лучшее, что мы можем сделать, – пойти по коридору и попытаться найти ход, ведущий приблизительно в направлении источника ощущения. Короче, мы должны сыграть в «горячо-холодно».

– Тогда пошли скорее.

– Постой, Голан, – Пелорат покачал головой. – Мы действительно хотим найти это существо, кем бы оно ни было? Если оно испугано, может статься, что у нас тоже появится причина для страха.

– У нас нет выбора, Джен. – Тревайз нетерпеливо мотнул головой. – Это разум. Испуган его владелец или нет, он может – или будет вынужден – показать нам путь вверх.

– И что же, мы так и бросим Бандера здесь? – растерянно спросил Пелорат.

– Послушай, Джен, – сказал Тревайз, схватив друга за локоть, – у нас нет выбора. Пройдет время, и какой-нибудь солярианин оживит здесь все. Роботы найдут Бандера и позаботятся о нем – искренне надеюсь, что это случится не раньше, чем мы окажемся далеко отсюда – и в безопасности.

Тревайз предоставил Блосс самой выбирать дорогу. Рядом с ней свет разгорался ярче, а она останавливалась перед каждой дверью, перед каждым разветвлением коридора, пытаясь отыскать дорогу к тому месту, откуда исходил страх. Порой она входила в дверь, поворачивала за угол, а потом снова возвращалась и опять искала дорогу, и Тревайз не в силах был помочь ей. Каждый раз, когда Блосс уверенно шагала в том или ином направлении, свет двигался впереди нее. Тревайз заметил, что он казался теперь намного ярче – то ли потому, что глаза привыкли к полумраку, то ли потому, что Блосс лучше научилась управлять преобразованием энергии. Проходя мимо металлического стержня, уходящего вниз, в недра планеты, Блосс положила на него руку – и свет стал намного ярче. Явно довольная собой, она кивнула.

Все казалось незнакомым. Похоже, они шли по той части запутанного подземного лабиринта, в которой еще не были.

Тревайз пытался обнаружить коридоры, ведущие вверх, и поглядывал на потолки в поисках потайного люка. Однако ничего подобного им не встречалось, и неизвестно кому принадлежащий испуганный разум оставался их единственной надеждой на спасение.

Все трое молчали. Тишину нарушал лишь звук шагов; они шли и шли сквозь мрак в круге тусклого света, сквозь смерть, – здесь все было мертво, кроме них самих. Порой они различали во мраке призрачные фигуры, замершие сидя и стоя. Один робот лежал на боку. Руки и ноги его были странно скрючены. Потерял равновесие, подумал Тревайз, когда прекратилась подача энергии, и упал. Бандер, живой или мертвый, уже не мог влиять на силу притяжения. Наверное, во всем огромном поместье Бандера роботы стояли и валялись в бездействии, и скоро это будет замечено.

А может, и не будет, внезапно подумал Тревайз. О том, что кто-то из них должен скоро умереть от старости и физического истощения, соляриане наверняка знали заранее. И вся планета была обеспокоена и готова к этому событию. Бандер же умер внезапно, в самом расцвете сил. Кто мог знать об этом, ожидать этого? Кто мог заметить, что в поместье прекратилась всякая жизнь?

Нет. Нет. Тревайз отменил оптимистическое убаюкивание – оно могло привести к ненужной самоуверенности. Соляриане могут заметить полное отсутствие активности в поместье Бандера и быстро принять соответствующие меры. Все они слишком заинтересованы в успешном функционировании поместья и вряд ли останутся равнодушными, заметив неладное.

– Вентиляция отключилась, – тоскливо пробормотал Пелорат. – Такое место обязательно должно вентилироваться, Бандер обеспечивал это своей энергией. Теперь все остановилось.

– Ничего страшного, Джен, – отозвался Тревайз. – Здесь, в пустом подземелье, воздуха хватит не на один год.

– Все равно. Психологически невыносимо.

– Пожалуйста, Джен, не хватало тебе еще заболеть клаустрофобией. Блисс, мы хоть немного продвинулись к цели?

– Значительно, Тревайз. Ощущение сильнее, и я уточнила расположение источника.

Блисс шла вперед все уверенней и реже задерживалась по пути.

– Здесь! Здесь! – воскликнула она наконец, – Я очень хорошо чувствую!

– Теперь и я чувствую. Точнее – слышу, – сухо заметил Тревайз.

Все трое остановились и безотчетно затаили дыхание. Стал слышен тихий плач, прерываемый всхлипами.

Они вошли в большую комнату и, когда стало светлее, увидели, что она, в отличие от всех прежде виденных, богато и броско обставлена.

В центре комнаты стоял робот. Он немного наклонился вперед, вытянув руки, словно хотел кого-то обнять.

Из-за робота послышался шелест одежды. Выглянул чей-то круглый, испуганный глаз. Душераздирающие рыдания звучали, не прекращаясь.

Тревайз направился было к роботу, но стоило ему приблизиться, как сбоку с пронзительным криком выскочила маленькая фигурка. Существо споткнулось, упало, закрыло глаза и, продолжая кричать, стало колотить по полу ногами, словно отбиваясь от кого-то.

– Это ребенок! – воскликнула Блисс, но это и так было ясно.

54

Тревайз, пораженный до глубины души, отшатнулся. Что здесь мог делать ребенок? Бандер так гордился своим абсолютным уединением, так пекся об этом...

Пелорат, менее склонный отказываться от логики в странных ситуациях, нашел ответ сразу:

– Видимо, это наследник.

– Ребенок Бандера, – согласилась Блисс, – но, видимо, слишком маленький, чтобы стать наследником. Соляриане должны будут найти другого.

Она смотрела на ребенка, но не сердито, а нежно, гипнотизирующе, и постепенно рыдания утихли. Он открыл глаза и посмотрел на Блисс, изредка тихо всхлипывая.

Блисс стала говорить ему ласковые слова, не особо наполненные смыслом, но усиливающие успокаивающее действие потока ее мыслей. Казалось, она ментально прикасается к незнакомому ей сознанию ребенка и старается пригладить взерошенные эмоции.

Через некоторое время, не отрывая взгляда от Блисс, ребенок поднялся, мгновение постоял, покачиваясь на месте, потом бросился к безмолвному, оцепеневшему роботу и обнял его мощную ногу, словно само прикосновение было надеждой на защиту.

– Наверное, этот робот – его нянька или гувернер, – сказал Тревайз, – Думаю, солярианин не стал бы заботиться о другом солярианине, даже родитель ребенка.

– А я думаю, – заявил Пелорат, – что ребенок – гермафродит.

– Кем он еще может быть, – согласился Тревайз.

По-прежнему не спуская глаз с ребенка, Блисс медленно пошла к нему, вытянув руки ладонями вперед, словно показывая, что у нее нет намерения схватить малыша. Ребенок молчал, глядя на Блисс, только крепче вцепился в ноту робота.

– Ну-ну, детка теплый, маленький... все хорошо... не страшно... детка... не бойся... не бойся, – тихо приговаривала Блисс.

Остановившись и не оглядываясь, она негромко попросила:

– Пел, поговори с ним на его языке. Скажи, что мы роботы и пришли позаботиться о нем, потому что отключилась энергия.

– Роботы?! – испуганно воскликнул Пелорат.

– Мы должны притвориться роботами. Он не боится их. Он ведь никогда не видел

человека – может быть, даже не имеет понятия о существовании людей.

– Не знаю, смогу ли я подобрать нужные слова... – смутился Пелорат. – Я не знаю древнего эквивалента слова «робот».

– Тогда говори просто «робот», Пел. Если это не сработает, попытайся сказать «металлическое существо». Скажи, что сможешь.

Медленно, подбирая слова, Пелорат начал что-то говорить на древнем языке. Ребенок взглянул на него, напряженно нахмурившись, словно пытался понять.

– Можешь еще спросить его, как выбраться отсюда, раз уж на то пошло, – сказал Тревайз.

– Нет, Пока рано, – вмешалась Блисс, – сперва – доверие, потом – вопросы.

Ребенок, который теперь смотрел на Пелората, нерешительно отпустил ногу робота и заговорил высоким музыкальным голосом.

– Он говорит слишком быстро. Не успеваю, – расстроился Пелорат.

– Попроси его повторить помедленней, – предложила Блисс. – А я пока успокою его.

Пелорат снова выслушал ребенка и сказал:

– Похоже, он спрашивает, почему Джемби остановился. Должно быть, этого робота так зовут.

– Проверь и убедись в этом, Пел.

Пелорат сказал что-то, выслушал ответ и заключил:

– Да, Джемби – робот. А ребенка зовут Фаллом.

– Хорошо! – Блисс ласково и весело улыбнулась ребенку, показала на него и проговорила:

– Фаллом. Хороший Фаллом. Храбрый Фаллом. – Потом положила руку себе на грудь: – Блисс.

Ребенок улыбнулся. Улыбка была ему очень к лицу.

– Блисс, – повторил он, чуточку пришепetyвая.

– Блисс, – обратился к ней Тревайз, – если бы ты могла оживить этого робота, Джемби, может быть, он сумел бы показать нам дорогу наверх. Пелорат сможет поговорить с ним так же, как с ребенком.

– Нет, – ответила Блисс. – Этого делать нельзя. Главная обязанность робота – защищать дитя. Если он заработает, то тут же обнаружит наше присутствие – присутствие чужих людей, и тогда может немедленно напасть на нас. Здесь не должно быть чужих. Если мне потом придется отключить его, мы никаких сведений не получим, а ребенок, увидев, что снова остановился его любимый робот – единственный родитель, которого он знает... Короче, я этого делать не буду.

– Но ведь нам говорили, что роботы не могут причинить зла человеку, – осторожно возразил Пелорат.

– Да, нам так говорили, – отозвалась Блисс, – но мы не знаем, каких именно роботов производят соляриане. И даже если этот робот не способен причинить зло, ему пришлось бы сделать выбор между ребенком и тремя существами, которые, по его понятиям, для него и не люди вовсе, а просто чужие – воры, убийцы, да мало ли кто. Естественно, он предпочтет защитить ребенка и нападет на нас. – Блисс снова обратилась к ребенку. – Фаллом, – сказала она, – Блисс, – И, показав на остальных, назвала их имена: – Пел... Трев.

– Пел, Трев, – послушно повторил ребенок. Блисс подошла поближе, заботливо протянув руки к ребенку. Тот следил за ней и отступил на шаг.

– Спокойно, Фаллом, – приговаривала Блисс. – Хороший Фаллом. Иди ко мне, Фаллом. Умница, Фаллом.

Ребенок шагнул к ней, и Блисс снова похвалила его:

– Умница, Фаллом.

Она нежно коснулась обнаженной руки Фаллома – он, как и его родитель, был одет только в тунику с вырезом на груди и набедренную повязку. Блисс отняла руку, подождала и снова прикоснулась к руке Фаллома, тихо поглаживая ее.

Ребенок прикрыл глаза. Ментальное поле Блисс явно действовало на него успокаивающе.

Блисс медленно, нежно вела руками, едва касаясь кожи, вверх к плечам ребенка, шее, ушам, затем – под длинные русые волосы немного выше ушей.

Опустив руки, она сообщила:

– Преобразователи энергии еще невелики. Соответствующие части черепных костей еще

не развились. Пока у него здесь только ороговевший слой кожи, который постепенно разрастется и заменится костью, после того как соответствующие доли мозга полностью разовьются. Это означает, что ребенок пока не может управлять энергией на территории поместья и даже оживить своего личного робота. Спроси, сколько ему лет, Пел.

– Ему четырнадцать, если я правильно понял, – ответил Пелорат после переговоров с Фалломом.

– А выглядит на одиннадцать, – заметил Тревайз.

– Длительность года на этой планете может не соответствовать Стандартному Галактическому, – предположила Блисс, – И потом, вспомните, считалось, что космониты жили дольше. Если соляриане подобны в этом другим космонитам, у них может быть длиннее и период развития. Тут по возрасту судить трудно.

– Довольно антропологии, – сказал Тревайз, нетерпеливо прищелкнув языком. – Мы должны выбраться на поверхность, а пока мы тут возимся с ребенком, время уходит без толку. Вряд ли он знает дорогу наверх. Скорее всего, никогда и не бывал там.

– Пел! – воскликнула Блисс.

Пелорат понял, чего она хочет, и завел с Фалломом довольно длинный разговор.

– Ребенок знает, что такое солнце, – сообщил он наконец. – Говорит, что видел его. Я думаю, он видел и деревья. Он вроде бы не очень понимает, что означает это слово – или, по крайней мере, то слово, которое я использовал...

– Хорошо, Джен, – кивнул Тревайз, – только не тяни.

– Я сказал Фаллону, что, если он сможет вывести нас наружу, мы, наверное, сумеем включить робота. То есть, если точнее, я сказал, что мы сумеем его включить. Как вы думаете, мы сумеем?

– Об этом позже. Он сказал, что проведет нас?

– Да. Я подумал, что ребенок сделает это с большей охотой, понимаешь, если я пообещаю включить робота. Но мы рискуем его разочаровать...

– Пошли, – сказал Тревайз, – пора наверх. Все это останется болтовней, если нас схватят здесь, в подземелье.

Пелорат что-то сказал ребенку. Тот двинулся с места, но тут же остановился и оглянулся на Блисс.

Блисс взяла его за руку, и дальше они пошли вместе.

– Я – новый робот, – сказала она, улыбаясь.

– Похоже, ему это нравится, – заметил Тревайз, Фаллом вприпрыжку шел по коридорам, и у Тревайза мелькнула мысль: был ли ребенок счастлив только из-за того, что над ним поработала Блисс, или он волновался потому, что хотел оказаться наверху, а может быть, радовался, что у него теперь целых три новых робота, а может, был счастлив от того, что его приемный отец Джемби снова будет с ним. Впрочем, все это не имело значения – по крайней мере сейчас, пока Фаллом вел их наружу.

Казалось, ребенок знал дорогу. Там, где коридоры скрещивались, он без колебания выбирал поворот. Знал ли он действительно, куда идти, или это просто было ему совершенно безразлично? Может, он просто играл, сам не понимая, куда и зачем идет?

Однако довольно скоро Тревайз почувствовал, что запыхался. Они точно шли вверх. Ребенок, сосредоточенно подпрыгивая, вдруг остановился, указал куда-то перед собой и что-то быстро залопотал.

Тревайз взглянул на Пелората, Тот откашлялся и перевел:

– Думаю, он сказал «дверь».

– Надеюсь, ты думаешь правильно, – буркнул Тревайз.

Ребенок отпустил руку Блисс, пробежал немного и показал на участок пола, более темный, чем соседние, Фаллом встал на темный квадрат, подпрыгнул несколько раз, потом обернулся и что-то капризно пронзительно проверещал.

– Я должна передать ему энергию, – поморщилась Блисс. – Как я устала.

Ее лицо слегка покраснело. Свет померк, и прямо перед Фалломом открылась дверь. Он радостно рассмеялся.

Ребенок выбежал, мужчины последовали за ним. Блосс вышла последней и обернулась. Свет внутри погас, дверь закрылась. Блосс постояла, чтобы отдышаться. Вид у нее был утомленный.

– Ну, – сказал Пелорат, – вот мы и вышли. Где же корабль?

Окрестности были погружены в тихие сумерки. – Мне кажется, – пробормотал Тревайз, – что он где-то там.

– Мне тоже так кажется, – сказала Блосс. – Пошли? – и она протянула руку Фаллону.

Было тихо. Только ветер шелестел травой, и где-то далеко бродили и перекликались звери. В одном месте путники прошли мимо робота, неподвижно застывшего у дерева и державшего в руках какой-то странный предмет.

Пелорат шагнул было к роботу, но Тревайз резко остановил его.

– Это не наше дело, Джен. Вперед.

Издалека они увидели еще одного робота. Этот лежал на земле ничком.

– Сколько же их тут валяется... – пробормотал Тревайз и тут же победно воскликнул: – А вот и корабль!

Все зашагали быстрее, но вскоре резко остановились. Фаллом возбужденно вскрикнул.

Рядом с кораблем стояло нечто, напоминающее примитивное воздушное судно – с винтом, ужасно неказистое и к тому же хрупкое на вид. У судна, загородив дорогу маленькому отряду пришельцев, стояли четыре человеческие фигуры.

– Поздно, – пробормотал Тревайз, – мы потеряли слишком много времени. Ну, что теперь?

– Четыре солярианина? – удивился Пелорат. – Не может быть! Ведь они не могут вступать в физический контакт. Может быть, это голографические образы?

– Они абсолютно материальны, – сказала Блосс. – Я уверена. Впрочем, это не соляриане. Судя по типу сознания, это роботы.

55

– Ну, тогда вперед! – устало сказал Тревайз и уверенно зашагал к кораблю. Остальные последовали за ним.

– Что ты намерен делать? – задыхаясь, спросил Пелорат.

– Если они роботы, то должны подчиниться приказам.

Роботы ждали людей, а Тревайз на ходу разглядывал их все внимательнее.

Да, это были роботы. Их лица, казавшиеся покрытыми кожей, были лишены всякого выражения. Роботы были одеты в форму, закрывавшую все тело, кроме лица. Даже руки скрывали тонкие, но плотные перчатки.

Тревайз попытался жестами дать понять роботам, чтобы те отошли в сторону.

Но роботы не сдвинулись с места.

Тогда он тихонько сказал Пелорату:

– Прикажи им, Джен. Да построже.

Пелорат откашлялся и непривычным баритоном медленно произнес несколько слов, показывая в сторону, как перед этим Тревайз. Один из роботов, который был чуть выше других, что-то ответил бесстрастным грудным голосом.

Пелорат повернулся к Тревайзу:

– Я думаю, он сказал, что мы пришельцы.

– Скажи ему, что мы – люди и нас нужно слушаться.

Неожиданно робот ответил на искаженном, но понятном галактическом:

– Я понимаю тебя, пришелец. Я говорю на галактическом. Мы – роботы Охраны.

– Значит, вы слышали, что мы – люди, а вы, следовательно, должны выполнять наши приказы.

– Мы запрограммированы на подчинение только Правителям, пришелец. Вы не Правители и не соляриане. Правитель Бандер не отзывался в обычное время Контакта, и мы прибыли, чтобы узнать в чем дело. Это наш долг. Мы обнаружили несолярианский космический корабль,

наличие нескольких пришельцев и то, что роботы Бандера выведены из строя. Где находится Правитель Бандер?

Тревайз покачал головой и медленно, отчетливо проговорил:

– Мы не знаем ничего из того, о чем вы говорите. Наш корабельный компьютер не в порядке. Мы оказались около этой незнакомой планеты не по своей воле и совершили посадку, чтобы установить свое местоположение. Все роботы уже бездействовали. Мы понятия не имеем о том, что тут могло произойти.

– Это неправдоподобное объяснение. Если все роботы поместья не действуют и вся энергия отключена, Правитель Бандер, должно быть, мертв. Нелогично предполагать, что по какому-то совпадению он умер в тот самый момент, когда вы приземлились. Здесь должна быть какая-то причинно-следственная связь.

Тревайз попытался запутать роботов, сделав вид, что он понятия не имеет, что произошло. Он пожал плечами и сказал:

– Но энергия не отключена. Вы же действуете.

– Мы – роботы Охраны, – ответил робот. – Мы не принадлежим никому из Правителей. Мы принадлежим всей планете. Правители нас не контролируют, а энергию мы получаем от атомных элементов. Я вновь спрашиваю: где находится Правитель Бандер?

Тревайз оглянулся. Пелорат явно испугался. Блисс крепко сжала губы, но казалась спокойной. Фаллом весь дрожал, но рука Блисс коснулась его плеча, и он замер.

– Последний раз спрашиваю: где Правитель Бандер? – повторил робот.

– Не знаю, – мрачно ответил Тревайз.

Робот кивнул, и двое его спутников быстро ушли. Он пояснил:

– Мои товарищи, Охранники, общут особняк. А вы будете задержаны для допроса. Передай мне вещи, которые висят у тебя на поясе.

Тревайз отступил назад.

– Они не опасны.

– Стой и не двигайся. Я не спрашиваю, опасны они или нет. Я попросил отдать их.

– Нет.

Робот резко шагнул вперед и выбросил вперед руку так быстро, что Тревайз не успел понять, что случилось. Рука робота легла ему на плечо и сильно надавила – Тревайз упал на колени.

– Вещи! – произнес робот и протянул другую руку.

– Нет, – прохрипел Тревайз.

Блисс бросилась к нему, выхватила его бластер из кобуры – робот крепко держал Тревайза, тот не смог помешать ей – и протянула бластер роботу.

– Возьмите, Охранник, – сказала она, – подождите... возьмите и это. А теперь отпустите моего спутника.

Взяв оружие, робот шагнул назад, а Тревайз медленно поднялся, растирая левое плечо и морщась от боли.

Фаллом тихо хныкал. Пелорат растерянно обнял ребенка и прижал к себе.

– Зачем ты сопротивлялся? – гневно прошептала Блисс. – Он мог убить тебя одним пальцем.

Тревайз тяжело вздохнул и процедил сквозь зубы:

– А ты почему не помешала ему?

– Я пытаюсь. Но на это нужно время. Его сознание устойчиво, жестко запрограммировано и не поддается внешнему воздействию. Я должна изучить его. Попытайся выиграть время.

– Не надо его изучать. Просто уничтожь и все, – почти беззвучно проговорил Тревайз.

Блисс незаметно взглянула на робота. Тот внимательно разглядывал оружие, а его напарник просто смотрел на пришельцев. Казалось, их обоих нисколько не интересует перешептывание Тревайза и Блисс.

– Нет. Никаких уничтожений. Мы убили одну собаку и ранили другую на предыдущей планете. Что случилось здесь, ты отлично знаешь. – Блисс снова бросила быстрый взгляд на охранников. – Гея не уничтожает жизнь и разум бессмысленно. Мне необходимо время, чтобы

проделать это мирно.

Она шагнула назад, пристально глядя на робота.

– Это – оружие, – произнес робот.

– Нет, – возразил Тревайз.

– Да, – сказала Блисс, – но оно больше не действует. Оно лишено энергии.

– Это действительно так? Почему же вы носите оружие, в котором нет энергии? А может, она еще есть? – Робот зажал в кулаке рукоятку нейрохлыста и осторожно положил палец на гашетку. – Таким образом оно включается?

– Да, – подтвердила Блисс, – если нажать сильнее, оно могло бы включиться, будь в нем заряд энергии. Но его там нет.

– Это точно? – Робот прицелился в Тревайза. – Так ты говоришь, что, если я нажму сейчас, оно не сработает?

– Оно не может сработать, – ответила Блисс. Тревайз застыл на месте, лишившись дара речи.

После того как Бандер разрядил бластер, он проверял его и убедился, что оружие обезврежено, но робот держал нейрохлыст. Его Тревайз не проверил.

Если там осталась хоть капля энергии, ее может оказаться достаточно для стимуляции болевых рецепторов, и тогда железная хватка робота покажется дружеским похлопыванием по плечу по сравнению с тем, что почувствует Тревайз.

В пору муштры в академии флота Тревайза подвергали слабому нейроудару, как и всех курсантов. Это делали для того, чтобы курсанты получили представление о том, что при этом чувствуют люди. Тревайз не горел желанием испытать это еще раз.

Робот нажал на гашетку, и на мгновение Тревайз болезненно напрягся – и медленно расслабился. Хлыст тоже был полностью разряжен.

Робот посмотрел на Тревайза и отбросил оружие в сторону.

– Как оно оказалось разряженным? – спросил робот. – Если оно бесполезно, зачем ты носил его?

– Я привык и носил его просто так.

– Это бессмысленно. Вы все арестованы и будете задержаны для допроса. Если Правители решат, впоследствии вы будете уничтожены. Как открывается корабль? Мы должны обыскать его.

– Это вам ничего не даст, – сказал Тревайз. – Вы ничего там не поймете.

– Если не я, то Правители поймут.

– Они тоже не поймут.

– Тогда ты объяснишь так, чтобы они поняли.

– Нет.

– Тогда вас уничтожат.

– Это вам не поможет. Впрочем, я думаю, что меня уничтожат, даже если я все объясню.

– Продолжай в том же духе, – пробормотала Блисс, – я начинаю разбираться в работе его мозга.

Робот не обращал на Блисс никакого внимания. («Ее это работа или нет?» – думал Тревайз и страстно на это надеялся.)

Обращаясь исключительно к Тревайзу, робот проговорил:

– Если вы станете сопротивляться, то мы уничтожим вас частично. Мы повредим вас, и тогда вы скажете нам то, что мы хотим знать.

– Подождите! – воскликнул Пелорат каким-то страшным сдавленным голосом. – Вы не можете сделать этого! Охранник, вы не имеете права!

– Я получил точные инструкции, – хладнокровно отозвался робот, – и могу сделать это. Безусловно, я нанесу вам настолько незначительные повреждения, насколько будет необходимо для получения нужных сведений.

– Но вы все равно не имеете права! Никакого! Я – чужестранец, как и двое моих спутников. Но этот ребенок, – Пелорат взглянул на Фаллома, которого прижимал к себе, – солярианин. Он скажет вам, что делать, и вы должны подчиниться.

Фаллом взглянул на Пелората круглыми, ничего не понимающими глазами.

Блисс резко качнула головой, но Пелорат явно ее не понял.

Робот перевел взгляд на Фаллома.

– Ребенок не имеет никакого значения, – сказал он. – У него нет мозговых преобразователей.

– Эти преобразователи у него пока полностью не развиты, – сказал Пелорат, – но со временем разовьются. Это солярианский ребенок.

– Это ребенок, но пока его преобразователи не развиты полностью, он не солярианин. Я не обязан ни выполнять его приказы, ни оберегать его от опасности.

– Но это отпрыск Правителя Бандера.

– Неужели? Откуда вам это известно?

– К-какой другой ребенок мог бы оказаться в его поместье? – заикаясь, как это порой с ним случалось в минуты горячности, выговорил Пелорат.

– Откуда ты знаешь, что их здесь не десяток?

– А вы видели других?

– Здесь я задаю вопросы!

В этот момент робота отвлек его спутник, коснувшись его руки. Двое роботов, посланных в особняк, бежали обратно – быстро, но как-то неровно.

До тех пор пока они не приблизились, все молчали. Подбежав, один из роботов что-то сказал по-соляриански. Это известие вызвало странную реакцию – казалось, из всех четверых выпустили воздух.

– Они нашли Бандера, – догадался Пелорат, прежде чем Тревайз успел дать ему знак молчать.

Робот медленно повернулся и сказал, растягивая слоги:

– Правитель Бандер мертв. Из того, что ты сейчас сказал, нам ясно, что вы знали об этом. Как это произошло?

– Откуда мне знать? – огрызнулся Тревайз.

– Вы знали, что он мертв. Вы знали, что его найдут. Откуда бы вы знали это, если не вы лишили его жизни?

Робот уже говорил, как обычно. Он справился с шоком и приспособился к изменившейся обстановке.

– Как бы, интересно, мы могли убить Бандера? – ответил Тревайз вопросом на вопрос. – С помощью мозговых преобразователей он мог в мгновение ока уничтожить нас.

– Откуда ты знаешь, что могут и чего не могут мозговые преобразователи?

– Вы только что упомянули о них.

– Не более чем упомянул. Я не описал их свойства и способности.

– Знание пришло к нам во сне.

– Это неправдоподобный ответ.

– Предположение, что мы явились причиной смерти Бандера, тоже неправдоподобно, – заявил Тревайз.

– В любом случае, – добавил Пелорат, – если Правитель Бандер мертв, значит, нынешний хозяин поместья – Правитель Фаллом. Здесь находится Правитель, и вы должны подчиняться ему.

– Я уже объяснял, – сказал робот, – что отпрыски с недоразвитыми преобразователями – не соляриане. Он не может быть наследником, и как только мы сообщим всем печальную новость, сюда прибудет другой наследник подходящего возраста.

– А Правитель Фаллом?

– Он не Правитель Фаллом. Он всего лишь ребенок, а у нас – избыток детей. Он будет уничтожен.

– Вы не посмеете! Это ребенок! – яростно воскликнула Блисс.

– Не обязательно мне придется это сделать, – пояснил робот, – и уж, конечно, не я приму такое решение. Все будет так, как решат Правители. Однако сейчас детей слишком много, и я могу предположить, какое решение ими будет принято.

– Нет! Говорю зам – нет!

– Это будет безболезненно... А вот и другой воздухолет. Теперь мы должны пойти в бывший особняк Бандера и связаться по головизору с Советом, который назначит наследника и решит, что с вами делать. Дайте мне этого ребенка.

Блисс вырвала Фаллома, который, похоже, был в полубоморочном состоянии, из рук Пелората и крепко обняла ребенка.

– Не прикасайтесь к нему!

Робот выбросил вперед руку и шагнул к Фаллому. Опередив его, Блисс тоже шагнула вбок. Робот продолжал двигаться, словно Блисс все еще стояла перед ним, И вдруг, судорожно согнувшись, он повалился ничком. Трое его спутников стояли как каменные и смотрели прямо перед собой пустыми глазами.

Блисс горько и гневно заплакала.

– Я уже... почти поняла... как ими управлять, но мне не хватило времени... У меня не было выбора... пришлось отключить их и теперь все четверо... бездействуют. Пойдемте скорее на корабль, пока не подоспели другие. Я слишком устала и не перенесу новой встречи с роботами.

Часть пятая Мельпомена

Глава тринадцатая Прочь от Солярии

56

Дальше все было, как во сне. Тревайз подобрал свое бесполезное оружие, открыл люк, и все ввалились внутрь. До тех пор пока корабль не взлетел, Тревайз даже не заметил, что вместе с ними на борту находится Фаллом.

Они, вероятно, не успели бы взлететь вовремя, если бы соляриане не были такими профанами в воздухоплавании. Их космический аппарат словно завис в воздухе. А компьютер «Далекой звезды» практически мгновенно поднял гравилет ввысь.

И хотя присутствие гравитационного взаимодействия, а следовательно, и инерции от сопротивления воздуха устраняло неизбежные в ином случае и непереносимые эффекты ускорения, которые сопутствовали бы такому стремительному взлету, деваться было некуда. Температура обшивки росла явно быстрее, чем это допускали нормы космофлота да и сама конструкция корабля.

Корабль уже взлетел, когда неуклюжее солярианское судно приземлилось. Потом подлетело еще несколько таких же. Тревайз подумал о том, сколько роботов могла бы еще вывести из строя Блисс, и решил, что их всех наверняка схватили бы, пробудь они на поверхности Солярии еще минут пятнадцать.

Выйдя в космос (точнее, в сильно разреженные слои атмосферы), Тревайз переместил корабль на ночную сторону планеты. Поскольку они поднялись с поверхности в сумерках, лететь пришлось совсем недолго. В темноте «Далекая звезда» могла бы остыть быстрее. Вскоре корабль стал уходить от планеты по широкой спирали.

Пелорат вышел из каюты, которую делил с Блисс.

– Ребенок крепко спит, – сообщил он. – Мы показали ему, как пользоваться туалетом, и он понял это без особого труда.

– Ничего удивительного. У них в особняке должны были быть подобные удобства.

– Я не нашел, хотя и искал, – с чувством сказал Пелорат. – Мы очень даже вовремя вернулись на корабль.

– Да уж. И не только в смысле туалета. Но зачем мы захватили на борт ребенка?

Пелорат смущенно пожал плечами:

– Блосс не оставила бы его, как будто хотела спасти чью-то жизнь взамен той, которую забрала. Она не может вынести...

– Знаю.

– Очень странный ребенок.

– Ясно, ведь он гермафродит.

– Представляешь, у него есть яички.

– Вряд ли он смог бы обойтись без них.

– И еще что-то вроде маленького влагалища.

– Отвратительно, – скривился Тревайз.

– Вовсе нет, Голан, – запротестовал Пелорат. – Все приспособлено к его нуждам. Он может произвести на свет оплодотворенную яйцеклетку или очень маленький зародыш, который затем развивается в лабораторных условиях, опекаемый, осмелюсь предположить, роботами.

– А что случится, если их роботизированная система даст сбой? Если это произойдет, они больше не смогут получать жизнеспособное потомство.

– Любой мир может оказаться в беде, если его социальная структура совершенно разрушится.

– Честно говоря, я не стану рыдать и рвать на себе волосы, если у соляриан такое случится.

– Ну, – сказал Пелорат, – я согласен, эта планета не особенно симпатична – для нас, я имею в виду. Но этому виной люди и социальная структура. Да, там все не так, как у нас, дружок. Убери людей и роботов, и ты получишь планету, которая иначе бы...

– Рассыпалась бы в порошок, как Аврора, – закончил за него Тревайз. – Как там Блосс, Джен?

– Боюсь, она просто в изнеможении. Сейчас спит. Всем пришлось очень худо, Голан.

– Я тоже не в восторге от пережитого. Тревайз закрыл глаза и решил, что неплохо бы ему вздремнуть. Он еще не был уверен окончательно, что соляриане не догонят их в космосе, но пока компьютер ничего не сообщал о наличии искусственных объектов в окружающем корабль пространстве.

Он с горечью вспомнил об обеих космонитских планетах, которые они посетили. Злобные дикие псы – на одной, враждебные гермафродиты-отшельники – на другой, и ни малейшего намека на местоположение Земли. Единственный трофей, добытый в результате двух визитов, – это Фаллом.

Тревайз открыл глаза. Пелорат все еще сидел в кресле напротив и печально смотрел на Тревайза.

– Мы должны были оставить этого солярианского ребенка на его планете, – неожиданно убежденно заявил Тревайз.

Пелорат покачал головой:

– Они убили бы его.

– Пусть так. Его место там. Он – часть их системы. Быть убитым из-за того, что оказался лишним – в порядке вещей для рожденного на Солярии.

– О, дорогой дружок, как это жестоко!

– Это рационально. Мы не знаем, как о нем заботиться. Он помучается с нами, и так или иначе умрет. Что он ест?

– Видимо, то же, что и мы, дружок. Кстати, а как у нас дела с тем, что мы едим? Сколько у нас осталось припасов?

– Достаточно. Вполне достаточно. Хватит даже на прокорм нашего нового пассажира.

Новость не заставила Пелората прыгать до потолка.

– Как-то мы скучно питаемся. Однообразно, – поморщился он. – Надо было запастись чем-нибудь на Компореллоне – несмотря даже на то, что стряпают там так себе.

– Не могли мы там запастись. Мы стартовали, если помнишь, довольно поспешно, примерно так же, как с Авроры и Солярии. Да и потом, подумаешь – «однообразно». Согласен –

радости мало, но жить-то можно.

– А мы пополним запасы, если возникнет нужда?

– В любое время, Джен. При наличии гравилета и гиперпространственных двигателей Галактика становится необычайно мала. За день мы сумеем перенестись куда угодно. Но дело в том, что половина планет страстно желает обнаружить наш корабль. Я предпочел бы некоторое время держаться от них в стороне.

– Наверное, ты прав. А... Бандер, похоже, вовсе не заинтересовался кораблем.

– Скорее всего, он даже не понял, что это такое. Подозреваю, соляриане давным-давно отказались от космических полетов. Их главное желание – быть предоставленными самим себе, и они вряд ли сумели бы в полной мере наслаждаться одиночеством, постоянно выходили бы в космос и демонстрировали свое присутствие.

– Что же мы будем делать дальше, Голан?

– Осталась третья планета.

Пелорат покачал головой:

– Судя по первым двум, от нее многого ждать не приходится. Лично я не жду.

– Я пока тоже, но как только немного посплю, посижу за компьютером, чтобы проложить курс к третьей планете.

57

Тревайз проспал значительно дольше, чем собирался, но не особенно огорчился. Здесь на корабле не было ни дня, ни ночи, в привычном смысле и суточные биоритмы время от времени сбивались. Часы устанавливались произвольно, и Тревайз с Пелоратом (а особенно Блисс) частенько спали и ели в разное время.

Тревайз, вытираясь полотенцем (необходимость экономии воды вынуждала стирать с себя пену), уже подумывал о том, не поспать ли ему еще час-другой, когда обернувшись обнаружил, что перед ним стоит Фаллом. Совершенно голый, как и он сам.

Тревайз инстинктивно попятился, стукнулся, естественно, обо что-то – ведь санузел был крохотный – и негромко выругался.

Фаллом, с любопытством глядя на Тревайза, показал на его половой член. При этом что-то сказал. Тревайз не понял слов, но и так было видно, что ребенок не верит своим глазам. Тревайз не придумал ничего лучшего, как стыдливо прикрыться руками.

А Фаллом проговорил тоненьким голоском:

– Приветствую.

Тревайз вздрогнул, поскольку не ожидал, что Фаллом заговорит на галактическом, но, по-видимому, тот просто запомнил звучание слова.

– Блисс – говорит – ты – мыть – меня, – продолжил Фаллом, с непосильным трудом выговаривая слова.

– Вот как! – Тревайз положил руки на плечи Фаллома. – Ты – стой – здесь.

Он ткнул пальцем вниз, в пол, и Фаллом, конечно, тут же уставился на то место. Он Тревайза явно не понял.

– Не двигайся, – сказал Тревайз, прижимая руки ребенка к туловищу, словно пытаясь сообщить ему состояние неподвижности, а сам второпях вытерся и натянул трусы и брюки.

Выйдя из санузла, Тревайз заорал:

– Блисс!

Поскольку на «Далекой звезде» трудно было отдалиться от кого-либо свыше четырех метров, Блисс тотчас же вышла из двери своей каюты.

– Ты звал меня, Тревайз? – улыбаясь спросила она, – или это нежный ветерок прошумел в траве?

– Шутки в сторону, Блисс. Что это такое? – Он показал большим пальцем назад.

Блисс заглянула в санузел и сказала:

– Ну... это похоже на юного солярианина, которого мы вчера взяли на борт.

– Ты взяла на борт. С какой радости я должен мыть его?

– Я подумала, что ты не откажешься. Он очень мил. Так быстро схватывает галактический, стоит только раз объяснить. Я помогаю ему, как ты понимаешь.

– Естественно.

– Да. Я успокаиваю его. Я держала его под гипнозом почти все время на Солярии. Я следила за тем, чтобы он крепко спал на борту корабля, и пытаюсь понемногу отвлечь его от мысли об утраченном роботе Джемби, которого он, похоже, очень сильно любит.

– Словом, ты хочешь, чтобы ему здесь было хорошо?

– Конечно. Он очень восприимчив, потому что еще маленький, и я поощряю это, насколько могу осмелиться, влияя на его мозг. Я собираюсь научить его говорить на галактическом.

– Вот ты сама и мой его, ясно?

– Вымою, если ты настаиваешь, – пожала плечами Блосс, – но я хотела бы, чтобы он подружился с каждым из нас. Было бы хорошо, чтобы мы все исполняли родительские функции. Наверняка ты тоже можешь в этом поучаствовать.

– Но не в такой же степени!.. И когда закончишь мыть, избавься от него. Я хочу с тобой поговорить.

– Что ты этим хочешь сказать – «избавься от него»? – спросила Блосс с внезапной враждебностью.

– Я не имел в виду «выкинь его через шлюз». Я хотел сказать – отведи его в свою каюту. Усади в уголок. Я хочу поговорить с тобой.

– Всегда к вашим услугам, – холодно произнесла Блосс.

Некоторое время Тревайз смотрел ей вслед, пытаясь успокоиться, а потом прошел в рубку и включил обзорный экран.

С левой стороны в виде темного кружка со светлым серпиком сбоку красовалась Солярия. Тревайз положил руки на пульт, входя в контакт с компьютером, и обнаружил, что раздражение мгновенно улетучилось. Для полноценной связи мозга и компьютера необходимо было спокойствие, и условный рефлекс связал между собой прикосновение к контактам и успокоение.

Вокруг корабля до самой планеты не было никаких искусственных объектов. Соляриане (а скорее, роботы) не желали или не могли преследовать их.

Ну и прекрасно. Теперь он мог выйти из тени Солярии. В любом случае, если продолжать удаляться от планеты, тень исчезнет, поскольку видимые размеры Солярии на расстоянии уменьшаются по сравнению с более далеким, но и более крупным ее солнцем.

Он дал компьютеру команду вывести корабль из плоскости эклиптики, так как это давало возможность более безопасно перейти в режим ускорения. Так они быстрее достигнут области, где кривизна пространства будет достаточно малой для осуществления Прыжка.

И, как часто бывало в таком случае, он принялся наблюдать звезды. Они словно гипнотизировали его своей спокойной неизменностью. Все их истинные смещения и вращения исчезли, благодаря огромному расстоянию, превращавшему их в простые пятнышки света.

Одно из этих пятнышек могло быть солнцем, вокруг которого вращается Земля, – тем Солнцем, под лучами которого зародилась жизнь и по чьей милости развилось человечество.

Наверняка, если Внешние миры вращались вокруг звезд, бывших яркими и удаляющимися представителями звездного семейства и тем не менее не включенных в компьютерную карту Галактики, то же самое могло произойти и с Солнцем.

Или только солнца Внешних миров отсутствовали на карте из-за какого-то древнего договора, согласно которому они были предоставлены самим себе? Может быть, Солнце Земли есть на карте Галактики, но ничем не отличается от подобных ему, но не имеющих на своих орбитах пригодных для обитания планет?

В конце концов, в Галактике насчитывалось около тридцати миллиардов солнцеподобных звезд, но только у одной из тысячи имелись подходящие для обитания планеты. В радиусе нескольких сот парсеков вокруг корабля могли находиться тысячи таких обитаемых планет. Неужели придется по одной прочесывать эти солнцеподобные звезды в поисках таких планет?

А может, то первое и главное Солнце находится даже не в этом районе Галактики? Мало

ли где непоколебимо уверены, что Солнце – одна из их ближайших звезд? Что именно они были первопоселенцами?

Тревайзу нужна была информация, но ее до сих пор не было.

Он сильно сомневался, дало ли бы даже самое тщательное исследование тысячелетних руин на Авроре какую-нибудь информацию о местоположении Земли. Еще сильнее он сомневался, что можно было выудить такие сведения у соляриан.

И потом, если все сведения о Земле исчезли из огромной библиотеки на Тренторе, если никаких воспоминаний о Земле не осталось в коллективной памяти Геи, то, похоже, найти сведения на затерянных мирах космонитов шансов было маловато.

А если ему посчастливится все-таки найти земное Солнце и, следовательно, Землю, не заставят ли его даже не понять, что он нашел? Не абсолютна ли самооборона Земли? Не непрекращаемо ли ее стремление оставаться неприкасаемой?

Что же он искал? Землю? Или изъят в Плане Селдона, который, как он думал (без особых на то причин), ему удастся обнаружить на Земле?

План Селдона работал уже пять столетий и мог в конце концов привести человечество в спокойную гавань (так говорили, по крайней мере) в океане Второй Галактической Империи, более могущественной, чем Первая, более благородной и свободной – и все-таки он, Тревайз, проголосовал против нее, за Галаксию.

Галаксия должна была стать единым колоссальным организмом, в то время как Вторая Галактическая Империя, как бы велики ни были ее размеры, оставалась бы не более чем союз индивидуумов микроскопического размера по сравнению с ней самой. Вторая Империя могла бы быть еще одним примером того типа союзов индивидуальностей, какие человечество основывало с тех пор, как стало человечеством. Вторая Галактическая Империя могла бы стать величайшим и лучшим из таких союзов, но все равно оставалась бы не более чем еще одним членом в их ряду.

А для того чтобы Галаксия – пример организации абсолютно другого типа – превзошла Вторую Империю в совершенстве, в План должна была вкратиться ошибка, нечто такое, чего не предусмотрел сам великий Гэри Селдон.

Но если Селдон что-то упустил, как мог Тревайз поправить дело? Он не был математиком; не знал ничего, абсолютно ничего о тонкостях Плана; более того – не мог бы в этом ничего понять, даже если бы ему объяснили.

Он знал только о наличии допущений: во-первых, необходимость количества людей для расчетов, и во-вторых, их неведение относительно результатов этих расчетов. Первое допущение не могло не быть аксиомой, если учесть, как велико население Галактики, а второе стало аксиомой, поскольку только adeпты Второй Академии знали детали Плана и при этом старательно держали их при себе.

Следовательно, должно было существовать еще одно неизвестное допущение – само собой результирующееся, причем настолько, что его нигде не упоминали и даже не думали о нем, хотя оно могло оказаться сложным. Это допущение, если оно было ложным, могло бы изменить генеральный вывод Плана и привести к тому, что Галаксия стала бы более предпочтительным вариантом, чем Империя.

Но если это допущение было таким очевидным и таким само собой разумеющимся, что о нем даже не упоминали, как оно могло быть ложным? А если никто не упоминал о нем, не думал о нем, откуда Тревайзу знать, что оно вообще существует, или иметь хоть какое-то понятие о его природе, раз уж он предположил, что оно существует?

Был ли он тем самым, кем его считала Гея – с ошибочной интуицией? Действительно ли он знал, как правильно поступить, даже не понимая, почему делает это?

Теперь он занялся посещением всех космонитских планет, которые ему были известны. Верный ли путь он избрал? Здесь ли ответ? Ну хотя бы начало ответа?

Что там было на Авроре, кроме руин и диких собак? Может быть, другие смертельно опасные хищники? Бешеные быки? Крысы-переростки? Коварные зеленоглазые тигры? Солярия оказалась живой, но что было там, кроме роботов и энергопреобразующих людей? Какое отношение имела каждая из этих планет к Плану Селдона, если они не хранили секрета

местонахождения Земли?

А если хранили, какое Земля имела отношение к Плану? Не безумие ли все это? Может, он слишком долго и слишком серьезно прислушивался к фантазиям о собственной непогрешимости?

Жуткий стыд тяжелой волной залил его. Казалось, еще чуть-чуть, и он захлебнется. Тревайз взглянул на звезды – далекие, равнодушные – и подумал: «Я, должно быть, величайший глупец в Галактике».

58

Его размышления прервал голос Блосс.

– Ну, Тревайз, зачем ты хотел меня видеть? – бодро начала она, но тут же спохватилась. – Что-нибудь не так?

Тревайз взглянул на Блосс и на мгновение почувствовал, как ему трудно скрыть свое настроение. С полминуты он молча смотрел на нее, потом ответил.

– Нет-нет, Все в порядке. Я... я просто задумался. Мне свойственно, знаешь ли, время от времени думать.

Ему было немного не по себе от сознания того, что Блосс может прочесть его эмоции. Правда, она дала ему слово, что добровольно отказывается от всякого наблюдения за его сознанием.

Похоже, его ответ ее удовлетворил.

– Пелорат занимается с Фаллом, – сообщила она, – учит его галактическому. Вроде бы наша пища ребенку не вредит. Но из-за чего ты хотел меня видеть?

– Скажу, только не здесь. Сейчас компьютер во мне не нуждается. Пройдем ко мне? Кровать прибрана, и ты устроишься на ней, а я сяду на стул. Или наоборот, как хочешь.

– Все равно, – ответила Блосс.

Они прошли в каюту. Блосс пристально разглядывала Тревайза.

– А ты как будто уже не бесишься, – сказала она.

– Копаешься у меня в сознании?

– Вовсе нет. По лицу видно.

– Я и не бесился. Могу, правда, на мгновение выйти из себя, но это не то же самое, что взбеситься. Послушай, если ты не против, я хотел бы задать тебе кое-какие вопросы.

Блосс уселась на край кровати Тревайза, выпрямив спину. Темно-карие глаза ее смотрели серьезно. Длинные до плеч черные волосы были аккуратно причесаны. Тонкие руки спокойно лежали на коленях. От Блосс веяло тонким ароматом духов.

– Ты сделала из себя просто куколку, – улыбнулся Тревайз. – Наверное, решила, что я не отважусь орать на юную и прелестную леди.

– Можешь орать сколько угодно, если тебе от этого легче. Я только не хочу, чтобы ты орал на Фаллома.

– Не собираюсь. Честно говоря, и на тебя я не собирался орать. Разве мы не решили стать друзьями?

– Гей никогда не испытывала к тебе, Тревайз, никаких иных чувств, кроме дружеских.

– Я не говорю о Гее. Я знаю, что ты часть Гей, что ты Гей. Но все же существует некая часть тебя, которая является личностью, хотя бы отчасти. Я обращаюсь к этой части. Я обращаюсь к женщине по имени Блосс без оглядки – или с минимальной оглядкой – на Гею. Разве мы не решили быть друзьями, Блосс?

– Да, Тревайз.

– Тогда скажи, как случилось, что ты замешкалась с роботами на Солярии, после того как мы покинули усадьбу и добрались до корабля? Меня унизили, опустили на колени, но ты пальцем не шевельнула. Несмотря на то что в любой момент могли появиться новые роботы и превзойти нас числом, ты не сделала ровным счетом ничего.

Блосс серьезно поглядела на него и сказала, но не оправдываясь, а объясняя:

– Я не бездействовала, Тревайз. Я изучала сознание роботов охраны и пыталась понять,

как управлять ими.

– Знаю. То есть ты мне сказала. Только я не вижу в этом смысла. Зачем тебе нужно было управлять их сознанием, когда ты бы могла запросто его разрушить, что ты в конце концов и сделала.

– Думаешь, это так просто – уничтожить разумное существо?

Тревайз презрительно поморщился.

– Подожди, Блисс. Разумное существо? Это же всего-навсего робот.

– «Всего-навсего робот!» – в голосе Блисс зазвучали гневные нотки. – Так всегда. Всего-навсего! Всего-навсего! А почему солярианин Бандер не убил нас сразу? Мы ведь для него были всего-навсего людьми без мозговых преобразователей. Почему без угрызения совести не бросить Фаллома на произвол судьбы? Он ведь всего-навсего солярианин и притом маленький. Если начнешь ко всему на свете прицеплять табличку со словами «всего-навсего», то сумеешь уничтожить всех, кого пожелаешь.

– Не надо придирается к словам, – махнул рукой Тревайз. – Я ничего такого не сказал. Робот – всего-навсего робот. Ты не можешь отрицать этого. Это не человек. Это не разумное существо в нашем понимании. Это машина, имитирующая проявления разумности.

– Как легко ты говоришь, ничего не зная об этом, – укоризненно проговорила Блисс. – Я Гея. Да, я также и Блисс, но я – Гея. Я мир, который считает каждый свой атом значимым и необходимым, а любую совокупность атомов еще более необходимой и значимой. Я/мы/Гея не можем с легкостью уничтожить организованную совокупность атомов, хотя мы были бы рады включить ее во что-нибудь более сложное, стараясь, безусловно, не навредить целому.

Наивысшая из известных нам форм такой организации обладает разумом, и только в чрезвычайных обстоятельствах позволительно уничтожить разумное существо, механическое или биологическое – не имеет значения. У робота охраны был разум такого типа, какого я/мы/Гея никогда не встречали. Изучить его было восхитительно. Уничтожить его – немыслимо, за исключением момента прямой угрозы для нашей жизни.

– Ты рисковала тремя более разумными существами, – сухо заметил Тревайз, – собой, Пелоратом – человеком, которого ты любишь, и, уж прости за откровенность, мной.

– Четырьмя. Ты все время забываешь о Фалломе. А риска практически не было, насколько я могла судить. Пойми... представь, ты увидел картину, настоящий шедевр, существование которого грозит тебе гибелью. Тебе достаточно было бы махнуть по холсту широкой кистью с краской как попало, и картина была бы уничтожена навеки, а ты – спасен. А теперь представь, что вместо этого ты внимательно изучаешь картину и делаешь мазки то здесь, то там, а где-то соскребаешь немного слой старой краски – тем самым, ты можешь достаточно сильно изменить картину для того, чтобы избежать смерти, и все же сохранить ее как шедевр. Естественно, необходимо старательное предварительное изучение. На это уйдет время, но наверняка, если бы оно у тебя было, ты попытался бы спасти картину так же, как и свою жизнь.

– Может быть, – кивнул Тревайз. – Но в конце концов ты таки уничтожила этот шедевр, рассмотрев его со всем вниманием. Широкая кисть опустилась на холст и зачеркнула все чудесные мельчайшие оттенки цветов и нежные сочетания форм и образов. И сделала ты это мгновенно, когда под угрозой оказалась жизнь маленького гермафродита, в то время как опасность для нас с Пелоратом и тебя самой тебя на это не подвигла.

– Нам, чужестранцам, немедленная гибель не грозит, а вот Фаллому, мне показалось, наоборот. Я была вынуждена выбирать между роботами охраны и Фалломом. И, не имея в запасе времени, я выбрала Фаллома.

– Неужели это так и было, Блисс? Быстрый подсчет и взвешивание в пользу одного и другого разума, стремительное вынесение приговора по делу столь сложному и важному?

– Да.

– А я тебе вот что скажу. Дело может быть совсем в другом. Рядом с тобой был ребенок, обреченный на смерть. Тебя охватило инстинктивное чувство материнства, и ты спасла дитя, тогда как раньше ты лишь просчитывала степень риска, которому подвергались трое взрослых.

Блисс залилась легким румянцем.

– Возможно, нечто подобное и было, но не в таком карикатурном виде. За этим тоже

стояли вполне рациональные причины.

– Интересно! Если за этим стояли вполне рациональные причины, ты же должна была сделать другой вывод. Этому ребенку суждено было встретить судьбу, неизбежную в его обществе. Кто знает, сколько тысяч детей было убито, чтобы поддерживать постоянно число жителей, которое соляриане считают оптимальным для своего мира.

– Не совсем так, Тревайз. Ребенок был бы убит из-за того, что оказался слишком молод для наследования. А это произошло потому, что его родитель умер преждевременно, потому что я его убила.

– В тот миг, когда мы стояли перед выбором – убить его или погибнуть самим.

– Не важно. Я убила его родителя. Я не могла стоять рядом и смотреть, как по моей вине убивают ребенка... И потом, это даст возможность изучить сознание такого типа, какой никогда прежде не изучался Геей.

– Сознание ребенка.

– Он недолго останется таким. Он разовьет мозговые преобразователи. Они дают солярианам такие способности, каких Гея достичь не может. Одно лишь поддержание тусклого света и включение механизма открывания двери полностью меня истощило. Бандер же мог снабжать энергией все свое поместье, настолько же большое и сложное, как город, который мы видели на Компореллоне, – и делал это даже во сне.

– Следовательно, ты смотришь на этого ребенка как на важный вклад в фундаментальные исследования сознания.

– Да, пожалуй.

– Я так не думаю. Мне сдается, на борту у нас появилась опасность. Большая опасность.

– Какая опасность? Фаллом может отлично приспособиться – с моей помощью. Он разумен и, похоже, уже немного привязался к нам. Он ест, когда мы едим, ходит за нами, и я/мы/Гея можем получить знания неопределимой важности, исследуя его мозг.

– А что, если он родит детеныша? Ему не нужен партнер – он сам себе и муж и жена.

– Пройдет еще много лет, пока он достигнет половой зрелости. Космонавты живут столетиями, а соляриане не горели желанием увеличивать свою численность. Задержка воспроизводства, вероятно, генетически заложена у всех них. У Фаллома еще долго не будет детей.

– Откуда ты знаешь?

– Я не говорю, что знаю. Просто пытаюсь рассуждать логически.

– А я говорю тебе, что Фаллом может оказаться опасным.

– Ты не знаешь этого наверняка. И ты как раз рассуждаешь без всякой логики.

– Я чувствую это, Блисс, безо всяких на то причин. Ведь это ты утверждаешь, что моя интуиция непогрешима.

Блисс нахмурилась и смутилась.

59

Пелорат задержался у двери рубки и робко заглянул внутрь. Казалось, он пытается понять, сильно занят Тревайз или нет.

Руки Тревайза лежали на пульте, как всегда, когда он входил в контакт с компьютером. Смотрел он на обзорный экран. Пелорат решил, что Тревайз так занят сильно и стал терпеливо ждать, стараясь не шевелиться, чтобы не помешать.

Наконец Тревайз заметил Пелората. Правда, посмотрел он на него довольно-таки отрешенно. Глаза его смотрели отстранение взгляд блуждал. Как будто во время контакта с компьютером он видел, думал, жил несколько иначе, чем обычно.

Однако он медленно кивнул Пелорату, словно образ друга, с трудом проникая в сознание, произвел наконец какое-то воздействие на те участки мозга, что отвечают за распознавание зрительных образов. Затем, спустя мгновение он отнял руки от пульта, улыбнулся и вновь стал самим собой.

– Боюсь, я оторвал тебя от дела, Голан, – извиняющимся тоном проговорил Пелорат.

- Ничего страшного, Джен. Я просто производил проверку готовности к Прыжку. Теперь мы готовы, но я думаю, что выжду еще несколько часов, на всякий случай.
- Разве случайности имеют к этому какое-то отношение?
- Да нет. Это всего лишь поговорка, – улыбаясь ответил Тревайз, – хотя от случайностей никто не гарантирован, по крайней мере, теоретически, Ну, что стряслось?
- Могу я сесть?
- Конечно, но давай лучше пройдем в мою каюту. Как там Блисс?
- Прекрасно. – Он откашлялся. – Она снова спит. Она должна выспаться, ты же понимаешь.
- Естественно. Гиперпространственный разрыв. Понимаю.
- Верно, дружок.
- А Фаллом?
- Тревайз устроился на кровати, предложив стул Пелорату.
- Помнишь те книги из моей библиотеки, которые ты распечатал через компьютер для меня? Сказки и предания. Он читает их. Конечно, он слабо понимает галактический, но, кажется, ему доставляет удовольствие произносить слова вслух. Но... почему-то я говорю о нем в мужском роде. Почему бы это, как ты думаешь?
- Возможно, потому, что ты сам мужчина, – пожал плечами Тревайз.
- Может быть. Он страшно умный, знаешь ли.
- Я просто уверен в этом.
- Пелорат замялся.
- Я вижу, тебе не очень-то нравится Фаллом.
- Ничего не имею против него лично, Джен. У меня никогда не было детей, и я, в общем, никогда не питал к ним особо нежных чувств. А у тебя вроде бы были дети, насколько я помню?
- Сын. Знаешь, это такое удовольствие – иметь сына, особенно когда он еще маленький. Может быть, именно поэтому я невольно считаю Фаллома мальчиком. Это возвращает меня на четверть века назад.
- У меня нет никаких возражений из-за того, что он тебе нравится, Джен.
- Ты тоже полюбишь его, если только попробуешь отнестись к нему непредвзято.
- Думаю, что да, Джен, и в один прекрасный день я, может быть, попробую.
- Пелорат помолчал немного и сказал:
- Ты, наверное, уже стал спорить с Блисс.
- На самом деле мне не кажется, что мы так уж много спорим, Джен. Мы с ней в действительности вполне нормально сотрудничаем. Вчера мы даже очень конструктивно побеседовали – без криков, без взаимных упреков – насчет того, почему она не сразу вывела из строя роботов охраны. В конце концов она продолжает спасать нам жизнь, так что я не могу предложить ей что-либо, кроме дружбы, не правда ли?
- Да, понимаю. Только я не про это. Я про споры, а не про «ссоры». Я про ваше постоянное расхождение во мнениях о Галаксии как противоположности индивидуальности.
- Ах это! Я полагаю, эти дискуссии продолжатся, но будут корректными.
- А что ты скажешь, Голан, если я приведу аргумент в пользу Галаксии?
- Никаких возражений. Только скажи: это твое личное мнение или ты просто чувствуешь себя счастливым, когда соглашаешься с Блисс?
- Это мое мнение, честное слово. Я думаю, Галаксия – это самое логичное будущее. Ты сам выбрал это направление развития человечества, и я все больше убеждаюсь в том, что оно верно.
- Потому что я выбрал его? Это не аргумент. Что бы Гея ни говорила, я способен ошибаться, ты же знаешь. Так что не позволяй Блисс убеждать себя в преимуществах Галаксии на этом основании.
- Я думаю, что ты не ошибся. Это мне доказала Солярия, а не Блисс.
- Каким образом?
- Ну, во-первых, мы изоляты, ты и я.

– Это ее термин, Джен. Я предпочитаю думать, что мы личности.

– Это просто вопрос семантики, дружок. Называй, как хочешь, но мы заключены в наши собственные шкуры, окружающие наши собственные мысли, думаем сперва и прежде всего о самих себе. Самосохранение для нас первый и главный закон природы, даже тогда, когда это означает, что всем остальным на свете будет причинено зло.

– Известны люди, отдавшие свои жизни за других.

– Это редкое явление. Гораздо больше известно людей, покушающихся на насущнейшие нужды других ради какой-нибудь собственной глупейшей прихоти.

– И какое отношение это имеет к Солярии?

– Ну, на Солярии мы могли видеть, во что могут превратиться отдельные независимые личности, если тебе так больше нравится. Соляриане с трудом смогли разделить между собой целую планету. Они решили, что жизнь в полной изоляции есть совершенная свобода. Они не привязаны даже к своим собственным отпрыскам и убивают их, если их слишком много. Они окружили себя роботами-рабами, которых обеспечивают энергией, и когда солярианин умирает, все поместье символически умирает вместе с ним. Разве это достойно восхищения, Голан? Разве это можно сравнить с тонкостью, добротой, заботой, царившими на Гее? Bliss вообще не обсуждала это со мной. Это мои собственные мысли и чувства.

– Да, они похожи на твои, Джен. И я их разделяю. Я тоже думаю, что солярианское общество ужасно, но оно не всегда было таким. Они не произошли от землян, близкими их предками были космониты, которые жили гораздо дольше, чем обычные люди. Соляриане почему-то выбрали путь, приведший к крайности, но нельзя судить по крайностям. Во всей Галактике с ее миллионами обитаемых планет известна ли тебе хоть одна планета, теперь или в прошлом, имеющая общество, подобное солярианскому? Или хотя бы отдаленно напоминающая его? И смогла бы Солярия создать его, если бы не заигралась с роботами? Сомнительно, чтобы общество, состоящее из личностей, могло превратиться в такое вот солярианское средоточие ужаса без роботов.

– Ты всегда находишь дырочку, Голая, – поморщился Пелорат, – ну, то есть я хотел сказать, тебе ничего не стоит защитить тот тип Галактики, против которого ты проголосовал.

– Ты меня неверно понимаешь. Разумный довод в пользу Галаксии существует и когда я найду его, когда узнаю, в чем он состоит, я соглашусь и сдамся. Или точнее говоря, если найду.

– Ты думаешь, что тебе это может и не удастся?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Тревайз. – Ты, к примеру, понимаешь, почему я жду несколько часов, прежде чем совершить Прыжок, и почему мне так и хочется уговорить себя подождать несколько дней?

– Ты сказал, что подождать – это безопаснее.

– Да, я так сказал, но никакой опасности нет и теперь. Чего я действительно боюсь, так это того, что космонитские планеты, чьи координаты у нас есть, все хором обманули наши ожидания. У нас только три набора координат; и на двух планетах мы уже побывали, и оба раза еле ноги унесли. При этом мы все еще не получили ни единого намека на расположение Земли или даже на то, существует ли она вообще. Сейчас я использую третий и последний шанс. А что, если и здесь нас ждет провал?

– Знаешь, – вздохнул Пелорат, – есть одна старая сказка, она, кстати, есть среди тех, что я дал Фаллому, чтобы он попрактиковался в языке; так вот... там кому-то дали возможность загадать три желания, но только три. «Три» в таких делах – число особенное, возможно, потому, что оно первое простое число, наименьшее простое число после единицы. Ну, и одно из трех сбывается. Но в сказках получается так, что от желаний – никакого толку. Никто их не загадывает правильно, что, как я думаю, является отражением древней мудрости: удовлетворение желаний дается трудом, а не... – Пелорат смутился и не закончил фразу. – Прости, дружок, я отвлекаю тебя. Я становлюсь болтливым, когда речь заходит о моем увлечении.

– Мне всегда интересно с тобой, Джен. Тогда попытаюсь найти тут аналогию. У нас было три желания, мы использовали два, но это не принесло нам ничего хорошего. Осталось одно. Отчего-то я уверен, что нам вновь не повезет, а мне этого жутко не хочется. Вот потому-то я

так и тяну с Прыжком.

– Что ты будешь делать, если ожидания будут вновь обмануты? Вернешься на Гею? На Терминус?

– О нет, – прошептал Тревайз, качая головой. – Поиск надо продолжать... но если б я только знал как.

Глава четырнадцатая Мертвая планета

60

Тревайз устал. Те немногие победы, что он одержал с начала поиска, были далеки от совершенства – скорее, они просто на время отодвигали поражение.

Теперь же он так оттянул Прыжок к третьей космонитской планете, что его тревога передалась другим. Когда же он наконец решил, что должен дать компьютеру команду перебросить корабль через гиперпространство, Пелорат с озабоченным видом встал у двери рубки, а Блосс – позади, сбоку от него. И Фаллом был с ними. Моргая, как сова, он глядел на Тревайза, одной рукой крепко сжимая пальцы Блосса.

Тревайз оторвался от компьютера и довольно грубо бросил:

– Ну, вся семейка в сборе!

Однако неудобство от сказанного испытал только он сам.

Он задал компьютеру параметры Прыжка таким образом, чтобы выйти в обычное пространство на большем расстоянии от звезды, чем требовалось. Он убеждал себя: это потому, что он научился осторожности в результате событий на первых двух космонитских планетах, но сам не верил в это. В глубине души он знал, что надеется вынырнуть в пространстве на достаточно большом расстоянии от звезды, чтобы остаться неуверенным в том, есть ли вокруг нее пригодные для жизни планеты или нет. Тогда у него было бы еще несколько дней на полет, прежде чем он сможет обнаружить их (или нет) и (возможно) взглянуть горькой правде в лицо.

И вот под взглядами «дружной семейки» он поглубже вздохнул, задержал дыхание, а затем со свистом выдохнул, дав компьютеру окончательные инструкции.

Звездный узор заскользил в бесконечном безмолвии, и обзорный экран почти опустел, показывая область пространства с редкими звездами. А одна ярко сияла совсем рядом с центром экрана.

Тревайз довольно усмехнулся – победа, в некотором роде. В конце концов третий набор координат мог оказаться ошибочным и не привести корабль к подходящей звезде класса G. Он посмотрел на своих спутников и сказал:

– Вот она. Звезда номер три.

– Ты уверен? – негромко спросила Блосс.

– Смотрите! Я переключу экран компьютера на соответствующий участок карты Галактики, и, если эта яркая звезда исчезнет, значит, она не нанесена на карту, а стало быть, она-то нам и нужна.

Компьютер выполнил его команду, и звезда мгновенно погасла. Казалось, ее никогда и не было, а остальные звезды горели там же, где и раньше, в величественном равнодушии.

– Она самая, – сказал Тревайз.

И все-таки задал «Далекой звезде» скорость чуть больше половины той, которую мог легко поддерживать. Присутствие или отсутствие обитаемых планет все еще вызывало сомнения. Он не торопился отвечать на этот вопрос. Даже после трехдневного приближения нечего еще было сказать об их возможном наличии.

Хотя... возможно, кое-что было уже сейчас. Звезду сопровождал крупный газовый гигант. Он вращался очень далеко от своего солнца и испускал бледный желтый свет, отражавшийся от его дневной стороны, которая была видна на экране в виде тонкого полумесяца.

Тревайзу не понравился его вид, но он постарался не показать этого и объяснил небрежно,

словно по путеводителю:

– Это газовый гигант. Довольно эффектный. У него пара тонких колец и два приличных спутника, которые со временем можно будет разглядеть.

– Большинство систем включает газовые гиганты, верно? – спросила Блосс.

– Да, но этот очень крупный. Судя по расстоянию от него до спутников и по периоду их обращения, этот гигант, должно быть, почти в две тысячи раз массивней, чем пригодная для жизни планета.

– Какая разница? – пожала плечами Блосс. – Газовый гигант – это газовый гигант, и не имеет значения, какого он размера, правда? Обычно они находятся на больших расстояниях от звезды, вокруг которой обращаются, и ни один из них не годится для жизни из-за своих размеров и отдаленности. Надо подойти к звезде поближе и поискать планеты, годные для жизни людей.

Тревайз растерялся, а потом решил все выложить в открытую.

– Дело в том, – сказал он, – что газовые гиганты стремятся как бы чисто-начисто подмести все близлежащие пространства. Та материя, что они не смогли вобрать в себя, может срастись в довольно большие тела, которые становятся его спутниками. Это предотвращает образование других космических тел даже на значительных расстояниях от гигантов, так что чем он больше, тем более вероятно, что вокруг данной звезды вращается только одна крупная планета. Здесь же вполне может оказаться лишь этот газовый гигант и астероиды.

– Ты имеешь в виду, что здесь нет подходящих для жизни планет?

– Чем больше газовый гигант, тем меньше вероятность встретить такие планеты, а этот так массивен, что тянет на карликовую звезду.

– А можно посмотреть? – спросил Пелорат.

Все трое приникли к экрану (Фаллома Блосс отвела в каюту читать).

Увеличение планеты продолжалось до тех пор, пока светящийся серп не заполнил весь экран. На некотором расстоянии от центра его пересекала тонкая темная линия – тень системы колец, которые были видны за краем поверхности планеты в виде сверкающей дуги, протянувшейся на темную сторону.

– Ось вращения планеты наклонена примерно на тридцать пять градусов к плоскости эклиптики, – сказал Тревайз, – кольца расположены в экваториальной плоскости. Так что звездный свет при данном положении планеты отбрасывает тень колец практически на экватор.

– Кольца тонкие, – не отрывая глаз от экрана, заметил Пелорат.

– Немного поменьше средних размеров, – уточнил Тревайз.

– Согласно легенде, кольца вокруг газового гиганта в планетарной системе Земли гораздо шире, ярче и более отчетливы, чем эти. Такие кольца, что в сравнении с ними газовый гигант кажется карликом.

– Я не удивлен, – сказал Тревайз. – Когда история передается от человека к человеку тысячи лет, вряд ли в ней что-либо уменьшается при пересказе.

– Прекрасно... – произнесла Блосс. – Когда смотришь на серп, кажется, что он переливается и изгибается прямо на глазах.

– Атмосферные бури, – пояснил Тревайз. – В общем-то можно рассмотреть их получше, если выбрать подходящую длину световых волн. Сейчас попробую, – Он положил руки на пульт и приказал компьютеру пройти по спектру и остановиться на оптимальной частоте.

Нежно-светящийся серп планеты стал менять свою окраску, причем так быстро, что стало темно в глазах. Наконец серп стал красно-оранжевым, и по нему заплывали отчетливые спирали, закручиваясь и раскручиваясь по мере движения.

– Невероятно... – пробормотал Пелорат.

– Восхитительно... – прошептала Блосс.

Вполне вероятно, горько думал Тревайз. И вовсе не восхитительно. Ни Пелорат, ни Блосс, погруженные в созерцание этого великолепия, не подумали о том, что планета, которой они восторгались, уменьшает шансы разгадать ту тайну, что мучила Тревайза. Но, впрочем, почему они должны думать об этом? Обоих вполне удовлетворяет то, что решение Тревайза правильно, и они сопровождают его в его поисках, не переживая так эмоционально, как он сам. Бесполезно

обижаться на них за это.

– Ночная сторона кажется темной, – сказал он, – но, если бы наши глаза могли воспринимать инфракрасное излучение, мы бы увидели ее красной, глубоко и злобно красной. Планета очень сильно излучает в инфракрасном диапазоне, поскольку она достаточно велика, чтобы быть нагретой почти докрасна. Это больше чем газовый гигант – это субзвезда. – Он подождал немного и продолжал: – А теперь выкинем этот объект из головы и поищем подходящую для жизни планету, которая, может быть, здесь есть.

– Наверное, она есть, – улыбнулся Пелорат. – Не сдавайся, дружок.

– Я не сдаюсь, – не без особого энтузиазма возразил Тревайз. – Образование планет – слишком сложное дело, чтобы для этого существовали жестокие правила. Мы говорим только о вероятностях. При наличии этого чудовища вероятность уменьшается, но не до нуля.

– Почему бы тебе не подумать немного иначе? – вмешалась Блисс. – Поскольку первые два набора координат дали тебе две обитаемые планеты космонитов, то третий, который уже дал тебе подходящую звезду, тоже приведет к обитаемой планете. Зачем рассуждать о вероятностях?

– Хотел бы надеяться, что ты права, – ответил Тревайз, вовсе не чувствуя себя утешенным. – Сейчас стартуем из плоскости эклиптики по направлению к звезде.

Компьютер позаботился об этом почти в тот же миг, как прозвучали эти слова. Тревайз откинулся на спинку пилотского кресла и решил, что единственный недостаток пилотирования гравилета с такими современными компьютерами – то, что испытывавший это не захочет никогда – никогда – пилотировать корабль любого другого типа.

Разве он сумеет снова вынести такую муку – самостоятельные расчеты? Разве сумеет думать об ускорении, ограничивать его разумными пределами? Скорее всего, он позабыл бы об этом и такое бы отколол, что и сам, и все на борту размазались бы по внутренним переборкам.

А этим кораблем будет управлять – или другим, в точности подобным ему, если только сумеет вынести все эти перемены, – всегда.

И поскольку Тревайз хотел отвлечься от вопроса о наличии обитаемых планет, он сосредоточился на том, чтобы вывести корабль над плоскостью, а не под нее. При отсутствии какой-либо веской причины выходить под плоскостью пилоты почти всегда выбирали первый вариант. Почему?

Кстати, почему рассматривают одно направление как верх, а другое – как низ? В симметричном космосе это чистейшая условность.

Точно так же он обычно обращал внимание на то, в каком направлении вращаются наблюдаемые им планеты вокруг своей оси и вокруг звезды. Если оба направления оказывались против часовой стрелки, то поднятая рука означала север, а под ногами находился юг. Север в Галактике воспринимался как верх, а юг – как низ. Точнее, чистейшая условность, возникшая во мгле прошлого, но которой рабски следовали до сих пор. Если кто-нибудь увидит перевернутой югом вверх знакомую карту, вряд ли сможет узнать ее. Карту потребовалось бы перевернуть, чтобы она обрела свой смысл. И все, что на ней обозначено, стало бы ясным, стоило лишь сориентировать ее на север – «верхом вверх».

Тревайз вспомнил о сражении, данном Белом Риозом, генералом Империи, три века назад. В критический момент он развернул свою эскадру, вывел ее под плоскость эклиптики и застал врасплох эскадру вражеских судов, которые, ожидая нападения, были готовы к отражению атаки с этого направления. Этот маневр сочли бесчестным. Кто? Проигравшие, естественно.

Условность, столь могущественная и столь древняя, должно быть, возникла на Земле... и мысли Тревайза снова вернулись к обитаемым планетам.

Пелорат и Блисс продолжали разглядывать газовый гигант, который медленно поворачивался на экране, постепенно откатываясь назад. Часть, освещенная солнцем, расширялась, и, так как Тревайз продолжал наблюдение в оранжево-красном диапазоне волн, вихревая картина ураганов на поверхности гиганта становилась все более безумной и гипнотической.

Тут пришел Фаллом, и Блисс решила, что ему пора спать, да и ей самой сон тоже не помешает.

– Я увожу корабль от газового гиганта, Джен, – сказал Тревайз оставшемуся с ним Пелорату. – Я хочу переключить компьютер на поиск гравитационных возмущений от планет нужных нам размеров.

– Конечно, дружок, конечно.

Но задача на самом деле была более сложной. Компьютер должен был искать планеты не только подходящих размеров, но и находящиеся на нужном расстоянии от звезды. Должно было пройти несколько дней, прежде чем Тревайз мог обрести полную уверенность.

61

Тревайз вошел в свою каюту хмурый, серьезный, мрачнее тучи, и застал у себя гостей. Его ждала Блисс, а рядом с ней – Фаллом. Его набедренная повязка и остальная одежда были чисто выстираны и отутюжены. Подросток в своей одежде выглядел лучше, чем в одной из укороченных ночных рубашек Блисс.

– Я не хотела мешать тебе, но послушай. Начинай, Фаллом.

Своим высоким музыкальным голосом Фаллом произнес:

– Приветствую тебя, опекун Тревайз. Мне очень приятно, что я се... су... сопровождаю тебя в этом корабле. Я счастлив также, видя доброе отношение ко мне моих друзей, Блисс и Пела.

Фаллом закончил и очаровательно улыбнулся. Тревайз подумал: «Кто для меня этот ребенок? Мальчик или девочка? Или оба вместе? А может, ни то ни другое».

– Очень хорошо вызубрено, – кивнул он. – Почти верно произнесено.

– Вовсе не вызубрено, – возразила Блисс. – Фаллом составил предложения сам и спросил, можно ли сказать тебе. Я не знала даже, что скажет ребенок, пока сама не услышала.

– В таком случае, очень хорошо, – выдал улыбку Тревайз.

Он заметил, что Блисс хоть и говорит о Фалломе, как Пелорат, в мужском роде, но местоимением «он» не пользуется.

– Я говорила, что Тревайзу понравится, – обернулась к Фаллому Блисс. – Теперь иди к Пелу и можешь еще почитать, если хочешь.

Фаллом кивнул и выбежал, а Блисс сказала Тревайзу:

– Просто удивительно, как быстро Фаллом освоился с галактическим. У соляриан, должно быть, особые способности к языкам. Вспомни, как хорошо говорил Бандер, а ведь он только прослушивал гиперпространственные передачи. Солярианское сознание наверняка способно не только к преобразованию энергии.

Тревайз что-то буркнул себе под нос.

– Не говори мне, что тебе все еще неприятен Фаллом, – настаивала Блисс.

– Не то чтобы он был мне неприятен, но и особой любви к нему я не испытываю. Это существо просто доставляет мне неудобство. Кроме того, это просто противно – иметь дело с гермафродитом.

– Тревайз, это попросту смешно. Фаллом – вполне нормальное живое существо. Подумай, какими отвратительными должны казаться гермафродитам мы – просто мужчины и женщины. Каждый – лишь половина целого, а для воспроизводства должно происходить временное и неуклюжее слияние воедино.

– Ты против этого, Блисс?

– Не прикидывайся, что не понимаешь, Тревайз. Я пытаюсь представить, как мы выглядим с точки зрения гермафродитов. Им это, должно быть, кажется исключительно отталкивающим; нам – вполне естественным. Так, Фаллом кажется отталкивающим тебе, но это всего лишь недальновидный, обывательский взгляд.

– Честно говоря, – сказал Тревайз, – надоедает не использовать в общении с этим существом местоимения. Это мешает думать, и в разговоре запинаешься на местоимениях.

– Но это просто недостаток нашего языка, а не Фаллома. Ни один человеческий язык не развивался с учетом гермафродизма. И я рада, что ты затронул эту тему, потому что я сама уже думала об этом. Говорить «оно» не выход. Это местоимение для предметов, у которых пол не

может быть установлен, а местоимения для тех, кто сексуально активен в обоих смыслах, в нашем языке отсутствуют. Почему бы тогда не выбрать одно из местоимений произвольно? Я думаю о Фалломе, как о девочке. Высокий голос, способность давать потомство, что является жизненным определением женственности. Пелорат согласен, почему бы тебе не сделать то же самое? Пусть будет «она».

– Хорошо, – пожал плечами Тревайз. – Это будет звучать странно, учитывая, что у нее есть яички, но пускай, мне-то что.

– У тебя противная привычка все обращать в шутку, – вздохнула Блисс, – но я знаю, как ты нервничаешь, и прощаю тебя. Только, говоря о Фалломе, подразумевай, что это – девочка.

– Ладно, – Тревайз замялся, но был не в силах сдержаться: – Чем дальше, тем больше Фаллом начинает казаться мне твоим приемным ребенком всякий раз, как я вижу вас вместе. Не потому ли это, что ты хочешь детей? А не лучше ли подумать о том, что Джен может дать тебе хотя бы одного?

Глаза Блисс широко распахнулись.

– При чем тут дети! Неужели ты думаешь, что я использую его как удобный инструмент для обзаведения ребенком? В любом случае, мне не время пока заводить детей. Но когда такое время настанет, это будет геянский ребенок, а Пел для этого не подходит.

– То есть Джен будет отвергнут?

– Вовсе нет. Ну разве что на время. Это может быть даже проведено путем искусственного осеменения.

– Я полагаю, ты только тогда сможешь иметь ребенка, когда Гея решит, что это необходимо – когда возникнет вакансия из-за смерти одной из уже существующих частей Геи.

– Безумное объяснение, но достаточно правдивое. Гея должна быть пропорциональной во всех своих частях и взаимосвязях.

– Ну прямо как Солярия.

Губы Блисс сжались, а лицо слегка побледнело.

– Совсем не так. Соляриане производят детей больше, чем им необходимо, и уничтожают лишних. Мы же рождаем ровно столько, сколько нужно, и у нас нет необходимости никого лишать жизни – скажем, как у тебя замещается отмирающий верхний слой кожи на новый, и ни одной клеткой больше.

– Я понял. Надеюсь, правда, что тебе безразличны чувства Джена.

– В связи с моим возможным ребенком? Об этом у нас никогда не заходил разговор да и не зайдет.

– Нет, не об этом. Меня удивляет то, что ты все больше и больше увлекаешься Фалломом. Джен может почувствовать себя покинутым.

– Я вовсе не пренебрегаю им, и сам он тоже интересуется Фалломом. Она – еще одна точка взаимного увлечения, и это сближает нас еще сильнее. Может быть, это ты чувствуешь себя покинутым?

– Я? – удивился Тревайз.

– Да, ты. Я не больше понимаю изолятов, чем ты – Гею, но у меня такое чувство, что тебе доставляет удовольствие быть в центре внимания на этом корабле, и тебе может казаться, будто Фаллом занял твоё место.

– Глупости.

– Не больше чем твоё предположение, что я пренебрегаю Пелом.

– Тогда заключим перемирие и хватит об этом. Я попытаюсь считать Фаллома девочкой и не буду чересчур беспокоиться о том, что ты равнодушна к чувствам Джена.

– Спасибо, – улыбнулась Блисс. – Тогда все отлично.

Тревайз повернулся было к экрану, но Блисс окликнула его:

– Подожди!

– Да! – немного устало сказал он обернувшись.

– Я прекрасно вижу, что ты грустен и угнетен. Я не имею права вторгаться в твой разум, но ты мог бы поведать мне, что случилось. Вчера ты сказал, что в этой системе есть подходящая планета, и казалось, это тебя обрадовало. Надеюсь, планета никуда не исчезла! Ты

не ошибся, правда?

– В системе обнаружена подходящая планета, и она никуда не делась.

– Она нужного размера?

Тревайз кивнул.

– Раз подходящая, естественно, она нужного размера. И кроме того, находится на приемлемом расстоянии от звезды.

– Ну а что же тогда не в порядке?

– Сейчас мы подошли достаточно близко к планете, чтобы проанализировать ее атмосферу. Оказалось, что говорить о ней нечего.

– Нет атмосферы?

– Не о чем говорить. Эта планета не пригодна для жизни, а другой, обращающейся вокруг этого солнца и имеющей хотя бы малейший шанс быть обитаемой, нет. В нашей третьей попытке результат нулевой.

62

Пелорат, печально стоя у двери рубки, боялся заговорить с хмуро молчавшим Тревайзом, надеясь, что тот сам начнет разговор.

Тревайз как в рот воды набрал. Если молчание можно назвать упрямым, он молчал именно так.

Наконец Пелорат не выдержал и довольно робко спросил:

– Чем мы занимаемся?

Тревайз посмотрел на Пелората, еще немного помолчал, отвернулся и ответил:

– Начинаем отсчет времени перед посадкой на планету.

– Но раз здесь нет атмосферы...

– Это компьютер говорит, что здесь нет атмосферы. До сих пор он обычно сообщал мне то, что я хотел услышать, и я принимал его ответы. Теперь он сообщил мне то, чего я слышать не желаю, и я должен проверить это. Если компьютеру когда-нибудь суждено ошибаться, я хочу, чтобы это произошло именно сейчас.

– Ты думаешь, он действительно ошибся?

– Нет, не думаю.

– Ты можешь представить себе какую-нибудь причину, по которой он мог бы ошибаться?

– Нет, не могу.

– Тогда в чем же дело, Голан?

Тревайз повернулся в кресле и оказался лицом к лицу с Пелоратом. Лицо его было полно отчаяния.

– Неужели ты не видишь, Джен, что я просто больше ничего не могу придумать? Что касается Земли, мы вытащили пустые билетки на первых двух планетах, а теперь и эта оказалась пустышкой. Что я должен делать? Порхать от планеты к планете, приставать ко всем и спрашивать: «Простите, где тут Земля?» Земля слишком хорошо замела все свои следы, не оставив нигде ни намека о себе. А это, видимо, означает, что мы вряд ли заметили бы такой намек, даже если бы он существовал.

– Я и сам думал об этом, – кивнул Пелорат. – Может, поговорим? Я знаю, ты в отчаянии, дружок, и не хочешь разговаривать... в общем, если хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я могу уйти.

– Да говори, говори... – почти простонал Тревайз. – На что я еще способен, кроме как слушать? Давай, поехали.

– Я так понял, что ты все-таки не очень настроен слушать, ну да ладно. Попробую. Пожалуйста, останови меня в любой момент, если тебе надоест моя речь... Мне кажется, Голан, что Земле нет нужды предпринимать только пассивные и негативные меры, скрывая себя. Ей нужно было не просто уничтожить сведения о себе. Не могла ли она взять и подбросить фальшивую информацию и активно распространять ее, тем самым скрывая правду?

– Как ты себе это представляешь?

– Ну... мы много раз слышали о радиоактивности Земли, и такой слух мог быть распушен, чтобы заставить любого отказаться от всяких попыток отыскать ее. Если Земля действительно радиоактивна, значит, она совершенно неприступна. Если это так, то мы не смогли бы шагнуть на ее поверхность. Даже исследовательские роботы, если бы они у нас были, не вынесли бы радиации. Вот и получается – зачем ее искать? А если она не радиоактивна, натолкнуться на нее можно только случайно, и тогда у нее должна быть другая причина прятаться.

– Как ни странно, Джен, – вымучил улыбку Тревайз, – эта мысль и мне приходила в голову. Мне даже представлялось, что сведения о невероятно огромном спутнике могли быть нарочно внедрены во всемирные легенды. Что касается газового гиганта с чудовищной системой колец, это точно так же маловероятно и точно так же может оказаться вымышленным для отвода глаз. И все это, возможно, предназначено именно для того, чтобы заставить нас искать нечто несуществующее, так что мы спокойно пройдем мимо нужной планетной системы, поглядим на Землю, но не обратим на нее никакого внимания, так как на самом деле у нее нет ни большого спутника, ни кузена с тремя кольцами, ни радиоактивной поверхности. Следовательно, мы не узнаем ее и даже не подумаем, что смотрим на нее. И даже хуже.

– Разве может быть хуже? – ошарашенно спросил Пелорат.

– Запросто. Хуже – это когда сходишь с ума по ночам и начинаешь рыскать по безграничным просторам фантазии, пытаешься найти хоть что-нибудь, от чего становится еще страшнее. Что, если Земля обладает исключительной способностью маскироваться? Что, если мы загипнотизированы? Что, если мы могли пройти мимо Земли, у которой есть гигантский спутник с громадными кольцами, и не увидеть ничего из этого? Что, если это уже произошло?

– Но если ты веришь в это, почему же мы тогда...

– Я не сказал, что верю в это. Я говорю о сумасшедших фантазиях. Мы продолжаем поиски.

– Сколько же можно искать, Тревайз? – помедлив, спросил Пелорат. – Когда-нибудь нам наверняка придется бросить все это.

– Никогда! – рассвирепел Тревайз. – Если мне суждено провести остаток жизни, скитаясь от планеты к планете, оглядываясь и спрашивая: «Простите, сэр, не подскажете, где тут Земля?» – так тому и быть. В любое время я могу доставить тебя, Блосс и даже Фаллом, если ты пожелаешь, обратно на Гею, а затем продолжать поиск самостоятельно.

– О нет! Ты знаешь, я не брошу тебя, Голан, и Блосс не бросит тоже. Мы будем скитаться от планеты к планете вместе с тобой, если так надо. Но зачем?

– Затем, что я должен найти Землю и найду ее. Не знаю как, но найду... А теперь смотри. Я пытаюсь достичь точки, откуда смогу изучить освещенную сторону планеты, но так, чтобы солнце не находилось слишком близко... Погоди немного.

Пелорат замолчал, но не ушел, а стал смотреть на экран. Тревайз изучал изображение наполовину освещенной планеты. Пелорат не видел ничего особенного, но знал, что Тревайз, связанный с компьютером, рассматривает ее более зорко.

– Дымка... – прошептал Тревайз.

– Значит, здесь все-таки есть атмосфера?

– Но не слишком плотная. Недостаточная для поддержания жизни, однако способная создавать слабый ветер, который может поднять пыль. Это общеизвестный признак планет с разреженной атмосферой. Здесь даже могут быть маленькие полярные ледяные шапки. Ну знаешь, немного заледеневших водяных паров, сконденсировавшихся на полюсах. Планета слишком теплая для образования твердой углекислоты... Так. Я должен переключиться на радиолокационное картографирование. Тогда мне будет гораздо легче работать на ночной стороне.

– Правда?

– Да. Я должен был сделать это с самого начала, но планета практически безвоздушна и, следовательно, безоблачна, мне представилось естественным попытаться рассмотреть все в видимом свете.

Тревайз надолго замолчал, а на экране возникло столь причудливое переплетение радарных импульсов, что абстрактная картина планеты казалась нарисованной мастером

Клеонского периода. Затем он выразительно протянул:

– Та-ак... – и вновь замолчал.

– Что – «так»? – не вытерпел Пелорат.

Тревайз мельком взглянул на него.

– Я не вижу кратеров.

– Нет кратеров? Это хорошо?

– Совершенно неожиданно, – сказал Тревайз и широко улыбнулся. – Очень хорошо. То есть просто великолепно.

63

Фаллом стояла, прижавшись носом к иллюминатору, через который маленький участок Вселенной был виден точно в той же форме, в какой его видно было бы невооруженным глазом – без компьютерного увеличения и настройки.

Блисс, пытавшаяся объяснить Фаллом, что та видит, вздохнула и тихо шепнула Пелорату:

– Не знаю, что из всего этого ей понятно, Пел, дорогой. Для нее особняк се родителя и та часть поместья, на которой он расположен, были всей Вселенной. Я не думаю, что она когда-либо выходила на поверхность ночью и видела звезды.

– Ты действительно так думаешь?

– Да. Я не отваживалась показать ей все это, пока она не накопила достаточный словарный запас, чтобы хоть немного понимать меня – и какое счастье, что ты можешь говорить с ней на ее собственном языке.

– Вся беда в том, что я не особенно силен в нем, – виновато возразил Пелорат. – А Вселенную действительно очень трудно воспринять, если она наваливается на тебя так неожиданно. Она сказала мне, что если эти маленькие огоньки – гигантские миры, каждый из которых подобен Солярии, на самом деле они даже намного больше ее, то они не могут висеть в пустоте. «Они должны упасть», – сказала Фаллом.

– И она права, исходя из того, что ей известно. Она задает разумные вопросы и мало-помалу начинает понимать, что к чему. По крайней мере, она заинтересована, а не испугана.

– Понимаешь, Блисс, я тоже заинтригован. Посмотри, как Голан изменился, как только обнаружил, что на планете, к которой мы направляемся, нет кратеров. У меня нет ни малейшего понятия, какое это имеет значение. А у тебя?

– Абсолютно никакого. Он все-таки разбирается в планетологии гораздо лучше нас. Мы можем только предполагать, что он знает, что делает.

– Мне бы тоже хотелось знать, что он делает.

– Ну так спроси его.

– Я все время боюсь рассердить его, – смущенно сморщился Пелорат. – Я уверен: он думает, что я должен знать всякие такие вещи и без его объяснений.

– Это глупо, Пел. Он же не стесняется спрашивать тебя обо всех нюансах легенд и мифов Галактики, которые, по его мнению, могут быть полезными для дела. Ты всегда готов ответить и объяснить ему все это, так почему же он должен вести себя иначе? Пойди и спроси его. Если рассердится, получит повод попрактиковаться в коммуникабельности, и это пойдет ему на пользу.

– А ты пойдешь со мной?

– Нет, конечно. Нет. Я хочу остаться с Фаллом и продолжить попытки объяснить ей понятия Вселенной. Поговори с Голаном сам, а потом мне расскажешь.

64

Пелорат неуверенно вошел в рубку, и страшно обрадовался: Тревайз весело насвистывал и явно пребывал в хорошем настроении.

– Голан, – окликнул его Пелорат так беззаботно, как сумел.

Тревайз оглянулся.

– Джен! Вечно тыходишь на цыпочках, словно думаешь, что мешать мне – преступление. Закрой дверь и садись. Садись! Полубойся-ка! – Он ткнул пальцем в планету на экране и пояснил: – Я обнаружил не больше двух или трех кратеров, и все маленькие.

– Это что-то меняет, Голан? В самом деле?

– Меняет? Конечно. Как ты можешь спрашивать?

– Для меня все это – тайна, покрытая мраком, – беспомощно развел руками Пелорат. – Я в колледже изучал преимущественно историю. В дополнение к ней я проштудировал социологию и психологию, а также языки и литературу, в основном древнюю, и специализировался в университете по мифологии. Я никогда близко не касался планетологии или любой другой естественной науки.

– Это не преступление, Джен. Я предпочитаю, чтобы ты знал то, что знаешь. Твои способности к древним языкам и знание мифологии приносят нам огромную пользу. Ты это сам отлично понимаешь. А когда дело доходит до планетологии – тут уж мне карты в руки... Понимаешь, Джен, – продолжал он, – планеты образуются путем постепенного слипания мелких объектов. Последние из них уже наталкиваются на основную массу и оставляют после себя отметины в виде кратеров. Потенциально то есть. Если планета достаточно велика, для того чтобы стать газовым гигантом, она состоит в основном из жидкости под газовой атмосферой, и последние коллизии представляют собой всего лишь всплески и не оставляют никаких следов. Меньшие планеты – твердые, покрытые камнем или льдом, должны иметь кратеры, и они существуют неопределенно долгое время, пока появятся факторы, способствующие их уничтожению. Уничтожение бывает трех типов. Во-первых, планета может быть покрыта коркой, под которой плещется океан. В этом случае любой столкнувшийся с поверхностью объект пробивает лед и расплескивает воду. Затем лед вновь замерзает и залечивает, так сказать, рану. Такая планета или спутник должны быть холодными и не являются тем, что мы понимаем под «пригодными для жизни»... Во-вторых, если планета вулканически очень активна, то постоянные лавовые потоки или выбросы пепла постепенно заполняют или хоронят под собой любые кратеры. Однако такая планета или спутник тоже вряд ли могут быть населены... Третий случай – обитаемая планета. Такая планета может иметь полярные ледяные шапки, но большая часть ее океана должна быть свободна ото льдов. Она может иметь вулканы, но их не должно быть много. Такие планеты не способны ни залечить кратеры, ни заполнить их. Однако существует эрозия. Ветер и текучая вода могут источить кратеры, а если на планете есть еще и жизнь, то деятельность живых существ тоже сильно влияет на эрозию местности. Понимаешь?

Пелорат поразмыслил над этим, а затем сказал:

– Но, Голан, я совсем тебя не понимаю. Планета, к которой мы приближаемся...

– Мы садимся на нее завтра, – бодро заявил Тревайз.

– Эта планета, к которой мы приближаемся... на ней нет океана?

– Только довольно тонкие полярные шапки.

– И плотной атмосферы.

– Только одна сотая плотности атмосферы Терминуса.

– И жизни.

– Я, по крайней мере, не обнаружил.

– Тогда что же могло разрушить эти кратеры?

– Океан, атмосфера, жизнь, – ответил Тревайз. – Пойми, если эта планета с самого начала была безвоздушна и безводна, любые прежние кратеры все еще существовали бы, и ее поверхность была бы ими покрыта. Отсутствие кратеров доказывает, что она не могла быть безвоздушной и безводной с момента возникновения и в недавнем прошлом могла даже иметь плотную атмосферу и океан. С другой стороны, здесь есть огромные впадины, видимые с орбиты, которые, должно быть, заключали в себе озера и океаны; не говоря уже о том, что отчетливо видны русла высохших рек. Следовательно, эрозия здесь была и видоизменилась не так уж давно, так как новые кратеры еще не успели образоваться.

– Я, конечно, не планетолог, – недоверчиво проговорил Пелорат, – но мне кажется, что,

если планета достаточно велика, чтобы удерживать плотную атмосферу миллиарды лет, она же не может так внезапно потерять ее, верно?

– Вряд ли. И я так думаю. Но эта планета, несомненно, была обитаема до того, как атмосфера исчезла. Очень может быть, что здесь жили люди. Думаю, планета перенесла терраформирование, как почти все заселенные людьми планеты Галактики. Вся загвоздка в том, что мы не знаем, какой она была до прихода человека, что было сделано для того, чтобы превратить ее в удобный для жизни людей мир, не знаем и того, по какой причине жизнь здесь прекратилась. Могла произойти катастрофа, высосавшая атмосферу и положившая конец человеческой жизни. Или же на планете мог существовать какой-то странный разбаланс, который люди контролировали, пока жили здесь, и который дал порочный цикл исчезновения атмосферы, как только люди исчезли. Может быть, мы найдем ответ, когда приземлимся, а может быть, и нет. Это не имеет значения.

– Но тогда не имеет значения и то, была ли здесь вообще жизнь, раз ее нет сейчас. Какая разница, была ли планета всегда необитаема или она необитаема только теперь?

– Если она необитаема только теперь, тогда здесь могут сохраниться руины.

– На Авроре тоже были руины.

– Точно, но на Авроре двадцать тысяч лет шел дождь и снег, вся таяло и замерзало, дул ветер и менялась температура. И там была жизнь – не забывай про жизнь. Там уже не было людей, но жизнь продолжалась. Руины эродировали точно так же, как кратеры. И спустя двадцать тысяч лет для нас осталось мало чего полезного. Здесь, на этой планете, двадцать тысяч лет, а возможно, и меньше, прошло без ветров, без бурь, без жизни. Максимум – менялась температура, вот и все. Руины должны хорошо сохраняться.

– Если только они здесь есть, – с сомнением проворчал Пелорат. – Может, здесь никогда не было жизни, или никакой разумной жизни, и само отсутствие атмосферы было той самой причиной, по которой люди никогда не жили здесь.

– Нет, нет. Не корчи из себя пессимиста. Не выйдет. Уже отсюда вижу остатки того – я уверен, – что было некогда городом. Так что завтра мы садимся.

65

– Фаллом убеждена, что мы вернем ее обратно к Джемби, ее роботу, – озабочено сказала Блисс.

– Хм-м... – промычал Тревайз, не отрывая глаз от планеты, проплывающей под парящим над ней кораблем. Он долго молчал, а потом взглянул на Блисс так, словно только что услышал ее слова. – Ну, это же был единственный... опекун, которого она знала, не так ли?

– Да, конечно, но она думает, что мы вернулись на Солярию.

– Разве эта планета похожа на Солярию?

– Откуда ей знать?

– Скажи ей, что это не Солярия. Постой, я дам тебе пару подходящих библиофильмов с графическими иллюстрациями. Покажи ей виды нескольких обитаемых планет. И объясни, что их миллионы. У тебя есть для этого время. Я понятия не имею, как долго мы с Дженом пробродим после посадки.

– Вы с Дженом?

– Да. Фаллом не может пойти с нами, даже если бы я очень хотел этого, хотя я еще не сошел с ума. Для посещения этой планеты необходимы скафандры, Блисс. Здесь нет пригодного для дыхания воздуха. А у нас нет подходящего скафандра для Фаллом. Так что она останется на корабле с тобой. – Тревайз невесело улыбнулся. – Признаться, с тобой мне было бы спокойнее, но мы не можем оставить Фаллом одну на корабле. Она может что-нибудь испортить, пусть даже ненарочно. А Джен обязательно должен пойти со мной, потому что он хорошо разбирается в древних надписях. Вдруг они здесь окажутся. Значит, остаться с Фаллом придется тебе. Думаю, ты и сама не против. – Блисс выглядела так, словно Тревайз ее не убедил. – Послушай, это ты хотела, чтобы Фаллом улетела с нами, а не я. Я предупреждал, что от нее будут одни неудобства. Итак, ее присутствие вызывает трения, и ты должна смириться с

этим. Она останется на корабле, так что и тебе придется остаться. Вот такие дела.

– Понятно, – вздохнула Блисс.

– Ну и славненько. А где Джен?

– Он с Фаллом.

– Очень хорошо. Смени его. Я хочу с ним поговорить.

Тревайз все еще изучал поверхность планеты, когда появился Пелорат и кашлянул, сообщая о своем приходе.

– Что-нибудь не так, Голан? – спросил он.

– Не то чтобы не так, Джен. Просто я сомневаюсь. Это – странная планета. Ума не приложу, что с ней стряслось. Моря тут наверняка были обширными, судя по оставшимся от них впадинам, но мелкими. Насколько я могу судить, это была планета с системой опресненных водоемов и каналов, или, возможно, моря были не особенно соленые. Этим можно объяснить отсутствие во впадинах солевых отложений. Или... вот что. Когда океаны исчезли, соль исчезла вместе с ними – тогда это выглядит делом рук человека.

– Прости мое невежество в подобных вещах, Голан, – нерешительно начал Пелорат, – но какое отношение это имеет к тому, что мы ищем?

– Я полагаю, никакого, но я не могу сдержать любопытства. Если бы я только знал, каким образом терраформировали эту планету и какой она была до того, тогда я, возможно, смог бы понять, что случилось с ней, после того как она опустела – или перед этим. А если мы сумеем узнать, что с ней случилось, мы сможем подготовиться к неприятным сюрпризам.

– Каким сюрпризам? Это же мертвая планета, верно?

– Достаточно мертвая. Очень мало воды; разреженная, не годная для дыхания атмосфера; а Блисс не обнаружила следов ментальной активности.

– Чего же еще?

– Отсутствие ментальной активности не гарантирует отсутствия жизни.

– Но означает отсутствие опасной жизни.

– Не знаю. Но об этом я хотел поговорить с тобой. Здесь есть два города, которые мы можем посетить. Они, похоже, довольно крупные, как, впрочем, и все города. То, что уничтожило воздух и океан, вероятно, не затронуло городов. В любом случае, эти два особенно велики. Большой, однако, кажется, каким-то приземистым из-за своего расположения на голой равнине. За его чертой находится космодром, но в самом городе ничего подобного нет. В том, что поменьше, тоже есть космодром, маленький и пустой, но, впрочем, кому теперь о нем заботиться?

– Ты хочешь, чтобы я принял решение, Голан? – испуганно сдвинул брови Пелорат.

– Нет, решение я сам приму, Просто я хочу знать, что ты об этом думаешь.

– Судя по виду, большой город, должно быть, торговый или промышленный центр. Меньший, вероятно, административный центр. Нам ведь он и нужен? Там есть монументальные здания?

– То есть?

– Вряд ли я сумею объяснить, – улыбнулся Пелорат. – Архитектура их меняется со временем и варьирует на разных планетах. Впрочем, я полагаю, что они обычно громоздкие, бесполезные и дорогие. Вроде того, где нас принимали па Компореллоне.

Тревайз не смог сдержать улыбки.

– Глядя сверху, сказать трудно. И на взлете и при посадке их вовсе не разглядишь. А почему ты предпочитаешь административный центр?

– Именно там мы скорее обнаружим центральный музей, библиотеку, архивы, университет и так далее.

– Хорошо. Значит, именно туда мы и направимся: в меньший город. Глядишь, и найдем что-нибудь. У нас уже было два промаха, не может, нам повезет на этот раз.

– Бог троицу любит.

– Откуда ты выкопал эту мысль? – поднял брови Тревайз.

– Это древняя поговорка. Я нашел ее в древних легендах. Как я думаю, это означает, что успех приходит с третьей попытки.

– Звучит правдоподобно. Прекрасно – тогда «Бог троицу любит», Джен.

Глава пятнадцатая

Мох

66

Тревайз выглядел довольно нелепо в своем скафандре. Снаружи остались только кобуры, да и то не те, что он обычно пристегивал к ремню, а более увесистые, составляющие часть его костюма. В правую руку он с осторожностью поместил бластер, а в левую – нейрохлыст. Оружие снова было заряжено и на этот раз, с ухмылкой подумал Голан, никто у него ничего не отнимет.

Блисс улыбнулась:

– Неужели ты потащишь оружие даже на планету, где нет воздуха и... Ладно, не обращай внимания! Я не собираюсь с тобой спорить.

– Ну и хорошо, – сказал Тревайз и повернулся к Пелорату, чтобы помочь ему подогнать гермошлем, прежде чем надеть свой.

Пелорат, никогда прежде не надевавший скафандра, с опаской поинтересовался:

– А что, я действительно смогу дышать в этой штуковине, Голан?

– Обещаю, сможешь.

Блисс, обняв за плечи Фаллом, наблюдала за тем, как мужчины делали последние приготовления. Юная солярианка явно встревоженно смотрела на две фигуры в скафандрах. Она дрожала, руки Блисс обнимали ее нежно и успокаивающе.

Дверь люка открылась, и Тревайз с Пелоратом вошли внутрь. Их неуклюже раздувшиеся руки помахали на прощание. Люк закрылся. Крышка внешнего люка отъехала в сторону, и Тревайз, а за ним Пелорат неловко ступили на поверхность мертвого мира планеты.

Светало. Небо, естественно, было безоблачным, фиолетового оттенка, но солнце еще не взошло. Вдоль светлеющего горизонта, откуда оно должно было появиться, стелилась легкая дымка.

– Холодно, – сказал Пелорат.

– Ты чувствуешь холод? – удивился Тревайз.

Скафандры отличались хорошей изоляцией, и проблема состояла, в основном, в удалении время от времени излишнего тепла, выделяющегося телом.

– Да нет, но посмотри...

Голос Пелората ясно звучал в наушниках Тревайза. Тот посмотрел туда, куда Джен указывал пальцем: в розовом свете зари сверкал иней. Им был покрыт шероховатый камень фронтона здания, к которому они приближались.

– Из-за разреженной атмосферы здесь ночью должно быть гораздо холоднее, чем ты можешь представить, – пояснил Тревайз, – а днем гораздо жарче. Сейчас – самая холодная часть суток, и пройдет еще несколько часов, прежде чем станет слишком жарко, чтобы мы могли оставаться на солнце.

И, словно Тревайз произнес магическое заклинание, шар солнца в тот же миг появился над горизонтом.

– Не смотри на него, – посоветовал Тревайз Пелорату, – хотя в твоём шлеме – отражающее и не пропускающее ультрафиолет стекло, все же это может оказаться опасным.

Он повернулся к восходящему солнцу спиной, и его длинная тень упала на стену. Под лучами светила иней исчезал прямо на глазах. Уже через несколько мгновений стена потемнела из-за остатков влаги, но затем и влага исчезла.

– Вблизи здания выглядят не так хорошо, как с орбиты. Они растрескались и осыпаются. Это результат колебаний температуры, я думаю, а также того, что остатки воды замерзают каждую ночь и тают днем вот уже двадцать тысяч лет.

– Тут на стене вырезаны какие-то буквы. Над входом, видишь? – отозвался Пелорат. – Но

камень так растрескался, что их трудно разобрать.

– Попробуй, Джен.

– Какое-то финансовое учреждение. По крайней мере, я вижу слово, похожее на «Банк».

– Что это такое?

– Дом, в котором хранили, выдавали, вкладывали, давали займы и пускали в оборот деньги, если это действительно то, о чем я думаю.

– Целое здание, для такой ерунды? Без компьютеров?

– Может быть, тут были компьютеры, но они не производили все операции.

Тревайз пожал плечами. Такие факты древней истории его не вдохновляли.

Они пошли дальше, все быстрее и быстрее, делая краткие остановки у каждого дома. Тишина, мертвая тишина просто угнетала. Медленное, растянувшееся на тысячелетия разрушение, в которое они вторглись, делало это место похожим на скелет. Ничего не осталось от города, кроме останков.

Друзья находились в умеренной температурной зоне, но Тревайзу все время казалось, что спиной он чувствует жар солнца.

Пелорат, шедший метров на сто правее, вдруг громко крикнул:

– Посмотри сюда!

У Тревайза зазвенело в ушах.

– Не ори, Джен. Я так же ясно услышу и твой шепот, несмотря на то что ты далеко от меня. Что это?

– Это здание – «Зал Планет», – приглушил голос Пелорат. – По крайней мере, я думаю, так читается эта надпись.

Тревайз подошел к другу. Перед ними возвышалось трехэтажное сооружение. Край крыши был завален крупными обломками камня. Вероятно, какие-то скульптуры, стоявшие наверху, разбились на куски.

– Ты уверен?

– Если мы войдем внутрь, то сможем убедиться.

В пять широких шагов друзья пересекли пустую площадь. В разреженной атмосфере их металлические подошвы производили скорее колебания на уровне шепота, чем полновесные звуки.

– Теперь мне ясно, что ты имел в виду под «громоздкими, бесполезными и дорогостоящими» зданиями, – пробормотал Тревайз.

Они вошли в обширный и высокий зал, освещенный солнцем сквозь узкие окна. Внутренняя обстановка четко была видна там, куда падали солнечные лучи, а ее остальная часть скрывалась в тени. Разреженная атмосфера слабо рассеивала свет.

В центре стояла фигура человека, много больше натуральных размеров, выполненная из чего-то вроде синтетического камня. Одна рука статуи отвалилась, другая треснула у плеча, и Тревайз почувствовал, что, если он резко топнет, эта рука тоже отломится. Он сделал шаг назад, борясь с искушением проявить столь неподобающее варварство.

– Интересно, кто это такой, – сказал Тревайз. – Нигде никаких надписей. Я думаю, те, кто установил статую, считали его имя настолько нарицательным, что оно не нуждается в напоминании. Но сейчас... – Он сдержал себя, опасаясь углубиться в пространное разглагольствование, и переключил свое внимание на другие подробности интерьера.

Пелорат смотрел вверх, и Тревайз направил взгляд туда же. Там, на стене, было что-то высечено – какие-то знаки, которые Тревайз не мог прочитать.

– Поразительно, – пробормотал Пелорат. – Им двадцать тысяч лет... или больше... а здесь, отчасти защищенные от солнца и влаги, они еще вполне разборчивы.

– Не для меня, во всяком случае.

– Это написано древним шрифтом, и даже для него излишне витиевато. Позволь, я посмотрю... сейчас... семь-один-два... – голос Пелората перешел в бормотание, но вскоре он опять громко произнес: – Здесь пятьдесят названий, очевидно, принадлежащих пятидесяти космическим планетам, и это – «Зал Планет». Я полагаю, названия перечислены в порядке очередности заселения. Аврора – первая, а Солярия – последняя. Если ты обратил внимание,

здесь семь колонок с семью названиями в первых шести и восемью – в седьмой. Словно бы планировали таблицу семь на семь, а затем добавили Солярию, как свершившийся факт. Я полагаю, старина, что этот список относится к тому времени, когда Солярия еще не была терраформирована и заселена.

– И какая из них – планета, на которой мы находимся? Ты понял это?

– Посмотри на пятое название в третьей колонке, то есть – девятнадцатое, высеченное буквами намного более крупными, чем другие. Писавшие это, кажется, были достаточно себялюбивы, чтобы выделить свою планету. С другой стороны...

– Как читается это название?

– Насколько я могу воспроизвести его звучание, это – Мельпомена. Мне это название совершенно незнакомо.

– Может ли оно соответствовать слову «Земля»?

Пелорат усиленно замотал головой. Это, конечно, не было видно, но Тревайз услышал его слова:

– В древних легендах для обозначения Земли существуют десятки слов. Гея – одно из них, как ты знаешь. Также используются Терра, Эрда и так далее. Они все довольно короткие. Мне не известно ни одного длинного названия Земли или какого-либо слова, напоминающего укороченную версию «Мельпомены».

– Значит, мы находимся на Мельпомене, и это не Земля.

– Да. С другой стороны, можно еще с большей уверенностью говорить, что это Мельпомена, опираясь не на увеличенные буквы, а на координаты – 0;0;0. Таковы и должны быть координаты, соответствующие какой-либо собственной планете.

– Координаты? – Тревайз чувствовал себя полным идиотом. – Этот перечень и координаты дает?

– В перечне – три числа для каждой планеты, и я готов предположить, что это – координаты. Чем же еще они могут быть?

Тревайз не ответил. Он открыл небольшую книжку в той части скафандра, что защищала его правое бедро, и вытащил компактный прибор, соединенный кабелем со скафандром. Он приложил его к глазам и старательно навел на настенную надпись; негнувшиеся пальцы в перчатках затрудняли дело, а ведь в принципе работа была минутная.

– Камера? – неизвестно зачем уточнил Пелорат.

– Она может передавать изображение прямо в корабельный компьютер.

Тревайз сделал несколько снимков в разных ракурсах, после чего обратился к Пелорату:

– Погоди, я должен забраться повыше. Помогите мне, Джен!

Пелорат сцепил кисти рук, изобразив из себя лестницу, но Тревайз покачал головой:

– Ты не выдержишь моего веса. Встань лучше на четвереньки.

Пелорат с трудом опустился на пол, и Тревайз, вновь затолкав камеру на место, с меньшим трудом встал на плечи Пелората и перебрался на пьедестал статуи. Он осторожно постучал по камню скульптуры, проверяя его прочность, закинул ногу на колено каменной фигуры, используя его как опору для того, чтобы подняться выше, и ухватился за безрукое плечо. Уцепившись ногами за какие-то незаметные выступы на груди, он подтянулся и наконец после нескольких попыток уселся на плече статуи. Тем давно умершим людям, кто почитал эту статую и того, кого она олицетворяла, сделанное Тревайзом, наверное, могло показаться богохульством. Тревайзу было не по себе от этой мысли, и он старался сидеть аккуратнее.

– Ты свалишься и разобьешься, – взволнованно крикнул Пелорат.

– Я не собираюсь падать и разбиваться, а вот ты можешь оглушить меня.

Тревайз вынул камеру и снова навел на резкость. Сделав несколько снимков, он закрыл ее и осторожно спустился на пьедестал. Затем прыгнул на пол, и вибрация от его приземления стала, очевидно, той последней каплей, которой не выдержала треснувшая рука. Она отвалилась и, упав, превратилась в кучу щебня у подножия статуи. Причем все это произошло совершенно беззвучно.

Тревайз замер. Его первым импульсом было найти место, где можно спрятаться, пока не прибежал сторож и не схватил его. Поразительно, думал он впоследствии, как быстро оживают

дни детства в ситуациях вроде этой: когда случайно разобьешь что-нибудь весьма ценное. Длится это только мгновение, но задевает до печенки.

– Ну... ну, все в порядке, Голан. – Голос Пелората звучал глухо и смущенно – так и следовало говорить человеку, ставшему свидетелем и даже подстрекателем варварского деяния, но пытавшемуся найти слова утешения. – Так или иначе, она бы сама вот-вот отломилась.

Он подошел к осколкам у пьедестала, словно хотел доказать это, дотянулся до одного из самых крупных, поднял его и позвал друга:

– Голан, иди-ка сюда.

Тревайз подошел, и Пелорат, указывая на кусок камня, который явно был частью руки, раньше державшейся на плече, спросил:

– Что это такое?

Тревайз пригляделся. Это был клочок чего-то пушистого, ярко-зеленого. Он осторожно поцарапал рукой в перчатке, и без труда отскреб этот пух.

– Смахивает на мох, – сказал он.

– Та самая неразумная жизнь, про которую ты говорил?

– Уверен, что совсем неразумная. Блисс, думаю, будет настаивать на том, что мох обладает разумом, но ведь она наверняка заявит, что и камень им обладает.

– Ты думаешь, этот мох и разрушил камень?

– Не удивлюсь, если он этому разрушению помог. В этом мире много солнечного света и осталось немного воды. Половину той атмосферы, что есть у планеты, составляет водяной пар. Остальное – азот и инертные газы. Также остались следы двуокиси углерода, что заставляет предположить отсутствие растительности, но может оказаться, что углекислого газа мало из-за того, что он фактически весь заключен в коре. И если в этих камнях имеется немного карбонатов, возможно, мох разрушает их, выделяя кислоты, а затем использует полученную при этом двуокись углерода. Может статься, что мох – доминирующая форма жизни, оставшаяся в этом мире.

– Восхитительно.

– Несомненно, – сказал Тревайз, – но только в некотором смысле. Координаты Внешних миров гораздо более интересны, но нам нужны координаты Земли. Если их нет здесь – они могут быть где-нибудь еще в этом здании или в каком-нибудь другом. Пошли, Джен.

– Но знаешь... – начал было Пелорат.

– Нет, нет, – нетерпеливо оборвал его Тревайз. – Потом поговорим. Лучше посмотрим, что еще можно заполучить нам в этом месте. Становится все теплее. – Он взглянул на маленький датчик температуры, встроенный с тыльной стороны левой перчатки. – Пошли, Джен.

Шагая, они подняли небольшое облачко пыли, которая, правда, быстро осела из-за разреженности атмосферы. Позади них протянулись цепочки следов.

Время от времени в каком-нибудь темном углу то один, то другой замечали островки росшего там мха. Они не ощущали особой радости от присутствия здесь чего-то живого, своей примитивностью лишь усиливавшего мрачное, угнетающее чувство от прогулки по мертвой планете, особенно по такой, где на каждом шагу все напоминало о том, что когда-то, давным-давно, здесь кипела жизнь и развивалась цивилизация.

– Я думаю, здесь была библиотека, – произнес внезапно Пелорат.

Тревайз с любопытством огляделся. В зале стояло множество полок, и когда он пригляделся к ним внимательнее, то заметил, что принятые им были за украшения элементы могли с таким же успехом оказаться и библиофильмами. Стараясь не дышать, он вытащил одну кассету. Она была массивной, и Тревайз быстро понял, что это только футляр. Он вскрыл его неуклюжими из-за перчаток пальцами и увидел внутри несколько дисков. Они тоже были довольно толстыми, но казались хрупкими. Проверять Тревайз не решился.

– Невероятно примитивно, – заметил он.

– Им тысячи лет, – с упреком, словно оберегая мельпомениан от обвинений в отсталой технике, возразил Пелорат.

Тревайз показал на центр диска, где проступали завитки древних замысловатых букв.

– Это название? Что оно означает?

Пелорат пристально рассмотрел диск.

– Не уверен, дружок, но думаю, одно из этих слов относится к микроорганизмам. Наверное, это специфический термин микробиологии, который я не понял бы и на стандартном галактическом.

– Вероятно, – угрюмо проговорил Тревайз. – И столь же вероятно, что это не даст нам ровным счетом ничего, далее если мы сможем прочесть название. Нас не интересуют микробы. Сделай одолжение, Джен. Просмотри несколько книг и отбери те, у которых достаточно интересные заглавия. Пока ты займешься этим, я взгляну на считывающие устройства.

– Это они? – удивленно спросил Пелорат. Устройства были приземистые, кубической формы, увенчанные наклонным экраном с закругленными выступами сверху, которые могли бы служить подставками для локтей или же местом, куда ставился электроблокнот, если таковые существовали бы на Мельпомене.

– Если это библиотека, – сказал Тревайз, – то должны быть и различного вида считывающие устройства, и, кажется, вот эти вполне подходят.

Он осторожно стер пыль с экрана и обнаружил – какая разница, из чего тот сделан, – что поверхность его не разрушилась от прикосновения. Тревайз покрутил ручки одну за другой – ничего не произошло. Он испробовал следующий прибор, затем следующий, результат все тот же.

Он не удивился. Даже если прибор оставался в рабочем состоянии в течение двадцати тысяч лет в столь разреженной атмосфере и был влагонепроницаемым, оставалась еще и проблема источников питания. Запасенная энергия утекала, что бы ни предпринимали для предотвращения этого – еще один аспект всеобъемлющего, непререкаемого второго закона термодинамики.

Пелорат подошел к нему сзади.

– Голан.

– Да.

– У меня здесь книгофильм...

– Какой?

– Похоже, история космических полетов.

– Великолепно, но это ничего нам не даст, если я не заставлю проклятый считыватель работать.

Он от злости сжал кулаки.

– Мы можем взять микрофильм с собой на корабль.

– Я понятия не имею, как приспособить эту кассету к моему компьютеру. Она не подойдет к нему, и наша сканирующая система наверняка с ней несовместима.

– Но разве все это действительно необходимо, Голан? Если мы...

– Это действительно необходимо, Джен. Не перебивай меня. Я пытаюсь придумать, что делать. Попробую добавить немного энергии этому устройству. Может быть, это все, что нужно.

– Откуда ты ее возьмешь?

– Ну... – Тревайз вытащил свое оружие, быстро взглянул на него, затем убрал бластер обратно в кобуру, вскрыл отсек питания нейрохлыста и проверил заряд. Заряд был максимальным. Тревайз распростерся на полу, запустил руки за считыватель (продолжая считать, что это именно он) и попытался двинуть его на себя. Прибор слегка сдвинулся, и Тревайз стал изучать то, что при этом обнаружилось.

Один из проводов должен был подводить питание, и наверняка это был тот, что выходил из стены. Но ни вилки, ни соединения. (Как можно понять чужую, к тому же древнейшую культуру, в которой совершенно не признаются такие простейшие меры безопасности?)

Он осторожно потянул на себя кабель, потом потянул чуть сильнее. Повертел туда-сюда, нажал стену вблизи его выхода и затем осмотрел полувскрытую заднюю стенку прибора, но не обнаружил ничего, что помогло бы ему привести считыватель в рабочее состояние.

Опершись одной рукой на пол, он встал и потянул кабель. Тревайз не мог понять, как удалось освободить его. Однако вот он и совершенно не поврежден. И установка, кажется, в

полном порядке. В стене осталось лишь аккуратное отверстие.

– Голан, могу я... – осторожно сказал Пелорат.

Тревайз отмахнулся от него и безапелляционно заявил:

– Не сейчас, Джен. Прошу тебя!

Он внезапно обнаружил на складке своей левой перчатки пятно от зеленого мха. Наверное, подцепил его за прибором и вытащил на свет. Перчатка сперва была слегка влажной, но на глазах Тревайза мох высох, и из зеленоватого превратился в коричневый.

Тревайз снова стал разглядывать конец провода и увидел два отверстия. Вот везение – сюда же можно воткнуть другие провода.

Тревайз вновь уселся на пол и открыл отсек питания своего нейрохлыста. Осторожно отсоединил один из проводков. Потом медленно и осторожно вставил его в одно из отверстий провода считывающего аппарата. И проталкивал до упора. После этого он попытался потихоньку вытащить его обратно, но провод не поддавался, словно что-то его зажало. Тревайз с трудом справился с желанием выдернуть провод силой. Было ясно, что им можно-таки замкнуть цепь и снабдить энергией считыватель.

– Джен, – сказал Тревайз, – ты имел дело с уймой библиофильмов. Посмотри, нельзя ли каким-то образом вставить этот считыватель.

– Если это действительно необ...

– Прошу тебя, Джен, постарайся не задавать лишних вопросов. Мы потеряли уже уйму времени! Я не хочу торчать здесь до ночи, ожидая того момента, когда здание достаточно остынет, чтобы можно было вернуться.

– Он должен вставляться вот так, но...

– Хорошо. Если это история космических полетов, значит, она должна начинаться с Земли, поскольку именно там были изобретены космические корабли. Теперь посмотрим, работает ли эта штука.

Пелорат несколько неуклюже вставил библиофильм в щель приемника и принялся изучать обозначения около различных клавишей, пытаясь понять, на которую из них нужно нажать.

Ожидая результатов, Тревайз негромко, отчасти для того чтобы немного успокоиться, проговорил:

– Наверное, тут где-то есть и роботы – по идее, в полном порядке и блеске, ведь здесь почти полный вакуум. Беда лишь в том, что их источники энергии давно иссякли, и если их снова зарядить, что будет с их мозгом? Рычаги и шестеренки могли выдержать груз прошедших тысячелетий, но что за это время случилось с какими-нибудь микрореле и позитронными цепочками у них в мозгу? Они наверняка вышли из строя, а если даже и нет, что они могут знать о Земле? Что они могут...

– Считыватель работает, дружок, – обрадовался Пелорат. – Смотри.

Экран вскоре тускло замерцал, правда, еле-еле. Но Тревайз слегка повернул регулятор мощности нейрохлыста, и экран засветился ярче. Из-за разреженности воздуха в местах, куда не попадали лучи солнца, стоял полумрак, и свет от экрана на темном фоне казался сильнее.

Экран продолжал мерцать. По нему проплывали бесформенные тени.

– Нужно отладить изображение, – сказал Тревайз.

– Знаю, – ответил Пелорат, – но это максимум, чего я смог добиться. Сама пленка, должно быть, испорчена.

Тени задвигались быстрее. Периодически на экране появлялось что-то, смутно напоминающее печатный текст. На мгновение возникло резкое изображение и тут же исчезло.

А Пелорат и сам уже занялся этим. Он прогнал запись назад, затем вперед и наконец нашел и остановил кадр.

Тревайз мучительно пытался прочесть текст, по вскоре в отчаянии спросил у Пелората:

– А ты понимаешь, что здесь написано, Джен?

– Не совсем, – не спуская глаз с экрана, ответил Пелорат. – Что-то об Авроре. Это точно. Похоже, тут речь идет о первой гиперпространственной экспедиции – как тут сказано «о первом броске».

Он пустил пленку дальше, и экран вновь замигал.

– Во всех кусках, – сказал Пелорат немного погодя, – которые я смог разобрать, упоминаются только Внешние миры, Голан. О Земле – ни слова.

– И быть не может, – с горечью констатировал Тревайз. – На этой планете все сведения уничтожены, как и на Тренторе. Выключи эту штуку.

– Но это не имеет значения... – начал Пелорат, выключая прибор.

– Потому что мы можем попытаться счастья в другой библиотеке? Там тоже все окажется уничтоженным. Везде одно и то же. Знаешь... – сказал он и, в ужасе глядя на Пелората, оборвал начатую фразу.

– Что у тебя со шлемом, Джен? – наконец выдал Тревайз.

67

Пелорат машинально коснулся рукой в перчатке лицевого стекла скафандра, затем отдернул ее и посмотрел на пальцы.

– Что это? – удивился он. Затем взглянул на Тревайза и пронзительным от волнения голосом проговорил: – У тебя со шлемом, Голан, тоже что-то странное.

Тревайз растерянно огляделся по сторонам, ища, нет ли где зеркала. Зеркала не было, да и будь оно тут, без дополнительного освещения рассмотреть себя в нем было бы все равно невозможно.

– Пошли к свету, – буркнул Тревайз.

Он полувывел, полувытолкнул Пелората на солнце, бьющее из ближайшего окна. Несмотря на изолирующее действие скафандра, Тревайз уже ощущал, как жарко греют лучи.

– Повернись лицом к солнцу, – приказал он. – Закрой глаза.

Теперь стало ясно, что случилось с лицевым стеклом шлема Пелората: там, где оно соединялось с металлизированной тканью самого скафандра, вырос пышный мох. Лицевое стекло окантовал зеленый пух. Тревайз понял, что сам выглядит точно так же.

Он провел пальцем по мху на шлеме Пелората, Часть этого мха легко стерлась. Раздавленная зелень осталась на перчатке. Даже теперь она влажно блестела на солнце, однако уже казалась жестче и суше. Тревайз потерял ее, и на этот раз мох рассыпался, стал коричневым и сухим. Протер края лицевого стекла Пелората, нажимая пальцами как можно сильнее.

– Теперь ты меня почисти, Джен, – попросил он... – Все? Хорошо, спасибо. Пошли. Я думаю, нам здесь больше нечего делать.

Солнце в небе над мертвым городом палило нещадно. Стены зданий блестели ярко, до рези в глазах. Тревайз, щурясь, старался двигаться по теневой стороне улиц. Остановившись около трещины в фасаде одного из зданий, достаточно широкой, чтобы просунуть в нее палец, Тревайз так и сделал – вытянул палец, взглянул на него, пробормотал «мох», неторопливо подошел к границе тени и некоторое время подержал палец на солнце.

– Углекислота, – сказал он, – вот слабое место. Повсюду, где найдется углекислота – разрушающийся камень, – везде он будет расти. Мы, кстати, прекрасный источник углекислого газа, вероятно, более богатый, чем что-либо еще на этой почти мертвой планете, и, видимо, часть этого газа просачивается по краям лицевых стекол.

– И поэтому там вырастает мох?

– Да.

Обратный путь к кораблю казался нестерпимо долгим, и, конечно, теперь было намного жарче, чем на заре. Корабль, на счастье, все еще оставался в тени, когда они добрались до него; Тревайз на это рассчитывал и не ошибся.

– Смотри! – воскликнул Пелорат.

Тревайз увидел, что по всему периметру шлюзового люка идет кайма зеленого мха.

– Еще большая утечка углекислоты? – спросил Пелорат.

– Конечно. Но количество газа незначительно. Этот мох, похоже, является лучшим индикатором следов двуокиси углерода из всех, что я видел. Его споры, должно быть, рассеяны повсюду, и где бы ни обнаружилось хотя бы несколько молекул углекислоты, они прорастают. – Тревайз настроил свое радио на волну корабля и произнес: – Блисс, ты слышишь

меня?

– Да, – прозвучал в его наушниках голос Блосс. – Вы готовы войти? Нашли что-нибудь?

– Мы снаружи. Но не открывай люка. Мы откроем его отсюда. Повторяю, не открывай люка.

– Почему?

– Блосс, делай только то, что я прошу, хорошо? Все объясним потом.

Тревайз вынул свой бластер, осторожно уменьшил его мощность до минимума и неуверенно посмотрел на оружие. Ему еще никогда не приходилось использовать бластер на минимальной мощности. Огляделся. Кругом, как назло, не валялось никакого подходящего обломка камня, на котором можно было бы испробовать бластер.

В полном отчаянии он повернулся и направил бластер на каменистый склон холма, в тени которого стояла «Далекая звезда». Мишень не раскалилась докрасна под действием теплового луча. Тревайз подошел и пощупал пятно от выстрела. Нагрелся камень или пет, сказать точно было трудно – мешала теплоизоляция скафандра.

Тревайз немного подумал и решил, что обшивка корабля должна быть не менее устойчива к действию тепла, чем камень. Он направил бластер на край люка и, затаив дыхание, резко нажал спуск.

Несколько сантиметров мохоподобной растительности мгновенно побурело. Он махнул рукой около этого участка, и даже малейшего дуновения, возникшего в почти безвоздушном пространстве, хватило для того, чтобы легкий бурый порошок рассеялся без следа.

– Сработало? – озабоченно спросил Пелорат.

– Вроде получается.

Тревайз обработал всю окрестность люка – зелень немедленно побурела. Тогда он постучал по люку, и бурый порошок осыпался на грунт – пыль была настолько мелкой, что даже повисла в разреженном мельпоменском воздухе.

– Пожалуй, теперь можно открыть люк, – сказал Тревайз и, нажав несколько кнопок на запястье, набрал комбинацию радиоволн, активировавшую механизмы шлюза. Появилась щель, и не успел люк и наполовину открыться, как Тревайз подтолкнул Пелората: – Не стой столбом, Джен, входи. Не жди трапа. Влезай, быстро!

Тревайз последовал за другом, не переставая обрабатывать лучом края люка. Он также тщательно прожарил трап, как только тот опустился. Затем Тревайз дал сигнал закрытия люка и продолжал прогревать крышку, пока та не захлопнулась полностью.

– Мы в шлюзе, Блосс, – сообщил Тревайз по радио. – Пробудем здесь еще несколько минут. Не волнуйся и ничего не делай!

– Ну скажи хоть словечко! – умоляюще проговорила Блосс. – С вами все в порядке? Как там Пел?

– Я здесь, Блосс. Все нормально, – отозвался Пелорат. – Не волнуйся, милая!

– Я верю, Пел, раз ты так говоришь, Но потом обязательно все объясните. Объяснить придется.

– Обещаю, – ответил Тревайз и включил свет. Двое в скафандрах стояли лицом к лицу в тесном шлюзе.

– Мы должны выкачать весь воздух, по возможности, так что придется подождать, – объяснил Тревайз.

– А корабельный воздух? Мы напустим его сюда?

– Не сразу. Мне точно так же невтерпеж избавиться от скафандра, как и тебе, Джен. Я просто хочу убедиться, что мы избавились от всех спор, которые проникли сюда вместе с нами – или на нас.

В шлюзе было не только тесно, но и не очень светло, к тому же Тревайз с бластером повернулся к внутренней стороне люка и нажал на спуск. Старательно прогрел пол, стены и еще раз пол.

– Теперь твоя очередь, Джен. – Пелорат засуетился, но Тревайз успокоил его: – Ты только почувствуешь тепло. Больше ничего. Если станет неприятно, сразу скажи. – Он провел невидимым лучом по лицевому стеклу шлема Пелората, особенно тщательно – по краям, затем

постепенно по всей остальной поверхности скафандра. – Подними левую руку, Джен, – бормотал он. – Теперь правую. Обопрись на мои плечи и подними ногу – я должен обработать подошвы, теперь другую. Тебе не слишком жарко?

– Не сказал бы, что меня обдувает прохладный ветерок, Голан.

– Ну, теперь дай и мне испробовать мое собственное средство на себе. Поработай надо мной.

– Я никогда не держал в руках бластера.

– Придется подержать. Вот так. Большим пальцем нажми на эту кнопку, и крепко сожми рукоятку. Правильно. Теперь прогрей лицевое стекло. Двигай бластером. Джен, не целься долго в одно место. Давай. Еще по шлему немного, а потом вниз по всему скафандру.

Тревайз показывал Пелорату, куда направлять бластер, и только когда основательно вспотел, забрал оружие и проверил заряд батарей.

– Больше половины израсходовано, – отметил он и вновь тщательно прогрел стены, пол и потолок шлюзовой камеры, пока не кончился заряд.

Оружие и само здорово нагрелось. Тревайз наконец засунул бластер в кобуру и только тогда подал сигнал для входа в корабль. Обрадовался свисту воздуха, устремившегося в шлюзовую камеру, как только открылся внутренний люк. Теперь его прохладные струи быстро остудят скафандр – гораздо быстрее, чем он остыл бы снаружи. Наверное, это была иллюзия, но Тревайз почти мгновенно почувствовал охлаждающий эффект. Пусть это был плод воображения, все равно приятно.

– Сними скафандр, Джен, и оставь его здесь, в шлюзе.

– Если ты не против, я хотел бы прежде всего принять душ.

– Не прежде всего. До этого и даже раньше, чем ты сможешь опорожнить свой страдавший мочевой пузырь, ты должен поговорить с Блисс.

Блисс, конечно, ждала их с нетерпением. Позади нее, выглядывая сбоку, стояла Фаллом, крепко вцепившись пальцами в левую руку Блисс.

– Что случилось? – строго спросила Блисс. – Что произошло?

– Предохранительные меры против инфекции, – сухо ответил Тревайз. – А еще я включу ультрафиолетовые лампы. Наденьте темные очки. Быстрее, пожалуйста. – В ультрафиолетовом свете, добавившемся к обычному свечению стенных панелей, Тревайз стащил с себя влажную от пота одежду, встряхнул и повертел, внимательно осматривая. – Из чистой предосторожности, – сказал он. – Советую то же самое сделать и тебе, Джен. И еще... Блисс, я должен раздеться догола. Если тебе это неприятно, пройди в свою каюту.

– Мне ни неприятно, ни неудобно. Я достаточно хорошо представляю, как ты выглядишь, думаю, что ничего нового не увижу. А что за инфекция?

– Да так, мелочь, – стараясь говорить равнодушно, произнес Тревайз. – Однако, если этой пакости дать волю, она может причинить большой вред человечеству.

68

Официально, согласно содержанию комплекса фильмов с информацией и инструкциями, которые имелись на «Далекой звезде» и которые Тревайз обнаружил еще тогда, когда впервые ступил на борт этого корабля, ультрафиолет предназначался именно для дезинфекции. Тревайз предполагал, правда, что этот свет является и источником великого искушения, и временами этому искушению уступали, используя ультрафиолет для получения загара, уроженцы планет, где в моде была смуглая кожа. Но для чего бы им ни пользовались, он все равно дезинфицировал помещения корабля.

Корабль покинул планету, и Тревайз занялся маневрами вблизи солнца Мельпомены, делая все, что мог, чтобы не причинить неприятностей и не доставить лишних неудобств экипажу за счет непрерывных поворотов. Тревайз хотел на все сто увериться, что вся обшивка корабля омыта ультрафиолетовым излучением звезды. Напоследок из шлюза извлекли скафандры и осматривали их до тех пор, пока Тревайз не удовлетворился их состоянием.

– И все это, – сказала наконец Блисс, – из-за мха? Ты же так сказал, Тревайз? Мох?

– Я назвал эту дрянь мхом, потому что она мне его напоминала. В конце концов я не ботаник. Все, что я могу сказать, так это то, что это – ярко-зеленая растительность и, вероятно, она может существовать при очень слабом освещении.

– Почему?

– Мох чувствителен к ультрафиолету, и он может расти или сохранять жизнеспособность под прямыми солнечными лучами. Его споры – повсюду, и он растет в укромных уголках, а трещинах статуй, на нижних сторонах различных предметов, питаясь энергией рассеянных фотонов везде, где есть источники двуокиси углерода.

– Я поняла так, что ты считаешь его опасным.

– Это не исключено. Если бы хоть несколько спор проникли с нами, когда мы вошли, они бы нашли на корабле вполне подходящее освещение, без примеси вредного ультрафиолета, воду и неиссякаемый источник углекислого газа.

– Только три сотых процента в нашей атмосфере, – заметила Блисс.

– Им хватит за глаза. Добавь еще четыре процента в выдыхаемом нами воздухе. Что, если споры мха проросли бы у нас в ноздрях и на коже? Что, если бы они съели и испортили пищевые запасы? Что, если они производят токсины, способные нас убить? Даже если бы мы бросили все силы на уничтожение этих спор, но все же оставили хоть несколько, этих оставшихся могло бы оказаться достаточно, когда они вместе с нами попадут на другие планеты, чтобы заразить их, а оттуда перенестись на следующие. Кто знает, какой вред они могут причинить?

– Жизнь не обязательно опасна только потому, что она отличается от обычной, – покачала головой Блисс. – Как же ты любишь убивать.

– Это слова Геи, – буркнул Тревайз.

– Конечно. Но я надеюсь, они не лишены смысла. Мох привык к условиям этого мира. Поэтому он использует свет в небольших количествах, но гибнет при его избытке; поэтому он использует малейшие дозы двуокиси углерода, но может погибнуть при больших его концентрациях. Он может оказаться безопасным на любой другой планете, кроме Мельпомены.

– Ты хочешь, чтобы я дал мху шанс попытать счастья? – с возмущением сказал Тревайз.

– Да нет, – пожала плечами Блисс. – Не кипятись. Я тебя понимаю. Ты изолят, и у тебя, видимо, не было другого выбора, кроме как поступить так, как ты поступил.

Тревайз хотел было что-то ответить, но его прервал чистый, пронзительный голосок Фаллом. Она что-то сказала на своем языке.

– Что она говорит? – спросил Тревайз у Пелората.

– Она говорит, что... – начал Пелорат, но не договорил.

Фаллом, видимо, решив, что ее язык понять нелегко, начала снова:

– Был ли там Джемби, там, где вы были?

Фаллом произнесла слова так старательно, что Блисс просияла:

– Разве не прекрасно она говорит на галактическом? И как быстро выучилась!

– Я все перепутаю, – тихо сказал Тревайз, – если попытаюсь объяснять сам, но ты скажи ей, Блисс, что мы не нашли роботов на этой планете.

– Я сам, – вмешался Пелорат. – Послушай, Фаллом, – он нежно положил руку на плечо подростка, – пойдем в нашу каюту, и я дам тебе почитать еще одну книгу.

– Книгу? О Джемби?

– Не совсем... – улыбнулся Пелорат, уводя Фаллом, и дверь за ними закрылась.

– Знаешь, – сказал Тревайз, проводив их недовольным взглядом, – мы тратим время зря, играя в нянек этого ребенка.

– Зря? Разве это мешает тебе в поисках Земли, Тревайз? Нет. То, что ты называешь «игрой в нянек», на самом деле укрепляет наши отношения, снимает страх, создает любовь. Разве это такая уж чепуха?

– Ты вновь говоришь устами Геи.

– Да, – согласилась Блисс, – А теперь о деле. Мы посетили три из древних космических планет и ничего не добились.

– Все правильно, – кивнул Тревайз.

– Фактически мы обнаружили, что все они по-своему опасны, верно? На Авроре – дикие собаки; на Солярии – странные, агрессивные люди; на Мельпомене – несущий угрозу всем обитаемым планетам мох. Очевидно, когда планета остается предоставленной самой себе, обитаема она людьми или нет, она все равно становится опасной для межзвездного сообщества.

– Это нельзя возводить в ранг всеобщего закона.

– Трое из трех – это впечатляет.

– И как же это впечатляет тебя, Блосс?

– Я скажу тебе. Только, пожалуйста, выслушай меня без предубеждений. Если в Галактике существуют миллионы взаимодействующих планет – так оно и есть на самом деле, – и если каждая из них населена исключительно изолятами, что тоже так и есть, то на каждой планете доминируют люди, и они могут навязать свою волю другим формам жизни, неживым геологическим образованиям и даже себе подобным. Галактика, следовательно, на сегодняшний день является вполне примитивным, некоординированным и плохо функционирующим миром. Начатком, зародышем объединения. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Я понял, к чему ты клонишь, но это не означает, что я должен с тобой соглашаться.

– А ты послушай. Соглашаться или нет, дело твое, но выслушай меня. Галактика может родиться только из прото-Галактики и, чем меньше будет «прото», чем больше «Галактики», тем лучше. Галактическая Империя была попыткой создать сильную прото-Галактику. Когда она раскололась, сразу настали плохие времена, и возникло стремление усилить концепцию прото-Галактики. Конфедерация Академии является воплощением этого стремления. Таким же воплощением была и Империя Мула. Такова и планируемая Второй Академией Новая Империя. Но даже если бы не было таких империй или конфедераций, но будь вся Галактика сумасшедшим домом, это был бы взаимосвязанный сумасшедший дом, в котором между собой общались бы отдельные миры, пусть даже только враждебно. Это было бы все равно некое единение, и не самое худшее.

– Куда уж хуже?

– Ты знаешь ответ, Тревайз. Ты видел его своими глазами. Если населенная людьми планета будет брошена на произвол судьбы, становясь истинным изолятом, если она теряет все связи с другими населенными мирами, она развивается, но развивается злокачественно.

– Наподобие раковой клетки?

– Да. Не такова ли Солярия? Она противостоит всем мирам. Там каждый против всех остальных. Ты видел это. А если люди исчезают совсем, испаряются последние следы дисциплины, Каждый-против-каждого – этот принцип становится инстинктивным, как у собак, или просто законом природы, как в мире мхов Мельпомены. Понимаешь, я думаю, что чем ближе мы к Галактике, тем совершеннее сообщество. Тогда зачем останавливаться за несколько шагов до цели?

Тревайз некоторое время молча смотрел на Блосс.

– Я думаю об этом, – сказал он наконец. – Но зачем предполагать, что увеличение дозы лекарства – единственный выход, что если немного – это хорошо, что больше – лучше, и все это – лучшее из возможного? Разве ты сама не говорила, что мох, возможно, так адаптировался к очень малому содержанию двуокиси углерода, что ее богатое содержание может убить его? Человек ростом в два метра лучше, чем ростом с метр, но он лучше и трехметрового великана. Мышь не станет лучше, если она вырастет до размеров слона. Ей просто не выжить. Да и слону не станет лучше, если он уменьшится до размеров мыши.

Существуют естественные размеры, естественная сложность, какое-то оптимальное качество для всего – звезда это или атом, и это, очевидно, столь же истинно для живых существ и их сообществ. Я не говорю, что старая Галактическая Империя была идеальной и, безусловно, вижу ошибки в деятельности Конфедерации Академии, но я не могу заявить что, поскольку тотальный изоляционизм плох, хороша тотальная Унификация. Крайности могут быть ужасны как та, так и другая, и старая добрая Галактическая Империя, пусть и несовершенная, могла бы быть нам меньшим из зол.

– Сомневаюсь, – покачала головой Блосс, – веришь ли ты сам себе, Тревайз. Станешь ли ты доказывать, что и вирус, и человек равно неудовлетворительны, и желаешь стать чем-то

промежуточным – вроде скользкой плесени?

– Нет. Но я могу спорить, что и вирус, и суперчеловек одинаково плохи, и предпочесть остаться чем-то средним – обычным человеком. Да спорить-то пока не о чем. Я вынесу решение, когда найду Землю. На Мельпомене мы нашли координаты остальных сорока семи космических планет.

– И ты посетишь их все?

– Каждую, если понадобится.

– Все время рискуя жизнью?

– Да, если это потребуется, чтобы найти Землю.

Пелорат вышел из каюты, где оставил фаллом, и только успел рот раскрыть, как угодил в перепалку между Блисс и Тревайзом. Он смотрел то на одного, то на другую, пока они перебрасывались репликами.

– Сколько же времени это займет?

– Сколько бы ни потребовалось. Мы можем найти то, что ищем, прямо на следующей планете.

– Или ни на одной из них.

– Этого мы не сможем узнать, пока не посетим все.

Тут наконец Пелорат попытался вставить словечко.

– Но послушай, Голан! У нас же есть ответ.

Тревайз нетерпеливо отмахнулся, но вдруг замер, повернулся к нему лицом и бессмысленно уставился на друга:

– Что?

– Я сказал, у нас есть ответ, Я пытался сказать тебе это, по крайней мере, раз пять на Мельпомене, но ты был так занят, что...

– Что за ответ? О чем ты говоришь?

– О Земле. Я думаю, мы знаем, где она.

Часть шестая Альфа

Глава шестнадцатая Центр миров

69

Тревайз смотрел на Пелората долго и с явным недовольством. Наконец спросил:

– Было ли там что-нибудь, что ты видел, а я нет, и о чем ты не сказал?

– Нет-нет, – покачал головой Пелорат. – Ты тоже видел это, и, как я только что сказал, я пытался заговорить с тобой, но ты отмахнулся.

– Хорошо, попытайся снова. Попытка не пытка.

– Не дразни его, Тревайз, – возмутилась Блисс.

– Я не дразню его, я хочу получить от него информацию. И не считай его ребенком.

– Прошу вас, – умоляюще проговорил Пелорат, – слушайте меня, если можете, а не друг друга. Помнишь, Голан, мы раньше говорили о попытках установить происхождение рода человеческого? Проект Яриффа – помнишь? Он пытался установить времена основания различных миров, предполагая, что планеты заселялись равномерно во всех направлениях от центра расселения – мира-прародины.

– Насколько я помню, – нетерпеливо кивнул Тревайз, – гипотеза сработала из-за того, что все даты были ненадежны.

– Верно, дружок. Но планеты, которые брал в расчет Ярифф, были основаны второй волной переселенцев. Тогда же развились и усовершенствовались гиперпространственные

перелеты, и поселения возникали и росли совершенно беспорядочно. Преодолевать даже очень большие расстояния стало совсем просто, и картина образования поселения перестала представлять собой правильную расширяющуюся сферу. Вот еще одна сложность вдобавок к недостоверным датам основания колоний...

А теперь, Тревайз, задумайся на мгновение о том, как заселялись космонитские планеты. Это была первая волна переселенцев: ранние гиперпространственные полеты были еще очень несовершенными и мало напоминали наши Прыжки. В то время как миллионы планет второй волны заселялись, по всей вероятности, довольно хаотично, пятьдесят первых наверняка заселялись в определенном порядке. Планеты второй волны заселялись целых двадцать тысяч лет, а пятьдесят первых были колонизированы за какие-то несколько веков – почти мгновенно, по сравнению с поселенческими планетами. Эти пятьдесят, вместе взятые, должны располагаться сферично вокруг планеты, с которой они все ведут свое происхождение.

У нас есть координаты пятидесяти миров. Ты сфотографировал их – помнишь, со статуи? Кто бы это ни был – тот, кто уничтожил все сведения о Земле, он все же проглядел эти координаты, или не подумал о том, что из них можно извлечь необходимую информацию. Все, что тебе нужно сделать, Голан, это учесть смещения звезд за двадцать тысяч лет и, скорректировав эти координаты, найти центр сферы. В результате вычислений ты получишь точку, достаточно близкую к земному Солнцу или, по крайней мере, к его положению двадцать тысяч лет назад.

Рот Тревайза не закрывался от удивления все время, пока продолжался этот подробный рассказ, и только через несколько секунд после того, как Пелорат умолк, Тревайз обрел дар речи.

– Почему же я не подумал об этом? – воскликнул он наконец.

– Я пытался сказать тебе все это еще тогда, когда мы были на Мельпомене.

– Я верю тебе. И прости дурака, Джен, за то, что отказался тебя выслушать. Мне тогда и в голову не пришло... – Он смущенно умолк.

– Что я могу сказать что-нибудь толковое? – тихо усмехнулся Пелорат. – Чаше всего так и бывает, но видишь ли, это было как-никак по моей специальности. Большей частью ты прав, когда затыкаешь мне рот.

– Ничего подобного! – запротестовал Тревайз. – Это не так, Джен. Я чувствую себя идиотом, и получил по заслугам. Еще раз извини – я должен поспешить к компьютеру.

Они с Пелоратом прошли в рубку, и Пелорат, как обычно, стал с изумлением и недоверием одновременно наблюдать за тем, как руки Тревайза опустились на пульт и Тревайз превратился в единый человеко-компьютерный механизм.

– Придется сделать определенные допущения, Джен, – сказал Тревайз, не глядя на Пелората. Как всегда, когда он работал с компьютером, лицо его было бесстрастным, отрешенным. – Я предположил, что первое число – дистанция в парсеках, а два других – углы в радианах, и первый из них – вертикальный, второй же – горизонтальный. Я также думаю, что использование плюса-минуса к углам отвечает галактическим стандартам и что точка – 0,0,0 – это солнце Мельпомены.

– Звучит довольно правдоподобно, – кивнул Пелорат.

– Неужели? Существуют шесть возможных способов расположения чисел, четыре – знаков; расстояние может быть указано в световых годах, а не в парсеках, углы – в градусах, а не в радианах. Итого девятью шесть различных вариантов. Прибавь к этому то, что, если для обозначения расстояния используются световые годы, я не могу быть уверен в том, какова величина светового года, принятая здесь. Добавь и то, что я не знаю действовавшего тогда принципа измерения углов – в первом случае наверняка от экватора Мельпомены, ну а во втором – ее нулевой меридиан?

– А теперь, – растерялся Пелорат, – все звучит совершенно безнадежно.

– Не безнадежно, Аврора и Солярия включены в этот список, а я знаю их расположение в пространстве. Я использую координаты и посмотрю, смогу ли совместить их. Если компьютер выдаст мне неправильное расположение этих планет, я скорректирую координаты и буду продолжать подбирать варианты, пока не добьюсь успеха. Тогда я смогу понять, какие из моих

первоначальных допущений ошибочны по отношению к стандарту. Как только все допущения окажутся верными, я смогу найти центр сферы.

– Так много неясностей. Тебе будет трудно решить, что делать?

– Что? – переспросил Тревайз. Он весь ушел в работу с компьютером. После того как Пелорат повторил вопрос, он ответил: – А? Нет, шансы на то, что координаты заданы в соответствии с галактическим стандартом, высоки, и привязка их к неизвестному нулевому меридиану не составит большого труда. Эта система локализации точек в пространстве была разработана давным-давно, и большинство астрономов вполне уверены, что она предшествовала эпохе межзвездных перелетов. Люди ведь очень консервативны в определенных вещах и практически никогда не меняют достигнутых соглашений, касающихся измерений. Мне думается, многие порой даже впадают в заблуждение, считая их законами природы. Какие уж тут законы, когда каждая планета имеет свои собственные системы измерений, которые меняются каждое столетие. Правда, я искренне надеюсь, что научные изыскания в этой области когда-нибудь завершатся и система измерений будет унифицирована. – Тревайз говорил, продолжая работать, и речь его постоянно прерывалась. Немного погодя он пробормотал: – А сейчас – тихо... – Тревайз напрягся, нахмурился и только спустя несколько минут откинулся в кресле, глубоко вздохнул и еле слышно проговорил: – Все правила соблюдены. Данные места положения Авроры совпали с ее истинными координатами. Один к одному. Видишь?

Пелорат посмотрел на звездный узор и на яркую точку вблизи центра:

– Ты уверен?

– При чем тут я? Это компьютер уверен. Кроме того, мы были на Авроре. Нам известны ее характеристики: диаметр, температура, масса, альbedo, спектр, не говоря уже о расположении соседних звезд. Компьютер утверждает, что это – Аврора.

– Ну, выходит, что эта планета и есть Аврора.

– Поверь мне, это так. Сейчас я настрою экран, и компьютер начнет работу. У него – пятьдесят наборов координат, и в его силах обработать их одновременно. – Тревайз занялся настройкой экрана. Компьютер спокойно работал в четырехмерном пространстве-времени, но наблюдателю-человеку редко требовалось больше двух измерений. Сейчас же казалось, что экран превратился в некий темный колодец, глубокий и широкий. Тревайз приглушил до минимума освещение рубки, чтобы было легче наблюдать звездное поле на экране. – Сейчас начнется, – прошептал он.

Через какое-то мгновение на экране вспыхнула звезда, затем еще одна и еще. Изображение на экране сдвигалось при появлении очередной звезды так, чтобы все они были видны. Казалось, что весь космос отодвигался от них и перед глазами разворачивалась все более и более широкая панорама. Добавьте к этому еще и сдвиг вверх-вниз и вправо-влево...

Наконец все пятьдесят светил яркими точками повисли в пространстве.

– Я-то надеялся получить восхитительную сферу, – сказал Тревайз, – но это больше походит на остатки снежка, который второпях слепили из слишком жесткого и рассыпчатого снега.

– И это все портит?

– Это создает определенные трудности, но без них, я думаю, не обойдешься. Сами заезды распределены вовсе не равномерно, и наверняка то же самое можно сказать о пригодных для жизни планетах, и с этим, естественно, связана неравномерность в заселении новых миров. Компьютер рассчитывает для каждой из звезд ее современное положение, согласно ее наиболее вероятному смещению за последние двадцать тысяч лет – даже учет такого большого срока не займет много времени – и затем разместит их по «оптимальной сфере». Другими словами, он найдет сферическую поверхность, от которой расстояние до всех светил будет минимальным. Затем мы отыщем центр этой сферы, и Земля должна оказаться где-то вблизи этой точки. По крайней мере, будем на это надеяться. Скоро все станет видно на экране.

Так оно и вышло. Даже Тревайз, казалось бы, привыкший к компьютерному волшебству, удивился тому, как мало времени потребовал расчет.

Тревайз запрограммировал компьютер на выдачу нежной, вибрирующей ноты после получения координат центра сферы. В принципе, это ничего не значило, кроме удовольствия от самого звука и сознания того, что долгие поиски, может быть, завершены.

Звук возник примерно через минуту и был подобен нежному, прозрачному тону звучного гонга. Звук нарастал до тех пор, пока Тревайз и Пелорат физически не ощутили его вибрацию, а затем постепенно угас.

В это время вошла Блосс.

– Что это? – спросила она, широко открыв глаза. – Тревога?

– Вовсе нет, – отозвался Тревайз.

– Мы, наверное, нашли Землю, Блосс, – постепенно объяснил Пелорат. – Этим звуком компьютер сообщил об окончании расчетов.

– Могли бы предупредить, – укоризненно проговорила Блосс.

– Извини, Блосс, – сказал Тревайз. – Я не думал, что сигнал окажется таким громким.

Фаллом вошла следом за Блосс и спросила:

– Зачем этот звук?

– Смотри-ка – интересуется! – хмыкнул Тревайз и устало вздохнул.

Теперь следовало бы тестировать результаты относительно реальной Галактики, сфокусировать координаты центра сферы Внешних миров и посмотреть, нет ли вблизи звезды класса G. А он снова тянул время, не делал того, что логично было бы сделать, не в силах заставить себя подвергнуть результаты последней, критической проверке.

– Конечно, интересуется, – сказала Блосс с вызовом. – Почему бы и нет? Она такой же человек, как и мы.

– Ее родитель был на этот счет совсем другого мнения, – рассеянно заметил Тревайз. – Я беспокоюсь за нее. Это плохая новость для ребенка.

– С чего ты это взял? – поинтересовалась Блосс.

– Просто предчувствие, – развел руками Тревайз.

Блосс одарила его презрительным взглядом и повернулась к Фаллом:

– Мы пытаемся найти Землю, Фаллом.

– Что такое Земля?

– Другая планета. Особенная. Это мир, откуда явились наши предки. Ты уже знаешь из разных книг, что означает слово «предки»?

– Означает ли это...? – Последнее слово прозвучало не на галактическом.

– Это древнее слово, – пояснил Пелорат. – Ближе всего по смыслу к нему наше «предшественники».

– Ну да, – просияла Блосс. – Земля – это мир, откуда явились наши предшественники, Фаллом. Твои, и мои, и Пела, и Тревайза.

– Твои, Блосс, и мои тоже? – Фаллом явно была потрясена. – И те, и другие?

– Были только одни предшественники. Они у нас одни и те же, у всех.

– Похоже, малышка очень хорошо знает, что непохожа на нас, – вставил Тревайз.

– Не говори так, – понизив голос, сказала ему Блосс. – Она не должна понимать этого. По крайней мере, она не должна думать, что разительно отличается от нас.

– Мне кажется, гермафродизм – это значительное отличие.

– Я говорю о разуме.

– Мозговые преобразователи – тоже существенное отличие.

– Тревайз, перестань. Она разумное существо, человек, несмотря на некоторые особенности.

Блосс обернулась к Фаллом и сказала:

– Подумай спокойно, Фаллом, и пойми, что это значит для нас. У тебя и меня были одни и те же предшественники. Все люди, на всех планетах – многих-многих планетах – все они имели одних предшественников, и эти предшественники жили раньше на планете Земля. Это означает, что все мы – родственники, верно? А теперь иди в каюту и подумай над услышанным.

Фаллом, бросив на Тревайза задумчивый взгляд, вышла из рубки.

– Пожалуйста, – обернулась Блисс к Тревайзу, – обещай мне, что не будешь в ее присутствии отпускать никаких реплик, которые могли бы навести Фаллом на мысли о ее отличии от нас.

– Ладно, обещаю. Я не собирался вмешиваться в процесс воспитания, но ты ведь знаешь, она действительно отличается от нас.

– В некотором смысле. Как я отличаюсь от тебя, как Пел.

– Не будь наивной, Блисс. Различие в случае с Фаллом куда серьезнее.

– Ненамного. Сходство важнее. Уверена, в один прекрасный день она и ее народ смогут стать частью Галаксии, и очень полезной частью.

– Хорошо. Не будем спорить. – Тревайз повернулся к компьютеру, явно оттягивая контакт. – И все же, боюсь, мне придется все-таки проверить предполагаемое положение Земли в реальном пространстве.

– Боишься?

– Ну, – Тревайз пожал плечами, пытаясь обратить все в шутку, – вдруг там нет подходящей звезды?

– Нет, значит, нет, – Блисс тоже пожал плечами.

– Вот я и думаю... – стоит ли сейчас проверять? Мы все равно не сможем совершить Прыжок еще несколько дней.

– Зачем ты меня мучаешь? Займись вычислениями. Ожидание ничего не изменит.

Тревайз несколько мгновений молчал, сжав губы, и наконец изрек:

– Ты права. Прекрасно. Тогда... поехали.

Он положил руки на контуры пульта. Экран почернел.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала Блисс. – Ты будешь нервничать, если я останусь.

Она ушла, помахав на прощание рукой.

– Дело в том, – проворчал Тревайз, – что мы должны сперва проверить компьютерную карту Галактики. Даже если Солнце Земли находится в нужной точке, карта может не включать его. Но тогда мы...

Он удивленно прервался. Экран озарился огнями звезд. Их было множество – тусклых и ярких, искрящихся, рассеянных по поверхности экрана. Но вблизи центра сияла звезда, более яркая, чем остальные.

– Мы сделали это! – ликовал Пелорат. – Это она, она, дружок! Посмотри, какая она яркая!

– Любая звезда в центре координат выглядела бы ярче остальных, – остудил его пыл Тревайз, пытаясь побороть в себе любое проявление необоснованного восторга.

– Эта картина, между прочим, соответствует взгляду с расстояния в один парсек от центра координат. И все-таки эта звезда в центре не красный карлик, не красный гигант, не горячая бело-голубая. Подожди, сейчас компьютер проверит свой банк данных и выдаст информацию. – На несколько секунд воцарилось молчание, затем Тревайз продолжил: – Спектральный класс G-2, – после паузы: – диаметр: миллион четыреста тысяч километров; масса – одна целая и две сотых массы терминусианского солнца; температура поверхности – шесть тысяч по абсолютной шкале; вращение медленное, около одного оборота за тридцать дней, нет необычной активности или нерегулярности.

– Разве все это не типично для звезд, около которых могут находиться пригодные для жизни планеты?

– Типично, – кивнул Тревайз. – И, следовательно, звезда похожа на Солнце Земли. Если именно здесь возникла и развивалась жизнь, солнце должно соответствовать обычным стандартам.

– Значит, вполне вероятно, что здесь могут быть подходящие планеты.

– Нам нет нужды строить на этот счет догадки, – сказал Тревайз, в голосе которого звучало неподдельное изумление. – На галактической карте звезда отмечена как обладающая планетой, населенной людьми, правда, со знаком вопроса.

Энтузиазм Пелората еще более возрос.

– Это именно то, чего следовало ожидать, Голан! Здесь есть населенная планета, но этот факт пытаются скрыть, поставив на карте знак, который заставляет компьютер сомневаться.

– Нет, тут что-то не так, – возразил Тревайз. – Это не то, чего мы должны были ожидать. Ожидать мы должны были большего. Учитывая старание, с которым уничтожены данные о Земле, картографы не должны были знать о существовании жизни в этой системе, тем более о поселениях людей. Они не должны были знать даже о существовании Солнца Земли. Миров космонитов на карте нет. Почему же есть Солнце Земли?

– Ну вот, опять... Что толку спорить об этом? А какая еще информация об этой звезде имеется в компьютере?

– Название.

– О! Какое же?

– Альфа.

После короткой паузы Пелорат нетерпеливо сказал:

– Это она, старик. Это последнее доказательство. Судя по тому, что это значит.

– Разве оно что-то значит? Название как название, и довольно странное. Никакого намека на галактический язык.

– Оно и не из галактического. Оно из доисторического языка Земли – того самого, что дал название «Гея» планете Блисс.

– И что же означает «альфа»?

– Альфа – первая буква алфавита древнего языка. Это одно из наиболее достоверных сведений о нем, которые у нас есть. В древности слово «альфа» использовали для обозначения чего-то первого в своем роде. Название солнца – «альфа» – подразумевает, что это первое солнце. А разве не вокруг первого солнца вращалась планета Земля, на которой впервые возникли люди?

– Ты уверен в этом?

– Абсолютно.

– А есть ли что-либо в ранних легендах – ты ведь мифолог, верно? – что приписывает Солнцу Земли какие-нибудь очень необычные признаки?

– Нет, что ты! Оно должно быть стандартным по определению, и характеристики, выданные нам компьютером, я полагаю, стандартны настолько, насколько возможно. Разве нет?

– Солнце Земли, согласно мифам, одиночная звезда?

– Да, конечно! Насколько я знаю, все обитаемые планеты вращаются около одиночных звезд.

– И я так думал. Беда в том, что эта звезда в центре экрана – не одиночная звезда; она двойная. Более яркая из двух – действительно стандартная, и о ней компьютер выдал нам все данные. На орбите вокруг этой звезды с периодом обращения порядка восьми лет кружится, однако, другая звезда с массой в четыре пятых первой. Мы не можем видеть их отдельно невооруженным глазом, но если увеличить изображение, то различим их.

– Это точно, Голан? – сдавленным голосом спросил Пелорат, внезапно вернувшись с небес на землю.

– Это сообщил мне компьютер. Раз это двойная звезда, значит, это не Солнце Земли.

71

Тревайз прервал контакт с компьютером и включил обычное освещение.

Поэтому, очевидно, Блисс решила, что можно вернуться. Фаллом, словно хвостик, вошла следом.

– Ну и каковы результаты? – спросила Блисс.

– Несколько разочаровывающие, – равнодушно сообщил Тревайз. – Там, где я ожидал найти Солнце Земли, я обнаружил бинарную систему. Солнце Земли – одиночная звезда, так что в центре не оно.

– И что же теперь, Голан? – спросил Пелорат.

– Собственно говоря, – пожал плечами Тревайз, – я и не надеялся увидеть Солнце Земли

строго в центре. Даже космониты не могли основать колонии таким образом, чтобы они образовывали правильную форму. Аврора, старейшая из космонитских планет, могла посылать по свету собственных мигрантов, от этого сфера могла исказиться. И потом, Солнце Земли могло смещаться не с точно такой же скоростью, как планеты и звезды космонитов.

– То есть, Земля может оказаться где угодно, – резюмировал Пелорат. – Ты это хочешь сказать?

– Нет. Вовсе не «где угодно». Все эти возможные источники погрешностей не могут привести к большим отклонениям. Солнце Земли должно быть в окрестностях этих координат. Та звезда, которую мы выловили почти с уверенностью, должна быть соседкой Солнца. Просто поразительно, что могла существовать соседняя звезда, так похожая на Солнце Земли, но двойная – так оно и есть.

– Но тогда бы мы видели Солнце Земли на карте, не так ли? Я имею в виду – вблизи Альфы.

– Нет, поскольку я уверен, что солнца на карте нет. Моя уверенность рассыпалась в прах, когда мы впервые увидели Альфу. Сколь сильно бы она ни напоминала Солнце Земли, простой факт, что она обозначена на карте, вынудил меня предположить ошибочность наших надежд.

– Хорошо, – сказала Блисс. – Почему тогда не сосредоточиться на тех же самых координатах в реальном пространстве? Если рядом с Альфой есть какая-либо яркая звезда, не обозначенная на компьютерной карте, и если она очень напоминает своими характеристиками Альфу, но является одиночной, разве она не является Солнцем Земли?

– Будь это так, – вздохнул Тревайз, – я поставил бы половину моего состояния, каким бы оно ни было, на то, что вокруг той звезды, о которой ты говоришь, обращается планета Земля. И снова мне страшно проверять.

– Боишься ошибиться?

Тревайз кивнул.

– Тем не менее, – сказал он, – дайте мне минутку – отдышусь и заставлю себя сделать это.

А пока трое взрослых смотрели друг на друга, Фаллом пробралась к пульта управления, с любопытством уставилась на контур для рук оператора и потянулась к нему, но Тревайз резко загородил пульт и прикрикнул:

– Не трогай, Фаллом!

Юная солярианка испугалась не на шутку и бросилась в спасительное объятие Блисс.

– Мы должны посмотреть правде в глаза, Голан, – сказал Пелорат. – Что, если ты ничего не обнаружишь в реальном пространстве?

– Тогда придется вернуться к прежнему плану, – ответил Тревайз, – и посетить каждую из сорока семи оставшихся космонитских планет.

– А если и это ничего не даст?

Тревайз нервно мотнул головой, словно хотел вытряхнуть оттуда пессимистические мысли, пока не успели укорениться. Уставившись в пол, он сказал, как отрезал:

– Тогда я придумаю что-нибудь еще.

– А что, если планеты предшественников вообще нет?

Тревайз резко обернулся на звук дрожащего голоса.

– Кто это спросил? – проговорил он, на самом деле довольно быстро поняв кто.

– Я, – призналась Фаллом.

Тревайз поглядел на нее, слегка нахмурясь.

– Ты понимаешь, о чем идет речь?

– Вы ищете планету предшественников, но вы все еще не нашли ее. Может быть, такой планеты совсем не существует.

– Нет, Фаллом, – серьезно ответил Тревайз. – Ее просто очень старались спрятать. А раз старались, значит, было что прятать. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, – ответила Фаллом. – Вы не позволили мне положить руки на пульт. Раз вы мне не позволили этого, значит, это очень важно.

– Ага, только тебе нельзя его трогать, Фаллом. Блисс, ты сотворила монстра, который всех нас доведет до могилы. Никогда не пускай ее сюда, если меня нет за пультом. И даже когда я

здесь, лучше подумай, стоит ли ей входить, ладно?

Эта маленькая перепалка, как ни странно, каким-то образом развеяла его нерешительность.

– Очевидно, – сказал Тревайз, – мне лучше заняться работой. Если я буду престо сидеть здесь и гадать, что мне делать, это маленькое страшилище завладеет кораблем.

Свет померк. Блисс тихонько сказала:

– Ты же обещал, Тревайз. Не называй Фаллом монстром и страшилищем в ее присутствии.

– Тогда не спускай с нее глаз и научи вести себя прилично. Скажи ей, что детей не должно быть слышно, а еще лучше, чтобы и видно не было.

Блисс нахмурилась.

– Как ты жесток к детям, Тревайз! Это ужасно!

– Может быть, но сейчас не время об этом спорить.

Через пару минут голосом, в котором одинаково сильно чувствовалось удовлетворение и облегчение, он произнес:

– Вот Альфа в реальном пространстве. А слева от нее, чуть выше, почти столь же яркая звезда, и ее нет на компьютерной карте. Это и есть Солнце Земли. Я готов поставить на это все свое состояние.

72

– Ну а теперь, – поинтересовалась Блисс, – когда от твоего состояния ничего не останется, если ты проиграешь, что толку медлить? Давай стартуем к этой звезде, как только все будет готово к Прыжку.

– Нет, – покачал головой Тревайз. – На этот раз дело не в нерешительности и не в страхе. Необходимо соблюдать осторожность. Три раза мы высаживались на неизвестные планеты и три раза уносили ноги из-за неожиданной опасности. Более того, все три раза мы улепетывали с этих планет сломя голову. Теперь положение критическое, и я не желаю снова играть в темную или, по крайней мере, хочу знать хоть какие-то из тех карт, что у меня на руках. До сих пор все, чем мы располагали, были слухи о радиоактивности Земли, но этого мало. По странному стечению обстоятельств, которого никто не мог предвидеть, всего лишь на расстоянии парсека от Земли есть планета, населенная людьми...

– Ты в самом деле знаешь, что Альфа населена людьми? – вмешался Пелорат. – Ты же сказал, что компьютер поставил около нее знак вопроса.

– Даже если так, имеет смысл поглядеть своими глазами. Если там действительно есть люди, попробуем узнать, что они помнят о Земле. Для них, кроме всего прочего, Земля – не далекий мир легенд; это – соседняя планета, а солнце Земли – яркая и заметная в небе звезда.

– Неплохая идея, – задумчиво произнесла Блисс. – Еще я думаю, что, если Альфа обитаема и ее жители не закоренелые изоляты, они могут оказаться дружелюбно настроенными, и тогда нам удастся раздобыть, в обмен на что-нибудь, приличную еду.

– И познакомиться с приятными людьми, – добавил Тревайз, – Не забывай об этом. Согласен, Джен?

– Тебе решать, дружок. Куда ты, туда и я.

– А мы найдем там Джемби? – неожиданно спросила Фаллом.

Блисс торопливо, не дожидаясь ответа Тревайза, сказала:

– Мы его поищем, Фаллом. Обязательно.

А Тревайз объявил:

– Тогда решено. На Альфу.

73

– Две большие звезды, – сказала Фаллом, указывая на экран.

– Точно, – согласился Тревайз. – Две. Блисс приглядывай за ней. Тут не игрушки.

– Она очарована механизмами и приборами, – возразила Блисс.

– Вижу, но я не очарован ее очарованием, Хотя, по правде сказать, я восхищен не меньше чем Фаллом. Звезды и впрямь великолепны.

Пара звезд была достаточно яркой, чтобы каждая из них выглядела маленьким диском. Компьютер автоматически ввел дополнительные фильтры, чтобы избавиться от проникновения жесткой радиации, и пригасил свечение экрана, оберегая от повреждения сетчатку глаз. В итоге ярких звезд осталось немного, двойная звезда воцарилась на экране в гордом одиночестве.

– Дело в том, – признался Тревайз, – что я никогда так близко не подбирался к двойным звездам.

– Правда? – удивился Пелорат. – Как же это?

Тревайз усмехнулся:

– Я поколесил по Галактике, но я не такой уж закоренелый космический бродяга, как ты думаешь.

– Я никогда не был в космосе, пока не повстречал тебя, Голан, но всегда думал, что каждый, кто хоть однажды отважился в него выйти...

– Должен побывать всюду. Знаю. Это довольно естественно. Вся трудность общения с людьми-домоседами состоит в том, что, сколько бы разум ни твердил обратное, их воображение просто не в силах нарисовать истинных размеров Галактики. Можно скитаться по ней всю жизнь, но не увидишь большую ее часть. И потом, системы двойных звезд популярностью у космонавтов не пользуются.

– Почему? – нахмурилась Блисс. – Мы на Гее плохо знаем астрономию по сравнению с вами, непоседливыми изолятами, но у меня такое впечатление, что двойные звезды – вовсе не редкость.

– Это так, – согласился Тревайз. – Двойных звезд существенно больше, чем одиночных. Однако формирование двух звезд в непосредственной близости друг от друга нарушает обычные процессы возникновения планет. Двойные звезды обладают меньшим количеством пригодного для строительства планет материала, чем одиночные. Даже если вокруг них возникают планеты, они часто имеют относительно нестабильные орбиты, и среди них крайне редко встречаются пригодные для жизни.

Пионеры космоплавания, видимо, изучили с близкого расстояния множество двойных звезд, но потом, для целей заселения, стали выбирать только одиночные. И, конечно, как только Галактику достаточно плотно заселили, практически все путешествия ограничились торговыми экспедициями или почтовыми маршрутами, пролежавшими между населенными планетами, обращавшимися вокруг одиночных звезд. Ко времени войн, вероятно, на небольших или необитаемых планетах, обращавшихся вокруг одной из двойных звезд, расположенных в стратегически важных районах, основывались военные базы; но по мере развития гиперпространственных полетов такие базы потеряли свое развитие.

– Как же я невежествен, просто поразительно, – смущенно пробормотал Пелорат.

– Ладно тебе, Джен, – усмехнулся Тревайз. – Когда я служил во флоте, мы прослушали дикое количество лекций о вышедшей из моды военной тактике, которую уже никто не применял и не стремился использовать, но по инерции ее изучали. Я сейчас всего-навсего воспроизвел кусок одной из таких лекций. Вспомни только, сколько всего ты знаешь о мифологии, фольклоре и древних языках, чего не знаю я и что известно только тебе да еще несколькими ученым.

– Пусть так, но эти две звезды составляют двойную систему, и около одной из них – обитаемая планета, – заметила Блисс.

– Надеюсь, это так, – сказал Тревайз. – Но везде бывают исключения. А тут еще этот официальный вопросительный знак, еще одна загадка... Нет, Фаллом, эти кнопки не игрушки. Блисс, или надень на нее наручники, или уведи отсюда.

– Она ничего не испортит, – защищая Фаллом, ответила Блисс, прижав девочку к себе. – Если ты так интересуешься обитаемой планетой, почему мы еще не там?

– По одной простой причине. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Я восхищаюсь видом двойной звезды с такого расстояния. И потом мне, как всякому человеку, свойственна осторожность. Как я уже объяснял, с тех пор как мы покинули Гею, не произошло

ничего такого, что заставило бы меня плюнуть на нее.

– Какая из этих звезд – Альфа? – спросил Пелорат.

– Мы не заблудимся, Джен. Компьютер точно знает, какая из них – Альфа, а потому знаем и мы. Так как она больше, то горячее и более желтая. Сейчас та, что справа, имеет явный оранжевый оттенок и напоминает солнце Авроры. Видишь?

– Да, теперь вижу, когда ты обратил на это мое внимание.

– Прекрасно. Это та, что меньше. Какая там вторая буква в том древнем языке, о котором ты говорил?

Пелорат на мгновение задумался, а затем ответил:

– Бета.

– Тогда назовем оранжевую звезду Бетой, а бело-желтую – Альфой, и направимся к ней.

Глава семнадцатая

Новая земля

74

– Четыре планеты, – пробормотал Тревайз. – Все небольшие, да еще несколько астероидов. Газовых гигантов нет.

– Ты разочарован? – спросил Пелорат.

– Пожалуй, нет. Это следовало ожидать, Двойные звезды, вращающиеся на малом расстоянии друг от друга, не могут иметь планет, вращающихся вокруг только одной из них. Планеты могут обращаться исключительно вокруг центра масс обеих звезд, но очень маловероятно, что такие планеты будут пригодны для жизни – слишком далеки они будут от источников света и тепла.

С другой стороны, если компоненты двойной звезды достаточно отдалены друг от друга, у каждой из них могут существовать планеты со стабильными орбитами, если они близки к одной из двух звезд. По данным компьютера, среднее расстояние между этими светилами – 350 миллионов километров, и даже в периастрии они не сходятся ближе, чем на 170 миллионов километров. Положение планет, чьи орбиты отдалены менее чем на 200 миллионов километров, может оставаться стабильным, но на более удаленных орбитах планеты не могут существовать. Это означает отсутствие газовых гигантов, поскольку они должны располагаться дальше двухсот миллионов километров от своей звезды, но какая, собственно, разница? На газовых гигантах жить невозможно.

– А одна из этих четырех планет может быть пригодна для жизни?

– На самом деле единственно возможный вариант – вторая планета. По одной простой причине – только она достаточно велика, чтобы иметь атмосферу.

Корабль быстро приближался ко второй планете, и за два дня пути ее изображение на экране заметно увеличилось: сперва – величественно и постепенно, а затем, когда стало ясно, что никакого корабля-перехватчика нет и в помине – со все возрастающей, почти пугающей скоростью.

«Далекая звезда» неслась по временной орбите в тысяче километров от слоя облаков, когда Тревайз с усмешкой сказал:

– Теперь ясно, почему в банке данных компьютера после замечания об обитаемости планеты поставлен знак вопроса. Здесь нет следа ни от излучения – нет освещения в ночном полушарии, – ни от радиоволн.

– Тут такая плотная облачность, – заметил Пелорат.

– Она не может поглощать радиоволны.

Они наблюдали за планетой, вращающейся внизу, за симфонией вихрей белых облаков, в редких разрывах которых мелькали синеватые пятна океана.

– Облачный слой слишком плотный для обитаемой планеты, – сказал Тревайз. – Планета, должно быть, довольно мрачная. Но что беспокоит меня гораздо больше, – добавил он, как

только корабль вновь вошел в ночную тень, – это отсутствие вызовов с орбитальных станций.

– Как на Компореллоне?

– Как около любой обитаемой планеты. Нас должны были бы остановить для обычной проверки документов, груза, виз и так далее.

– Может быть, нас вызывают, но мы не заметили? – предположила Блисс.

– Наш компьютер принял бы вызов на любой длине волны, которую для этого пожелали бы использовать местные жители. Кроме того, мы непрерывно посылаем свои собственные сигналы, но они никого не заинтересовали. Нырять под слой облаков без переговоров со службами орбитальных станций – нарушение космической этики, но я не вижу другого выхода.

«Далекая звезда» сбавила скорость, одновременно увеличивая нагрузку на антигравитаторы, чтобы не потерять высоту. Корабль снова вышел на освещенную сторону и продолжил снижение скорости. Тревайз вместе с компьютером обнаружил подходящий по размерам разрыв в облаках. Корабль накренился и проник сквозь разрыв. Внизу раскинулся океан, волнуемый свежим ветром. Его ребристая поверхность, испещренная редкими полосами белой пены, находилась на расстоянии нескольких километров.

Проскочив разрыв в облаках, корабль теперь скользил под облачным покровом. Воды океана сразу же стали грифельно-серыми, и заметно упала температура.

Фаллом, глядя на обзорный экран, что-то произнесла на своем богатом согласными звуками языке, но тут же перешла на галактический. Голос ее дрожал:

– Что это, что я вижу под нами?

– Это океан, – успокоила ее Блисс. – Очень много воды.

– А почему она не высыхает?

Блисс посмотрела на Тревайза. Тот ответил:

– Здесь слишком много воды, чтобы она могла высохнуть.

– Я не хочу столько воды, – вполголоса произнесла Фаллом. – Давайте уйдем отсюда. – Тоненько взвизгнула, и «Далекая звезда» ушла вверх, в самую гущу грозовых туч.

Экран стал молочно-белым и покрылся отметинами от дождевых капель.

Огни в рубке померкли, корабль затрясло.

Тревайз в ужасе оглянулся и крикнул:

– Блисс, твоя Фаллом уже достаточно выросла, чтобы управлять энергией! Она использует электрическую сеть корабля, пытаясь взять его под свой контроль. Останови ее!

Блисс обхватила Фаллом руками и крепко сжала ее.

– Все в порядке, Фаллом, не бойся. Здесь нечего бояться. Это просто другая планета, вот и все. Их на свете много, в том числе и таких.

Фаллом несколько расслабилась, но продолжала дрожать.

– Ребенок никогда не видел океана, – обратилась к Тревайзу Блисс, – и возможно, судя по тому, что я знаю о ней, никогда не попадала в туман или под дождь. Не мог бы ты проявить хоть немного сочувствия?

– Нет, ведь она вмешивается в управление кораблем. Значит, она опасна для всех нас. Отведи ее в каюту и успокой.

Блисс коротко кивнула.

– Я пойду с тобой, Блисс, – сказал Пелорат.

– Нет, нет, Пел, – отозвалась она. – Остайся здесь. Я успокою Фаллом, а ты утешь Тревайза, – сказала она и вышла.

– Не нужны мне никакие утешения, – проворчал Тревайз. – Прошу прощения за то, что не смог сдержаться, но мы не должны позволять ребенку играть с пультом управления, верно?

– Конечно, не должны, но Блисс не успела среагировать, настолько неожиданно все произошло. Она все-таки справляется с Фаллом, которая ведет себя просто замечательно для ребенка, увезенного из дому, от любимого робота, и вовлеченного, волей-неволей, в такую жизнь, которой совершенно не понимает.

– Да знаю я! Но вспомни, ведь это не я хотел взять ее с собой. Это Блисс так решила.

– Да, но в противном случае ребенка убили бы.

– Хорошо. Извинюсь перед Блисс позже. Перед ребенком тоже.

Но Тревайз явно еще не отошел от страха за «Далекую звезду», и Пелорат тихо спросил:

– Голан, дружок, что еще беспокоит тебя?

– Океан, – отозвался Тревайз.

Корабль давно покинул зону шторма, но все еще находился в тени облаков.

– Что с ним не так?

– Его слишком много, вот и все.

Пелорат непонимающе смотрел на него, и Тревайз со вздохом пустился в объяснения:

– Нет суши. Мы до сих пор не видели никакой суши. Атмосфера совершенно нормальная, кислород и азот в подходящей пропорции, так что планета явно искусственно обустроена, и где-то должна быть растительность, поддерживающая содержание кислорода. В естественном состоянии такие атмосферы не встречаются – за исключением, возможно, Земли, где она Бог знает как сформировалась. Но тогда, раз планета терраформирована, здесь должна быть определенная площадь суши – от одной трети поверхности и не менее одной пятой. Так как же эта планета может быть переделана и не иметь суши?

– Может быть, – задумчиво проговорил Пелорат, – поскольку эта планета – часть системы двойной звезды, она совершенно нетипична. Может быть, она не терраформирована, а атмосфера сформировалась в результате такого процесса, который совершенно не встречается на планетах возле одиночных звезд. Возможно, и жизнь здесь развивалась независимо, как это однажды произошло на Земле, но только морская жизнь.

– Даже если допустить такое, – сказал Тревайз, – это не даст нам ничего. Обитатели океана не могут развивать технику. Техника всегда основана на применении огня, а огонь в океане... ты ведь понимаешь. Планета с жизнью, но без технологически развитой цивилизации – это не то, что нам нужно.

– Понимаю, понимаю, но я только высказываю предположение. Кроме всего прочего, насколько нам теперь известно, технику создали только единожды – на Земле. А переселенцы разнесли ее с собой по Галактике. Нельзя говорить о технике «всегда», если тебе известен только один ее тип.

– Передвижение в воде требует обтекаемой формы. Морские животные не могут иметь неправильную форму и конечности наподобие рук.

– У осьминогов есть щупальца.

– Фантазировать можно сколько угодно, но если ты в силах представить интеллигентных головоногих моллюсков, без взаимосвязи эволюционировавших где-то в Галактике и разработавших технику, исключаящую применение огня, на мой взгляд, у тебя извращенное воображение.

– На твой взгляд, – осторожно уточнил Пелорат.

Тревайз ни с того ни с сего расхохотался.

– Лихо, Джен! Как я посмотрю, ты часто пренебрегаешь логикой, ради того чтобы я успокоился после стычки с Блисс. Здорово у тебя получается. Я обещаю тебе, что, если не найду сушу, мы просеем весь океан на предмет наличия цивилизованных осьминогов.

Пока он говорил, корабль снова оказался над ночной стороной планеты, и обзорный экран потемнел.

Пелорат вздрогнул.

– Я вот думаю... Безопасно ли это?

– Что именно?

– Мчаться сквозь тьму, как ты мчишься сейчас? Можно ведь во что-нибудь врезаться или нырнуть в океан и погибнуть.

– Совершенно невозможно, Джен. Что ты! Компьютер ведет корабль вдоль эквипотенциальных линий гравитационного поля. Другими словами, он летит так, чтобы сила притяжения была постоянной, то есть остается практически на одной высоте над уровнем моря.

– Но на какой?

– Около пяти километров.

– Это меня не успокаивает, Голан. Разве не можем мы долететь до земли и врезаться в горы, которых не заметим?

– Мы не заметим – корабельный радар заметит, и компьютер заставит корабль обогнуть их или перелететь через них.

– А что, если суша здесь очень ровная? Мы можем проглядеть ее в темноте.

– Нет, Джен, не можем. Отражение сигнала радара от воды совсем не похоже на отражение от суши. Водная поверхность плоская, а поверхность суши, как правило, нет. А потому отражение от нее гораздо более рассеянное, чем от воды. Компьютер распознает отличие и даст мне знать, если внизу покажется суша. Даже днем, при солнечном освещении он распознает сушу раньше меня.

Оба умолкли. Через несколько часов вновь показалось солнце, океан внизу снова монотонно катил свои волны, и лишь тогда, когда «Далекая звезда» пересекала очередной грозовой фронт, его просторы пропадали из виду. Один из штормовых вихрей даже отклонил корабль от курса. Тревайз объяснил, что компьютер уступил напору ветра, чтобы не допустить бессмысленного расхода горючего и свести к минимуму риск физических повреждений. Затем, когда воздушная круговерть осталась позади, «Далекая звезда» легла на прежний курс.

– Вероятно, это была граница циклона, – пояснил Тревайз.

– Послушай, дружок, мы же просто летим с запада на восток или с востока на запад. Так мы кроме экватора ничего не увидим.

– Это было бы глупо, верно? На самом деле мы облетаем планету по наклонной орбите с северо-запада на юго-восток. Таким образом, минуя тропики и зоны умеренного климата, с каждым новым витком мы смещаемся на запад, поскольку планета вращается под нами вокруг своей оси. Мы планомерно осматриваем ее. Сейчас, поскольку мы до сих пор не видели суши, шансы наличия здесь крупного материка по данным компьютера – меньше чем один из десяти, а острова – меньше чем один из четырех. Шансы падают с каждым нашим новым витком вокруг планеты.

– Знаешь, как бы я поступил? – медленно произнес Пелорат, когда вокруг корабля вновь сгустился мрак ночи. – Я остался бы на достаточно большом расстоянии от планеты и с помощью радара обшарил бы все полушарие, обращенное ко мне. Облака не помешали бы мне, так ведь?

– А потом перелетел бы на другую сторону, – подхватил Тревайз, – и проделал бы то же самое там. Или просто подождал, когда повернется сама планета. Хорошо думать задним умом, Джен. Кто бы мог ожидать, приближаясь к обитаемой планете, что его не остановят орбитальные станции и не укажут траекторию посадки или запретят ее? А потом, миновав слой облаков, так и не встретишься со станциями. Кто мог ожидать, что не найдет тотчас же сушу? Обитаемые планеты, это... это суша!

– Но не только же суша! – не согласился Пелорат.

– Я не об этом! – с внезапным возбуждением воскликнул Тревайз. – Я хотел сказать, что мы нашли сушу! Тихо!

Затем, стараясь изо всех сил справиться с волнением, Тревайз положил руки на пульт и соединился с компьютером.

– Это остров, – сообщил он, – около двухсот шестидесяти километров в длину и около шестидесяти пяти в ширину. Площадь, стало быть, примерно семнадцать тысяч квадратных километров. Небольшой, но и не маленький. Больше, чем просто точка на карте. Погоди-ка...

Свет в рубке померк, а затем вообще выключился.

– Что такое? – спросил Пелорат, инстинктивно перейдя на шепот, словно сама темнота была чем-то хрупким, что можно было разбить.

– Ждем, когда глаза привыкнут к темноте. Корабль завис над островом. Сиди и смотри. Видишь что-нибудь?

– Нет. Вроде бы слабые пятнышки света. Но я не уверен.

– Я тоже вижу их. Сейчас попробую включить телескоп.

И они увидели свет! Ясные, беспорядочно разбросанные точки.

– Остров обитаем, – заключил Тревайз. – Возможно, это единственное населенное людьми место на этой планете.

– И что же мы будем делать?

- Подождем наступления дня. Несколько часов можно отдохнуть.
- А они не могут напасть на нас?
- Как? Я не обнаружил почти никакого излучения, кроме видимого света и инфракрасных лучей. Планета обитаема, ее обитатели явно разумны. У них развита техника, но, очевидно, на доэлектронном уровне, так что я не думаю, что здесь нам стоит чего-нибудь опасаться. Даже если я не прав, компьютер заблаговременно предупредит меня.
- А когда настанет день?
- Мы приземлимся, естественно.

75

Корабль пошел на снижение, когда первые лучи утреннего солнца сквозь разрывы в тучах осветили видимую часть острова – ярко-зеленую, с цепью низких, округлых холмов, посередине вытянувшихся к горизонту И исчезающих в лиловой дымке.

Когда корабль подлетел к острову, стали видны отдельные купы деревьев, разбросанные там-сям сады, но большую часть острова занимали ухоженные фермы. Прямо под кораблем, на юго-восточном побережье, раскинулся серебристый пляж, огражденный прерывистой линией валунов, за которой начинался луг. Время от времени попадались отдельные дома, но они не группировались во что-либо подобное городу.

Там стала видна тонкая сеть дорог, кое-где проходивших мимо жилищ. Потом увидели вдалеке аэрокар, парящий в прохладном утреннем воздухе. От птицы на таком расстоянии он отличался лишь своими маневрами в воздухе. Это был первый несомненный признак разумной жизни, который путешественники увидели на планете.

– Наверное, он автоматический, если только такое возможно без электроники, – сказал Тревайз.

– Наверное, – отозвалась Блисс. – Мне кажется, если бы им управлял человек, он направился бы к нам. Нас, должно быть, прекрасно видно... Интересно смотреть, как мы садимся без пламени из сопел или реактивного торможения.

– Картина непривычная, что ни говори, – задумчиво кивнул Тревайз. – Не так уж много найдется планет, где видели бы, как приземляется гравилет. Этот пляж мог бы стать прекрасным местом для посадки, но если поднимется ветер... Я не хочу, чтобы корабль хлестнуло. Мне больше нравится лужок по ту сторону валунов.

– Хорошо, – встрял в разговор Пелорат, – что гравилет не может спалить частную собственность при посадке.

Сели они мягко, на четыре медленно выехавших наружу во время последней стадии приземления широкие опоры. Они вдавились в почву под весом корабля, и «Далекая звезда» замерла.

– Наверное, мы все-таки оставим здесь отметины, – вдохнул Пелорат.

– По крайней мере, климат здесь ровный, я бы даже сказала, теплый. – В голосе Блисс проскользнули не совсем одобрительные нотки.

На траве стоял человек и следил за кораблем, не проявляя, впрочем, ни страха, ни удивления. На его лице отражались только восхищение и интерес.

При ближайшем рассмотрении человек оказался женщиной, очень легко одетой, что подтверждало оценку климата, данную Блисс. Сандалии на женщине, похоже, были из парусины, а вокруг бедер был обернут, наподобие юбки, кусок ткани с цветастым рисунком, составлявший всю ее одежду.

Волосы женщины были темными, длинными, блестящими и струились волнами почти до пояса. Кожа смуглая, глаза миндалевидные.

Тревайз оглядел окрестности – других людей поблизости видно не было. Он пожал плечами и сказал:

– Ну... раннее утро, как-никак. Местные жители, наверное, сидят по домам, а может, и спят еще. В общем, я бы не сказал, что это густонаселенный район. – Он обернулся к остальным: – Пойду потолкую с дамой. Глядишь, добьюсь чего-нибудь вразумительного. А

вы...

– Я думаю, мы тоже можем выйти, – твердо проговорила. Блисс. – Женщина на вид совершенно безопасна, и в любом случае я хотела бы размяться, подышать свежим воздухом. Может быть, удастся договориться насчет местных продуктов. Я хочу, чтобы Фаллом вновь ощутила под собой твердую почву, и думаю, Пел будет рад посмотреть на эту женщину поближе.

– Кто? Я? – зардевшись, вскричал Пелорат. – Вовсе нет, Блисс, но ведь я... как-никак переводчик у нас в отряде.

Тревайз пожал плечами:

– Пошли. Пошли вместе. Все же, хотя она и безопасна с виду, я намерен взять с собой оружие.

– Сомневаюсь, – заметила Блисс, – что у тебя возникнет потребность его использовать против этой юной женщины.

– Хорошенькая, верно? – ухмыльнулся Тревайз.

Он первым покинул корабль, за ним сошла Блисс вместе с Фаллом, обнимая ее одной рукой. Пелорат шел последним.

Юная черноволосая женщина продолжала с интересом рассматривать их, не отступив ни на дюйм.

– Ну, попробуем, – пробормотал Тревайз. Он отвел руки от оружия и произнес:

– Здравствуй.

Юная женщина, казалось, некоторое время размышляла над этим, а затем ответила:

– Приветствую тебя, чужеземец. Приветствую и твоих спутников.

– Чудесно! – обрадовался Пелорат. – Она говорит на классическом галактическом и с правильным произношением!

– Я тоже понял ее, – кивнул Тревайз. – Хоть говорит она витиевато. Надеюсь, она понимает меня.

Он улыбнулся и, придав своему лицу самое дружелюбное выражение, продолжал:

– Мы прибыли через космос, мы пришли с другой планеты.

– Это хорошо, – сказала юная женщина ясным чистым сопрано. – Прибыл ли твой корабль из Империи?

– Он прибыл с далекой звезды, и сам называется «Далекая звезда».

Туземка посмотрела на надпись на корабле.

– Гласит ли написанное то, что ты изрек? Если это так и если первая буква – *F*, тогда, о чужеземец, она написана задом наперед.

Тревайз готов был возразить, но Пелорат, впавший от радости и экстаз, воскликнул:

– Она права, права! Буква *F* перевернулась примерно двести лет назад. Какой восхитительный случай – изучить классический галактический как живой язык!

Тревайз же изучал юную островитянку. Ростом она была не выше полутора метров. Правда, девочкой ее назвать было трудно. Грудь красивой формы были невелики. Соски были большими и темными, – может быть, оттого, что девушка была так смугла.

– Меня зовут Голан Тревайз, – сказал он, – моего друга – Джен Пелорат, женщину – Блисс, а ребенка – Фаллом.

– По обычаю, следовательно, на далекой звезде, откуда вы появились, мужчины обладают двойным именем? Я – Хироко, дочь Хироко.

– А твой отец? – внезапно вмешался Пелорат.

В ответ Хироко равнодушно пожала плечами:

– Имя его, как говорила моя мать, Смул, но это не важно. Я не знаю его.

– А где остальные? – спросил Тревайз. – Похоже, ты одна встречаешь нас.

– Многие из мужчин – на рыбацких лодках, многие из женщин – на полях. Я два дня свободна, и посему мне посчастливилось узреть ваш величественный корабль. Впрочем, корабль ваш можно было узнать даже издалека. Люди любопытны и вскоре придут сюда.

– А много этих других на острове?

– Их двадцать тысяч и еще пять, – с гордостью сообщила Хироко.

- В океане есть другие острова?
- Другие острова, благородный господин? – спросила она удивленно.
- Тревайз счел, что это ответ. Этот остров – единственное место на этой планете, где живут люди.
- А как вы называете свою планету?
- Она именуется Альфа, благородный господин. Нас учили тому, что полное ее название – альфа Центавра, если это о чем-то тебе говорит, но мы зовем ее просто Альфа, и, как видите, это благообразная планета.
- Какая-какая? – непонимающе переспросил Тревайз и обернулся к Пелорату.
- Она имела в виду «прекрасная».
- Это точно, – согласился Тревайз, – по крайней мере, здесь и сейчас. – Он взглянул на нежно-голубое утреннее небо с редкими облаками. – Будет чудесный солнечный день, Хироко, но я думаю, такие не часты на Альфе.
- Столько, сколько нам потребно, господин, – холодно ответила Хироко. – Облака могут являться, когда нам потребен дождь, но большую часть дней нам лучше, когда небо ясное. Конечно, доброе небо и тихий вечер гораздо более желаемы в те дни, когда в море выходят рыбацьи суда.
- Следовательно, ваш народ управляет погодой, Хироко?
- Не поступай мы так, господин Голан Тревайз, мы бы вымокли до нитки под дождем.
- Но как вы это делаете?
- Не будучи обученным инженером, господин, я не в силах этого объяснить.
- Да будет мне позволено узнать название этого острова, на котором живешь ты и остальные люди? – поинтересовался Тревайз, неожиданно для себя переключившись на обороты классического языка и отчаянно гадая, правильно ли он говорит.
- Мы зовем наш благословенный остров посреди безбрежного моря Новой Землей, – ответила Хироко.
- Тревайз и Пелорат обменялись удивленными и восторженными взглядами.

76

Переспрашивать времени не было. Появились другие люди. Десятки людей. «Должно быть, – подумал Тревайз, – это те, кто не ушел в море на лодках, не работал в поле, те, кто оказался неподалеку от места посадки». Большую часть пути люди явно прошли пешком, хотя видны были и два автомобиля – довольно старых и затрапезных.

Ясно, цивилизация тут была в техническом отношении слаборазвитая, но все же погодой местные жители управляли.

Известно, что техника вовсе не обязательно развивается во всех направлениях одинаково; отсутствие успехов в какой-либо области не исключает наличия значительных достижений в других, но наверняка данный пример неравномерности развития являлся необычным.

Из тех, кто сейчас рассматривал корабль, по крайней мере, половину составляли старики и старухи; были и дети – трое-четверо. Остальные, в основном, женщины помоложе. Непохоже, чтобы островитяне были напуганы.

– Ты что, управляешь ими? – шепотом спросил Тревайзу Блисс. – Они кажутся такими умиротворенными.

– Я и не думала прикасаться к их сознанию. Я делаю это в самых крайних случаях. А сейчас я забочусь только о Фаллом.

Всякому, кто повидал зевак, показалось бы, что у корабля собралась жалкая горстка людей, но для Фаллом это было непривычно. Она и к трем взрослым на «Далекой звезде» только-только начала привыкать. Солярианка часто, коротко дышала, полуприкрыв глаза. Казалось, еще чуть-чуть, и наступит обморок.

Блисс ласково гладила волосы Фаллом и что-то успокаивающе шептала. Тревайз не сомневался, что Блисс при этом самым деликатным образом убаюкивает сознание солярианки.

Фаллом неожиданно глубоко вздохнула – почти всхлипнула, и вздрогнула. Подняла

голову, посмотрела вокруг почти отстраненным взглядом, но тут же спрятала лицо, уткнувшись в грудь Блисс.

Блисс ласково сжала плечи девочки, словно подтверждая свое присутствие и защиту. Пелорат переводил благоговейный взгляд с одного альфианина на другого.

– Голан, они такие непохожие, – сказал он наконец.

Тревайз тоже заметил это. Тут были люди с разными цветом кожи и волос. У одного туземца была ярко-рыжая шевелюра, синие глаза и вся физиономия в веснушках. Двое-трое взрослых были одного роста с Хироко, а парочка – выше Тревайза. У некоторых мужчин и женщин разрез глаз был таким же, как у Хироко, и Тревайз вспомнил, что на одной густонаселенной торговой планете сектора Файли такие глаза, по слухам, отражали лица всех местных жителей, но самого его никогда туда не заносило.

На всех альфианах выше пояса не было никакой одежды. Все женщины, как на подбор, – с маленькой, просто-таки девичьей грудью. Вот и все, что было у туземцев общего.

– Мисс Хироко, – неожиданно обратилась к островитянке Блисс, – моя девочка не привыкла к длительным полетам. Она увидела столько нового, что больше уже не в силах впитать. Нельзя ли ее усадить где-нибудь и, если можно, дать ей немного поесть и попить?

Хироко нахмурилась. Пелорат повторил для нее слова Блисс, но на более замысловатом галактическом среднеимперского периода. Рука Хироко вспорхнула к губам, и островитянка опустила на колени:

– Я молю о пощаде, уважаемая госпожа! Я не подумала ни о нуждах этого ребенка, ни о твоих. Необычайность происшедшего излишне очаровала меня. Не будете ли вы так добры – вы все – стать нашими гостями и пройти в дом для утренней трапезы? Будет ли нам позволено присоединиться к вам, дабы мы смогли прислуживать вам как хозяева?

– Ты очень добра, – сказала Блисс. Она говорила медленно, старательно выговаривая слова, надеясь, что так ее легче понять. – Хотя было бы лучше, если ты одна будешь прислуживать нам – ради спокойствия ребенка, непривычного к большому стечению народа.

Хироко поднялась с колен.

– Да будет так, как ты сказала, – ответила она, склонив голову, и легкой походкой зашагала по траве.

Другие альфиане подошли поближе. Они, похоже, особенно интересовались одеждой незнакомцев. Тревайз снял с себя легкую куртку и протянул мужчине, который подошел сбоку и ткнул в куртку пальцем.

– Вот, – сказал он, – посмотри, но потом верни. – Затем он обратился к Хироко: – Проследи, чтобы я получил ее назад, мисс Хироко.

– Вне всяких сомнений, вещь будет возвращена, благородный господин, – сказала та и уверенно кивнула.

Тревайз улыбнулся и пошел дальше. Ему было гораздо легче шагать без куртки под легким теплым ветерком.

Он не заметил оружия у окружавших их людей. Вот забавно – никто, казалось, не обнаруживал ни страха, ни стесненности при виде оружия Тревайза. Островитяне даже не проявляли к нему особого любопытства. Впрочем, они просто могли не принимать эти штуки за оружие. Судя по тому, что увидел Тревайз, Альфа могла оказаться планетой, совершенно лишенной какого бы то ни было насилия.

Одна из женщин обогнала Блисс, обернулась, с пристрастием уставилась на ее блузку и спросила:

– Есть ли у тебя груди, уважаемая госпожа?

И, словно не в силах была дожидаться ответа, протянула руку и недоверчиво провела по груди Блисс.

Блисс улыбнулась и ответила:

– Как ты смогла убедиться, они у меня есть. Возможно, они не такие красивые, как твои, но я скрываю их не по этой причине. В моем мире обнажать грудь считается непристойным.

– Как тебе мой классический галактический? – шепнула Блисс Пелорату.

– У тебя вполне прилично получается, Блисс.

Трапезная оказалась большим помещением с длинными столами, вдоль которых тянулись скамьи. Очевидно, альфиане предпочитали есть сообща.

Тревайз почувствовал угрызения совести. Из-за просьбы Блисс оставить их одних они оказались в огромном зале впятером и вынудили большинство альфиан остаться снаружи. Однако некоторые из них расположились на небольшом расстоянии от окон (которые представляли собой всего лишь отверстия в стенах, не прикрытые даже ставнями), так чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как едят чужестранцы.

«А если бы шел дождь?» – подумал Тревайз. Но, вероятно, дождь здесь начинался только тогда, когда в нем возникала нужда, причем дождь, наверное, редкий и теплый, без сильного ветра. Более того, дождь, видимо, начинался в определенное время, так что альфиане, решил Тревайз, успели бы к нему подготовиться.

Окна выходили на море. Далеко на горизонте Тревайз как будто разглядел грозовые тучи, вроде тех, что почти целиком затягивали небо над планетой, кроме этого крохотного райского островка.

В этом и состояло преимущество управления погодой.

Вскоре им стала прислуживать юная девушка, ходившая вокруг стола на цыпочках. Она не спрашивала, чего бы им хотелось, а просто накрывала на стол. Девушка поставила перед каждым по небольшому стакану с молоком, побольше – с виноградным соком, еще больше – с водой. Обед каждого состоял из двух больших жаренных яиц с ломтиками белого сыра. Кроме того, стояли большие блюда с отварной рыбой и маленькие – с жареным картофелем, разложенным на холодных, зеленых листьях латука.

Блисс потрясенно смотрела на такое количество еды и явно растерялась – с чего бы начать. Фаллом не испытывала подобных затруднений. Она жадно и с явным удовольствием выпила стакан сока, затем перешла к рыбе и картофелю. Фаллом попыталась запустить в еду пальцы, но Блисс протянула ей большую ложку с заостренными краями, которая могла служить и вилкой. Фаллом взяла ее.

Пелорат довольно улыбнулся и принялся за яйца.

– А я, оказывается, забыл, – заметил Тревайз, – каковы на вкус настоящие яйца.

Хироко, забыв о своем собственном завтраке, в восторге глядела на то, как едят гости (даже Блисс наконец начала кое-что пробовать, и видно было, что ей нравится), и наконец спросила:

– Хороша ли еда?

– Просто прекрасна! – ответил Тревайз, прожевав очередной кусок. – На этом острове, судя по всему, нет богатых источников продовольствия. Или вы подали нам больше, чем едите сами, просто из вежливости?

Хироко слушала, внимательно глядя на него, и, видимо, уловила смысл вопроса:

– О нет, благородный господин. Наша страна щедра, а наше море – еще щедрее. Наши утки несут яйца, наши козы дают молоко, и мы делаем сыр, колосятся наши нивы. В океане – бесчисленные виды рыбы, и нет им числа. Вся Империя могла бы делить с нами трапезу и не истощить запасов рыбы в нашем море.

Тревайз неуверенно улыбнулся. Ясно, молодая альфианка не имела ни малейшего понятия об истинных размерах Галактики.

– Ты, Хироко, назвала этот остров Новой Землей, – сказал он. – Где же тогда Старая Земля?

Она в замешательстве посмотрела на Тревайза.

– Вы сказали *Старая* Земля? Я прошу простить меня, господин. Я не поняла смысла этих слов.

– Прежде чем возникла эта Новая Земля, ваши люди должны были где-то жить. Где же было это место, откуда они явились?

– Мне ничего не ведомо об этом, благородный господин, – с трогательной серьезностью ответила Хироко. – Эта страна была моей всю мою жизнь, это страна моей матери, и бабушки, и, несомненно, их бабушек и прабабушек. Никакие другие страны мне не ведомы.

– Но, – попытался осторожно поспорить Тревайз, – ты говоришь о своей стране как о

Новой Земле. Почему ты называешь ее именно так?

– Потому, благородный господин, – ответила Хироко негромко, – что она так зовется всеми, и ни одна женщина не находит это странным.

– Но это *Новая* Земля, следовательно, более поздняя. Должна быть и *Старая* Земля, предшествовавшая этой, в честь которой ваш мир и был назван. Каждое утро наступает новый день, и это означает, что раньше него был старый день, прошедший. Разве ты не понимаешь, что так и должно быть?

– Нет, благородный господин. Мне ведомо только, как называется наша страна. Я не знаю более ничего и не могу уследить за твоими рассуждениями, которые, на мой взгляд, напоминают то, что мы зовем здесь болтологией. Прости, я не хотела тебя обидеть, господин.

Тревайз покачал головой – никакого толку.

77

Тревайз наклонился к Пелорату и прошептал:

– Куда бы мы ни попадали, что бы мы ни делали – никакой информации.

– Мы знаем, где Земля, так в чем же дело? – ответил Пелорат, едва шевеля губами.

– Я хочу знать хоть что-нибудь о ней.

– Эта женщина очень молода. Вряд ли она располагает необходимыми знаниями.

Тревайз подумал немного и кивнул:

– Правильно, Джен.

Он повернулся к Хироко и сказал:

– Мисс Хироко, вы так и не поинтересовались, зачем мы здесь, в вашей стране.

Хироко потупила глаза и объяснила:

– Я не смею высказывать никакого интереса, исходя из вежливости и гостеприимства, до тех пор пока вы все не поедите и не отдохнете, благородный господин.

– Но мы уже поели, можно считать, и отдыхали перед посадкой, так что я скажу тебе, зачем мы здесь. Мой друг, доктор Пелорат, – известный ученый в нашем мире, образованный человек. Он – мифологист. Ты знаешь, что это такое?

– Нет, благородный господин. Не знаю.

– Он изучает древние предания, те, которые рассказываются на разных планетах. Эти предания называются мифами или легендами, и они интересуют доктора Пелората. Есть ли на Новой Земле кто-нибудь, кто знает ваши предания?

Хироко слегка наморщила лоб, задумалась и сказала:

– Я в этом не искусна. В этой части острова есть старик, который любит говорить о былых временах. Откуда он мог все это узнать, мне не ведомо, и думаю, он либо сам все выдумал, либо услышал от других выдумщиков. Возможно, это именно то, что твой ученый друг хотел бы услышать, хотя я могла и неверно понять тебя. Сама я думаю, – она огляделась по сторонам, словно не желая, чтобы ее кто-то услышал, – что старик этот – просто болтун, хотя многие охотно его слушают.

– Нам как раз такая болтовня и нужна, – кивнул Тревайз. – Не могла бы ты отвести моего друга... к этому старику?

– Он называет себя Моноли.

– ...К Моноли. А как ты думаешь, Моноли согласится поговорить с моим другом?

– Он? Согласится ли поговорить? – презрительно скривилась Хироко. – Вы бы лучше спросили, согласится ли он когда-нибудь перестать говорить. Он всего лишь мужчина и, следовательно, может проболтать до третьих петухов, не закрывая рта, не в обиду ему будет сказано, благородный господин.

– Так можешь ты прямо сейчас отвести моего друга к Моноли?

– Это может сделать любой и когда угодно. Старик всегда дома и всегда готов приветствовать слушателей.

– И, возможно, какая-нибудь пожилая женщина не прочь пообщаться с госпожой Блисс. Она должна заботиться о ребенке и не сможет далеко от него отходить. Ей понравилось бы,

если бы ей составили компанию; женщины, как ты знаешь, рады...

– Посплетничать? – удивилась Хироко. – Впрочем, так считают мужчины, хотя я не раз наблюдала, как сами же мужчины оказывались гораздо большими болтунами. Дайте им только вернуться после рыбалки, и они начнут соперничать друг с другом в полете фантазии, расписывая свою добычу. Никто не может ни проверить их, ни поверить, но это, впрочем, их не останавливает. Но довольно и мне болтать. У моей матери есть подруга, ее я сейчас узрела в окно, которая может составить компанию госпоже Блисс и ее ребенку, но раньше может проводить твоего друга, уважаемого доктора, к Моноли. Если твой друг столь же горазд слушать, как Моноли – говорить, тогда ты вряд ли сможешь разлучить их в этой жизни. А теперь, с вашего позволения, я покину вас на минуту.

Когда она ушла, Тревайз обратился к Пелорату:

– Послушай, выжми все, что сможешь, из этого старика; а ты, Блисс, выпитай как можно больше от той, что придет посидеть с тобой. Все о Земле.

– А ты? – спросила Блисс. – Что собираешься делать ты?

– Я останусь с Хироко и попытаюсь найти третий источник информации.

– Ну да, – понимающе улыбнулась Блисс. – Пел будет говорить со стариком. А ты, так уж и быть, останешься с хорошенькой полуголой девушкой. Разумное распределение труда, ничего не скажешь.

– Выходит так, Блисс, что это *действительно* разумно.

– Но тебя не огорчает, что труд распределится именно так, а не иначе?

– Нет, конечно. Почему это должно меня огорчать?

– Действительно, почему?

Вернулась Хироко и, сев на скамью, сообщила:

– Все устроилось. Уважаемый доктор Пелорат будет сопровожден к Моноли; благородная госпожа Блисс, вместе с ее ребенком, обретет компаньонку. Теперь я могу надеяться, благородный господин Тревайз, продолжить столь приятную моему сердцу беседу с тобой, быть может, даже об этой Старой Земле, о которой ты...

– Болтал? – копируя ее, пошутил Тревайз.

– Нет! – смеясь, возразила Хироко. – Но ты славно передразнил меня. Я проявила к тебе неуважение, отвечая на эти вопросы в дурном тоне. Я стражду принести извинения и исправить свою ошибку.

– «Стражду»? – Тревайз оглянулся на Пелората.

– «Жажду», – негромко перевел Пелорат.

– Мисс Хироко, я не почувствовал неуважения, но, если тебе станет легче, я рад буду поговорить с тобой.

– Ты несказанно добр. Благодарю тебя, – сказала Хироко вставая.

Тревайз тоже поднялся.

– Блисс, – позвал он, – удостоверься, что Джен в безопасности.

– Предоставь это мне. у тебя есть... – Блисс красноречиво взглянула на оружие Тревайза.

– Не думаю, что оно понадобится, – проворчал Тревайз.

Он последовал за Хироко, вышедшей из трапезной. Солнце поднялось уже высоко, и стало еще теплее. Ощущался, как всегда, запах новой планеты. Тревайз припомнил, что на Конпореллоне почти ничем не пахло, вспомнил слегка затхлый запах Авроры, довольно приятный – Солярии, (На Мельпомене они были в скафандрах и могли чувствовать лишь запах собственных тел.) В каждом случае к запаху они привыкали буквально за несколько часов, как только насыщались обонятельные рецепторы носа.

Здесь, на Альфе, приятно пахло травой, нагретой солнцем, и Тревайзу стало грустно – этот запах ему нравился.

Они приближались к небольшому домику, построенному, похоже, из бледно-розовой глины.

– Это, – показала рукой Хироко, – мой дом. Некогда он принадлежал младшей сестре моей матери.

Она вошла внутрь и жестом пригласила Тревайза за собой. Дверь была открыта – точнее,

как заметил Тревайз, проходя сквозь дверной проем, – ее не было вовсе.

– А что же вы делаете, когда идет дождь? – поинтересовался он.

– Мы всегда готовы к этому. Дождь длится два дня, по три часа на заре, когда холоднее и когда он способен увлажнить почву наиболее щедро. Тогда я просто натягиваю на проем этот полог, тяжелый и отталкивающий воду.

Этим она и занялась, не прекращая своих объяснений. Полог был сделан из прочного, похожего на парусину, материала.

– Я оставлю его так, – продолжала она. – И все будут ведать, что я дома, но не желаю, чтобы меня беспокоили, поскольку я сплю или занята важными делами.

– Не слишком надежная защита от непрошенных гостей.

– Но почему же? Смотри, вход закрыт.

– Но любой может отодвинуть полог и войти.

– Не согласуясь с волей хозяина? – Хироко была потрясена подобным предположением. – И такое может произойти в твоём мире? Какое варварство!

– Я просто спросил, – усмехнулся Тревайз.

Хироко провела его в дальнюю комнату, и, повинувшись ее приглашению, Тревайз уселся в мягкое кресло. В маленькой полутемной комнате он ощущал что-то вроде приступа клаустрофобии, но, видимо, дом их и предназначался только для уединения и отдыха. Окна были невелики и располагались почти под потолком, но по стенам были выложены узоры из тусклых зеркальных полосок, отражающих падающий на них свет в разные стороны. Из щелей в полу тянуло холодком. Признаков искусственного освещения Тревайз не нашел и задумался вопросом, не встают ли альфиане с рассветом и не ложатся ли с закатом?

Вопрос уже готов был сорваться с его губ, но Хироко опередила его:

– Госпожа Блисс – твоё женщина?

Тревайз осторожно переспросил:

– Ты хотела узнать, не является ли она моей сексуальной партнершей?

– Умоляю тебя, соблюдай приличия ведения вежливой беседы, – покраснела Хироко. – Я действительно имела в виду телесные радости.

– Нет, Она женщина моего ученого друга.

– Но ведь ты моложе и более хорош собой.

– Ну, спасибо за комплимент, однако Блисс так не думает. Ей нравится доктор Пелорат и гораздо сильнее, чем я.

– Это очень удивляет меня. А он не готов поделиться с тобой?

– Я не спрашивал, но уверен, что он делиться не пожелает. Впрочем, я и не стремлюсь к этому.

– Тебя можно понять, – рассудительно кивнула Хироко. – У неё слишком фундаментальная...

– Что-что фундаментальное?

– Ты понимаешь. Вот это, – и Хироко грациозно шлепнула себя пониже спины.

– Ах это! Теперь я понял. Да, Блисс щедро наделена тем, что называется бедрами. – Он изобразил руками нечто округлое и подмигнул. Хироко рассмеялась. – Тем не менее многие мужчины находят великолепной подобную округлость фигуры.

– Не могу поверить в это. Наверное, это извращение – желать того, что превосходит некий приятный средний уровень. Разве ты стал бы лучшего мнения обо мне, если бы мои груди были массивными, с отвисшими сосками? Я сама, по правде говоря, видела таких женщин, хотя и не замечала, чтобы мужчины толпились вокруг них. Несчастная женщина, которую так покарала судьба, поистине должна прикрывать своё уродство – как это делает госпожа Блисс.

– Такая гипертрофированность меня тоже не привлекает, хотя я уверен, что Блисс прикрывает грудь вовсе не из-за того, что она у неё некрасива.

– Следовательно, ты не испытываешь отвращения, глядя на меня?

– Я не безумец. Ты прелестна.

– А что ты делал для своего удовольствия на этом корабле, когда летал от одной планеты к другой, – ведь госпожа Блисс отказывала тебе?

– Ничего, Хироко. С этим ничего не поделаешь. Я время от времени думал об удовольствиях, и в этом были свои неудобства, но все, летающие в космосе, хорошо знают: бывают времена, когда приходится обходиться без этого. Страсти можно предаться по возвращении.

– А если воздержание мучительно, как можно все исправить?

– Я чувствую гораздо большее мучение оттого, что ты затронула эту тему. Не думаю, что это вежливо – интересоваться тем, как можно исправить подобное.

– Будет ли неучтиво с моей стороны сделать предложение?

– Это будет зависеть исключительно от того, что это будет за предложение.

– Я хочу предложить, чтобы мы получили удовольствие друг от друга.

– Ты привела меня сюда для этого, Хироко?

– Да! – призналась Хироко с довольной улыбкой. – Это одновременно и мой долг вежливости как хозяйки, и мое искреннее желание.

– В таком случае, я готов признать, что это также и мое желание. В самом деле, я очень благодарен тебе за это. Я... как это... стражду доставить тебе удовольствие.

Глава восемнадцатая Музыкальный праздник

78

Обед был подан в том же самом помещении, где они завтракали. Теперь тут было полно альфиан, и среди них Тревайз и Пелорат, которых угощали напропалую. Блосс и Фаллом ели отдельно, более или менее уединенно, в маленькой пристройке.

На столе стояли блюда с разной рыбой, супницы с бульоном, в котором плавало нечто напоминающее кусочки вареной молодой козлятины. Лежали нарезанные караваи хлеба, масло и джем. Салаты подали потом, а вот на десерт не было ничего, хотя фруктовые соки гуляли по столам в казавшихся бездонными кувшинах. Оба гражданина Академии ели мало, поскольку не так давно сытно позавтракали, а остальные уплетали обед за обе щеки.

– Как они только ухитряются не толстеть? – удивленно шепнул Пелорат.

– Наверное, трудятся в поте лица, – пожал плечами Тревайз.

Никто явно не заботился о соблюдении строгого этикета. В трапезной было шумно, то и дело слышались смех, стук о столы толстых, очевидно, небьющихся чашек. Женщины вели себя столь же шумно, как мужчины, только голоса у них были пописклявее.

Пелорат поморщился, но Тревайз (временно, по крайней мере) избавленный от того неудобства, о котором беседовал с Хироко, чувствовал себя прекрасно и благодушествовал.

– Честное слово, – сказал он, – такая жизнь имеет свои прелести. Вот люди, которые радуются жизни и у которых совсем мало забот. Погода стоит такая, какую они пожелают, еда обильна и вкусна. У них поистине золотой век, который просто не прекращается.

Тревайз почти кричал, чтобы его было слышно, Пелорат прокричал в ответ:

– Да... Только уж очень шумно.

– Они так привыкли, наверное.

– Я удивляюсь, как они могут понимать друг друга в этом бедламе.

Конечно, им обоим было трудно разобрать смысл разговоров. Странное произношение, устаревшая грамматика и порядок слов языка альфиан мешали восприятию речи, особенно в таком гоме. Им казалось, что они попали в зоопарк, где по клеткам мечутся испуганные звери.

Только после обеда они встретились с Блосс в маленькой пристройке, которая напомнила Тревайзу домик Хироко. Здесь им всем предстояло временно разместиться. Фаллом уединилась в дальней комнате и, по словам Блосс, собиралась вздремнуть.

Пелорат посмотрел на дверной проем в стене и неуверенно произнес:

– Не очень-то уютное жилье. Как же мы сможем свободно поговорить?

– Уверяю тебя, – отозвался Тревайз, – стоит нам натянуть полог в дверях и нас никто не

потревожит. Никому и в голову не придет войти – таковы тут обычаи.

Пелорат перевел взгляд на оконные проемы. – Нас можно легко подслушать.

– Что мы, кричать будем? Альфиане не подслушивают. Даже когда они стояли напротив окон трапезной во время нашего завтрака, они выдерживали вежливую дистанцию.

– Ты так много узнал об альфианских обычаях, – улыбнулась Блисс, – за то время, что провел наедине с нежной маленькой Хироко, и так уверен теперь в воспитанности местных жителей. Что произошло?

– Если ты заметила, что картина моего сознания изменилась в лучшую сторону, и интересуешься причиной этого, я могу только попросить тебя оставить мое сознание в покое.

– Ты прекрасно знаешь, что Гея не тронет твоего сознания ни при каких обстоятельствах, исключая лишь опасность для жизни, и ты знаешь почему. Но я не слепая. Я могу ощутить то, что происходит на километр вокруг. Это что, неотъемлемая часть твоих космических странствий, мой друг-эротоман?

– Эротоман? Помилуй, Блисс. Второй раз за вес время! Второй!

– Мы посетили всего лишь две планеты, на которых живут нормальные женщины, и на каждой из них мы пробыли лишь несколько часов.

– Тебе хорошо известно, что на Компореллоне у меня не было выбора.

– Не спорю. Я помню, какова она была внешне. – На несколько мгновений Блисс расплылась в улыбке. – А вот представить, что Хироко сжала тебя, беспомощного, в своих мощных объятиях и сломила железной волей твое слабое тело...

– Конечно, нет. Я сам этого хотел. Но предложение исходило от нее.

– Неужели у тебя так всегда получается, Голан? – с ноткой зависти в голосе спросил Пелорат.

– Конечно, так оно и должно быть, – усмехнулась Блисс, – женщины к нему так и льнут, не в силах противиться его обаянию.

– Хотел бы я, чтобы это было так, – вздохнул Тревайз. – Но это далеко от истины. И я рад. Есть много другого в жизни, чем заняться. Но на этот раз я *действительно* не сопротивлялся. В конце концов мы были первыми людьми с другой планеты, которых когда-либо видела Хироко да, пожалуй, и никто из ныне живущих на Альфе. Я понял из того, что она не хотела обсуждать, из случайных замечаний, что Хироко предполагала, будто обнаружит у меня необычайные анатомические подробности или дождется какой-нибудь изысканной техники, но я не оправдал ее надежд. Боюсь, она была разочарована.

– О! Неужели? А ты?

– Я – нет. Я бывал на многих планетах, и у меня есть определенный опыт. Оказалось, что люди есть люди, а секс есть секс, где бы нее это ни происходило. Если и есть какие-то отличия, они обычно тривиальны и часто неприятны. Каких только ароматов я в свое время не нанюхался! Одна дама так просто ничего не позволяла, пока не начинала играть громкая музыка, приправленная отчаянными воплями. Но когда она включала эту музыку, я был бессилен. Уверяю тебя, если все складывается, будто в добрые старые времена, меня это вполне устраивает.

– Кстати, о музыке, – сказала Блисс, – после ужина мы приглашены на музыкальное представление. Очевидно, в нашу честь. Похоже, альфиане очень гордятся своей музыкой.

– Их гордость вряд ли сделает звуки музыки приятнее для нашего слуха, – поморщился Тревайз.

– Дослушай меня. Я поняла так, что гордятся они в основном тем, что играют исключительно на древних инструментах. *Очень* древних. Мы можем узнать что-нибудь о Земле, познакомившись с ними.

Тревайз нахмурился:

– Интересная мысль. Кстати, может быть, вы что-нибудь разузнали? Джен, ты виделся с этим... Моноли, о котором говорила Хироко?

– Да, виделся. Я проговорил с ним три часа. Хироко не преувеличивала. Непрерывный монолог. Когда я собрался обедать, он вцепился в меня и не давал мне уйти, пока я не пообещал вернуться, когда смогу, чтобы послушать его еще.

– А он действительно сказал что-то интересное?

– Ну, он тоже, как и все, настаивал на полной и смертоносной радиоактивности Земли; на том, что предки альфиан последними покинули ее и что, если бы не это, все они умерли бы. И, Голан, он так убежден в этом, что я не мог не поверить ему. Я пришел к выводу, что Земля в *самом деле* мертва и что все наши поиски оказались в итоге бесполезными.

79

Тревайз опустился на стул, глядя на Пелората, сидящего на узкой койке. Блисс встала и молча посмотрела по очереди на мужчин.

– Позволь мне судить, бесполезны были наши поиски или нет, Джен, – смог наконец выговорить Тревайз. – Лучше скажи, что натрепал тебе этот болтун только покороче.

– Я делал пометки по ходу беседы. Это помогло произвести на старика впечатление ученого, но мне нет нужды заглядывать в них. Его речь была непрерывным потоком сознания. О чем бы он ни заговорил, это тут же напоминало ему о чем-то еще, но, конечно, я потратил бы всю жизнь, пытаясь переварить эту информацию в поисках надежных и состоятельных сведений, так что моя задача сейчас – суметь преобразовать длинные и бессвязные рассуждения...

– Во что-нибудь столь же длинное и бессвязное? Ближе к делу, Джен, дружище, – вежливо перебил его Тревайз.

Пелорат откашлялся и продолжил:

– Да, конечно, дружок. Я попытаюсь сделать связный и хронологически верный отчет из всего услышанного. Итак, Земля была родным домом человечества и миллионов видов животных и растений. Так продолжалось бесчисленное число лет, пока не начались гиперпространственные полеты. Тогда и были заселены Внешние миры. Они откололись от Земли, развив свою собственную культуру, и стали презирать и угнетать планету-праматерь.

После пары столетий таких отношений Земля сумела вернуть себе свободу, хотя Моноли так и не объяснил, каким образом это произошло, а я не решился расспросить поподробнее. Даже если бы он и позволил мне прервать его, что маловероятно, это могло просто увести старика в новые дебри воспоминаний. Он, кстати, упомянул исторического героя по имени Элайдж Бейли, но упоминания о нем столь характерны для попытки приписать одной личности все достижения целого поколения, что не было смысла пытаться...

– Пел, дорогой, тут все ясно, – оборвала его Блисс.

Пелорат умолк на полуфразе, пытаясь сосредоточиться.

– Конечно. Извините. С Земли ушла вторая волна поселенцев, основав множество новых миров и на новый лад. Новая группа поселенцев, действуя более энергично, чем космонавты, вытеснила, разгромила и пережила их и, наконец, создала Галактическую Империю. Во время войн между поселенцами и космонавтами – нет, не войн... он использовал слово «конфликты» – Земля и стала радиоактивной.

– Это же нелепо, Джен! – с явным раздражением заявил Тревайз. – Как могла целая планета стать радиоактивной? Каждая планета в той или иной степени радиоактивна с момента своего образования, и эта радиоактивность постепенно снижается. Стать радиоактивной невозможно.

– Я лишь передаю тебе слова Моноли, – пожал плечами Пелорат. – А он рассказал мне только то, что сам слышал – от кого-то, кто рассказал ему, что он слышал – и так далее. Это – народные предания, передающиеся от поколения к поколению, из уст в уста, кто знает, с какими искажениями, возникающими при каждом очередном пересказе.

– Я понимаю, но разве здесь нет книг, документов, древних летописей, которые сохранили историю былых времен и которые могли бы дать нам что-нибудь поточнее, чем современные сказки?

– Я спросил старика и об этом, но ответ был – нет. Он туманно объяснил, что были книги в давние времена, но что они давным-давно утеряны, но тем не менее все сказанное им содержалось в тех книгах.

– Да, славная работа. И здесь та же самая история. На каждой планете, которую мы посетили, записи, касающиеся Земли, так или иначе исчезли. Хорошо. Так откуда, он сказал, взялась радиоактивность Земли?

– Он не привел никаких подробностей. Максимум, что он сказал, так это – что космонавты были благоразумны, а потом стал утверждать обратное – что космонавты были теми злыми демонами, которых люди Земли винили во всех напастях. Радиоактивность... В это мгновение его перебил звонкий голосок.

– Блосс, я – космонавтка?

Фаллом со взъерошенными волосами стояла в узком дверном проеме между двумя комнатами. Ночная рубашка (предназначенная для более пышных форм Блосс) соскользнула с одного ее плечика, обнажив неразвитую грудь.

– Мы беспокоились о неожиданных визитерах снаружи, – сказала Блосс, – и забыли об одном внутри. Ну, Фаллом, почему ты спрашиваешь?

Она встала и подошла к подростку.

– У меня нет того, что есть у них, – заявила Фаллом, показав на мужчин, – или того, что есть у тебя, Блосс. Я... другая. Это потому, что я – космонавтка?

– Да, Фаллом, – успокаивающе произнесла Блосс, – но небольшие отличия не страшны. Ступай обратно в постель.

Фаллом стала покорной, как всегда, когда Блосс хотела этого. Девочка повернулась и уходя, словно разговаривая сама с собой, пробормотала:

– Я – демон? Что же такое – демон?

Блосс, бросив через плечо: «Подождите меня минутку, я скоро вернусь», – вышла вслед за ней.

Она вернулась через пять минут, качая головой:

– Теперь она будет спать, пока я не разбужу ее. Я должна была это сделать раньше, но любое вмешательство в сознание должно проводиться лишь в самом крайнем случае. – Словно оправдываясь, она добавила: – Я не могу избавить ее от размышлений о различиях между ее гениталиями и нашими.

– В один прекрасный день она все-таки узнает, что она – гермафродит, – заметил Пелорат.

– Но не теперь, – возразила Блосс. – Продолжай свой рассказ, Пел.

– Да, – поддержал Тревайз, – пока еще кто-нибудь не помешал нам.

– Хорошо. Земля стала радиоактивной или, по крайней мере, ее поверхность. Тогда на Земле жило огромное население, сосредоточенное в гигантских городах, размещавшихся по большей части под землей...

– Ну уж это, – встрял Тревайз, – точно вранье. Должно быть, из местного патриотизма они превозносят золотой век родной планеты, а все подробности – просто-напросто искаженные воспоминания о Тренторе времен его золотого века, когда он был столицей Империи, раскинувшейся на всю Галактику.

– Послушай, Голан, – после некоторого раздумья ответил Пелорат, – ты не должен меня учить, как заниматься моим делом. Мы, мифологи, хорошо знаем, что мифы и легенды содержат заимствования, морали, природные циклы и сотни других включений и искажений. Но мы трудимся над тем, чтобы их отсеять и добраться до того, что может оказаться сердцевинной, правдой. Фактически, те же приемы могут быть применены и к самым достоверным историям, поскольку никто не пишет явную и очевидную правду, хотя и говорят, что она существует. В конце концов сейчас я рассказываю вам то, что говорил мне Моноли, хотя, полагаю, и я внес свои собственные искажения, несмотря на все мои попытки избежать этого.

– Хорошо, хорошо, – согласился Тревайз. – Продолжай, Джен. Я не хотел тебя ни в чем упрекать.

– Я не в обиде, дружок. Так вот. Огромные города (примем за истину их существование) разрушались и становились меньше по мере того, как радиоактивность все более и более возрастала, пока население, вернее то, что от него осталось, постепенно не было вытеснено в относительно свободные от радиации области. Численность его была сокращена посредством

контроля над рождаемостью и убийством людей старше шестидесяти лет.

– Ужасно, – негодуяще произнесла Блисс.

– Несомненно, – согласился Пелорат, – но именно так они поступали, по словам Моноли, и это могло быть правдой, хотя и не красит землян. И непохоже, чтобы такая нелестная характеристика могла быть выдумана. Люди Земли, презираемые и угнетаемые космонитами, не испытывали презрения и гнета Империи, хотя... здесь может иметь место преувеличенная жалость к себе – очень соблазнительное чувство. Это случай...

– Да, да, Пелорат, но в другой раз. Пожалуйста, продолжай о Земле.

– Простите. Империя, сделав благородный жест, согласилась заменить импортированной, свободной от радиации, почвой верхний зараженный слой Земли и вывезти его прочь. Нет нужды говорить, что эта грандиозная задача вскоре утомила Империю, особенно из-за того, что именно в то время (если мои догадки верны) произошло свержение Кандора V, после чего у Империи появилось много гораздо более важных забот, чем забота о Земле. Радиоактивность все росла, население все сокращалось, и наконец Империя, в новом порыве благотворительности, предложила перевезти остатки населения на новую планету – короче говоря, сюда. Задолго до этого, оказывается, какая-то экспедиция засеяла океан, так что ко времени, когда были разработаны планы переселения сюда землян, здесь уже была кислородная атмосфера и достаточное количество пищи. Никто из миров Галактической Империи больше не претендовал на Альфу из-за определенной антипатии к планетам, обращающимся вокруг двойных звезд. Видимо, в подобных системах существовало так мало пригодных для жизни планет, что к ним не приближались из-за подозрений, что на них что-то нечисто. Это общепринятый предрассудок. Был хорошо известный случай...

– Расскажешь о нем потом, Джен. Давай про перевозку людей.

– Осталось подготовить сушу, – в спешке глотая слова, продолжил Пелорат. – Была обследована наиболее мелкая часть океана и подняты осадочные породы с более глубоких участков, чтобы нарастить шельф и в конце концов создать остров – Новую Землю. Потом к нему добавились валуны и кораллы, зацепленные драгами, насадили растения, способствовавшие укреплению почвы. И вновь Империя взвалила на себя непосильную ношу. Возможно, вначале планировалось сотворить на Альфе целые континенты, но ко времени, когда успели создать только один остров, имперская благотворительность иссякла. На остров перевезли уцелевших землян. Имперский флот увез своих людей и машины, и больше никогда не возвращался. Земляне, живущие на Новой Земле, оказались в полной изоляции.

– Полной?! – усомнился Тревайз. – Моноли действительно утверждает, что никто из всей Галактики не появлялся здесь до нашего прилета?

– Почти полной. Я полагаю, здесь нет ничего такого, ради чего стоило бы прилетать, даже если оставить в стороне суеверную неприязнь к системам двойных звезд. Случайные корабли поначалу могли время от времени залетать сюда, как наш, например, но в конце концов про Альфу совсем забыли, прилетавшие сюда раз больше не возвращались. Вот и все.

– Ты спросил Моноли, где расположена Земля?

– Конечно, спросил. Он не знает.

– Как может он столько знать об истории Земли, не ведая, где она находится?

– Я специально спросил его, Голан, не та ли звезда примерно в парсеке от Альфы – именно то солнце, вокруг которого обращается Земля. Он не знал, что такое парсек, и я объяснил, что с точки зрения астрономов это очень небольшое расстояние. Большое или нет, сказал Моноли, но он не знает, где Земля, и не знает никого, кто бы знал. И, по его мнению, ничего хорошего попытка найти ее не принесет. Ей должно быть позволено, заявил он, до скончания времен плыть в покое и одиночестве через пространство.

– Ты согласен с ним?

– Не то чтобы... – печально покачал головой Пелорат. – Но он сказал, что при той скорости, с которой нарастала радиоактивность, планета должна была стать совершенно непригодной для жизни вскоре после переселения остатков людей и что сейчас она должна настолько интенсивно излучать, что никто не сможет к ней приблизиться.

– Чепуха, – уверенно заявил Тревайз. – Планета не может стать радиоактивной и, даже

если так, не может постоянно наращивать свою радиоактивность. Радиоактивность способна только спадать.

– Но Моноли так в этом уверен! Столько людей говорили нам одно и то же на разных планетах – что Земля радиоактивна. Скорее всего, продолжать поиски бесполезно.

80

Тревайз глубоко вздохнул, затем, старательно взвешивая слова, сказал:

– Чепуха, Джен. Выдумки.

– Но послушай, дружок, нельзя же верить во что-то только потому, что хочется в это верить.

– Мои желания тут совершенно ни при чем. Мы обыскивали планету за планетой и обнаружили, что все сведения о Земле изъяты. Зачем это сделано, если скрывать нечего, если Земля – мертвый радиоактивный мир, к которому даже приблизиться нельзя?

– Я не знаю, Голан.

– Нет, знаешь. Когда мы приближались к Мельпомене, ты сказал, что радиоактивность может оказаться обратной стороной медали. Уничтожение записей, чтобы сделать недоступными точные сведения; создание легенд о радиации, чтобы внести дезинформацию – и то, и другое могло у любого отбить охоту искать Землю, но мы не должны поддаваться панике и разочарованию.

– Слушай, – вмешалась в их диалог Блисс, – ты, кажется, думал, что ближайшая звезда – Солнце Земли. Зачем тогда продолжать спор о радиоактивности? В чем проблема? Почему просто не слетать туда и не посмотреть, Земля ли это? И если это она, что с ней такое?

– Потому что земляне, – ответил Тревайз, – должны быть по-своему могущественны, и я предпочел бы появиться там хоть с какими-то знаниями об их планете и о них самих. Поскольку же я продолжаю оставаться в неведении о том, что творится на Земле, приближение к ней остается опасным. Предлагаю вам остаться на Альфе, а сам я двинусь к Земле. Хватит одной жизни. Это рискованно.

– Нет, Голан, – горячо возразил Пелорат. – Блисс и ребенок могут ждать здесь, но я должен лететь с тобой, Я занимался поисками Земли еще до того, как ты появился на свет, и не вправе отступить.

– Блисс и ребенок не будут ждать здесь, – заявила Блисс. – Я Гея, а Гея может защитить всех нас даже от Земли.

– Надеюсь, ты права, – мрачно отозвался Тревайз, – но Гея не смогла предотвратить уничтожения всех ранних записей о роли, сыгранной Землей в ее основании.

– Это произошло на заре истории Геи, когда она еще не была столь хорошо организована, столь развита. Теперь дело обстоит иначе.

– Надеюсь, это так. Или это сведения о Земле, которые ты почерпнула только утром и еще не поделилась с нами? Ты ведь говорила с кем-то из этих старушек, и что-то из сказанного может нам пригодиться.

– Так оно и есть.

– И что же ты узнала?

– Ничего о Земле. Тут все покрыто мраком.

– А-га...

– Но альфиане – потрясающие биотехнологи.

– О!

– На этом маленьком острове они вырастили и проверили бесчисленные сорта растений и животных; достигли поразительного экологического баланса, стабильного и самоподдерживающегося, несмотря на скудость видов, с которыми они начинали свою работу. Альфиане улучшили виды океанической фауны, обнаруженные в самом начале несколько тысяч лет назад, повысили их питательность, сделали вкуснее. Это биотехника сделала планету подлинным рогом изобилия. У них есть планы и в отношении самих себя.

– Что за планы?

– Альфиане прекрасно осознают, что не могут существенно увеличить свою численность при современных обстоятельствах, живя, как теперь – на небольшом клочке земли. Они мечтают стать амфибиями.

– Стать чем?

– Амфибиями. Они собираются отрастить себе жабры вдобавок к легким. Они мечтают о возможности проводить значительную часть жизни под водой, найти мелководные участки и возвести постройки на дне океана. Старушка сияла от гордости, говоря об этом, хотя призналась, что альфиане добиваются этой цели уже несколько столетий, но успех пока невелик, если вообще есть.

– Получается, – резюмировал Тревайз, – они, возможно, опередили нас по двум направлениям: в управлении погодой и биотехнологии. Хотел бы я знать, что представляет собой их техника.

– Придется искать специалистов, – сказала Блисс, – но они могут не пожелать распространяться о своих достижениях.

– Для нас лично это не главное, но Академии явно имеет смысл попытаться изучить этот миниатюрный мир.

– Мы тоже управляем погодой, – присоединился к разговору Пелорат, – на Терминусе, например, и вполне успешно.

– Такое управление хорошо поставлено на многих планетах, – согласился Тревайз, – но, как правило, контролируется погода на всей планете в целом. Здесь же альфиане управляют погодой лишь на ограниченном участке планеты и, должно быть, обладают такой техникой, какой у нас нет. Что-нибудь еще, Блисс?

– Общественные собрания. Кажется, эти люди устраивают праздники все время, когда могут оторваться от сельхозработ и рыбной ловли. После обеда, ночью, состоится музыкальный праздник. Завтра днем – пляжный праздник. Очевидно, по всему побережью острова все, кто сможет уйти с полей, соберутся и будут радоваться солнцу и воде, поскольку потом, вероятно, пару дней будет идти дождь. Затем, на следующее утро, вернется рыболовная флотилия, хлынет дождь, а вечером будет праздник пищи, сортировка улова.

– Еда и так уже обильна – дальше некуда, – простонал Пелорат. – Какой может быть праздник пищи?

Видимо, его особенность будет состоять не в количестве еды, а в ее разнообразии. В любом случае, мы все четверо приглашены принять участие в этих праздниках, особенно в музыкальном сегодня ночью.

– Обещают игру на древних инструментах? – спросил Тревайз.

– Да.

– Что же делает их такими древними? Прimitивность компьютеров?

– Нет, нет. Дело в том, что это вовсе не электронная музыка, а механическая. Они мне ее описали. Они щиплют струны, дуют в трубы и стучат по барабанам.

– Надеюсь, ты просто чего-то недопоняла, – ужаснулся Тревайз.

– Нет, все правильно. И я поняла, что твоя Хироко будет дудеть в одну из этих труб... забыла ее название... и ты обязан стерпеть это.

– Она не «моя Хироко», – холодно сказал Тревайз. – Но ты думаешь, это будут инструменты того типа, что когда-то использовались на Земле?

– Так мне кажется. По крайней мере, альфианка сказала, что они были изобретены задолго до прихода сюда их предков.

– В таком случае, возможно, имеет смысл послушать весь этот концерт, какую бы информацию о Земле он ни дал.

– Что касается меня, – заявил Пелорат, – я с радостью пойду. Я очень мало знаю о примитивной музыке и хотел бы услышать ее.

Фаллом. Они с Блисс купались в маленькой пристройке за их домом. Там была ванна с проточной водой, горячей и холодной (или, вернее, теплой и прохладной), умывальник и комод. Все чистое, удобное и весело сияющее в лучах послеполуденного солнца.

Как обычно, Фаллом заинтересовалась грудью Блисс, и та вынуждена была сказать (поскольку теперь Фаллом понимала галактический), что в ее мире таким образом и выглядят люди. На что последовал неизбежный вопрос Фаллом «почему?» – и Блисс, после некоторого раздумья, решила, что нет иного разумного пути ответить на него, и прибегла к универсальному во всех отношениях ответу «потому!»

Когда они закончили мыться, Блисс помогла Фаллом надеть белье, присланное им альфианами, и разобралась в способе, которым поверх надевалась юбка. Выше пояса Фаллом осталась обнаженной, что было вполне логично. Сама Блисс, ниже пояса облачившаяся в альфианскую одежду (довольно узкую для ее бедер), надела и свою блузку. Возможно, это было глупо – прикрывать грудь в обществе, где никто из женщин этого не делает, особенно если ее собственная была вполне нормальной и той же формы, как и у большинства виденных Блисс женщин. И все-таки...

Мужчины приводили себя в порядок в другой пристройке. Тревайз ворчал, говоря то, что обычно говорят мужчины по поводу времени, необходимого женщинам для одевания.

Блисс повертела Фаллом, чтобы убедиться, что юбка хорошо сидит на ее мальчишеских бедрах и ягодицах. Наконец она сказала:

– Просто прелестная юбка, Фаллом. Тебе нравится? Фаллом поглядела в зеркало и ответила:

– Да. Но не будет ли холодно? – и провела рукой по обнаженной груди.

– Не думаю, Фаллом. Здесь вообще тепло, – Но на тебе кое-что надето.

– Да. Так принято у меня на родине. Теперь вот что, Фаллом. Мы встретимся со множеством альфиан во время ужина и потом. Как думаешь, сможешь ты вытерпеть все это? – На лице Фаллом появилась гримаска страдания, и Блисс продолжила: – Я буду сидеть справа и возьму тебя за руку. Пел сядет с другой стороны, а Тревайз – напротив тебя. Говорить с тобой мы никому не позволим.

– Я попытаюсь, Блисс, – тоненько пропищала Фаллом.

– После этого некоторые альфиане будут для нас музицировать на свой особый манер. Ты знаешь, что такое музыка?

Она напела, как смогла, нечто, имитирующее электронную гамму.

Лицо Фаллом осветилось.

– Ты имеешь в виду... – последнее слово было из ее родного языка, и солярианка громко запела.

Глаза Блисс удивленно расширились. Это была прекрасная мелодия, пусть и диковая, по богатая звонкими, виртуозными трелями.

– Правильно. Это музыка, – сказала она.

Фаллом возбужденно начала:

– Джемби... – Она помедлила, но затем все же решила использовать слово из галактического, – музицировал постоянно. Он играл на... – и снова слово на солярианском.

– На «фифьюле»? – в сомнении повторила это слово Блисс.

– Не на «фифьюле», а на... – Фаллом рассмеялась.

Когда оба слова произносились подряд, Блисс могла уловить различие, но отчаялась воспроизвести второе. Тогда она спросила:

– А на что она похожа?

Но поскольку Фаллом была еще ограничена в знании галактического, то не могла дать точного описания, а ее жесты не сумели внести ясность в представление Блисс об этом инструменте.

– Он показывал мне, как пользоваться ею, – гордо заявила Фаллом. – Я делала пальцами в точности так же, как Джемби, но он сказал, что вскоре они мне не понадобятся.

– Это чудесно, дорогая. После ужина мы посмотрим, столь ли искусны в музыке альфиане, как твой Джемби.

Глаза фаллом искрились. Приятные мысли о том, что будет после, помогли ей пережить обильный ужин, несмотря на скопление народа, смех и шум вокруг нее. Только однажды, когда случайно опрокинулось блюдо, вызвав вблизи их компании возбужденные крики, Фаллом испугалась, и Блисс проворно прижала ее к себе теплым, оберегающим от всего на свете объятием.

– Я вот думаю, нельзя ли договориться, чтобы мы питались отдельно, – пробормотала она, обращаясь к Пелорату. – Иначе придется улетать отсюда. Есть эти животные белки само по себе отвратительно, но я должна хотя бы есть эту пищу в покое.

– Да ведь шум – от хорошего настроения, – заметил Пелорат, который готов был стерпеть что угодно, если имелся шанс изучить примитивное поведение или веру.

Наконец ужин завершился, и объявили, что вскоре начнется музыкальный праздник.

82

Зал, в котором он должен был состояться, оказался почти столь же велик, как и обеденный. Здесь стояли складные сиденья (довольно неудобные, как выяснил Тревайз) примерно на сто пятьдесят человек. Как почетных гостей их провели в первый ряд, и множество альфиан вежливо и восхищенно обсуждали их одежду.

Оба гостя, по здешнему обычаю, обнажились выше пояса. При мысли об этом Тревайз напрягал пресс и в самодовольном восхищении поглядывал вниз, на заросшую темными волосами грудь. Пелорат, с восторгом глазевший по сторонам, был безразличен к своей внешности. Блузка Блисс вызвала косые удивленные взгляды, но вслух никто ничего не говорил.

Тревайз заметил, что зал заполнен только наполовину и что большую часть аудитории составляли женщины, поскольку, вероятно, многие мужчины рыбачили В море.

Пелорат шепнул Тревайзу:

– У них есть электричество.

Тревайз бросил взгляд на вертикальные трубы на стенах и горизонтальные на потолке. Они мягко светились.

– Флуоресценция, – сказал он. – Весьма примитивно.

– Да, но они работают. Такие же штуки есть в наших комнатах и в пристройках. Я думал, это просто Декоративные элементы. Если мы найдем, как их включать, нам не надо будет сидеть в темноте.

– Могли бы и просветить, – пробурчала Блисс.

– Они думают, что мы знаем как, – вступился Пелорат, – что каждый должен знать это.

Из-за ширмы появились четыре женщины и уселись группой перед зрителями. Каждая держала лакированный деревянный инструмент. Все инструменты были похожи, но разного размера. Один из них был очень мал, два – чуть больше, а четвертый – значительно больше трех других. Каждая женщина держала в свободной руке длинную палочку.

Зрители тихо засвистели, как только показались музыкантши. В ответ женщины поклонились. Их груди были туго подвязаны полосками прозрачной ткани, вероятно, чтобы легче было играть.

Тревайз, расцепив свист как знак одобрения в предвкушения удовольствия, счел уместным добавить к хору и свой собственный свист. Фаллом тоже решила не оставаться в стороне и испустила трель, звучащую намного громче, чем общий свист. Зрители начали оборачиваться. Блисс нежно сжала руку Фаллом, и та умолкла.

Три женщины подняли инструменты под подбородки, а самый большой зажала в коленях четвертая музыкантша. Длинные палочки в руках женщин заходили поперек струн, натянутых почти по всей длине инструментов, а пальцы левых рук быстро запорхали по верхним концам струн.

Это, подумал Тревайз, и был «скрип», которого он ожидал, но звучало это намного нежнее скрипа. Нежно и мелодично пели ноты; каждый инструмент вносил что-то свое, и все сливалось в нечто восхитительное.

Тут не было и в помине бесконечной сложности электронной музыки («настоящей музыки», как продолжал думать о ней Тревайз), и чувствовалось некоторое однообразие. Но прошло какое-то время, и его слух приспособился к такой странной системе подачи звука – он начал различать неуловимые оттенки. Это оказалось утомительно, и Тревайз с тоской вспомнил об электронной музыке – холодной, математически просчитанной и с обнаженностью реальности. Но ему показалось, что, если он довольно долго будет слушать такую музыку, она сможет ему в конце концов понравиться.

Концерт шел уже минут сорок пять, когда на сцену вышла Хироко. Она заметила в первом ряду Тревайза и улыбнулась ему. Он чистосердечно присоединился к одобрительно засвистевшей аудитории. Хироко выглядела прелестно в длинной, искусно сшитой юбке, с большим цветком в волосах и с обнаженной грудью, – видимо, ее игре это не было помехой.

Ее инструментом была темная деревянная трубка, примерно в две трети метра длиной и почти два сантиметра толщиной. Она поднесла ее к губам и дунула в отверстие вблизи одного из концов, взяв высокую нежную ноту, меняющуюся по высоте, когда ее пальцы бегали по металлическим клапанам вдоль трубки.

При первых же звуках Фаллом вцепилась в рукав Блисс и зашептала:

– Блисс, это... – и Блисс опять послышалось «фифьюл».

Блисс покачала головой, но Фаллом настаивала:

– Но это она!

Альфiane уже начали оглядываться на Фаллом. Блисс ладонью прикрыла ей рот и наклонившись пробормотала «тише» прямо в ухо солиристки.

После этого Фаллом слушала игру Хироко молча, но ее пальцы периодически двигались, словно работали с клапанами инструмента.

Последним выступающим на концерте был пожилой мужчина, игравший на инструменте с гофрированными боками, висевшем на его плечах. Он то сдвигал, то раздвигал его, в то время как одна рука мужчины двигалась вдоль ряда белых и черных клавиш, нажимая их поодиночке и по несколько сразу.

Тревайз нашел эти звуки особенно утомительными, варварскими и неприятными, напоминающими вой диких собак с Авроры. Не то чтобы они были так уж похожи, но вызываемые ими эмоции совпадали. Блисс выглядела так, словно предпочла бы заткнуть пальцами уши, а лицо Пелората застыло в каком-то непередаваемом выражении. Похоже, это доставляло удовольствие только Фаллом, поскольку она притопывала ногой, и Тревайз, заметив это, понял, к своему удивлению, что она отбивает такт.

Наконец концерт завершился и поднялся громовой свист, сквозь который отчетливо пробивались звонкие трели Фаллом.

Затем слушатели разделились на маленькие группы, громко заговорили и вновь превратились в шумных и крикливых альфиан, какими они, казалось, были при большом скоплении людей. Музыканты, игравшие на концерте, стояли у стены, беседуя с подошедшими поблагодарить их.

Фаллом выскользнула из рук Блисс и подбежала к Хироко.

– Хироко, – воскликнула она задыхаясь, – позволь мне посмотреть.

– Что, дорогая? – не поняла Хироко.

– Вещь, на которой ты играла.

– Ах, – рассмеялась Хироко. – Это – флейта, маленькая флейта.

– Могу я потрогать ее?

– Разрешаю только взглянуть. – Хироко открыла футляр и вынула инструмент. Он состоял из трех частей, но она быстро собрала их вместе и протянула Фаллом: – Подуй в это отверстие.

– Я знаю, знаю, – нетерпеливо бросила Фаллом и схватила флейту.

Машинально Хироко отдернула ее и взяла покрепче.

– Дунь, но не прикасайся к ней.

Фаллом казалась разочарованной.

– Могу я тогда поглядеть на нее подольше? Я не прикоснусь к ней.

– Конечно, дорогая.

Она скова протянула флейту, и Фаллом пристально уставилась на инструмент.

И вдруг свет в зале померк, и в шуме людских голосов раздался немного неуверенный и дрожащий звук флейты.

Хироко от удивления чуть не выронила флейту, а Фаллом воскликнула:

– Получилось, получилось! Джемби говорил, что когда-нибудь у меня получится.

– Это ты вызвала звук флейты? – спросила Хироко.

– Да, я, я!

– Но как же ты это сделала, детка?

– Я виновата, Хироко, – вмешалась красная от смущения Блисс. – Я уведу ее отсюда.

– Нет, – возразила Хироко. – Я хочу, чтобы она сделала это еще раз.

Несколько альфиан приготовились слушать. Фаллом нахмурила брови, словно в большом напряжении. Свет померк, и вновь возник звук флейты, только более чистый и уверенный. Затем он стал меняться, по мере того как металлические клапаны вдоль флейты двигались, сами складывая аккорды.

– Это не похоже на то, как... – Фаллом слегка задыхалась, словно это ее дыхание привело флейту в действие, а не движимый энергией Фаллом воздух.

– Она, должно быть, черпает энергию от электрического тока, питающего лампы, – шепнул Тревайзу Пелорат.

– Еще, еще раз, – хрипло проговорила Хироко.

Фаллом закрыла глаза. Звук теперь стал сильнее, но мягче, чувствовалась большая уверенность. Флейта играла сама по себе, а клапанами двигали не пальцы, а энергия, передаваемая через пока недоразвитые частички мозга Фаллом. Возникая почти случайно, звуки складывались в музыкальную последовательность, и постепенно все зрители собрались вокруг Хироко и Фаллом, наблюдая, как Хироко осторожно держит флейту большим и указательным пальцами за концы, а Фаллом, закрыв глаза, управляет потоками воздуха и движением кнопок.

– Это фрагмент того, что я играла, – прошептала Хироко.

– Я запомнила, – торопливо кивнула Фаллом и снова сосредоточенно сдвинула брови.

– Ты не сделала ни единой ошибки, – сказала Хироко, когда музыка стихла.

– Но это неправильно, Хироко. Надо играть по-другому.

– Фаллом! – возмутилась Блисс. – Это невежливо! Ты не должна...

– Пожалуйста, – повелительно сказала Хироко, – не надо мешать. Почему неправильно, дитя?

– Потому что я бы сыграла иначе.

– Покажи как.

И вновь зазвучала флейта, но более затейливо, поскольку та сила, что нажимала клапаны, делала это теперь быстрее, в стремительной последовательности и более продуманных сочетаниях, чем прежде. Музыка стала сложнее, эмоциональнее и живее. Хироко стояла прямо, как натянутая струна, в зале воцарилась гробовая тишина.

Даже после того как Фаллом перестала играть, никто не проронил ни слова, пока Хироко не произнесла, глубоко вздохнув:

– Малышка, ты когда-нибудь играла это раньше?

– Нет, – сказала Фаллом, – прежде я могла играть только пальцами, а ими я не смогла бы извлечь ничего подобного. – Затем добавила, простодушно и без следа превосходства: – И никто не сможет.

– Сыграй что-нибудь еще!

– Я могу что-нибудь придумать.

– То есть, симпровизировать?

Фаллом нахмурилась, не поняв слова, и оглянулась на Блисс. Та кивнула, и Фаллом ответила:

– Да.

– Тогда, пожалуйста, сделай это.

Фаллом на пару минут задумалась, затем медленно заиграла, начав с очень простой

последовательности звуков – что-то раздумчивое, мечтательное. Флуоресцентные огни меркли и разгорались вновь, когда количество энергии, забираемое Фаллом, увеличивалось или уменьшалось. Казалось, никто этого не замечал, словно мерцание огней сопровождало музыку, словно электрические искры возгорались от заклинания звуков.

Сочетания нот затем повторились, но более четко, а потом – усложнено. Возникли вариации, не заслоняющие собой основной композиции, мелодия становилась все более пламенной, возбуждающей – настолько, что просто дух захватывало. И наконец музыка зазвучала еще громче, так что когда мелодия стихла, это произвело на слушателей впечатление внезапного падения с небес на землю.

Альфiane очнулись и разразились оглушительным свистом. И даже Тревайз, привыкший к совершенно другой музыке, с грустью подумал: «Как жаль, ведь я никогда больше этого не услышу...»

Когда альфиане более или менее утихомирились, Хироко протянула флейту Фаллом:

– Возьми, Фаллом. Она твоя!

Фаллом жадно потянулась к флейте, но Блисс перехватила протянутые руки девочки и сказала:

– Мы не можем принять флейту, Хироко. Это очень ценный инструмент.

– У меня есть другая, Блисс. Правда, не такая хорошая, но быть посему. Этот инструмент должен принадлежать тому, кто играет на нем лучше. Я никогда не внимала такой музыке, и было бы несправедливо, если бы я обладала инструментом, которым не владею в совершенстве. Хотела бы я знать, как можно играть на нем, не касаясь пальцами.

Фаллом взяла флейту и радостно, крепко прижала к груди.

83

В каждой из двух комнат горела флуоресцентная лампа. Пристройку освещала третья. Свет они давали тусклый, неудобный для чтения, но, по крайней мере, в комнатах теперь было не так уж темно.

Но все же они вышли наружу. В небе сияло множество звезд, что совершенно очаровало уроженцев Терминуса, где в ночном небе почти не было звезд, а виднелась только слабо светящаяся туманность.

Хироко проводила их до дома из страха, что они могут заблудиться в темноте или оступиться. Всю дорогу она держала Фаллом за руку и потом, после того как зажгла в доме свет, осталась с гостями снаружи, все еще не в силах расстаться с солярианкой.

Ясно было, что Хироко обуревали противоречивые чувства, и Блисс еще раз попыталась помочь ей:

– Правда, Хироко, мы не можем взять твою флейту.

– Нет, на ней должна играть Фаллом, – проговорила Хироко, с трудом шевеля губами.

Тревайз не отрываясь глядел в ночное небо. Ночь была темная, и эту темноту практически не нарушали ни три светильника, горевшие в доме, ни огоньки в других домах, стоявших вдалеке.

– Хироко, видишь эту яркую звезду? – спросил он. – Как она называется?

Хироко глянула вверх и без особого интереса сказала:

– Это – спутник.

– Почему его так назвали?

– Он кружит около нашего Солнца с периодом в восемь Стандартных Лет. Это – вечерняя звезда в нынешнее время года. Вы можете увидеть ее и днем, когда она низко над горизонтом.

«Хорошо, – подумал Тревайз. – Она не совсем невежественна в астрономии».

– Ты знаешь, – спросил он, – что у Альфы есть еще один спутник, очень маленький, тусклый? Он дальше, чем эта яркая звезда. Ты не можешь увидеть его без телескопа. (Он и сам его не видел и не позаботился отыскать, но корабельный компьютер имел соответствующую информацию в своем банке данных.)

– Нам говорили об этом в школе, – равнодушно отозвалась она.

– А это что? Видишь? Вот шесть звезд, образующих что-то вроде зигзага.

– Это Кассиопея.

– Да? – удивился Тревайз. – Какая из них?

– Все они. Весь зигзаг. Это и есть Кассиопея.

– А почему они так называются?

– Не ведаю. Я ничего не ведаю об астрономии, благородный господин Тревайз.

– А видишь самую нижнюю звезду зигзага, ту, что ярче других? Что это?

– Звезда. Мне не ведомо ее название.

– Но, за исключением двух звезд-спутников, это ближайшая к Альфе из всех звезд. До нее всего около парсека.

– Вот как? Я этого не ведала.

– Не может ли она быть той звездой, вокруг которой вращается Земля?

Хироко поглядела на звезду с некоторым интересом:

– Нет, не ведаю. Я ни от кого не слыхала ничего подобного.

– Ты думаешь, что это не так?

– Откуда я могу ведать? Никому не ведомо, где может быть Земля. Я... я должна покинуть вас теперь. Завтра утром мой черед трудиться в поле, до пляжного праздника. Я увижу вас всех там, сразу после обеда. Да? Да?

– Конечно, Хироко.

Она быстро, почти бегом бросилась во тьму. Тревайз поглядел ей вслед, затем вместе со всеми вошел в тускло освещенный дом.

– Можешь определить, лжет Хироко или нет, говоря о Земле? – спросил он Блисс.

– Не думаю, чтобы она лгала, – покачала та головой. – Она находится в огромном напряжении. Хотя такого я не чувствовала в ней до окончания концерта. А ведь оно существовало еще до того, как ты спросил ее о звездах.

– Из-за того, что отдала свою флейту?

– Возможно. Точно не могу сказать. – Она повернулась к Фаллом. – Теперь, Фаллом, я хочу, чтобы ты шла в свою комнату. Когда подготовишься ко сну, сходи в пристройку, вымой руки, лицо и зубы.

– Я предпочла бы поиграть на флейте, Блисс.

– Тогда недолго, и очень тихо. Поняла, Фаллом? И ты должна перестать играть, как только я скажу тебе.

– Да, Блисс.

Теперь взрослые остались одни; Блисс села на стул, а мужчины расселись на своих койках.

– Есть ли какой-то смысл еще задерживаться на этой планете? – спросила Блисс.

Тревайз пожал плечами:

– Мы не спрашивали о том, как связана Земля с древнейшими музыкальными инструментами. Может, тут что-то и есть. Возможно, полезно дожидаться возвращения рыболовецкой флотилии. Рыбаки могут знать что-нибудь, чего не знают домоседы.

– Крайне маловероятно, на мой взгляд, – возразила Блисс. – Ты уверен, что не темные глаза Хироко удерживают тебя здесь?

– Я не понимаю, Блисс, – нетерпеливо сказал Тревайз, – какое тебе дело до моей личной жизни? Почему ты присваиваешь себе право морального суда надо мной?

– Я вовсе не озабочена твоей моралью. Но это влияет на нашу экспедицию. Ты хочешь найти Землю, чтобы наконец решить, был ли ты прав, выбирая Галаксию, а не миры изолятов. Я хочу, чтобы ты поскорее пришел к такому решению. Ты говоришь, что для этого необходимо посетить Землю, и ты вроде бы уверен, что Земля вращается вокруг той яркой звезды, Тогда отправимся туда. Я согласна, было бы неплохо заполучить какие-нибудь сведения о ней, прежде чем мы полетим туда, но мне ясно, что таких сведений здесь не добыть. И я больше не желаю оставаться здесь только из-за того, что тебе нравится Хироко.

– Может, мы и улетим, – сказал Тревайз. – Дай мне подумать об этом, но Хироко тут совершенно ни при чем, уверяю тебя.

– Я чувствую, – сказал Пелорат, – что мы должны лететь к Земле хотя бы только для того, чтобы посмотреть, радиоактивна она или нет. Не вижу смысла оставаться здесь.

– А ты уверен, что не прекрасные глаза Блисс тянут тебя отсюда? – съязвил Тревайз, но совладал с собой и извинился: – Беру свои слова обратно, Джен, Я опять повел себя по-детски. Все-таки Альфа – очаровательная планета, даже помимо Хироко, и я вам честно скажу: при иных обстоятельствах я непременно задержался бы здесь. Не кажется ли тебе, Блисс, что Альфа нарушает стройность твоей теории об изолятах?

– Каким образом? – спросила Блисс.

– Ты утверждала, что любая по-настоящему обособленная планета становится опасной и враждебной.

– Даже Компореллон не избежал этого, – спокойно проговорила Блисс, – который стоит всего поодаль от основного русла Галактической активности, несмотря на то что теоретически является ассоциированным членом Федерации Академии.

– Но не Альфа. Эта планета живет в полной изоляции, но можешь ли ты пожаловаться на их дружелюбие и гостеприимство? Они кормят нас, одевают, дают нам кров, устраивают в нашу честь праздники, просят нас остаться. К чему здесь можно придраться?

– Ни к чему, ты прав. Хироко даже подарила тебе свое тело.

– Блисс, какое тебе до этого дело? – рассердился Тревайз. – Она не подарила мне свое тело. Мы подарили друг другу наши тела. Это было исключительно взаимно и исключительно приятно. Не станешь же ты утверждать, что мучаешься сомнениями, решая, дать ли кому-то свое тело, когда сама хочешь этого?

– Прошу тебя, Блисс, – вмешался Пелорат, – Голан совершенно прав. Не стоит обсуждать его личные дела.

– До тех пор пока они не касаются нас всех, – упрямо проговорила Блисс.

– Это никак не касается наших поисков. Мы улетим, уверяю вас. Скорее всего, дальнейшие поиски сведений продлятся недолго.

– Все же я не доверяю изолятам, даже когда они приходят с дарами.

– Сделать вывод, – всплеснул руками Тревайз, – а потом перетасовать доказательства. Как это похоже на...

– Не говори так! – в ярости воскликнула Блисс. – Я не женщина, я – Гея. Это Гея, а не я так упряма.

– Нет причин... – начал Тревайз, и в этот миг что-то зашуршало за дверью.

Тревайз замер.

– Что это? – прошептал он.

Блисс передернула плечами.

– Открой полог и посмотри. Ты утверждал, что это добрая планета, где нет никаких опасностей.

Тревайз все же помедлил, пока не услышал нежный голос Хироко из-за двери:

– О господи! Это я!

Это был голос Хироко. Тревайз отдернул полог. Хироко быстро вошла в дом. Ее щеки блестели от слез.

– Задержи полог... – всхлипнула она.

– Что случилось? – спросила Блисс.

Хироко буквально вцепилась в Тревайза.

– Я не могу! Я пыталась, но не вынесла этого! Уходи, и вы все тоже уходите. Пожалуйста, увозите скорее ребенка. Забирайте ваш корабль – и прочь, прочь от Альфы, пока не поздно.

– Но почему? – спросил Тревайз.

– Потому что иначе вы умрете, вы все.

Трое гостей замерли, глядя на Хироко, и довольно долго никто не мог вымолвить ни слова. Наконец Тревайз спросил:

– Ты хочешь сказать, что ваши люди убьют нас?

– Ты сам уже на пути к смерти, благородный Тревайз, – сказала Хироко. Слезы катились по ее щекам. – И твои спутники тоже. Давным-давно кто-то из ученых мужей вывел вирус, безвредный для нас, но смертельный для пришельцев. У нас к нему иммунитет. – Она в замешательстве схватила руку Тревайза. – Ты заражен.

– Каким образом?

– Когда мы предавались удовольствию. Это единственный способ заражения.

– Но я чувствую себя совершенно нормально!

– Вирус пока не активирован. Он активируется ко времени возвращения рыбаков. По нашим законам, все должны принимать решение в таком деле – даже мужчины. Но все наверняка решат, что это должно быть сделано, и мы задержим вас здесь до того времени, которое настанет через два утра. Бегите же теперь, пока еще темно и никто этого не ожидает.

– Почему же ваши люди так мерзко поступают? – резко спросила Блисс.

– Ради нашей безопасности. Нас мало, но мы владеем многим. Мы не желаем нашествия пришельцев. Если явится один, а затем поведает о наших землях, то придут другие; поэтому, когда изредка к нам прибывает корабль, мы должны быть уверены, что он не уйдет от нас.

– Но тогда, зачем ты предупредила нас? – спросил Тревайз.

– Не спрашивайте меня, Нет! Но я скажу вам, потому что опять внимаю этим звукам... Слушайте... – Из соседней комнаты донеслись нежные звуки флейты. – Я не смогла бы вынести гибели этой музыки, поскольку и ребенок тоже умер бы, – призналась Хироко.

– Так ты поэтому дала флейту Фаллом? – сурово спросил Тревайз. – Ты знала, что получишь ее обратно, как только она умрет?

– Нет, этого и в мыслях у меня не было! – ужаснулась Хироко. – А когда я это уразумела, я поняла, что это не должно произойти. Бегите же с ребенком, возьмите флейту, и пусть я не увижу ее никогда более. Вы будете в безопасности там, в космосе, и, оставшись неактивированным, вирус со временем погибнет в вашем теле. Взамен я прошу, чтобы никто из вас никогда не говорил об этой планете, чтобы никто больше не мог о ней проведать.

– Мы не скажем о ней никому, – пообещал Тревайз.

Хироко посмотрела на него и тихо произнесла:

– Не позволено ли мне будет поцеловать тебя один только раз, прежде чем ты покинешь меня?

– Нет, – наотрез отказался Тревайз. – Меня уже инфицировали один раз, и наверняка этого достаточно. – Но затем уже менее грубо добавил: – Не плачь. Люди могут спросить тебя, почему ты плачешь, а ты не сможешь объяснить им. Я прощаю тебя за то, что ты сделала со мной, из благодарности за эту попытку спасти всех нас.

Хироко выпрямилась, старательно вытерла щеки тыльной стороной ладони, глубоко вздохнула и сказала:

– Благодарю тебя за это. – И поспешно ушла.

– Включим свет, – распорядился Тревайз, – подождем немного, и... уберемся отсюда. Блисс, скажи Фаллом, чтобы она перестала играть. Не забудь захватить флейту. Давайте быстрее пробираться к кораблю, если сможем, конечно, найти его в темноте.

– Я найду его, – сказала Блисс. – На борту осталась моя одежда, она, пусть в небольшой степени, тоже Гея. Гее нетрудно отыскать Гею. – И она скрылась в соседней комнате, чтобы собрать Фаллом в дорогу.

– Как ты думаешь, альфиане не могли повредить наш корабль, чтобы удержать нас на планете? – спросил Пелорат.

– У них нет техники, способной сделать это, – хмуро проговорил Тревайз.

Когда появилась Блисс, держа за руку Фаллом, он выключил свет.

Они тихо сидели во тьме, и им казалось, что прошло почти полночи, а может быть – лишь полчаса. Затем Тревайз медленно и бесшумно отворил дверь. Показалось, стало больше облаков, но в разрывах между ними по-прежнему сияли звезды. Высоко в небе стояло созвездие Кассиопеи, включавшее звезду, которая могла быть солнцем Земли. Стояла тишина – ни ветерка, ни звука.

Тревайз крадучись вышел из дому и махнул рукой остальным, чтобы они шли следом. Рука его почти автоматически легла на рукоятку нейрохлыста. Он был уверен, что пользоваться им не придется, но...

Блисс возглавила процессию, взяв Пелората за руку, а Пелорат сжал руку Тревайза. Другой рукой Блисс держала руку Фаллом, та свободной рукой сжимала флейту. Осторожно ступая в почти полной темноте, Блисс тянула всех за собой, туда, где она ощущала, пусть и очень слабо, свою геянскую одежду, оставшуюся на борту «Далекой звезды».

Часть седьмая Земля

Глава девятнадцатая Радиоактивна?

85

«Далекая звезда» бесшумно взлетела и покинула слой атмосферы, оставив внизу темный силуэт острова. Несколько тусклых пятнышек света померкли и исчезли. По мере того как с высотой нарастала разреженность атмосферы, скорость корабля увеличивалась, а звезды становились все многочисленнее и ярче.

Время от времени путешественники поглаживали вниз, на Альфу, которая теперь представляла собой полумесяц, почти целиком окутанный облаками.

– Наверное, у альфиан нет мощной космической техники. Они не смогут преследовать нас, – сказал Пелорат.

– Не сказал бы, что это снимает камень с моей души, – мрачно отозвался Тревайз, – Я заражен.

– Неактивированным штаммом, – уточнила Блисс.

– Штамм может быть активирован. Альфиане знают, как это делать. Знать бы, как?

Блисс пожала плечами:

– Широко говорила, что вирус в неактивированной форме постепенно погибнет в организме, не привыкшем к нему, – в твоём, например.

– Да? – яростно воскликнул Тревайз. – Откуда ей знать? И потом, если на то пошло, откуда мне знать, не были ли заверения Широко ложью во спасение? И разве активация не может произойти естественным путем? Кто знает, что способно пробудить дремлющий вирус? Какое-нибудь химическое соединение, воздействие определенного излучения или... или... да мало ли что? Я могу заболеть внезапно, а потом и вы трое тоже умрете. А если это случится после того, как мы доберемся до населенной планеты, там вспыхнет ужасная эпидемия, которую беглецы разнесут по всей Галактике.

Он взглянул на Блисс:

– Ты можешь что-нибудь сделать?

Блисс медленно покачала головой:

– Это нелегко. На Гее есть паразиты – микроорганизмы, черви. Эти частицы экологического равновесия живут и вносят свой вклад в планетарное сознание, но никогда не размножаются сверх меры. Их существование не наносит заметного вреда. Беда в том, Тревайз, что вирус, поразивший тебя, не часть Геи.

– Ты сказала «нелегко», – нахмурившись, проговорил Тревайз. – Но раз уж так вышло, может, все-таки попытаешься сделать это, даже если работа окажется тяжелой? Можешь найти во мне вирус и убить его? Если это не удастся, можешь, по крайней мере, повысить мою сопротивляемость?

– Ты понимаешь, о чем просишь, Тревайз? С микрофлорой твоего тела я незнакома. Я просто не смогу отличить вирус в клетках твоего тела от здоровых генов. Еще сложнее будет

отличить те вирусы, к которым ты уже привык, от тех, которыми заразила тебя Хироко. Я попробую, Тревайз, но это потребует времени и может ничего не дать.

– Пусть так. Попробайся.

– Хорошо.

– Если Хироко сказала правду, – вмешался Пелорат, – ты, Блисс, может быть, сумеешь найти вирусы, которые уже начали утрачивать жизнеспособность, и сможешь ускорить их гибель.

– Попробую. Это интересная мысль.

– А ты не передумаешь? – сказал Тревайз. – Ведь убивая вирусы, ты уничтожишь совершенное творение эволюции.

– Опять язвись, Тревайз? – усмехнулась Блисс. – Но все равно это правда. Как бы там ни было, ты мне дороже вирусов. Я убью их, если повезет, не сомневайся. И потом, ведь если я не помогу тебе, – Блисс сжала губы, словно пыталась сдержать улыбку, – то тогда окажутся в опасности Пелорат и Фаллом, а ты мог уже убедиться в моих чувствах к ним. Да я и сама рискую, если на то пошло.

– Маловато я верю в твое себялюбие, – проворчал Тревайз. – Ты всегда готова отдать жизнь за какую-нибудь высокую идею. Забота о Пелорате – это другое дело. погоди, я не слышу флейты. С Фаллом все в порядке?

– Да. Она спят. Самый что ни на есть естественный сон. И я предлагаю, чтобы после того как ты рассчитаешь Прыжок к звезде, которую мы принимаем за солнце Земли, мы тоже выпалились. Мне это крайне необходимо, да и тебе тоже, Тревайз.

– Да, если смогу заснуть. А знаешь, ты была права.

– В чем, Тревайз?

– В отношении изолятов. Новая Земля не рай, хотя и походила на него. Это гостеприимство – все, что сперва показалось гостеприимством, – предназначалось для того, чтобы усыпить в нас любые подозрения, а потом одного из нас заразить. А все эти фигли-мигли, все эти праздники им нужны были, чтобы задержать нас на Альфе до возвращения рыбаков, когда появится возможность провести активацию вируса. Так бы оно и вышло, если бы не Фаллом и ее музыка. Возможно, ты была права и в этом.

– Насчет Фаллом?

– Да, я не хотел брать ее с нами и не радовался ее присутствию на корабле. Это твоя, Блисс, заслуга, что она здесь и именно она – я не шучу – спасла нас. И все же...

– Все же что?

– Несмотря на это, я все еще ощущаю тревогу оттого, что она на корабле. А почему – не знаю.

– Если тебе от этого станет легче, Тревайз, признаюсь: я не уверена в том, что честь нашего спасения целиком и полностью принадлежит Фаллом. Хироко ухватила за музыку Фаллом, чтобы оправдаться перед самой собой в том, что другие альфиане наверняка назвали бы изменой. Она могла даже в это поверить, но в ее сознании было что-то еще. Что-то, что я различала с трудом и не могла точно определить; что-то, чего, возможно, она слишком стыдилась, чтобы позволить этому всплыть на поверхность сознания. У меня такое впечатление, что она прониклась искренним чувством к тебе и не хотела, чтобы ты погиб, независимо от Фаллом и ее музыки.

– Ты и вправду так думаешь? – улыбнулся Тревайз – впервые со времени отлета с Альфы.

– Да. Ты, должно быть, обладаешь определенным даром в обращении с женщинами. Ты убедил министершу Лайзалор позволить нам забрать корабль и покинуть Компореллон, ты помог нам спастись своим влиянием на Хироко. Мы все в долгу перед тобой.

Тревайз улыбнулся шире.

– Ну ладно. Если ты так считаешь... Тогда – к Земле, – твердо проговорил он и прогулочным шагом отправился в рубку.

Пелорат задержался и спросил:

– Все-таки ты убаюкала его тревогу, Блисс?

– Нет, Пелорат. Я не прикасалась к его сознанию.

- Наверняка ты это проделала, когда так откровенно польстила его мужскому тщеславию.
- Исключительно косвенно, – улыбнулась Блисс.
- Даже если так, спасибо тебе, Блисс.

86

После Прыжка звезда, которая вполне могла быть земным Солнцем, все еще находилась на расстоянии в одну десятую парсека от корабля. Это был теперь самый яркий объект на экране, но все еще не более чем звезда.

Тревайз слегка приглушил ее свет, чтобы легче было наблюдать, и с мрачным видом разглядывал.

– Нет сомнения, что это фактически двойник Альфы, звезды, вокруг которой обращается эта Новая Земля, хотя Альфа обозначена на карте в компьютере, а эта звезда – нет. Мы не знаем ее названия, у нас нет ее характеристик, отсутствует любая информация касательно ее планетной системы, если она у нее есть.

– Разве не этого мы ожидали в том случае, если вокруг этого солнца действительно вращается Земля? – спросил Пелорат. – Такой пробел в сведениях вполне укладывается в общую картину уничтожения сведений о Земле.

– Да. Но это может просто оказаться космонитской планетой, почему-либо не попавшей в перечень на стене того здания на Мельпомене. Мы ведь не можем быть уверены, что перечень полный. А может, около этой звезды нет планет, и поэтому, возможно, ее не сочли достойной для внесения в карты Галактики, которые в основном используются в военных и коммерческих целях. Джен, есть ли в каких-нибудь легендах упоминания о том, что солнце Земли имеет двойника менее чем в парсеке от себя?

– Извини, Голан, но такого я не встречал, – покачал головой Пелорат. – Хотя, может быть, что-то и есть об этом. Память у меня неважная. Я покопаюсь в записях.

– Не обязательно. Есть ли у солнца Земли какое-нибудь название?

– Названия разные. Я думаю, в каждом языке было свое.

– Все время забываю, что на Земле их было множество.

– Так и должно было быть. Это единственный способ докопаться до сути многих легенд.

– Ну хорошо, и что же нам делать? – постепенно раздражался Тревайз. – Мы ничего не можем сказать о планетарной системе с такого расстояния и должны подойти поближе. Я предпочел бы соблюдать осторожность, но есть и другая крайность – трусость, а никаких признаков опасности я не вижу. Вероятно, нечто столь могущественное, чтобы убрать во всей Галактике информацию о Земле, столь же сильно, чтобы стереть нас в порошок даже на таком расстоянии, если всерьез заинтересовано в том, чтобы не дать себя обнаружить. Но ничего не случилось. В таком случае, что толку торчать здесь только из-за того, что что-либо может случиться, если мы подойдем ближе, верно?

– Я попросила бы компьютер проверить, нет ли там чего-то, что может представлять опасность, – предложила Блисс.

– Когда я говорю, что не вижу опасности, я говорю это, опираясь на данные компьютера. Естественно, я ничего не могу, да и не ожидаю увидеть невооруженным глазом.

– Я сказала это, заметив, как ты ищешь поддержки, принимая рискованное решение. Но если так, то все в порядке. Я – за. Мы ведь зашли так далеко, не для того чтобы повернуть назад без особых на то причин, верно?

– Верно, – ответил Тревайз. – А что скажешь ты, Пелорат?

– Я двинулся бы дальше только из любопытства. Было, бы невыносимо вернуться, не зная, нашли ли мы Землю.

– Ну тогда, – попытожил Тревайз, – единогласно.

– Нет, – возразил Пелорат. – Есть еще Фаллом.

– Ты предлагаешь, спросить совета у ребенка? – удивился Тревайз. – Какое значение может иметь ее мнение, даже если оно у нее есть? И потом – ведь она больше всего хочет вернуться домой, на родную планету.

– Не судить же ее за это, – мягко проговорила Блосс.

И из-за того, что разговор зашел о Фаллом, Тревайз вдруг услышал флейту, которая играла бодрый марш.

– Потрясающе, – сказал Тревайз, – где она могла слышать что-либо в ритме марша?

– Возможно, их играл для нее Джемби.

– Сомневаюсь, – покачал головой Тревайз. – Ну колыбельные там, танцы. Послушайте, Фаллом по-прежнему меня тревожит. Она учится слишком быстро.

– Я помогаю ей, – заявила Блосс. – Не забывай об этом. Кроме того, она очень умна, и ее очень подстегивает общение с нами. Новые ощущения переполняют ее мозг. Она видит космос, различные планеты – и все это впервые.

Марш Фаллом стал несколько диковатым и бравурным.

– Ну ладно, – вздохнул Тревайз, – она здесь, и играет музыку, казалось бы, преисполненную оптимизма и удовольствия от приключений. Я считаю, что это ее голос в пользу приближения к Солнцу. Давайте осторожно подойдем поближе и поглядим на его планетную систему.

– Если она у него есть, – уточнила Блосс.

– Есть, – хитро улыбнулся Тревайз, – Спорим? Ваша ставка, госпожа Блосс?

87

– Ты проиграла, – рассеянно заметил Тревайз. – Сколько ты решила поставить?

– Нисколько, Я никогда не держу пари.

– Что ж, прекрасно. Все равно я не взял бы с тебя денег.

Они находились на расстоянии около десяти миллиардов километров от Солнца. Оно все еще походило на звезду и было почти в четыре тысячи раз тусклее, чем среднее солнце при взгляде на него с обитаемой планеты.

– При увеличении две планеты видны уже сейчас, – сообщил Тревайз. – Судя по их диаметру и спектру отраженного света, это явно газовые гиганты.

Корабль находился вне плоскости эклиптики, и Блосс с Пелоратом, глядя поверх плеча Тревайза на обзорный экран, видели два тоненьких зеленоватых полумесяца. Меньший находился в несколько иной фазе, чем больший, и выглядел шире.

– Джен! – воскликнул Тревайз. – Не правда ли, что у земного Солнца должно быть четыре газовых гиганта?

– Согласно легенде, это так.

– Ближайший к Солнцу – самый большой, а у следующего – кольцо. Так?

– Большие широкие кольца, Голан. Да. В точности так, дружок, но учти возможные преувеличения при многократном пересказе легенды. Если мы не найдем такой планеты, то я не думаю, что стоит серьезно воспринимать это как аргумент против наших предположений. То есть что эта звезда – Солнце Земли. Тем не менее те два гиганта, что мы видим, могут оказаться более дальними, а два ближних к Солнцу могут находиться сейчас по другую его сторону и слишком далеко от нас, чтобы их можно было различить на фоне звезд. Мы должны подойти еще ближе и осмотреть Солнце с другой стороны.

– Разве можно проделать такое в присутствии столь близкой и большой массы, как эта звезда?

– Уверен, компьютер, с разумной осторожностью, может осуществить такой Прыжок. Однако если он решит, что опасность слишком велика, то откажется от быстрого способа передвижения, и мы будем приближаться к Солнцу осторожно, маленькими шажками.

Внимание Тревайза переключилось на компьютер – и звездный узор на обзорном экране изменился. Звезда ярко вспыхнула и исчезла с экрана, поскольку компьютер, выполняя команду, обшаривал небо в поисках других газовых гигантов. И безуспешно.

Все трое замерли. Наконец Тревайз, почти беспомощный от удивления, отдал команду компьютеру еще сильнее увеличить изображение.

– Невероятно, – выдохнула Блосс.

88

Перед ними на экране повис газовый гигант, видимый под таким углом, что его поверхность оказалась почти полностью освещена Солнцем. Вокруг гиганта кружились широкие сверкающие кольца, наклоненные так, что видны были блики света на их боковых сторонах. Они сияли ярче, чем сама планета, и были разделены тонкой линией примерно в треть их собственной ширины.

Тревайз затребовал у компьютера максимальное разрешение, и кольца превратились в колечки – узкие, концентрические, блестящие под лучами Солнца. Теперь лишь часть системы колец умещалась на экране, да и сама планета с него исчезла. Еще одна команда Тревайза – и в углу экрана возникла вставка, демонстрирующая планету и ее кольца в миниатюре.

– Это часто встречается? – благоговейно спросила Блисс.

– Нет, – ответил Тревайз. – Почти у каждого газового гиганта есть кольца из различных обломков, но они, как правило, тусклые и узенькие. Я лишь однажды видел такой, у которого кольца были узкими, но яркими. Но я никогда не видел ничего подобного этой планете, даже не слышал о такой.

– Перед нами явно тот самый окольцованный гигант, о котором говорит легенда. Если подобные вещи действительно уникальны... – Пелорат захлебывался от восторга.

– Естественно, уникальны! Насколько мне известно. Или, точнее, насколько известно компьютеру.

– Тогда это наверняка планетная система, включающая Землю. Никто не смог бы придумать такую планету. Такое нужно видеть, чтобы описать в легендах.

– Я готов теперь поверить всему, о чем говорят твои легенды. Это – шестая планета, а Земля должна быть третьей?

– Верно, Голан.

– Тогда я должен объявить, что мы менее чем в полутора миллиардах километров от Земли, а нас еще никто не остановил. Гея остановила нас, когда мы приблизились.

– Вы были ближе к Гее, когда вас остановили, – заметила Блисс.

– Ага, – кивнул Тревайз, – но это – лишнее подтверждение моего мнения о том, что Земля могущественнее, чем Гея; и я считаю это добрым предзнаменованием. Если нас все еще не задержали, то, возможно, Земля вовсе не возражает против нашего прибытия.

– Или что это – не Земля, – сказала Блисс.

– Еще одно пари? – ухмыляясь, спросил Голан.

– Как я понял, Блисс хотела сказать, – вмешался Пелорат, – что Земля может оказаться радиоактивной, как все говорят, и что никто не остановил нас из-за отсутствия на ней всякой жизни вообще.

– Нет, – сказал Тревайз, – я верю всему, что говорится о Земле, только не этому. Теперь мы вблизи нее и можем убедиться во всем сами. И у меня такое чувство, что нам не помешают.

89

Газовые гиганты остались позади. Ближе к Солнцу лежал пояс астероидов (он был большим и содержал множество обломков – все как в легендах).

Внутри пояса астероидов кружились четыре планеты.

Тревайз внимательно изучил их.

– Третья – самая большая, размеры ее вполне подходящие, как и расстояние от Солнца. Она может оказаться обитаемой.

Пелорат уловил нотку неуверенности в его словах.

– У нее есть атмосфера? – спросил он.

– О да. У второй, третьей и четвертой планет есть атмосфера. И, как в старой сказке для детей, у второй она слишком плотная, у четвертой – слишком разреженная, у третьей – в самый раз.

- Значит, ты думаешь, что это может быть Земля?
- Думаю? – почти взорвался Тревайз. – Мне нет нужды думать. Это – Земля. У нее – гигантский спутник, о котором ты мне твердил.
- Спутник? – Лицо Пелората расплылось в такой широкой улыбке, какой Тревайз еще никогда не видел.
- Все в точности! Вот, взгляни при максимальном увеличении.
- Пелорат увидел два полумесяца, причем один был значительно больше и ярче второго.
- Меньший, как я понимаю, и есть тот спутник?
- Да. Он дальше от планеты, чем можно было бы ожидать, но, несомненно, обращается вокруг нее. Он размером с малую планету; на самом деле – меньше любой из четырех внутренних планет. Тем не менее он велик для спутника. Не меньше двух тысяч километров в диаметре, что делает его сопоставимым с самыми большими спутниками газовых гигантов.
- Всего-то? – Пелорат был искренне разочарован. – Это не гигантский спутник?
- Гигантский. Спутник с диаметром в две или три тысячи километров, вращающийся вокруг огромного газового гиганта, – это одно. Тот же самый спутник небольшой, твердой, обитаемой планеты – совсем другое. Диаметр спутника составляет около четверти диаметра Земли. Где еще ты слышал о подобном? Да это лее, считай, двойная планета.
- Я профан, сознаю, – смущенно проговорил Пелорат.
- Тогда поверь мне на слово, Джен. Подобный спутник – уникальное явление. Мы смотрим на нечто, являющееся практически двойной планетой, а ведь обитаемых планет, вокруг которых летает что-нибудь крупнее нескольких камней, очень мало. Если ты сопоставишь этот газовый гигант с его огромной системой колец, являющийся шестой планетой, и этот громадный спутник у третьей – о которых правдиво, вопреки всем ожиданиям, говорили легенды, тогда планета, на которую ты сейчас смотришь, должна быть Землей. Немыслимо, чтобы она оказалась чем-то иным. Мы нашли ее, Джен, мы нашли ее!

90

- Шел второй день постепенного приближения к Земле. За обедом Блисс зевнула.
- Мне кажется, мы только и делаем, что подлетаем к той или иной планете, а потом столь же медленно от нее удаляемся. Недели тратим, целые недели.
- Отчасти это потому, – стал объяснять Тревайз, – что Прыжок опасно совершать слишком близко к звезде. Но мы так плетемся потому, что я не хочу оказаться перед лицом очередной возможной опасности слишком быстро.
- Помнится, ты уверял: «Я чувствую, что нас не остановят».
- Это так, но я не хочу во всем полагаться на предчувствия. – Голан посмотрел на содержимое ложки, прежде чем отправить ее в рот, и сказал: – Что-то я заскучал по альфианской рыбке. Мы ведь там только три раза попирировали.
- Жаль, – согласился Пелорат.
- Что поделаешь, – пожала плечами Блисс, – мы побывали на пяти планетах и покидали каждую из них столь поспешно, что не имели времени пополнить запасы пищи или как-либо их разнообразить. Даже тогда, когда продукты можно было без проблем раздобыть, как, например, на Компореллоне или Альфе, и, вероятно...
- Она не договорила, поскольку Фаллом, бросив на Блисс быстрый взгляд, закончила за нее:
- На Солярии. Вы не пробовали нашу еду? Там она прекрасна. Так же, как на Альфе. И даже еще лучше.
- Я знаю это, Фаллом, – ответила ей Блисс. – Но на это просто не было времени.
- Фаллом печально посмотрела на нее:
- Увижу ли я Джемби когда-нибудь вновь, Блисс? Скажи мне правду.
- Увидишь, если мы вернемся на Солярию.
- А мы когда-нибудь туда вернемся?
- Я не могу так сразу сказать, – замаялась Блисс.
- Сейчас мы летим к Земле, верно? Это та планета, откуда, как ты говорила, мы все ведем

свое происхождение?

- Откуда ведут свое происхождение наши предшественники.
- Я уже знаю слово «предки».
- Да, мы летим к Земле.
- Зачем?
- Разве не хотел бы любой человек увидеть мир своих предков?
- Я думаю, это скорее касается вас. Вы все так взволнованы.
- Мы никогда не были здесь раньше. Мы не знаем, чего ожидать от Земли.
- Мне кажется, тут что-то большее.

Блисс улыбнулась:

– Ты уже поела, Фаллом, милая, так почему бы тебе не пойти в свою каюту и не порадовать нас небольшой серенадой на флейте? Ты все прелестней на ней играешь. Давай, давай. – Она легонько подтолкнула Фаллом, и та вышла, но в дверях обернулась и задумчиво взглянула на Тревайза.

Он посмотрел ей вслед с явной неприязнью:

– Это существо, что же, мысли читает?

– Не называй ее «существом», Тревайз, – резко сказала Блисс. – Она что, читает твои мысли? Ты можешь ответить?.. Нет, не читает. И Гея тоже. Это недоступно даже adeptам Второй Академии. Чтение мыслей в прямом смысле невозможно и не будет возможно в ближайшем будущем. Мы можем распознавать и интерпретировать эмоции и, в некоторой степени, управлять ими, но и это не простое дело.

– Откуда ты знаешь, что ей неподвластно то, что тебе кажется невозможным?

– Я имею право так утверждать, поскольку обладаю определенными способностями.

– Возможно, она просто управляет тобой, так что ты остаешься в неведении о том, на что она способна.

– Образумься, Тревайз! – воскликнула Блисс, закатив глаза. – Даже если она обладает необычными способностями, она ничего не может сделать со мной, ведь я не только Блисс, но и Гея. Ты по-прежнему забываешь об этом. Ты представляешь себе, что такое ментальная инертность целой планеты? Неужели ты думаешь, что один изолят, каким бы талантливым он ни был, мог преодолеть ее?

– Ты не знаешь всего, Блисс, так что не будь столь самоуверенна, – угрюмо пробурчал Тревайз. – Эта тв... Она с нами не так уж давно. Я за такое время только научился бы слова составлять, а она уже в совершенстве владеет галактическим и фактически освоила почти весь его словарный запас. Знаю, ты помогала ей, но я хотел бы, чтобы ты это прекратила.

– Да, я говорила тебе, что помогаю ей, но я также сказала, что она удивительно умна. Настолько умна, что я рада была бы, чтобы она стала частицей Геи. Если мы присоединим ее к себе, пока она еще достаточно молода, то сможем многое узнать о солярианах, так чтобы постепенно ассоциировать всю Солярию. Это было бы очень полезно для нас.

– И тебя не беспокоит, что соляриане – патологические изоляты, даже по моим понятиям?

– Они не будут такими, став частью Геи.

– Я думаю, ты ошибаешься, Блисс. Я думаю, что солярианский ребенок опасен и что мы должны избавиться от нее.

– Как? Выбросить ее через шлюз? Убить ее, размельчить и добавить к нашим запасам пищи?

– Ох, Блисс, ну что ты такое говоришь! – всплеснул руками Пелорат.

А Тревайз поморщился:

– Да уж, действительно, сказанула. – Он прислушался на минуту; флейта играла и играла, и Тревайз перешел на полусшепот. – Когда все это кончится, мы должны вернуть ее на Солярию ишний раз убедиться, что соляриане навечно отрезаны от Галактики. Мне было бы еще спокойнее, если бы они были уничтожены. Я не доверяю им и боюсь их.

Блисс ненадолго задумалась и сказала:

– Тревайз, я знаю, что ты обладаешь умением приходить к правильному решению, но я также знаю, что ты с самого начала испытывал антипатию к Фаллом. Я полагаю, это может

быть следствием того унижения, которое ты пережил на Солярии и из-за которого возненавидел планету и ее жителей. Поскольку я не имею права вмешиваться в твое сознание, я не могу это утверждать наверняка. Пожалуйста, пойми, что, если бы мы не взяли Фаллом с собой, мы до сих пор оставались бы на Альфе – наверное, нас бы уже похоронили.

– Я все понимаю, Блосс, но даже так...

– А ее разум достоин восхищения, а не зависти.

– Я не завидую ей. Я боюсь ее.

– Ее ума?

– Нет, не только, – в задумчивости закусил губу Тревайз.

– Чего же тогда?

– Я не знаю, Блосс. Если бы я знал, чего я боюсь, я бы смог побороть страх. Это что-то, чего я не могу до конца понять. – Его голос стал тише, словно он разговаривал сам с собой. – Галактика, как оказалось, переполнена вещами, которых я не понимаю. Почему я выбрал Гею? Почему я должен искать Землю? Было ли забыто еще одно допущение психоистории? Если да, то какое? И в завершение всего: почему Фаллом так действует мне на нервы?

– К несчастью, я не могу ответить на твои вопросы, – сказала вставая Блосс и вышла из каюты.

Пелорат посмотрел ей вслед:

– На самом деле все обстоит не столь мрачно, Голан. Мы подлетаем все ближе и ближе к Земле и как только доберемся до нее, все загадки наконец разрешатся. И до сих пор никто, похоже, не делает никаких попыток остановить наше к ней приближение.

Тревайз только моргал, глядя на Пелората, но потом тихо сказал ему:

– А я бы хотел, чтобы кто-нибудь попытался.

– Да? Почему ты этого хочешь?

– Честно говоря, я рад был бы хоть какому-то признаку жизни.

Пелорат широко открыл глаза:

– Ты наконец обнаружил, что Земля – радиоактивна?

– Не то чтобы... Но она теплая. Намного теплее, чем я ожидал.

– Это плохо?

– Необязательно. Она может быть довольно теплой, но это вовсе не должно сделать ее непригодной для жизни. Облачный покров плотный, определенно присутствуют водяные пары, так что эти облака, вместе с водами океана, могут поддерживать жизнь, несмотря на температуру, которую мы вычислили, исходя из микроволнового излучения. Впрочем, я не могу быть уверен. Разве что только...

– Да, Голан.

– Ну, если бы Земля была радиоактивной, этим может объясняться большая, чем мы ожидали, температура.

– Но это не противоречит и первому, не правда ли? Если она теплее, чем ожидалось, это не означает, что она должна быть радиоактивной.

– Нет, не означает. – Тревайз попытался выдавить улыбку. – Нам нет нужды гадать, Джейнав. Через день-другой я смогу больше сказать об этом, и мы узнаем все наверняка.

91

Фаллом сидела на койке в задумчивости, когда в каюту вошла Блосс. Фаллом коротко взглянула на нее, затем снова уставилась в пол.

– В чем дело, Фаллом? – тихо сказала Блосс.

– Почему я так не нравлюсь Тревайзу, Блосс?

– Что навело тебя на подобные мысли?

– Он смотрит на меня нетерпеливо – это правильное слово?

– Возможно.

– Он нетерпеливо смотрит на меня, когда я вблизи него. Его лицо немного кривится.

– У Тревайза сейчас множество забот. Фаллом.

– Потому что он ищет Землю?

– Да.

Фаллом немного подумала и сказала:

– Он особенно нетерпелив, когда я привожу что-нибудь в движение.

Губы Блисс сжались.

– Послушай, Фаллом, разве я не говорила тебе, что ты не должна этого делать, особенно в присутствии Тревайза?

– Ну, это было вчера, в этой каюте, он стоял в дверях, а я не заметила. Я не знала, что он наблюдает. Это был всего лишь один из библиофильмов Пела, и я пыталась заставить кассету встать на ребро. Я не сделала ничего плохого.

– Это нервирует нашего друга, Фаллом, и я хотела бы, чтобы ты не делала ничего подобного, вне зависимости от того, видит он тебя или нет.

– Это нервирует его, потому что сам он ничего похожего не может?

– Возможно.

– А ты можешь?

– Нет, я не могу, – медленно покачала головой Блисс.

– Но тебя же не нервирует, когда я так делаю. И Пела тоже.

– Все люди разные.

– Я знаю, – сказала Фаллом с внезапной уверенностью, которая и удивила Блисс, и привела ее в замешательство.

– Что ты знаешь, милая моя девочка?

– Я – другая.

– Конечно, я так и сказала. И Пелорат другой.

– У меня другие формы тела. И я умею двигать вещи.

– Это правда.

– Мне необходимо двигать вещи, – продолжила Фаллом с вызовом в голосе. – Тревайз не должен сердиться на меня за это, ты не должна останавливать меня.

– Но зачем это тебе нужно?

– Это – тренировка. Упружнение – это правильное слово?

– Не совсем. Упражнение.

– Да. Джемби постоянно твердил, что я должна постоянно тренировать мои... мои...

– Мозговые преобразователи?

– Да. И делать их сильнее. Тогда, когда я вырасту, я смогу управлять всеми роботами. Даже Джемби.

– Фаллом, кто управляет всеми роботами, когда тебя нет?

– Бандер. – Фаллом словно бы просто констатировала факт.

– Ты знаешь Бандера?

– Конечно. Я видела его много раз. Я должна была стать следующим главой поместья. Поместье Бандера станет поместьем Фаллом. Так говорил мне Джемби.

– Ты имеешь в виду, что Бандер приходил в твою...

Фаллом в ужасе открыла рот и сказала каким-то подавленным голосом:

– Бандер никогда не мог бы прийти к... – Фаллом стало трудно дышать, она запнулась и замолчала. Потом она успокоилась: – Я видела изображение Бандера.

– А как Бандер к тебе относился? – нерешительно спросила Блисс.

Фаллом поглядела на нее, сощурилась от удивления глаза:

– Бандер мог спросить меня, в чем я нуждаюсь, удобно ли мне. Но Джемби всегда был рядом, так что я никогда ни в чем не нуждалась и мне всегда было удобно.

Она наклонила голову и уставилась в пол. Потом закрыла глаза ладонями и еле слышно произнесла:

– Но Джемби остановился. Я думаю, это из-за того, что Бандер тоже остановился.

– Почему ты так говоришь?

– Я думала об этом. Бандер управлял всеми роботами, и, если Джемби остановился и все остальные роботы тоже, должно быть, остановился и Бандер. Разве это не так?

Блисс промолчала.

– Но когда вы вернете меня назад, на Солярию, я смогу обеспечить энергией Джемби и всех остальных роботов и буду вновь счастлива.

Она всхлипнула.

– Разве ты не счастлива с нами, Фаллом? Хоть немного? Иногда?

Фаллом подняла залитое слезами лицо к Блисс и, покачивая головой, дрожащим голосом выпалила:

– Я хочу Джемби.

В порыве нежности Блисс обхватила ее руками.

– Ох, Фаллом, как бы я хотела, чтобы я могла вновь соединить тебя и Джемби! – И внезапно обнаружила, что и сама плачет вместе с Фаллом.

92

Такими их и увидел вошедший в каюту Пелорат. Он застыл у двери и спросил:

– Что случилось?

Блисс отстранилась от Фаллом и потянулась за носовым платком, чтобы вытереть заплаканные глаза. Она тряхнула головой, и Пелорат озабоченно повторил:

– Но все-таки, что случилось?

– Фаллом, успокойся, – сказала Блисс. – Я придумаю что-нибудь, чтобы тебе стало хоть немного легче. Помни – я люблю тебя так же, как любил Джемби.

Она взяла Пелората за локоть и вытолкнула в обеденный отсек, повторяя:

– Это так, ничего, Пел. Пройдет.

– Это из-за Фаллом, верно? Она все еще жалеет о Джемби.

– Ужасно. И мы ничего не можем с этим поделать. Я могла только сказать ей, что люблю ее – и в самом деле, это так. Как можно не любить такое нежное и разумное дитя? Удивительно разумное. Тревайз думает, что даже слишком разумное. Она видела Бандера в свое время или, скорее, его голографическое изображение. Однако эти воспоминания ее не трогают, она очень спокойно и рассудительно говорила о нем, и я могу понять почему. Их связывало лишь то, что Бандер был владельцем поместья и что Фаллом должна была стать следующим его хозяином. Других отношений между ними не существовало.

– А понимала ли Фаллом, что Бандер – ее отец?

– Ее мать. Если уж мы согласились рассматривать фаллом как женщину, так же следует думать и о Бандере.

– Неважно, Блисс. Знает ли Фаллом об их родственных связях?

– Я не уверена, что она поняла бы, что это такое. Вероятно, она может знать, но не придает этому никакого значения. Однако, Пел, она пришла к выводу, что Бандер мертв, поскольку ее озаорило: выключение Джемби должно быть результатом прекращения подачи энергии, а так как этим занимался Бандер... Все это пугает меня.

Пелорат задумчиво сказал:

– Почему, Блисс? В конце концов это всего лишь логический вывод.

– Потому что другой логический вывод может последовать из самого факта его смерти. На Солярии, с ее долгоживущими и одинокими космонавтами, смерть – нечто редкое и отдаленное. Представление о естественной смерти должно существовать лишь у немногих из них, и, вероятно, совсем отсутствовать у солярианских детей возраста Фаллом. Если она продолжит размышлять о смерти Бандера, она наконец начнет гадать, почему он умер, и то, что это случилось, когда мы, чужаки, появились на их планете, наверняка наведет ее на мысль о возможной причине и следствии.

– Что мы убили Бандера?

– Это не мы убили Бандера, Пел. Это была я.

– Она не догадается.

– Но я должна буду сказать ей об этом. Она обижается на Тревайза, а ведь он – руководитель экспедиции. Фаллом может решить, что, возможно, именно он повинен в гибели

Бандера, а как я могу позволить, чтобы на Тревайза кто-то возвел напраслину?

– Стоит ли беспокоиться обо всем этом, Блисс? Ребенок не испытывал никаких чувств к своему от... матери. Только к своему роботу Джемби...

– Но смерть ее матери означает и смерть ее робота. Я почти готова уже признаться в своей ответственности за это. Я испытываю огромное искушение.

– Почему?

– Так я смогу объяснить это в нужном свете. Так я смогу успокоить Фаллом, предупредив ее собственное открытие этого факта в процессе размышлений. Сама она может не найти оправданий убийству Бандера.

– Но оправдание существует! Это была самооборона. Спустя мгновение мы были бы мертвы, не решишь ты на крайнюю меру.

– Именно это я и должна бы сказать, но не могу заставить себя объясниться. Я боюсь, что она не поверит мне.

Пелорат, покачивая головой, сжал зубы.

– Ты думаешь, было бы лучше, если бы мы не привели ее на «Далекую звезду»? Теперь ты так несчастна...

– Нет, – рассердилась Блисс, – не говори так! Я была бы бесконечно более несчастна, если бы мы сидели сейчас и вспоминали оставленного нами невинного ребенка, осужденного на безжалостную смерть из-за того, что мы натворили на Солярии.

– Такова планета Фаллом.

– Послушай, Пел, только наш разговор не передавай Тревайзу. Изоляты находят возможным соглашаться с подобными вещами и не думать больше о них. Мораль же Геи – спасение жизни, а не уничтожение ее. Жизнь во всех ее проявлениях должна, как мы знаем, заканчиваться, чтобы другая жизнь могла начаться, но никогда – без пользы, без смысла, без конца. И смерть Бандера, пусть и неизбежную, довольно трудно перенести. Смерть же Фаллом была бы просто невыносима.

– Ну хорошо. Думаю, ты права. Но в любом случае, я пришел к тебе не с заботами о проблемах Фаллом. Дело касается Тревайза.

– Что с ним?

– Блисс, я беспокоюсь за него. Он ждет установления параметров Земли, и я не уверен, что он сможет перенести такое напряжение.

– Я не боюсь за него. С ума он не сойдет.

– У каждого из нас есть предел выносливости. Послушай, планета Земля оказалась теплее, чем он ожидал; так он сказал мне. Полагаю, он думает о том, что она может быть слишком теплой для существования там жизни, хотя явно старается убедить себя, что это не так.

– Быть может, он прав. Может, она не слишком горяча для жизни.

– Кроме того, он допускает, что, возможно, это тепло можно объяснить наличием радиоактивной поверхности, но тоже отказывается в это верить. Через день-другой мы подойдем достаточно близко к Земле, так что станет ясным истинное положение вещей. Что, если Земля действительно радиоактивна?

– Тогда ему останется только смириться с этим.

– Но – я не знаю, как сказать... – что, если в его мозгу...

Блисс подождала, а затем криво усмехнулась:

– Полетят предохранители?

– Да. Полетят предохранители. Не могла бы ты предпринять что-нибудь, чтобы поддержать его? Держать его под контролем и в уравновешенном состоянии, так сказать?

– Нет, Пел. Я не могу поверить, что он так слаб, и, кроме того, существует твердое решение Геи: его сознание неприкосновенно.

– Но сейчас особые обстоятельства. У него есть эта необычная «правота» или как ты ее там называешь. Шок от полного провала его прожектов в тот момент, когда все, казалось бы, успешно завершено, способен пусть и не уничтожить его мозг, но расстроить его «правоту». Он обладает очень необычным талантом. Разве не может этот талант оказаться необычайно хрупким?

Блисс на миг задумалась, пожала плечами и сказала:

– Ну что же, возможно, мне и следует присмотреть за ним.

93

Следующие тридцать шесть часов Тревайз смутно ощущал, что Блисс и, в меньшей степени – Пелорат, ходят за ним по пятам. Впрочем, это было не так уж необычно на таком компактном корабле, да и занимали его ум совсем другие вещи.

Теперь, сидя за компьютером, он был уверен, что Блисс с Пелоратом стоят у двери. Тревайз обернулся и испытующе уставился на них.

– Ну? – очень тихо спросил он.

– Как ты себя чувствуешь, Голан? – довольно неуклюже попытался вывернуться Пелорат.

– А ты у Блисс спроси, – ответил Тревайз. – Она часами с меня глаз не спускает. Должно быть, насквозь видит мой мозг. Не так ли, Блисс?

– Нет. Нет, – спокойно сказала Блисс, – но если ты чувствуешь, что нуждаешься в моей помощи, я могу попробовать... Тебе нужна помощь?

– Это еще зачем? Оставьте меня в покое. Оба.

– Пожалуйста, скажи нам, что происходит, – попросил Пелорат.

– Спрашивай!

– Является ли Земля...

– Да, является. То, на чем настаивали все в разговорах с нами, – истинная правда. – Тревайз махнул в сторону экрана, на котором виднелась ночная сторона Земли, затмившей Солнце. Она выглядела резко очерченным кружком темноты на фоне звездного неба, а окружность сияла прерывистым ореолом оранжевого света.

– Этот оранжевый свет – радиоактивность? – спросил Пелорат.

– Нет. Просто отраженный свет Солнца в атмосфере. Ореол был бы сплошным, если бы не сильная облачность. Радиоактивность мы видеть не можем. Различные излучения, даже гамма-лучи, поглощаются атмосферой. Однако они порождают вторичное излучение, сравнительно слабое, хотя компьютер может его обнаружить. Оно невидимо для глаз, но компьютер способен преобразовать в фотоны видимого света каждую частицу или волну, принятую его детекторами, и Земля предстанет окрашенной в условные цвета. Взгляните.

И черный кружок расцвел голубыми красками.

– И насколько сильная здесь радиоактивность? – тихо спросила Блисс. – Достаточная для того, чтобы человек здесь не мог существовать?

– Вообще никакая жизнь. Планета не пригодна для обитания, Последняя бактерия, последний вирус давно погибли.

– А сможем мы исследовать ее? – спросил Пелорат. – Я имею в виду, в скафандрах?

– Лишь несколько часов – иначе вернемся с необратимыми радиационными поражениями.

– Тогда что же мы будем делать, Голан?

– Делать? – Тревайз безо всякого выражения поглядел на Пелората. – Ты знаешь, что я собираюсь делать? Я возьму тебя и Блисс – и ребенка, естественно, – и верну вас на Гею, и оставлю там всех троих навсегда. Потом я вернусь на Терминус и сдам корабль. Подам в отставку из Совета, что должно сильно обрадовать мэра Бранно. А потом буду жить на пенсию, пошлю Галактику куда подальше вместе с Планом Селдона, нашей Академией, Второй Академией и Геей. Галактика не маленькая, сама выберет, как ей жить. Почему я должен беспокоиться о том, что случится после меня? Я еще пожить хочу.

– Наверняка ты так не думаешь, Голан, – настойчиво сказал Пелорат.

Тревайз посмотрел на него и глубоко вздохнул.

– Нет, не думаю, но ох как хотелось бы, чтобы я смог сделать точно так, как только что сказал тебе.

– Никогда бы я в это не поверил. Ну а что ты собираешься предпринять на самом деле?

– Вывести корабль на околоземную орбиту, отдохнуть, выйти из шока и подумать о том, что делать дальше. Да и вообще...

– Да?

И Тревайз сорвался:

– Что я могу предпринять еще? Что еще я могу осмотреть? Что здесь еще искать?

Глава двадцатая Соседняя планета

94

После этого Пелорат и Блисс видели Тревайза только четыре раза и то только за обеденным столом. Все остальное время он находился либо в рубке, либо в своей каюте. За едой молчал. Ел мало.

В четвертый раз, однако, Пелорату показалось, что необычная суровость покинула Тревайза. Пелорат дважды кашлянул, словно хотел что-то сказать да передумал.

Наконец Тревайз обвел своих спутников взглядом и произнес:

– Ты что-то желаешь сказать, Джен?

– Ты... ты обдумал создавшееся положение, Голан?

– Почему ты задаешь такой вопрос?

– Ты уже вроде бы в норме.

– Да такой же, как и был, но я кое-что придумал. Правда, с трудом.

– Можно узнать, что?

Тревайз коротко взглянул на Блисс. Она упорно смотрела в тарелку, храня осторожное молчание, словно чувствовала, что Пелорат добьется большего в этот щекотливый момент, чем она.

– Тебе тоже любопытно, Блисс?

– Да, конечно. – На мгновение она подняла взгляд. Фаллом, болтая ногой, пнула ножку стула и спросила:

– Мы нашли Землю?

Блисс сжала ее плечо; Тревайз же не обратил на ее вопрос никакого внимания.

– Начнем с самого начала, – сказал он. – Итак, все сведения о Земле были изъяты на самых разных планетах. Это неизбежно приводит нас к определенному заключению. Что-то на Земле скрывается. И все же, наблюдая Землю, мы видим: она настолько мертва и радиоактивна, что все находящееся на ней автоматически сокрыто – и навечно. Никакой корабль не может сесть на эту планету, а с такого расстояния – с внешней границы магнитосферы – нам ничего на ней не разглядеть.

– Ты уверен? – мягко спросила Блисс.

– Я торчал все это время за компьютером, анализируя Землю всеми методами, какими только мог. И ничего. Более того, я чувствую, что здесь ничего нет. Почему же тогда были стерты все данные, касающиеся Земли? Наверняка то, что нужно было спрятать, нельзя спрятать более эффективно, чем сейчас; эффективней и вообразить нельзя. И нет никакой необходимости делать этот кусок масла еще более масляным.

– Может оказаться, – предположил Пелорат, – что что-то действительно было сокрыто на Земле еще в то время, когда она не была столь радиоактивна, какой нашли ее мы. В то время люди Земли могли бояться, что кто-либо отважится сесть здесь и найти это, чем бы оно ни было. И тогда Земля попыталась сокрыть информацию, касающуюся ее. То, что мы имеем сейчас, – призрачные останки того тревожного времени.

– Нет, я так не думаю, – возразил Тревайз. – Изъятие информации из Галактической библиотеки на Тренторе, вероятно, произошло совсем недавно. – Он резко повернулся к Блисс. – Я прав?

Блисс спокойно ответила:

– Я/мы/Гей извлекли это по большей части из сознания находящегося в замешательстве адепта Второго Основания Тендцобаля, когда он, ты и я встретились с мэром Терминуса.

– Значит, что бы там ни было сокрыто, сейчас существует возможность раскрыть тайну Земли, несмотря на ее радиоактивность.

– Но как? – спросил Пелорат.

– Предположим, – начал рассуждать Тревайз, – что нечто, некогда бывшее на Земле, больше там не находится, а было перепрятано, когда возросла радиационная опасность. И хотя этого секрета больше нет на Земле, может статься, что, уж если мы смогли найти саму Землю, мы сумеем отыскать и место, куда перепрытали секрет. Будь это так, подступы к Земле все еще оставались бы закрытыми.

И тут послышался голос Фаллом:

– Если мы не найдем Землю, Блисс говорила, что ты вернешь меня к Джемби.

Тревайз повернулся к Фаллом и пристально уставился на нее. Блисс тихо сказала девочке:

– Я говорила: «может быть». Поговорим об этом после. А теперь иди к себе и почитай, или поиграй на флейте, или займись чем-нибудь еще, что тебе по душе. Давай беги...

Фаллом, выскользнув из-за стола, оставила их.

– Но как же так, Голан? – нахмурил брови Пелорат. – Мы здесь, мы нашли Землю, сейчас можем определить, где этот секрет, если его нет на Земле?

Тревайз некоторое время молчал, пытаясь прогнать мысли о Фаллом. Наконец он сказал:

– Почему бы и нет? Вообрази, что радиоактивность земной коры все нарастает. Население постепенно сократилось из-за смертей и эмиграции. А тайна, вне зависимости от ее содержания, находится во все возрастающей опасности.

Кто мог остаться, чтобы охранять ее? По идее, тайну нужно было переправить на другую планету или же польза от нее, чем бы ни была эта тайна, оказалась бы утерянной для Земли. Видимо, вопрос о перемещении рассматривался с большой неохотой, это произошло более или менее недавно. А теперь, Джен, вспомни старика с Новой Земли, рассказавшего тебе свою версию истории Земли.

– Моноли?

– Да. Именно его самого. Не сказал ли он, упоминая об основании Новой Земли, что те из землян, что остались в живых, были перевезены на их планету?

– Ты хочешь сказать, дружок, что предмет наших поисков находится сейчас там? Взят с собой покидавшими Землю последними людьми?

– Могло ли быть иначе? Вряд ли Новая Земля лучше известна Галактике, чем старая, а ее обитатели настойчиво стремятся держать подальше всех инопланетников.

– Мы были там, – вмешалась Блисс. – И ничего не нашли.

– Мы и не искали ничего, кроме сведений о местоположении Земли.

Теперь удивился Пелорат:

– Но ведь мы-то ищем что-то такое... высокоразвитое, передовое... сверхразумное – то, что могло бы изъять информацию из-под самого носа Второй Академии и даже из-под носа – прости меня, Блисс, – Геи. Эти люди с Новой Земли, может быть, и способны управлять погодой над своим клочком суши, и владеют развитой биотехнологией, но, я думаю, ты согласишься, что их уровень развития в целом очень низок.

– Я согласна с Пелом, – кивнула Блисс.

– Мы судим лишь по немногим деталям, – сказал Тревайз. – Мы так и не увидели мужчин из рыболовецкой флотилии, не видели других частей острова, кроме того места, где совершили посадку. Кто знает, что бы мы могли найти, исследуй мы планету более тщательно? Кстати говоря, мы не узнали флуоресцентные светильники, пока не увидели их в действии, и если нам казалось, что техника там была неразвита, я повторяю...

– Что, что, Голан? – явно заинтересованная его монологом, торопила Блисс.

– Тогда все это могло быть лишь частью маскировки, призванной скрыть правду.

– Невозможно, – как отрубила Блисс.

– Невозможно?! Это ты говорила мне, еще на Гее, что на Тренторе вся цивилизация искусно поддерживается на примитивном уровне, чтобы скрывать ее достижения от Второй Академии. Почему та же самая тактика не может быть использована на Новой Земле?

– Следовательно, ты предлагаешь, чтобы мы вернулись на Новую Землю и вновь

встретились с инфекцией? На этот раз ее уж точно активируют. Половой акт, несомненно, исключительно приятный способ заразиться, но он может оказаться не единственным.

– Я не жажду вернуться на Новую Землю, – возразил Тревайз, – но, может быть, придется...

– Может быть или придется?

– Может быть! В конце концов есть еще одна вероятность.

– Какая же?

– Новая Земля обращается вокруг Альфы. Но Альфа – часть двойной системы. Не может ли существовать пригодная для жизни планета на орбите вокруг спутника Альфы?

– Слишком уж он тусклый, – не согласилась Блисс. – Его яркость составляет лишь четверть яркости Альфы.

– Тусклый, но не слишком. Если планета расположена близко к этой звезде, будет в самый раз.

– А компьютер знает что-нибудь о планетах этой звезды-спутника? – вставил свой вопрос Пелорат.

– Я уже проверял, – мрачно ухмыльнулся Тревайз. – Там пять планет средних размеров. Газовых гигантов нет.

– А хоть одна из этих планет обитаема?

– У компьютера нет информации о них, кроме количества и того факта, что они невелики.

– Ох! – разочарованно вздохнул Пелорат.

– Не стоит расстраиваться. Ни одной космонитской планеты вообще не было в памяти компьютера. Информация о самой Альфе – минимальна. Все эти сведения тщательно скрывались, и если почти ничего не известно о спутнике Альфы, это, вероятно, можно рассматривать как добрый знак.

– Тогда что ты собрался делать, – деловым тоном поинтересовалась Блисс, – посетить спутник и, если этот номер окажется пустым, – вернуться к Альфе?

– Да. И на этот раз, когда мы доберемся до Новой Земли, мы будем подготовлены ко всему. Мы скрупулезно исследуем весь остров, прежде чем сделать посадку, и, Блисс, я надеюсь на твои ментальные способности как на защиту от...

И вдруг «Далекая звезда» слегка накренилась и вздрогнула, Тревайз вскрикнул в гневе и растерянности:

– Кто за пультом?

И спрашивать было нечего. Он отлично знал кто.

95

Фаллом, стоя перед пультом управления, была совершенно поглощена связью с компьютером. Она широко развела маленькие руки с длинными пальцами, чтобы ими накрыть слабосветящиеся контуры на панели. Казалось, ее ладони почти слились с пультом, хотя было ясно, что он сделан из твердого и скользкого материала.

Она несколько раз видела, что Тревайз держал руки именно так и больше ничего не делал, хотя было совершенно ясно, как он управляет кораблем.

Фаллом видела и то, как Тревайз закрывал при этом глаза, и сама зажмурилась. Спустя пару минут она ощутила нечто вроде тихого, далекого голоса, зазвучавшего в голове. Как она смутно догадывалась, ей помогали мозговые преобразователи. Они оказались даже более важны, чем руки. Фаллом напряглась, пытаясь разобрать слова.

– Распоряжения, – говорил голос почти умоляюще. – Какие будут распоряжения?

Фаллом ничего не ответила. Она никогда не замечала, чтобы Тревайз что-либо говорил компьютеру, но знала, чего ей хотелось всем сердцем: она мечтала вернуться на Солярию, в удобное пространство особняка, к Джемби... Джемби... Джемби...

Она хотела гуда и, как только подумала о любимой планете, вообразила ее на обзорном экране, там же, где она видела другие планеты, к которым не стремилась. Фаллом открыла глаза и посмотрела на экран, желая, чтобы там оказалась ненавистная ей Земля; глядя на то, что она

там видела, Фаллом представила на месте этой планеты Солярию. Она ненавидела огромную Галактику, в которую попала против своей воли. Слезы заволокли ее глаза. Корабль дрогнул.

Она почувствовала эту дрожь, и сама задрожала.

А потом Фаллом услышала громкий топот в коридоре, открыла глаза, и увидела перед собой искаженное лицо Тревайза, заслонившее обзорный экран, на котором возникло то, чего она так хотела. Тревайз что-то кричал, но Фаллом было все равно. Это он забрал ее с Солярии, убив Бандера, это он мешал ей вернуться, думая только о Земле, и она не желала слушать его.

Она хотела увести корабль к Солярии. Отвечая на ее решимость, «Далекая звезда» содрогнулась вновь.

96

Блисс в отчаянии схватила за руку Тревайза:

– Нет! Не надо! – Она его сдерживала, не подпуская к Фаллом, а сконфуженный Пелорат в полной растерянности застыл у нее за спиной.

– Убери руки от компьютера! – кричал Тревайз. – Блисс, не мешай. Иначе я буду вынужден сделать тебе больно.

– Не срывай гнев на ребенке! – измученным голосом просила Блисс. – Иначе буду вынуждена я сделать больно тебе, несмотря на все договоренности.

Взгляд Тревайза дико метался между Фаллом и Блисс.

– Тогда уведи ее прочь, Блисс. Немедленно! Блисс оттолкнула его с удивительной силой. (Наверное, у Геи позаимствовала, подумал потом Тревайз.)

– Фаллом! – приказала она. – Убери руки с пульта!

– Нет! – пронзительно вскрикнула Фаллом. – Я хочу, чтобы корабль летел на Солярию. Я хочу, чтобы он летел туда. Туда. – Она кивнула в сторону экрана, не убирая рук с пульта.

Но как только руки Блисс коснулись плеч Фаллом, та вся задрожала, обмякла и расплакалась. Блисс стала нежно приговаривать:

– Давай, Фаллом, скажи компьютеру, чтобы он сделал все, как было, и пойдем со мной. Пойдем со мной, – говорила Блисс и гладила истерически рыдавшего ребенка.

Руки Фаллом упали, она покачнулась, и Блисс, подхватив ее под мышки, прижала к груди и дала выплакаться.

Обращаясь к Тревайзу, загородившему дверь, Блисс сказала:

– Уйди с дороги и не дотрагивайся до нас.

Тревайз мгновенно отступил в сторону.

Блисс на секунду остановилась и зловеще прошептала:

– Я была вынуждена вмешаться в ее сознание, пусть и ненадолго. Если я причинила ей хоть какой-то вред, я этого тебе не прощу.

Первым порывом Тревайза было заявить Блисс, что ему совершенно безразлично сознание Фаллом, что он боялся только за компьютер. Однако под пристальным взглядом Геи (наверняка это была не только Блисс, поскольку одно только выражение ее лица заставило его мгновенно похолодеть от ужаса), Тревайз промолчал.

Он молчал и не двигался довольно долго, даже после того как Блисс и Фаллом исчезли в своей каюте. Стоял и молчал, пока Пелорат робко не окликнул его:

– Голан, с тобой все в порядке? Она ведь ничего не сделала тебе, правда?

Тревайз энергично замотал головой, словно старался стряхнуть охватившее его оцепенение.

– Со мной все в порядке. Вопрос в том, все ли в порядке с пультом.

Он сел за пульт и положил руки туда, где только что лежали руки Фаллом.

– Ну? – поторопил его Пелорат.

– Вроде бы откликается нормально, – успокоился Тревайз. – Может, потом что-то проявится, но сейчас, похоже, все в полном порядке. – И затем более сердито: – Компьютер не должен эффективно работать с любыми другими руками, кроме моих, но тут, с этой гермафродиткой... тут были не только руки. Мозговые преобразователи, я уверен, тоже

поучаствовали.

– Но что заставило корабль вздрагивать? Он не должен был так вести себя, не правда ли?

– Нет. Это – гравилет, и у него должны отсутствовать подобные инерционные эффекты. Но эта монстриха... – Он умолк, вновь не в силах справиться с гневом.

– Ну что ты замолчал? Продолжай, Голан.

– Видимо, она подала компьютеру два взаимоисключающих приказа, и каждый настолько беспресловенный, что у компьютера не было иного выхода, кроме как попытаться выполнить их одновременно. Пытаясь сделать невозможное, он, должно быть, на какое-то мгновение не смог удержать корабль в безынерционном состоянии. По крайней мере, мне кажется, что случилось именно это. – Его лицо постепенно смягчилось. – И это, возможно, даже хорошо, поскольку сейчас я понял, что все мои речи об альфе Центавра и ее спутнике были идиотской болтовней. Теперь я знаю, где Земля должна была спрятать свои тайны.

97

Пелорат уставился на Тревайза, но затем, игнорируя его замечание, вернулся к тому, что его поразило раньше:

– Каким образом Фаллом могла попросить что-то взаимоисключающее?

– Ну... Она сказала, что хочет, чтобы корабль летел к Солярии.

– Да, конечно, она должна была это сказать.

– Но что она подразумевала под Солярией? Она не могла узнать Солярию из космоса. То есть она никогда и не видела ее из космоса. Фаллом спала, когда мы в спешке покидали эту планету. И, несмотря на все, что она вычитала в твоей библиотеке, и то, что сказала ей Блисс, думаю, она вряд ли реально представляет себе истинную картину Галактики. То есть то, что в ней сотни миллиардов звезд и миллионы населенных планет. Выросшая в подземелье, в одиночестве, она еще могла с трудом представить, что существуют другие планеты – но сколько их? Две? Три? Четыре? Для нее любая планета, которую она видела, походила на Солярию и, повинаясь силе ее желания, становилась ею. А поскольку я предполагаю, что Блисс пыталась утешить Фаллом, обещая вернуть ее обратно на Солярию, если мы не найдем Землю, она могла даже прийти к выводу, что эти планеты довольно близки друг другу.

– Но почему ты так говоришь, Голан? Что заставляет тебя так думать?

– Она сама сказала нам это, Джен, когда мы ворвались сюда. Она кричала, что хочет на Солярию, и затем добавила «туда, туда», кивая на экран. А что на экране? Спутник Земли. Его там не было, когда я уходил на обед; была Земля. Но Фаллом, должно быть, представила спутник в уме, когда просила Солярию, и компьютер сфокусировал телескоп на спутнике. Поверь мне, Джен, я знаю, как эта штука работает. И кто может знать лучше?

Пелорат посмотрел на тонкий полумесяц света на обзорном экране и задумчиво произнес:

– Он должен называться «Мун», по крайней мере, на одном из языков Земли; Луна – на другом. Вероятно, у него было много и других названий. Вообрази, дружок, неудобства планеты, где несколько языков – непонимание, сложности...

– Луна? – сказал Тревайз. – Хорошо. Это достаточно простое название. Слушай, продолжая размышлять о случившемся, я могу предположить также, что, возможно, Фаллом инстинктивно пыталась сдвинуть корабль при помощи своих мозговых преобразователей, используя собственные энергетические источники корабля, и это, вероятно, привело к временному нарушению безынерционного полета. Но это ладно, Джен. Что существенно, так это то, что все вместе взятое привело к появлению Луны – да, мне нравится это название – на экране, и увеличению ее изображения. Я смотрю сейчас на нее и поражаюсь.

– Поражаешься чему, Голан?

– Ее размерам. Мы привыкли игнорировать спутники, Джен. Они такие маленькие. А этот совсем другой. Целая планета. Ее диаметр – около трех с половиной тысяч километров.

– Планета? Наверное, ты не должен называть ее так. Она не может быть пригодна для жизни. Даже такой диаметр слишком мал. У нее нет атмосферы. Это же и так видно. Нет облаков. Край диска – резкий, как и линия терминатора.

– Ты становишься настоящим космическим волком, Джен, – кивнул Тревайз. – Ты прав. Нет воздуха. Нет воды. Но это означает только, что Луна не обитаема снаружи. А вот внутри...

– Внутри? – с сомнением переспросил Пелорат.

– Да. Внутри. Почему бы и нет? Земные города находились под поверхностью планеты, ты сам говорил. Мы знаем, что Трентор тоже размещался под корой. Большая часть столицы Компореллона расположена под землей. Особняки соляриан почти полностью подземные. Это вполне обычное дело.

– Но, Голан, в каждом из этих случаев люди жили на пригодной для обитания планете. Поверхность тоже была обитаема, да и атмосфера, и моря. Можно ли жить внутри планеты, если поверхность абсолютно безжизненна?

– Слушай, Джен, подумай хорошенько! Где мы живем сейчас? «Далекая звезда» – крошечный мирок с не пригодной для жизни поверхностью. Там, снаружи, нет ни воздуха, ни воды. И все же мы живем здесь со всеми удобствами. Галактика полна космических станций и поселений, совершенно необитаемых за исключением внутренних помещений. Представь, что Луна – гигантский космический корабль.

– С экипажем внутри?

– Да. Там могут жить миллионы людей, исходя из того, что нам известно – растения и животные, передовая технология. Подумай, Джен, разве это лишено здравого смысла? Если Земля в свои последние дни могла выслать партию колонистов на планету возле альфы Центавра и если, с помощью Империи, те предприняли попытку терраформировать ее, заселить ее океаны и создать сушу там, где ее не было, разве не могла она также послать часть людей на свой спутник и терраформировать его изнутри?

– Возможно и так, – с неохотой уступил Пелорат.

– Это должно было произойти. Если Земле было что скрывать, зачем посылать это что-то через парсеки пространства, когда можно все укрыть на планете, находящейся настолько ближе Альфы. И Луна была бы более подходящим местом для этого еще и с точки зрения психологии. Никто и не подумает о возможной связи спутника с жизнью, исчезнувшей с Земли. Например, мне это и в голову не приходило. Луна висела на экране в дюйме от моего носа, а мои мысли унеслись к Альфе. Если бы не Фаллом... – он сжал челюсти и помотал головой. – Теперь уж я точно в долгу перед ней. И перед Блисс.

– Но послушай, дружок, если что-то и спрятано под поверхностью Луны, как мы сможем обнаружить это? Площадь ее поверхности составляет, должно быть, миллионы квадратных километров.

– Около сорока миллионов.

– И мы должны будем обшарить их все, в поисках неизвестно чего? Отверстия? Шлюза?

– Если идти по такому пути, то это действительно покажется нелегкой задачей. Но мы будем искать не просто какие-то сооружения, а жизнь и жизнь разумную. И у нас есть Блисс, чей талант – обнаруживать разум, не так ли?

98

Блисс сердито смотрела на Тревайза:

– Я наконец смогла усыпить ее. Мне пришлось нелегко. Она стала совершенно неуправляемой. К счастью, я не думаю, что причинила ей вред.

– Советую тебе попытаться ослабить ее привязанность к Джемби, – холодно выдавил слова Тревайз, – поскольку я не намереваюсь когда-либо вернуться га Солярию.

– Ослабить привязанность? Убить совсем? Думаешь, это легко? Что ты знаешь о таких вещах, Тревайз? Ты, никогда не ощущавший чужого сознания! У тебя нет и малейшего представления о том, как это трудно. Если бы ты знал хоть что-то об этом, ты не говорил бы об удалении привязанности так, словно это все равно, что джем из банки вынуть.

– Ну, по крайней мере, ослабь ее.

– Я могу немного ее ослабить, но на это уйдет целый месяц, в течение которого нужно будет заниматься штопкой ее сознания.

- Что еще за штопка?
- Тому, кто этого не знает, объяснять бесполезно.
- А сейчас? Что ты думаешь делать с этим ребенком сейчас?
- Еще не знаю. Надо подумать.
- В таком случае, позволь сказать тебе, что мы собираемся делать с кораблем.
- Я знаю, что ты собираешься делать. Вернуться на Новую Землю и встретиться с любвеобильной Хироко, если она пообещает не заражать тебя на этот раз.
- Тревайз сохранил невозмутимое выражение лица.
- Нет, дело обстоит иначе. Я изменил свои намерения. Мы отправляемся на Луну – таково название спутника Земли, если верить Джону.
- Спутник? Потому что он близко? Я и не подумала об этом.
- Я тоже. Никто об этом не догадывался. Нигде в Галактике нет спутника, о котором стоило бы говорить, но этот, будучи таким огромным, уникален. Более того, анонимность Земли бросает на него тень. Тот, кто не смог найти Землю, не найдет и Луну.
- Она обитаема?
- Не на поверхности – нет, но она не радиоактивна, совершенно! Так что Луна не абсолютно непригодна для жизни. На ней может существовать жизнь – самая настоящая, но под поверхностью. И, конечно, ты сможешь сказать, есть ли она там, как только мы подойдем к Луне достаточно близко.
- Я попытаюсь, – пообещала Блисс. – Но, послушай, откуда у тебя эта идея – исследовать спутник?
- Да так... – тихо проговорил Тревайз. – Спасибо Фаллом, ее рук дело.
- Блисс помолчала, ожидая продолжения, но, не дождавшись, пожала плечами.
- Ну вот. А ты ее убить был готов.
- Да не хотел я ее убивать, Блисс!
- Ладно, – отмахнулась Блисс. – Хорошо. Значит, мы летим к Луне?
- Да. Из осторожности я не приближаюсь к ней слишком быстро, но если все пойдет нормально, мы окажемся рядом с ней через тридцать часов.

99

Луна оказалась пустынной. Тревайз обзирал ее освещенную Солнцем поверхность, проплывавшую внизу. Перед его глазами расстилалась однообразная панорама кратерных цирков и горных районов. Черные тени лежали там, куда не попадали лучи Солнца. Цветовые оттенки поверхности изменялись почти неуловимо. Время от времени попадались области относительно ровные, нарушаемые лишь небольшими кратерами.

По мере того как корабль подлетал к ночной стороне, тени становились длиннее и наконец слились воедино. Позади еще какое-то время сияли на солнце отдельные пики, похожие на лучи звезд. Затем и они исчезли, и остался лишь слабый свет Земли, большой голубовато-белой сферы, освещенной почти наполовину. В конце концов и она ушла за горизонт, светилась лишь звездная пыль, а внизу все погрузилось в непроглядную тьму. Но для Тревайза, выросшего в беззвездном мире Терминуса, даже такое небо казалось удивительным.

Затем появились новые яркие звезды, сперва – одна или две, потом еще, расширяясь и расплываясь, пока наконец не соединились в одну. И вот корабль вновь перелетел через терминатор и оказался над дневной стороной. Солнце светило ярко, компьютер сменил угол обзора, оберегая глаза людей от адского сияния, и ввел поляризующие фильтры, чтобы уменьшить силу света, отраженного от поверхности Луны.

Тревайз отлично понимал, что бесполезно надеяться найти какой-нибудь вход в обитаемые глубины, осматривая огромный спутник невооруженным глазом.

Он повернулся к Блисс. Она не смотрела на экран – сидела с закрытыми глазами, опустив плечи.

Тревайз, думая, уж не заснула ли она, тихо спросил:

– Еще что-нибудь почувствовала?

Блисс едва заметно качнула головой.

– Нет, – шепнула она. – Только слабый всплеск, Лучше вернись туда. Ты помнишь, где расположено то место?

– Компьютер запомнил.

Дальнейшее было похоже на стрельбу по мишени с целью попасть в яблочко. Корабль, казалось, передвигался ползком. Загадочная область находилась в глубине ночной стороны, и, несмотря на сияние низко стоящей в небе Земли, заливавшей своим пепельным светом поверхность там, где ее ничто не затеняло, ничего невозможно было разглядеть, даже когда потушили свет в рубке для лучшей видимости.

Пришел Пелорат и, переминаясь с ноги на ногу у двери, спросил хриплым шепотом:

– Нашли что-нибудь?

Тревайз поднял руку, призывая друга молчать. Он наблюдал за Блисс. Он знал, что пройдут дни, прежде чем сюда вернется Солнце, но он знал также, что для Блисс и того, что она чувствовала, свет был безразличен.

– Это здесь, – сказала она вдруг.

– Ты уверена?

– Да.

– И это единственная точка?

– Это единственная точка, которую я обнаружила. Ты прошел над всей поверхностью Луны?

– Мы пролетели над значительной ее частью.

– Значит, это все, что я обнаружила на этой значительной части, Оно сильнее сейчас, словно оно обнаружило нас, и не кажется опасным. Я ощущаю что-то вроде приглашения.

– Ты уверена?

– Я так чувствую.

– Не может ли это быть ловушкой? – спросил Пелорат.

– Я ощутила бы обман, уверяю тебя, – с оттенком обиды в голосе сказала Блисс.

Тревайз проворчал что-то насчет чрезмерной самоуверенности, затем громко спросил:

– То, что ты обнаружила, разумно, я надеюсь?

– Я чувствую сильнейший разум. Только... – Ее голос звучал как-то странно.

– Только что?

– Ш-ш. Не мешай мне. Дай сосредоточиться, – произнесла она одними губами. И, с трудом скрывая удивление, добавила: – Это не человек.

– Не человек? – гораздо сильнее удивился Тревайз. – Мы снова имеем дело с роботами? Как на Солярии?

– Нет, – улыбнулась Блисс. – Это не совсем робот.

– Одно из двух – или робот, или человек.

– Ни то ни другое. – Она довольно прищелкнула языком. – Это не человек и все же не похож ни на одного робота, какого я знала раньше.

– Вот бы посмотреть! – воскликнул Пелорат, широко раскрыв глаза. – Это восхитительно! Так ново, необычно!

– Новое... Новое, – пробормотал Тревайз, – и вспышка неожиданного прозрения, казалось, осветила его изнутри.

Экипаж ликовал. Корабль приближался к поверхности Луны. Даже Фаллом присоединилась к взрослым и с детской непосредственностью подпрыгивала от радости, словно и вправду возвращалась на Солярию.

Что до Тревайза, то он чувствовал, что здравый смысл говорит о странности поведения Земли или того, что оставалось от нее на Луне. Она предприняла такие меры, чтобы держать всех как можно дальше, а теперь сама звала их к себе. Не могла ли ее цель оставаться той же самой? Не обстояло ли дело так: «Если не можешь прогнать, замани и уничтожь»? Разве не

останутся тогда тайны Земли неприкосновенными?

Но эта мысль вскоре утихла и утонула в потоке радости, что захлестывала Тревайза тем сильнее, чем ближе была поверхность Луны. А еще Тревайз пытался вернуть миг озарения.

Похоже, он не сомневался в том, куда вести корабль. «Далекая звезда» повисла над вершинами невысокой горной гряды, и Тревайзу расхотелось отдавать команды компьютеру. Он чувствовал, будто его вместе с компьютером ведут куда-то, и было так приятно, что тяжелая ноша ответственности упала с его плеч.

Корабль скользнул параллельно поверхности к скалам, вставшим, словно барьер, слабо светящийся в сиянии Земли и свете прожекторов «Далекой звезды». Вероятность столь очевидного столкновения, казалось, совсем не пугала Тревайза, и он не удивился, увидав, как часть скалы перед кораблем отъехала в сторону, и перед глазами путешественников озарился искусственным освещением туннель.

Корабль снизил скорость – казалось, сам по себе, точно вписался в отверстие-вход и вплыл в туннель. Скалы сомкнулись, а корабль через туннель попал в гигантский зал.

«Далекая звезда» замерла. Все они нетерпеливо кинулись к шлюзу. Никому из них, даже Тревайзу, и в голову не пришло проверить, есть ли снаружи пригодная для дыхания атмосфера или любая атмосфера вообще.

Однако, здесь был воздух, вполне пригодный для дыхания. Путешественники смотрели по сторонам с чувством людей, которые наконец-то попали домой, и не сразу заметили человека, вежливо ждавшего их приближения.

Он был высок и серьезен. Коротко подстриженные волосы отливали бронзой. Скулы широкие, глаза блестели, а одежда на нем была того фасона, какой можно встретить на иллюстрациях в древнейших исторических книгах. Хотя он казался крепким и энергичным, в нем чувствовалась какая-то внутренняя усталость.

Первой очнулась Фаллом. С громким визгом она бросилась к мужчине, размахивая руками и задыхаясь от крика:

– Джемби! Джемби!

Она мчалась со всех ног, но когда подбежала вплотную, мужчина остановил ее и поднял на руки. Она обвила руками его шею, всхлипывая и не переставая повторять:

– Джемби! Джемби!

Остальные приблизились более спокойно, и Тревайз медленно и отчетливо произнес (гадаю, понимает ли этот человек галактический):

– Мы просим прощения, сэр. Этот ребенок потерял своего воспитателя и отчаянно его ищет. То, что она так обрадовалась вам, удивляет нас, поскольку она ищет металлического робота.

В ответ человек заговорил. Его голос был скорее механическим, чем музыкальным, в речи проскакивали архаизмы, но говорил он на галактическом свободно.

– Я приветствую вас всех, – сказал он вполне дружелюбно, несмотря на то что его лицо продолжало сохранять серьезное выражение. – Что касается ребенка, – продолжал он, – то он, возможно, продемонстрировал большую проницательность, чем вы думаете, поскольку я и есть робот. Меня зовут Р. Даниел Оливо.

Глава двадцать первая

Поиск окончен

Тревайз не верил собственным ушам. Он избавился от странной эйфории, которую чувствовал перед посадкой на Луну, – эйфории, как он думал теперь, внушенной ему этим удивительным роботом.

Тревайз по-прежнему изумленно смотрел на все окружающее. Несмотря на то что его разум вновь стал совершенно нормальным и не подвергался уже постороннему влиянию, он все

еще не мог прийти в себя от удивления. Он что-то говорил, поддерживая беседу, вряд ли понимая, что произносит или слышит, и продолжал искать хоть что-нибудь во внешности этого явно человеческого существа, в его поведении, в манере говорить, что выдавало бы в нем робота.

Неудивительно, думал Тревайз, что Блисс обнаружила что-то, что не было ни роботом, ни человеком, а, по словам Пелората, «чем-то новым». Впрочем, это тогда направило мысли Тревайза по другому, более ясному пути. Но теперь они копошились где-то на задворках его сознания.

Блисс и Фаллом прогуливались, осматривая зал. Предложила походить Блисс, но Тревайзу почудилось, что эта идея возникла после молниеносного обмена взглядами между ней и Дэниелом. Когда Фаллом отказалась и попросилась остаться с существом, которое она по-прежнему называла «Джемби», какого-то серьезно сказанного слова и поднятого пальца оказалось достаточно, чтобы она тут же рысцой побежала к Блисс. Тревайз и Пелорат остались рядом с Дэниелом.

– Они не из Академии, – сказал робот так, словно это все объясняло. – Одна – Гея, другая – космонитка.

Тревайз молчал, пока все не уселись на простые стулья под деревом, повинувшись жесту робота. Тогда он наконец спросил:

– Ты действительно робот?

– Правда, сэр.

Лицо Пелората вспыхнуло от радости.

– В древних легендах есть упоминания о роботе по имени Дэниел. Ты назван в его честь?

– Я и есть тот самый робот. Это не легенда.

– О нет. Если ты тот самый робот, тебе, должно быть, тысяча лет.

– Двадцать тысяч, – тихо произнес Дэниел.

Пелорат растерялся и взглянул на Тревайза, а тот сердито проговорил:

– Если ты робот, я приказываю тебе говорить правду.

– Нет нужды заставлять меня говорить только правду, сэр. Я должен это делать. Сэр, вам предстоит решить задачу, имеющую три возможных решения: или я человек, который лжет вам, или я робот, который запрограммирован верить, что ему двадцать тысяч лет, но на самом деле это не так, или я робот и мне действительно двадцать тысяч лет. Вы должны решить, какой вариант выбрать.

– Я это выясню в ходе дальнейшей беседы, – сухо сказал Тревайз. – Что касается обстановки, то трудно поверить, что мы внутри Луны. Ни свет (говоря это, он посмотрел вверх, поскольку свет был столь же мягким, рассеянным, хотя его и не было на небе, а, кстати, самого неба не было видно) ...ни гравитация не кажутся лунными. Поверхностная гравитация здесь должна быть меньше 0,2 g.

– Нормальное притяжение на поверхности – 0,15 g, сэр. Обычное притяжение, однако достигается тем же самым способом, который дает вам на вашем корабле ощущение нормальной силы тяжести, даже когда вы находитесь в состоянии свободного падения или ускорения. Другие энергетические потребности, включая освещение, удовлетворяются также за счет гравитации, хотя мы используем и солнечную энергию там, где это удобно. Все наши нужды в материалах обеспечивают лунные породы, за исключением легких элементов – водорода, углерода и азота, которых здесь практически нет. Мы получаем их, перехватывая случайные кометы. Одной такой кометы в столетие более чем достаточно, чтобы удовлетворять наши потребности в этих элементах.

– Я так понимаю, что Земля бесполезна как источник ресурсов.

– К несчастью, это так, сэр. Наши позитронные мозги столь же чувствительны к радиации, как и человеческие белки.

– Ты использовал множественное число, и это сооружение вокруг нас кажется большим, прекрасным и детально продуманным – по крайней мере, на первый взгляд. Есть ли другие существа на Луне? Люди? Роботы?

– Да, сэр. У нас здесь на Луне создана совершенная экосистема и огромные, сложные пустоты, внутри которых она существует. Однако разумные существа здесь – только роботы,

более или менее похожие на меня. Впрочем, вы не увидите ни одного из них. Что касается этого помещения, им пользуюсь только я, и с самого начала определилось, что оно спроектировано для одного меня, когда я поселился здесь двадцать тысяч лет назад.

– Которые вы помните во всех деталях, да?

– Совершенно верно, сэр. Я был смонтирован и существовал некоторое время – какое короткое время, как мне кажется теперь! – на космонитской планете Аврора.

– На той, где... – Тревайз замялся.

– Да, сэр. На той, где дикие собаки.

– Ты знаешь об этом?

– Да, сэр.

– Как же ты попал сюда, если сначала жил на Авроре?

– Сэр, это произошло при попытке предотвратить превращение Земли в радиоактивную планету; я появился здесь в самом начале колонизации Галактики. Со мной был другой робот, которого звали Жискар, и он мог воспринимать и изменять мысли людей.

– Как Блисс?

– Да, сэр. Мы потерпели поражение, и Жискар прекратил свое существование. Но перед этим, однако, он передал мне свой талант и оставил меня заботиться о Галактике, и особенно – о Земле.

– Почему о Земле?

– Отчасти из-за человека по имени Элайдж Бейли, землянина.

Пелорат нетерпеливо прервал их диалог:

– Это собирательный образ, о котором я упоминал некоторое время тому назад, Голан.

– Собирательный образ, сэр?

– Доктор Пелорат имеет в виду, – пояснил Тревайз, – что Элайдж – некая личность, которой очень многое приписывается и которая может быть лишь квинтэссенцией множества людских судеб в реальной истории, а то и просто выдуманной фигурой.

Дэниел какое-то время размышлял над сказанным, а затем совершенно спокойно произнес:

– Это не так, сэр. Элайдж Бейли был реальным человеком, и он был только им. Я не знаю, что говорят о нем ваши легенды, но в действительности Галактику могли бы никогда и не колонизировать без его участия. В память о его деяниях я пытался сделать все, что мог, чтобы спасти Землю, после того как она стала превращаться в радиоактивную свалку. Мои друзья-роботы разбрелись по Галактике, чтобы попытаться повлиять на нужных людей то там, то здесь. Сперва я предпринял попытку заменить почву Земли. Позже я попытался организовать терраформирование мира около ближайшей звезды, называемой сейчас Альфой. Ни в том, ни в другом случае мне не удалось довести начатое до конца. Я никогда не мог изменить мысли людей в точности так, как хотел, поскольку всегда был риск, что я могу нанести вред всем этим людям, вмешиваясь в их сознание. Я был связан, вы понимаете, – и связан по сей день – законами роботехники.

– Да?

Не было нужды обладать ментальной мощью Дэниела, чтобы уловить в этом «да» недоверие.

– Первый Закон, – сказал он, – таков, сэр: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Второй Закон: «Робот должен повиноваться приказам человека, если эти приказы не противоречат Первому Закону»... Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности, насколько это не противоречит Первому и Второму Законам». Естественно, я привел эти законы приблизительно, насколько их возможно сформулировать на вашем языке. Фактически они представляют собой сложнейшие математические выражения в схемах позитронного мозга.

– Ты считаешь, что трудно поступать в соответствии с ними?

– Но я должен, сэр. Первый Закон – абсолютен. Он почти запрещает использование моего ментального таланта. Когда имеешь дело со всей Галактикой, маловероятно, что любой образ действий не принесет никому вреда. Вероятно, что некоторые люди, а возможно, многие, могут

пострадать, так что робот должен выбирать наименьшее из зол. Хотя сложность всех вариантов такова, что для выбора требуется время, и даже тогда ты не вполне уверен в его правильности.

– Понимаю, – согласился Тревайз.

– Все время, пока длится история Галактики, я пытался сгладить худшие стороны споров и бедствий, постоянно дававших о себе знать в Галактике. Иногда мне это удавалось случайно и лишь в некоторой степени, но если вы знаете вашу историю, то должны понимать и то, что успех мне сопутствовал не часто, да и тот оказывался невелик.

– По большей части так оно и было, – криво улыбнулся Тревайз.

– Только перед своей кончиной Жискар вывел закон, превосходящий даже Первый. Мы назвали его «Нулевым Законом», не сумев придумать другое название, имевшее смысл. Он гласит: «Робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред». Это автоматически означает, что Первый Закон должен быть изменен так: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, поскольку это не противоречит Нулевому Закону». И соответствующие изменения должны быть внесены во Второй и Третий Законы.

– Но как вы решаете, – нахмурился Тревайз, – что может причинить вред человечеству в целом, а что нет?

– Резонный вопрос, сэр. Теоретически Нулевой Закон решает все наши проблемы. На практике же, мы никогда не можем быть совершенно уверены. Человек – конкретный объект. Вред, нанесенный ему, может быть рассмотрен и оценен. Человечество же – абстракция. Как можно рассматривать вред, нанесенный абстракции?

– Я не знаю, – сказал Тревайз.

– Подождите, – вмешался Пелорат. – Вы можете превратить человечество в единый организм. Как Гею, например.

– Это именно то, что я пытаюсь сделать, сэр. Я возглавлял создание Геи. Если человечество может быть преобразовано в единый организм, оно станет вполне конкретным объектом и с ним можно будет иметь дело. Оказалось, однако, что создать суперорганизм не так легко, как я надеялся. Во-первых, это не может быть сделано, пока люди не предпочтут его своей индивидуальности, и я хотел бы создать в них такой образ мыслей, который позволял бы это. Много времени прошло, пока я не подумал о законах роботехники.

– А, значит, геяне действительно роботы. Я предполагал это с самого начала.

– На этот раз вы предположили неправильно, сэр. Они люди, но в их мозги прочно внедрен эквивалент законов роботехники. Они ценят жизнь. Действительно ценят. Но даже после этого оставалась серьезная проблема. Суперорганизм, состоящий только из людей, нестабилен. Он не может оставаться в первозданном состоянии. Должны быть добавлены другие животные, затем растения, затем и неорганические компоненты. Наименьший стабильный суперорганизм – это целая планета, достаточно большой и сложный мир, чтобы иметь устойчивую экосистему. Потребовалось немало времени, чтобы понять это, и только несколько столетий назад Гея полностью устоялась и стала способной двигаться дальше – к Галаксии. Но даже при таком положении дел это займет много времени. Возможно, не так много, сколько потребовал пройденный этап, поскольку мы теперь знаем все правила.

– Но вам был нужен я, чтобы принять за вас решение. Это так, Дэниел?

– Да, сэр. Законы роботехники не позволили бы ни мне, ни Гее принять решение и рискнуть и, возможно, причинить вред человечеству, И тем не менее пять столетий назад, когда мне казалось, что я никогда не найду способа преодолеть все сложности, что возникали на пути становления Геи, я обратился ко второму, несколько худшему варианту и помог вызвать к жизни психоисторию.

– Я должен был догадаться... – пробормотал Тревайз. – Знаешь, Дэниел, я начинаю верить, что тебе в самом деле двадцать тысяч лет.

– Благодарю вас, сэр.

– Подождите, – сказал Пелорат. – Мне кажется, я начинаю что-то понимать. Вы ведь сами – часть Геи, Дэниел? Именно так вы узнали о собаках на Авроре? Через Блисс?

– В каком-то смысле, сэр, вы правы. Я связан с Геей, хотя и не являюсь ее частью.

Брови Тревайза поползли вверх.

– Это похоже на Компореллон – планету, которую мы посетили сразу после отлета с Геи. Там настаивают на том, что Компореллон не входит в Конфедерацию Академии, а лишь ассоциирован с ней.

– Я полагаю, что эта аналогия верна, сэр, – медленно кивнул Дэниел. – Я могу как ассоциированный с Геей организм знать то, что знает Гея, – например, в лице женщины Блосс. Гея, однако, не может знать того, что знаю я, так что я сохраняю свободу действий. Это необходимо, пока Галактика как следует не устоялась.

Тревайз некоторое время в упор смотрел на робота, а затем спросил:

– И ты использовал свою осведомленность для того, чтобы организовывать соответствующие события во время нашего путешествия, делая его таким, каким оно тебе больше нравилось?

Дэниел, на манер человека, вздохнул, что получилось очень любопытно.

– Я не мог слишком много сделать, сэр. Законы роботехники обычно сдерживали меня. И все же я уменьшил нагрузку на мозг Блосс, приняв часть ответственности на себя, так что она могла разобраться с собаками Авроры и космонавтами на Солярии быстрее и с меньшим вредом для себя. Кроме того, через Блосс я повлиял на женщин на Компореллоне и на Новой Земле, чтобы они обратили на тебя внимание, и в результате ты смог продолжать свое путешествие.

Тревайз с легкой печальной усмешкой сказал:

– Я должен был знать, что это не моя заслуга.

Дэниел отнесся к его утверждению совершенно серьезно, не обратив внимания на содержащуюся в нем печальную самоиронию.

– Напротив, сэр, – сказал он, – большая часть заслуг в этом ваша. Каждая из двух женщин изначально относилась к вам благосклонно. Я просто усилил уже имевшееся влечение – насколько это можно было проделать в рамках законов роботехники. Из-за этих ограничений, а также по ряду иных причин, прибегая лишь к косвенным воздействиям, я с большим трудом смог привести вас сюда. И при этом на некоторых этапах моей операции существовала опасность потерять вас навсегда.

– И теперь я здесь, – сказал Тревайз. – Что же ты хочешь от меня? Подтверждения моего выбора в пользу Галактики?

На лице Дэниела, обычно лишенном всякого выражения, казалось, промелькнуло отчаяние.

– Нет, сэр. Простого решения больше недостаточно. Я собрал вас здесь, сделав все, что смог в моем теперешнем состоянии, из-за возникновения более отчаянной ситуации. Я умираю.

102

Возможно, из-за того тона, которым Дэниел сообщил это, возможно, из-за того, что жизнь длиной в двадцать тысяч лет делала смерть чем-то не похожим на трагедию для того, кто жил менее половины процента этого времени, но, в любом случае, Тревайз не испытывал в этот момент никакой симпатии к Дэниелу.

– Умираешь? Как может машина умирать?

– Я могу прекратить существовать, сэр, называйте это, как вам нравится. Я стар. Ни один свидетель моего появления в Галактике, когда во мне впервые пробудилось сознание, не дожил до настоящего дня – ни органическое создание, ни робот. Даже сам я не существовал непрерывно.

– Каким образом?

– Не осталось ни одной материальной части моего тела, сэр, которая не избежала бы неоднократной замены. Даже мой позитронный мозг заменяли пять раз, каждый раз переписывая его содержимое до последнего позитрона. При этом новый мозг отличался от предыдущего большей мощностью и сложностью, так что появлялось дополнительное место для воспоминаний, возможность ускорения решений и действий. Но...

– Но?

– Чем более прогрессивен и сложен мозг, тем он более нестабилен и тем быстрее выходит он из строя. Мой современный мозг в сотни тысяч раз чувствительней первого и в десять миллионов раз мощнее. Но в то время как первый мозг служил мне больше десяти тысяч лет, настоящий работает лишь шесть сотен лет и, несомненно, начинает уже отказывать. За двадцать тысяч лет он переполнен воспоминаниями, да и механизмы их поиска тоже занимают много места. Возникла все более усиливающаяся неспособность принимать решения; еще быстрее нарушается возможность контролировать и влиять на умы на гиперпространственных расстояниях. Я не могу разработать и шестой мозг. Дальнейшая миниатюризация разбивается о стену принципа неопределенности, а дальнейшее усложнение приведет к почти мгновенному его разрушению.

Пелорат, казалось, впал в отчаяние:

– Но, Дэниел, Гея наверняка сможет продолжить начатое и без тебя. Теперь, когда Тревайз рассудил и выбрал Галаксию...

– Просто процесс потребовал слишком много времени, сэр, – как обычно без эмоций продолжил Дэниел. – Я дожидался полного становления Геи, несмотря на встающие передо мной трудности. К тому времени когда был найден человек – мистер Тревайз, способный принимать ключевые решения, было уже слишком поздно. Не думайте, впрочем, что я не предпринимал никаких мер, чтобы продлить свою жизнь. Мало-помалу я уменьшил свою активность, чтобы сохранить, что только возможно, для чрезвычайных ситуаций. Когда я больше уже не мог полагаться на активные действия, обеспечивавшие сохранение изоляции Земли и Луны, я перешел к пассивным. В течение ряда лет человекоподобные роботы, работавшие со мной, были отозваны домой один за другим. Их последней задачей было изъятие всех упоминаний о Земле из планетных архивов. И в лице меня и моих друзей-роботов Гея утратила значительную силу, способствовавшую развитию Галаксии в разумный промежуток времени.

– И ты знал все это, – спросил Тревайз, – когда я принимал свое решение?

– Задолго до этого, сэр. Но Гея, конечно же, не знала.

– Но тогда, – рассердился Тревайз, – что толку было пробираться сквозь эту шараду? Кому это нужно? После принятия мной решения я обшарил Галактику в поисках Земли и того, что считал ее «тайной», – для подтверждения своего выбора – не зная, что тайна – это ты. Хорошо, я подтвердил его. Я понял, что Галактика абсолютно необходима. И теперь оказывается, что все это – впустую. Почему бы тебе не предоставить Галактику самой себе, а меня – мне самому?

– Потому что, сэр, я искал выход и не терял надежды, что смогу его найти. И думаю, что нашел. Вместо того чтобы менять свой мозг на еще один позитронный, совершенно непрактичный, я могу вместо этого слиться с мозгом человека; его мозг не подвержен действию Трех Законов и может не только добавить мощности моему, но помочь мне выйти на новый уровень способностей. Именно поэтому я и привел вас сюда.

– Ты имеешь в виду, – ужаснулся Тревайз, – что планируешь встроить человеческий мозг в свой? Он должен потерять свою индивидуальность, так что ты превратишься в некую двухголовую Гею?

– Да, сэр. Это не сделает меня бессмертным, но позволит прожить достаточно долго, чтобы успеть установить Галаксию.

– И ты привел меня сюда для этого? Ты хочешь получить мою независимость от Трех Законов и мое чувство правоты, сделать их частью себя ценой подавления моей индивидуальности? Ну уж нет!

– Хотя ты заявил мгновением раньше, что Галактика необходима для лучшего будущего человечества...

– Даже если и так, это займет много времени, и я смогу остаться личностью всю оставшуюся мне жизнь. С другой стороны, если она установится быстро, то вся Галактика потеряет свою индивидуальность, и моя потеря окажется лишь малой частью невообразимо огромного целого. Я, однако, никогда не соглашусь потерять свою индивидуальность, пока остальная Галактика сохраняет свои.

– Все обстоит именно так, как я и думал. Твой мозг не способен полностью слиться с другим и, в любом случае, будет лучше, если ты сохранишь способность к независимым суждениям.

– Когда ты успел изменить свое решение? Ты сказал, что привел меня сюда для слияния.

– Да, и только огромным напряжением своих угасающих сил. Но когда я сказал «именно поэтому я привел вас сюда», ты должен вспомнить, что в стандартном галактическом слово «вы» имеет значение как единственного числа, так и множественного. Я имел в виду всех вас.

Пелорат выпрямился на своем стуле.

– В самом деле? Скажи мне тогда, Дэниел, сможет ли человеческий мозг, слившись с твоим, разделить все его воспоминания, все двадцать тысяч лет, вплоть до легендарных времен?

– Конечно, сэр.

Пелорат глубоко вздохнул.

– Это завершит поиск, которому я посвятил жизнь, и за это я с радостью отдал бы мою индивидуальность. Пожалуйста, даруй мне эту привилегию – разделить с тобой твой мозг.

– А Блосс? Что будет с ней? – мягко спросил Тревайз.

Пелорат замялся лишь на мгновение.

– Блосс поймет, – сказал он. – Ей в любом случае будет лучше без меня. Спустя некоторое время.

Дэниел покачал головой:

– Ваше предложение, доктор Пелорат, великодушно, но я не могу принять его. Ваш мозг стар и не сможет прожить больше двух-трех десятилетий, даже слившись с моим. Мне необходимо нечто иное. Смотрите! – показал он и пояснил: – Я позвал ее назад.

Блосс возвращалась, счастливая, веселая.

Пелорат судорожно вскочил и крикнул:

– Блосс? О нет!

– Не тревожьтесь, доктор Пелорат, – сказал Дэниел. – Использовать Блосс я не могу. Это соединило бы меня с Геей, а, как я уже объяснял вам, я должен сохранять независимость от нее.

– Но в таком случае, – удивился Пелорат, – кто...

А Тревайз, посмотрев на тоненькую фигурку, бегущую за Блосс, произнес:

– Все это время, Джен, роботу была нужна Фаллом.

103

Блосс улыбалась, испытывая огромное удовольствие.

– Мы не могли выйти за границы этого зала, но все вокруг очень напоминает мне Солярию. Фаллом, конечно, уверена, что это – и в самом деле Солярия. Я спрашивала ее, не думает ли она, что Дэниел внешне отличается от Джемби – кроме всего прочего, Джемби был металлическим, – и Фаллом ответила «нет, на самом деле – нет». Я не знаю, что она подразумевала под этим «на самом деле».

Она глянула в центр помещения, где Фаллом теперь играла на флейте, а Дэниел внимательно слушал и временами одобрительно кивал. Звуки инструмента иногда доносились и до них, тонкие, ясные и нежные.

– Ты знал, что она взяла флейту с собой, когда мы покидали корабль? – спросила Блосс. – Я полагаю, мы теперь довольно долго не сможем разлучить ее с Дэниелом.

Замечание это было встречено тяжелым молчанием, и Блосс с внезапной тревогой посмотрела на двух мужчин:

– В чем дело?

Тревайз махнул в сторону Пелората. «Это вопрос к нему», казалось, говорил этот жест.

Пелорат откашлялся и сказал:

– Послушай, Блосс, я думаю, что Фаллом будет лучше навсегда остаться у Дэниела.

– Навсегда? – Блосс, напрягшись, качнулась в сторону Дэниела, но Пелорат поймал ее за руку.

– Блосс, дорогая, ты не можешь ничего сделать. Он могущественнее, чем Гея даже сейчас,

и Фаллом должна остаться с ним, если мы хотим становления Галаксии в будущем. Позволь, я объясню – Голан, пожалуйста, поправь меня, если я в чем-либо ошибусь.

Блисс вслушивалась в объяснения, и по выражению ее лица можно было понять, что она близка к отчаянию.

Тревайз вмешался в их разговор, пытаясь привнести толику холодного разума.

– Посмотри, как обстоят дела, Блисс. Ребенок – космонит, а Дэниел был спроектирован и собран космонитами. Ребенок воспитан роботом и не знает ничего, кроме своего поместья, столь же пустого, как и эти места. Фаллом обладает способностью преобразовывать энергию, в которой нуждается Дэниел, и может прожить три или четыре столетия. Возможно, этого хватит для создания Галаксии.

Блисс, чьи щеки пылали, а глаза были мокры от слез, сказала:

– Я полагаю, что робот таким образом направлял наше путешествие к Земле, чтобы мы не миновали Солярию. И все для того, чтобы добыть этого ребенка.

– Он мог просто использовать благоприятное стечение обстоятельств, – пожал плечами Тревайз. – Я не думаю, что его мощь сейчас настолько велика, что сделала из нас марионеток на гиперпространственных расстояниях.

– Нет. Это было целенаправленно. Он был уверен, что я настолько привяжусь к ребенку, что скорее возьму его с собой, чем брошу на верную смерть; что я буду защищать Фаллом даже от тебя, в то время как ты не станешь проявлять ничего, кроме негодования и раздражения от ее присутствия среди нас.

– С тем же успехом это может быть твоим чувством геянской этики, – сказал Тревайз, – которое Дэниел лить слегка усилил, как мне кажется. Послушай, Блисс, так ты ничего не добьешься. Предположим, ты сможешь забрать отсюда Фаллом. Что ты можешь дать ей взамен, чтобы сделать столь же счастливой, как здесь? Вернешь ли ты ее на Солярию, где она будет безжалостно убита; возьмешь ли на Гею, где ребенок зачахнет от тоски по Джемби; или на какой-нибудь перенаселенный мир, где Фаллом ослабеет и умрет; или в бесконечное странствие по Галактике, где она будет считать каждый новый мир ее Солярией? А сможешь ли ты найти подходящую замену для Дэниела, чтобы он смог закончить становление Галаксии?

Блисс печально молчала.

Пелорат робко протянул к ней свою руку.

– Блисс, – сказал он, – я добровольно предложил, чтобы мой мозг соединился с мозгом Дэниела. Он не принял это, сказав, что я слишком стар. Хотел бы я, чтобы это произошло, если таким образом мог бы спасти Фаллом.

Блисс схватила его руку и поцеловала ее.

– Благодарю тебя, Пел, но цена была бы слишком высока, даже за Фаллом. – Она глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться. – Возможно, когда мы вернемся на Гею, в ее глобальном организме найдется место и для моего ребенка – и я назову его в честь Фаллом.

Дэниел в это время шел к ним, словно уверенный, что все разрешилось, а рядом весело прыгала Фаллом.

Она сорвалась на бег и первой подоспела к ним, сказав Блисс:

– Благодарю тебя за то, что ты вернула меня домой к Джемби и за заботу обо мне там, на корабле. Я всегда буду вспоминать тебя.

Она прильнула к Блисс, и они сжали друг друга в крепких объятиях.

– Я надеюсь, ты всегда будешь счастлива, – сказала Блисс. – Я тоже буду вспоминать тебя, милая Фаллом, – и с неохотой отпустила ее.

Фаллом повернулась к Пелорату:

– Благодарю и тебя, Пел, за позволение читать твои библиофильмы. – Затем, без лишних слов и слегка помедлив, протянула тонкую девичью руку Тревайзу. Он на мгновение взял ее, а затем отпустил.

– Удачи, Фаллом, – пробормотал он.

– Благодарю вас всех за то, что вы сделали. Все вы вольны покинуть меня сейчас, поскольку ваш поиск окончен. Что касается моей работы, она тоже будет окончена, и теперь – успешно, – торжественно произнес Дэниел.

Но Блисс все же сказала:

– Подожди. Это еще не все. Мы еще не знаем, по-прежнему ли Тревайз считает, что лучшее будущее для человечества – Галаксия, а не огромный конгломерат изолятов.

– Он уже объявил свое решение некоторое время назад и высказался в пользу Галаксии.

Губы Блисс сжались.

– Я предпочла бы услышать это от него. Это так, Тревайз?

– А что ты хотела, Блисс? – спокойно ответил Тревайз. – Если бы я высказался против Галаксии, ты могла бы получить Фаллом обратно.

– Я Гей. Я должна знать, что ты решил и причины твоего решения ради выяснения истины и ничего более.

– Скажите ей, сэр, – попросил Дэниел. – Ваш разум, как об этом и заботилась Гей, остается нетронутым.

И Тревайз сказал:

– Мое решение – это Галаксия. У меня больше нет сомнений по этому поводу.

104

Блисс застыла на время, за которое можно было сосчитать до пяти, причем не торопясь. Казалось, она ждала, пока информация дойдет до всех частей Гей, и лишь затем спросила:

– Почему?

– Послушай меня, – сказал Тревайз. – Я с самого начала знал, что существовали два возможных будущих для человечества: Галаксия или же Вторая Империя – венец Плана Селдона. И мне казалось, что это взаимоисключающие возможности развития. То есть мы не смогли бы установить Галаксию, если по какой-то причине План Селдона не содержал бы в себе какой-нибудь фундаментальной ошибки. К несчастью, я ничего не знал о Плане Селдона, за исключением двух аксиом, которые лежали в его основе: одна – для возможности рассмотрения человечества как группы случайно взаимодействующих индивидуумов, то есть статистически: в рассмотрение должно быть принято достаточно большое количество людей; и вторая – человечество не должно знать результаты психоисторических исследований, пока эти результаты не воплотятся в жизнь. Уже высказавшись в пользу Галаксии, я понимал, что должен был быть подсознательно уверен в порочности Плана Селдона, а его ошибки могли возникнуть только из-за аксиом, поскольку это было все, что я знал о нем. Хотя я и не мог обнаружить их ошибочность. Тогда я пустился на поиски Земли, чувствуя, что без нужды ее не стали бы так тщательно скрывать. Я хотел выяснить, с какой целью ее так прятали. У меня не было реальных причин ожидать, что обнаружение Земли автоматически решит эту проблему, но я был в отчаянии и не мог больше ни о чем думать. Возможно, стремление Дэниела получить ребенка с Солярии усилило мою тягу к путешествиям.

Во всяком случае, мы наконец достигли Земли, а затем и Луны, и Блисс обнаружила сознание Дэниела, которое он, конечно, преднамеренно обнаружил. Она описывала этот разум как нечто не человеческое, но и не относящееся к роботам. Задним числом это утверждение имело смысл, так как мозг Дэниела далеко превосходит мозг любого из существовавших роботов и не должен восприниматься как простой разум робота. Однако он ни в коем случае не напоминает человеческий. Пелорат охарактеризовал его как «нечто новое», и это стало толчком для моего собственного «чего-то нового» – новых мыслей.

Точно так же, как давным-давно Дэниел со своей коллегой выработали четвертый Закон роботехники, более фундаментальный, чем три других, так и я смог внезапно увидеть третью базисную аксиому психоистории, более фундаментальную, чем две другие; настолько фундаментальную, что никто даже и не позаботился упомянуть ее.

Вот она. Две известные аксиомы касаются людей, и они основаны на той невысказанной аксиоме, что люди – единственные разумные существа в Галактике и, следовательно, единственные, чьи действия имеют значение для развития истории и общества. Итак, неизвестная аксиома: «В Галактике есть только одно разумное существо и это – Homo Sapiens». Если бы возникло «что-то новое», если бы нашлись другие разумные формы жизни, отличные

от людей по своей природе, тогда их поведение не описывалось бы точно математическим аппаратом психоистории и План Селдона не имел бы смысла. Понимаешь? – Тревайз чуть не дрожал от сильнейшего стремления быть правильно понятым. – Понимаешь? – повторил он.

– Да, понимаю, но как адвокат дьявола, дружочек.

– Да? Давай.

– Человек – действительно единственное разумное существо в Галактике.

– А роботы? – предположила Блисс. – А Гея?

Пелорат призадумался, а затем медленно произнес:

– Роботы не играют заметной роли в истории человека с момента исчезновения космонитов. Гея не имела значения до недавнего времени. Роботы – творение человека, а Гея – творение роботов, и роботы и Гея, поскольку они связаны Тремя Законами, не имеют иного выбора, кроме как покоряться воле человека. Несмотря на двадцать тысяч лет работы Дэниела и долгое развитие Геи, одно-единственное слово Тревайза, человеческого существа, могло положить конец и этой работе, и этому развитию. Из этого следует, что человечество – единственный, имеющий значение вид разумной жизни в Галактике, и психоистория остается в силе.

– Единственная форма разумной жизни, – медленно повторил Тревайз. – Я согласен. Хотя мы так много и часто говорим о Галактике, что не можем понять, что это еще не все. Галактика – это не вся Вселенная. Есть и другие галактики. – Пелорат и Блисс насторожились. Дэниел, как всегда серьезный, слушал Тревайза, медленно поглаживая волосы Фаллом. – Слушайте дальше, – продолжил Тревайз. – За пределами Галактики находятся Магеллановы Облака, в которые еще не проникали наши корабли. За ними – другие небольшие галактики, а неподалеку – гигантская Туманность Андромеды, которая больше нашей. И дальше – миллиарды других.

В нашей Галактике развилась только одна форма разума, достаточно мощного, чтобы построить технологическое общество, но что мы знаем о других? Наша может оказаться нетипичной. В некоторых других – возможно, даже во всех – могут быть различные конкурирующие разумные расы, сражающиеся друг с другом, и каждая – непостижима для нас. Возможно, эта взаимная борьба полностью поглощает их внимание, но что, если в одной из галактик какая-либо из рас добьется преобладания над остальными и затем получит время поразмышлять над возможностью проникновения в другие галактики?

В гиперпространстве галактика – только точка – как и вся Вселенная. Мы не бывали в иных галактиках, и, насколько нам известно, ни один разумный организм из другой галактики никогда не появлялся в нашей, но такое положение вещей может в один прекрасный день измениться. И если пришельцы явятся, они постараются найти способы повернуть каких-либо людей против всего человечества. До сих пор только мы использовали это в наших междоусобных ссорах. Пришельцы, обнаружившие нас разделенными и воюющими друг с другом, смогут покорить нас всех или вообще уничтожить. Единственная надежная защита – установление Галаксии, которая не может обратиться против самой себя, но встретит пришельцев всей своей мощью.

– Ты нарисовал пугающую картину, – сказала Блисс. – Будет ли у нас время сформировать Галаксию?

Тревайз поглядел вверх, словно пронзая взглядом толстый слой лунных скал, отделяющий его от поверхности и от космоса, словно пытаясь увидеть эти отдаленнейшие галактики, медленно плывущие сквозь невообразимые дали космоса.

– За всю историю человечества, – сказал он, – ни одна другая разумная раса, насколько мы знаем, не нападала на нас. Нам нужно выстоять еще только несколько столетий, возможно, меньше одной десяти тысячной того времени, что уже существует наша цивилизация, и мы будем в безопасности. Кроме всего прочего, – и тут Тревайз почувствовал внезапное сомнение, которым все же заставил себя пренебречь, – ведь сейчас среди нас еще нет врагов.

Но он не посмотрел вниз. Иначе бы встретился глазами с пристальным взглядом Фаллом – гермафродита, способного преобразовывать энергию и вообще не похожего на людей.